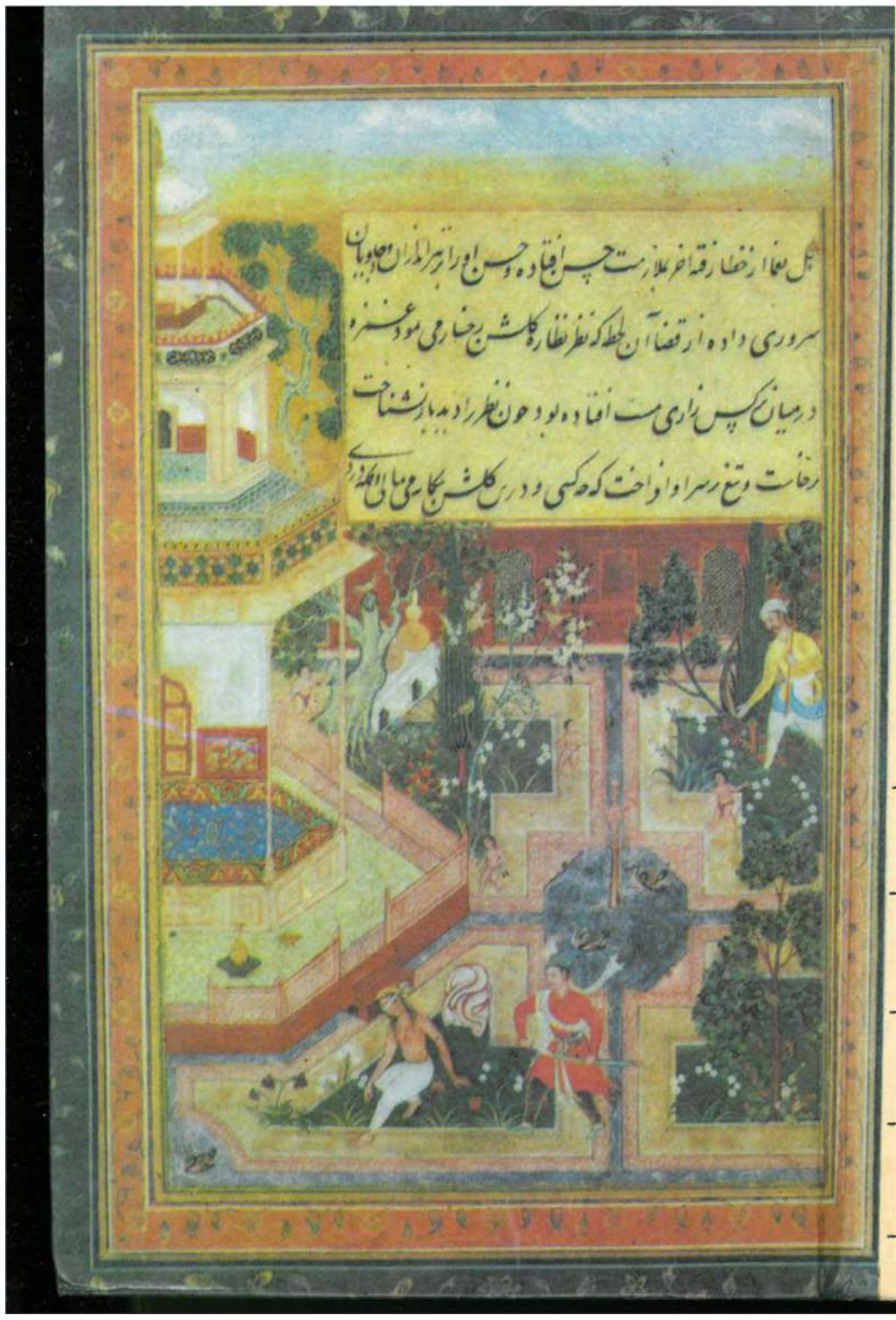
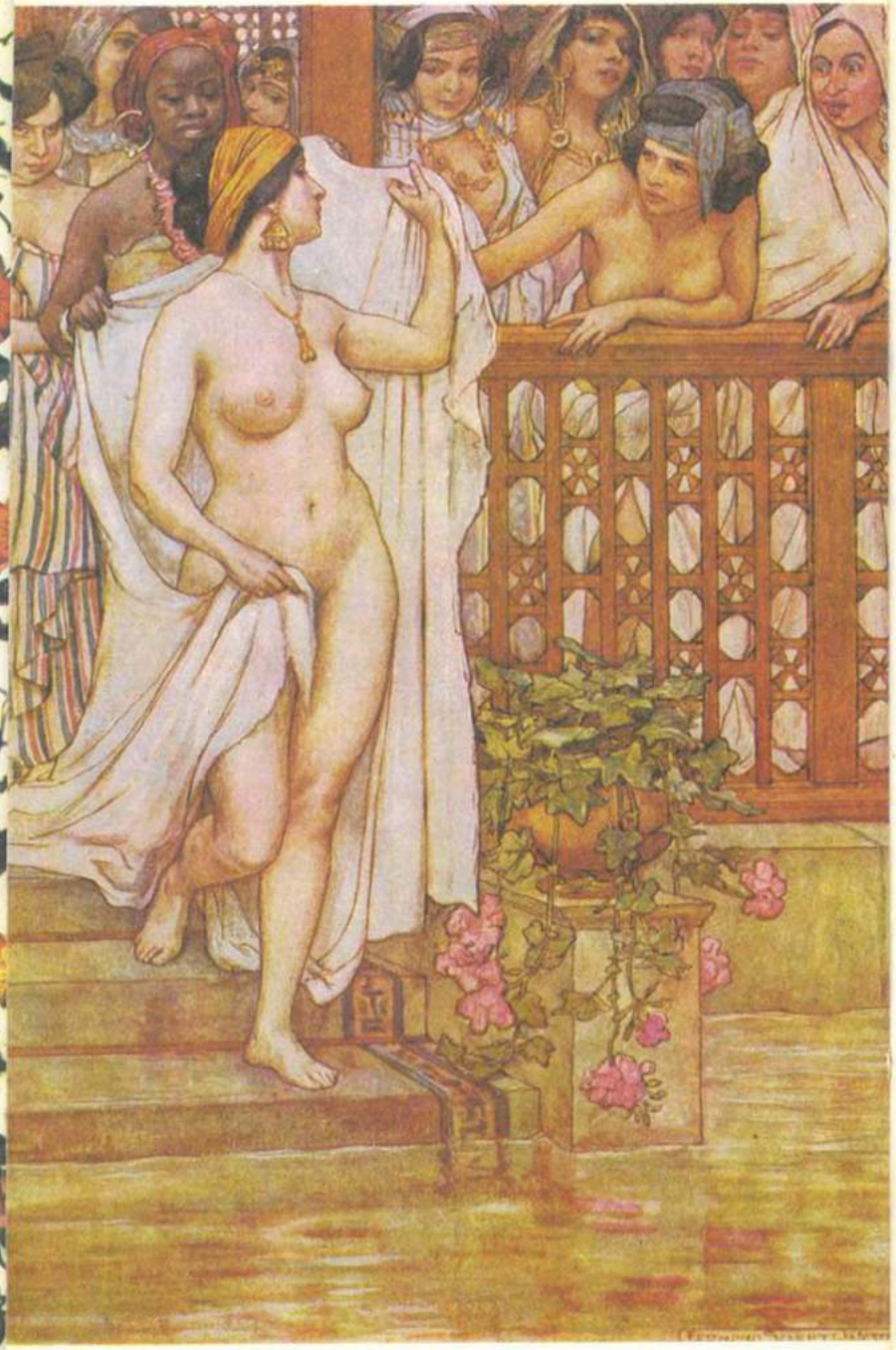
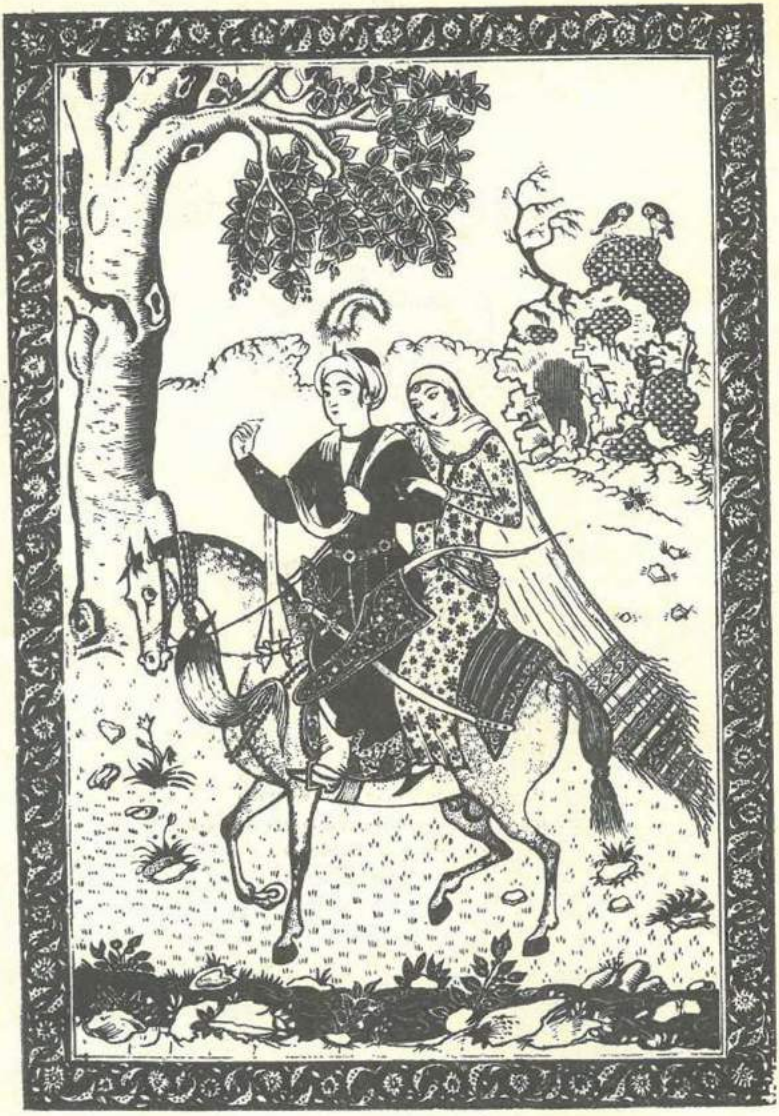


ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ



ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ



ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

СКАЗКИ ВОЛШЕБНЫХ НОЧЕЙ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

В новом переводе с арабского
Иосифа Брояка и Владимира Плачинды,
поэтические переводы —
Александра Ревича

МП «Лаванда»
Киев
1994

ББК 82.3(0)—6
Т93

Важнейшее преимущество нового перевода «Тысячи и одной ночи» перед всеми прежними, издававшимися в России,— воспроизведение рифмованной прозы оригинала и особенности арабского стихосложения — монорима. Путем замены отдельных непристойных слов и выражений, являющихся, как правило, наслоениями средневековых рассказчиков, вся замечательная сокровищница этого величайшего эпоса открывается для семейного и детского чтения. Более трети объема издания составляет дополнительный материал — сказки, повести и рассказы, не вошедшие в рукопись, с которой делалось большинство европейских переводов, в том числе русских, включая 8-томник А. Салье,— под рубрикой «Дополнение...».

Издание иллюстрировано миниатюрами из старинных восточных манускриптов, а также картинами и рисунками европейских художников.

Каждый том — обособленная книга отдельных, не связанных между собой произведений.

Послесловие и комментарии Иосифа Брояка.

Т $\frac{4703000000}{94}$ Без объявл.

ISBN 5-7707-5339-0 (т. 3)
ISBN 5-7707-5336-6

© Перевод, худож. оформление, 1994.

СКАЗКИ
ВОЛШЕБНЫХ
НОЧЕЙ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
И ДЕТЕЙ

ДИКОВИННЫЕ ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЯ ОМАРА ИБН АН-НУМАНА И ЕГО СЫНОВЕЙ ШАРР-КАНА И ДАУ АЛЬ-МАКАНА

— Дошло до меня, о повелитель,— молвила Шахразада,— что был в городе Мира, в дни правления славного халифа Абд аль-Малика ибн Мервана, царь, которого звали Омар ибн ан-Нуман. Был это могущественный властитель, покоривший многих царей и кесарей, и не знал он горечи поражений. Вступать с ним в поединок не осмеливался никто: когда он был гневен, то из ноздрей его вылетали искры. Под его властью были восток и запад и то, что меж ними,— и Хинд, и Синд, и Китай; и земли аль-Хиджаз, и страны аль-Йемен; и острова Индии и Китая; и страны севера; и Диар-Бекр, и Земля Черных; и все, какие есть знаменитые реки,— Сейхун и Джейхун, Нил и Евфрат. И послы во всех его владениях доносили Омару, что никто не перечит царским указам, напротив — превозносит их справедливость и благодарит Аллаха, что ниспослал им столь достойного мудрого повелителя. И в знак величайшего уважения отовсюду везли царю дорогие дары и разные диковины.

И был у царя сын по имени Шарр-Кан, похожий лицом и статью на отца. Вырос он отчаянно смелым и решительным, покоряя доблестью даже своих недругов. Отец души в нем не чаял и объявил своим наследником.

И Шарр-Кан рос и достиг возраста мужей, и стало ему двадцать лет жизни, и Аллах подчинил ему всех рабов, настолько он был яростен и суров. А тем временем Омару ибн ан-Нуману стало известно, что одна из его невольниц ждет ребенка. Великая радость охватила его, и он молвил:

— Возможно, это будет мальчик. Ведь пока Аллах даровал мне лишь одного сына — Шарр-Кана.

Шарр-Кан же, узнав сию новость, обеспокоился. «Тот, кто появится на свет,— думал он с тревогой,— будет оспаривать у меня царство! И если будет он мужского рода, нет у меня иного исхода, как убить его».

Невольница, ждавшая ребенка, была румийка, имя ее было Суфия, и была она прекрасна, всех невольниц милее и

красивее их лицом, и при том лучше их всех свою честь соблюдала, умом и блестящей прелестью обладала.

— О царь! — она говорила.— Я Господа небес просила (велика его сила!), чтобы судьба меня сыном одарила. Я могла бы его хорошо воспитать, дать ему глубокие знания и уберечь от соблазнов.

Царю нравились ее слова. Когда настало положенное время, он поручил евнуху тотчас сообщить ему, кто родился — мальчик или девочка. И сын его Шарр-Кан тоже послал человека, чтобы тот, не мешкая, уведомил его о случившемся.

И когда Суфия родила, оказалось, что девочка в мир пришла, и была она лицом яснее, чем луна. Повитухи известили присутствующих об этом, и царский посланец, вернувшись, передал их слова Омару. И Шарр-Кану тоже принесли сию новость, которой он очень обрадовался.

Однако вот что было дальше. Когда евнухи ушли, Суфия сказала повитухам:

— Подождите, это еще не конец.

И она продолжала стонать, и роды пришли к ней опять. Аллах помог ей, и на свет появился второй младенец. Повитухи осмотрели его и увидели, что это прелестный мальчик с сияющим лбом и румяными розовыми щечками.

Когда эта весть дошла до Омара ибн ан-Нумана, он обрадовался безмерно и, войдя в комнату Суфии, поцеловал ее в голову. Потом посмотрел на новорожденного, склонился над ним и прикоснулся губами к его личику. Невольницы забили в бубны, заиграли на музыкальных инструментах. Царь повелел, чтобы новорожденному дали имя Дау аль-Макан, а сестре его — Нузхат аз-Заман. Тут же назначил кормилиц, нянек и слуг, чтобы ухаживать за младенцами, определил, сколько выдавать им сахара, напитков, масла и прочих продуктов, которые бессильно описать перо.

Жители Багдада, узнав о том, какими детьми наделил Аллах царя, украсили город, стали бить в литавры, а эмиры, вазиры и вельможи царства пришли поздравить Омара ибн ан-Нумана с сыном Дау аль-Маканом и дочерью Нузхат аз-Заман. Владыка, поблагодарив их, щедро наградил всех присутствующих — знатных и простолюдинов. И в таком положении он пребывал, пока четвертый год не миновал, и через каждые несколько дней он спрашивал о Суфии своей, о здоровье ее детей и приказал перенести к ней множество драгоценностей, одежд, и украшений, и денег и ей решил поручить образцово детей воспитать-обучить.

Царевич Шарр-Кан, проводивший время в дальних походах, не знал, что у его отца, кроме Нузхат аз-Заман, есть еще ребенок. От него скрывали все, что касалось Дау аль-Макана, пока не прошли дни и годы, он все ходил в походы, все сражался с храбрецами, витязями-удальцами.

И вот в один из дней, когда Омар ибн ан-Нуман сидел, окруженный вельможами, к нему вошли придворные, поцеловали землю меж его рук и сказали:

— О царь, прибыли послы от царя румов, властителя Кустантынии великой. Они желают предстать перед тобой. Если позволишь, мы введем их, а иначе — пусть отправляются восвояси.

Царь разрешил им войти, милостиво встретил прибывших и спросил, кто они и какова причина их приезда. Гонцы поцеловали землю меж его рук и сказали:

— О мудрый владыка, щедрый и великодушный, знай, что нас послал к тебе царь Афридун, властитель стран греческих и войск христианских, пребывающих в царстве аль-Кустантынии. Он извещает тебя, что ныне ведет жестокую войну с упрямым гордецом — властителем Кайсарии. Причина вражды в том, что одному из арабских царей случилось в древности в одном из походов найти клад времен аль-Искандера. Он вывез оттуда несметные богатства. Среди них были три круглых драгоценных камня величиною с яйцо страуса — белые, чистой воды алмазы, равных которым нет в мире. И на каждом были вырезаны греческими письменами присущие им полезные свойства и особенности. Одна из надписей гласила: младенец, на шею которого повесят этот камень, не будет подвержен болезням, избежит болей и лихорадки.

Узнав о тайне каменьев, нашедший клад послал их царю Афридуну вместе с другими ценностями и деньгами. Он снарядил два корабля, один из которых вез подарки, а другой — воинов, дабы охранять их от случайных встреч на море.

Царь арабов надеялся, что никто не посмеет задержать его судна. К тому же путь их пролегал в пределах владений царя Афридуна.

Однако наглые разбойники, среди которых были воины властителя Кайсарии, осмелились посягнуть на чужое добро. Они перебили охрану и захватили все деньги и сокровища, в том числе и три драгоценных камня. Об этом узнал наш царь и послал на вражье отродье войско, но они уничтожили его. Тогда он послал второе войско, сильнее

первого, однако воины властителя Кайсарии обратили его в бегство. Наш царь разгневался и поклялся, что непременно пойдет на врага сам и не возвратится домой, пока не превратит Кайсарию в развалины. И дабы достичь желанной цели скорее, наш повелитель умоляет тебя поддержать его своим войском. Он шлет тебе подарки и просит сделать ему милость — принять их.

Посланцы землю меж рук царя облобызали и ему обо всем рассказали. А потом выложили ему подарки...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 46-я

Когда же сорок шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, посланцы землю меж рук царя облобызали и ему обо всем рассказали. А потом выложили ему подарки: пятьдесят невольниц из земли румов передали и пятьдесят невольников, одетых в парчовые кафтаны с поясами из золота и серебра. А еще у каждого было золотое кольцо с жемчужиной ценою в тысячу мискалей золота. Увидав все это, царь обрадовался и велел оказать послам почести.

Затем он обратился за советом к своим вазирам, спрашивая, как ему поступить. Поднялся один из вельмож — дряхлый старец по имени Дандан, и промолвил:

— О царь, лучше всего, чтобы ты снарядил большое войско и поставил во главе своего сына Шарр-Кана, а мы будем служить ему. Такое решение, по-моему, разумно по двум причинам: во-первых, царь румов обратился к тебе за помощью и прислал подарки, которые ты принял. А во-вторых, помогая соседу, ты обезопасишь от врагов и свои границы. Слава о твоей новой победе разнесется по всем странам, достигнет далеких морских островов, и их жители доставят тебе самые редкостные дары.

Царю пришлись по сердцу такие речи.

— С подобными тебе советуются цари! — молвил он.— Быть тебе в передовых войсках, а мой сын займет место в задних рядах и будет во всем слушаться тебя.

И он велел призвать Шарр-Кана, а когда тот явился, рассказал ему о просьбе послов и о предложении Дандана.

Царь приказал сыну снаряжаться в путь и не перечить вазиру Дандану в его действиях и решениях. И еще велел выбрать из своих войск десять тысяч всадников в полном вооружении, стойких в боях и военных тяготах. Шарр-Кан не медля выполнил наказ отца. Отобрав десять тысяч закаленных в битвах воинов, он сделал им смотр, раздал деньги и дал три дня срока на сборы. Покорные его приказу войска принялись готовиться к походу.

В приготовлениях промелькнули три дня, и вот войска вступили в окрестности города Багдада. Омар ибн ан-Нуман вышел проститься с Шарр-Каном. Тот поцеловал перед ним землю, и царь подарил ему семь мешков денег. Потом, обратившись к вазиру Дандану, поручил ему войска своего сына.

— Слушаю и повинуюсь,— обещал тот.

А Шарр-Кану царь велел советоваться с вазиром во всех делах. Через некоторое время забили барабаны, зазвучали трубы, развернулись боевые стяги, и войска тронулись. Шарр-Кан и вазир Дандан ехали рядом, а знамена трепетали над их головами. Воины двигались без остановки, пока день не повернул к закату и не устлала землю ночная тьма. И спешились они, и провели эту ночь в шатрах, а когда засветил утро Аллах, сели на коней и, ускоряя ход, ехали двадцать дней, а послы указывали им дорогу. На двадцать первые сутки подошли к долине, широко раскинувшейся среди деревьев и кустарников.

Шарр-Кан решил осмотреть эту долину, пока воины его отдыхают. Однако он очень устал и уснул прямо в седле. Когда же пробудился, то увидел себя в какой-то роще, среди деревьев. Впереди лунным светом была залита поляна, подобная райскому лугу, и Шарр-Кан услышал там нежные речи и звонкий смех, способный пленить даже самого сурового мужа.

Шарр-Кан спрыгнул с коня и, привязав его к дереву, направился на поляну. Теперь он хорошо различал женский голос, говоривший по-арабски:

— Клянусь Мессией, всякую, кто произнесет хоть слово, я повалю на землю и свяжу поясом!

Сделав еще несколько шагов, Шарр-Кан увидел девушку в окружении десяти невольниц в богатых одеждах и украшениях, поражающих воображение. О таких говорится в стихах:

На лугу полно красавиц
С белоснежным нежным телом,

От красы их луг зеленый
Райским кажется пределом.

Им простительно лукавство,
Сим прелестницам умелым.

Кудри этих дев подобны
Виноградным лозам спелым.

Взоры их сразить способны,
Нас язвят подобно стрелам.

Эти взоры смертоносны
И опасны даже смелым.

Сама же их госпожа была еще краше.

— Я хочу состязаться в борьбе с каждой из вас прежде, чем скроется месяц и настанет утро,— говорила красавица своим невольницам.

И вот каждая из них подходила к госпоже, и та на землю ее повергала, руки поясом ей вязала. Борьба продолжалась до тех пор, пока не были побеждены все.

Тогда к победительнице обратилась старуха, стоявшая рядом, и сердито сказала:

— О негодница молодая, не хвастай, что их победила, я вот старуха, седая, а всех сорок раз повалила. Если ты так уж сильна, попробуй одолеть меня, а потом уж хвастайся.

— О госпожа моя, Зат ад-Давахи,— пробормотала красавица,— заклинаю тебя Мессией, будешь ли ты в самом деле бороться или шутишь со мной?..

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 47-я

Когда же сорок седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка спросила:

— О госпожа моя, Зат ад-Давахи, будешь ли ты бороться со мной?

— Да,— ответила старуха,— я буду бороться с тобой, и буду бороться обнаженной, о негодница!

Она сняла одежду, потом взяла шелковый платок, скрутила его и обвязала вокруг пояса, став похожей на пятнистую змею.

— Делай же так, как я,— сердито сказала она девушке.

Та неспешно поднялась и, взяв йеменский платок, дваж-

ды обвязалась им. Потом засучила свои шальвары, так что стали видны ноги. И схватились, по земле покатились. Наблюдая, Шарр-Кан молился Аллаху, желая, чтобы победа досталась прекрасной девушке. И та, взяв свою противницу левой рукой за перевязь на поясе, а правой за шею, подняла над собой. Старуха пыталась вырваться из цепких рук, но куда там! — и брошенная наземь она упала, задрав ноги кверху. Видя это, Шарр-Кан захохотал, да так, что сам свалился на землю.

Между тем девушка подошла к старухе, помогла ей подняться и надеть платье, а затем виновато промолвила:

— О госпожа моя Зат ад-Давахи, в пылу поединка я, возможно, переусердствовала. Прости меня за это. Я всего лишь хотела показать один прием, но ты словно выскользнула у меня из рук.

Старуха, ничего не ответив, отвернулась и с гримасой стыда на лице пошла прочь. Девушка же осталась одна, если не считать лежавших на земле связанных невольниц.

И Шарр-Кан сказал сам себе:

— Всякому делу есть причины и пределы. Сон напал на меня, и сноровка коня в это место меня привела, до девичьих ласк и тепла. Эта девушка, может, и те, что с ней, станут добычей моей.

И пошел он к коню, сел на него и ударил его ногою, конь помчался стрелою, и в руках Шарр-Кана был его меч, и сиял его лик, и кричал он:

— Аллах велик!

И когда девушка увидала его, она поднялась на ноги, и стала на берег потока (а шириной он был в шесть локтей, по мерке рабочим локтем), и прыгнула, и оказалась на другом берегу. И она поднялась, и крикнула, возвысив голос:

— Кто ты, о человек? Ты прервал нашу радость, и обнажил свой меч, и на нас двинулся, словно на целое войско ринулся. Откуда ты и куда направляешься? Будь правдив в речах, ибо правдивость для тебя полезней, и не лги: лишь скверные лгут и враги. Нет сомнения, что ты сбился в эту ночь с дороги и приехал в это место, и спастись отсюда — величайшее для тебя чудо. Ты сейчас находишься на лугу, и, если бы мы позвали, к нам бы четыре тысячи патрициев примчали. Скажи же нам, чего ты хочешь? Если ты желаешь, можем указать тебе дорогу, можем подарками одарить, слава Богу.

И, услышав ее слова, ответил Шарр-Кан:

— Я чужеземец, из мусульман. Сегодня ночью я отпра-

вился один в поисках добычи и нашел этих десять девушек в эту лунную ночь. Это будет добыча моя — приведу их товарищам я.

— Знай,— ответила девушка,— что до этой добычи тебе не добраться. Не твои они, видит Пророк. Ты же слышал, что лживость — порок?

— Умен тот, кто поучает на примере другого,— отвечал Шарр-Кан.

И она воскликнула:

— Ты погибнуть от рук моих можешь, Мессией клянусь. Этого я и боюсь. А не то я бы криком таким закричала — лугом конница б мигом примчала, да пехота наполнила б даль, но тебя, чужеземец, мне жаль. И если ты хочешь добычи, то я требую от тебя: сойди с коня и поклянись мне твоей верой, что ты не приблизишься ко мне ни с каким оружием. Мы с тобой поборемся, и, если ты меня повалишь, клади меня на твоего коня и бери нас всех, как добычу. Если же я возьму верх, ты будешь в моей власти. Поклянись же, что не обманешь меня.

«Ей не ведомо, что я славнейший среди витязей»,— подумал Шарр-Кан и воскликнул:

— Клянусь Пророком, да благословит его Аллах! Я готов к поединку.

— Поклянись же еще тем, кто вложил души в наши тела и дал людям законы, что ты не причинишь мне зла, иначе умрешь, отторгнутый от веры ислама.

— Клянусь Аллахом, даже кадию я не дал бы клятвы крепче и нерушимее!

И, приготовившись к единоборству, он крикнул девушке:

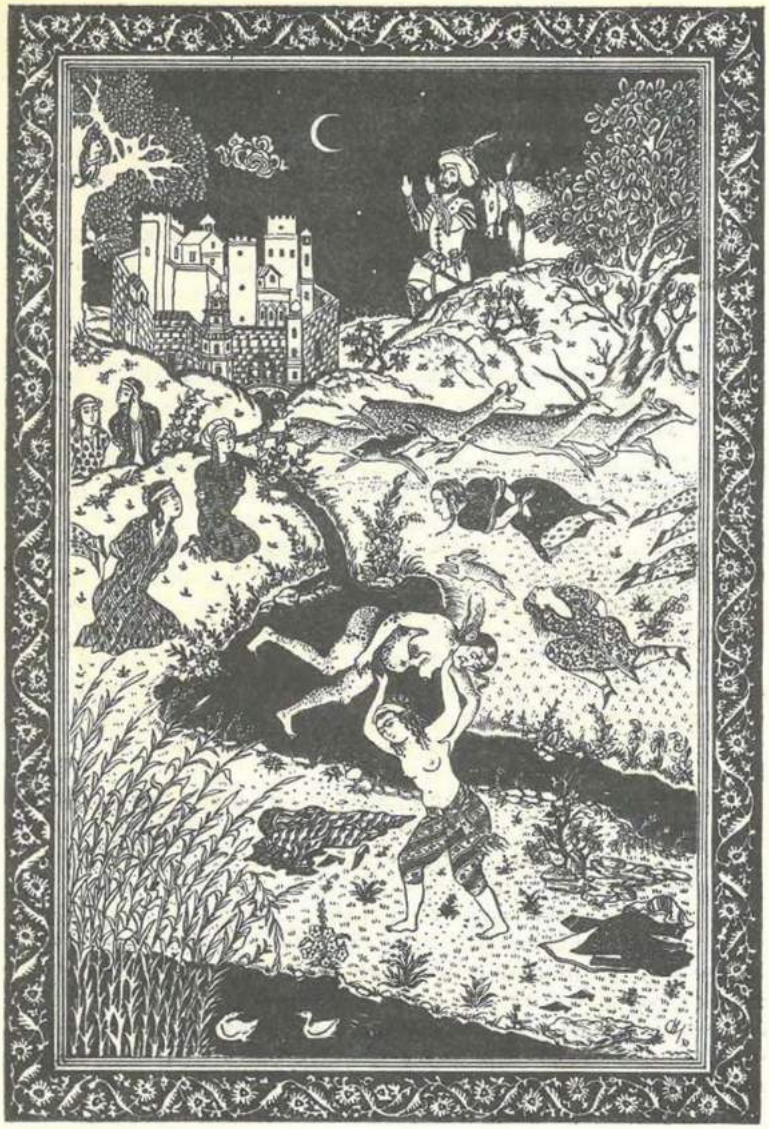
— Переходи на этот берег!

— А может быть, ты переправишься ко мне?

— Я не могу этого сделать,— отвечал Шарр-Кан.

Тогда девушка подобрала подол своего платья и, снова прыгнув, словно газель, оказалась рядом с царевичем. Шарр-Кан склонился к ней и восхищенно захлопал в ладоши. Он был ошеломлен ее красотой и прелестью. Лишь ветры счастья и удачное сочетание звезд при рождении способны были сотворить столь совершенный образ, пленяющий своим очарованием.

— Эй, мусульманин, начнем бороться, прежде чем взойдет заря! — крикнула девушка и обнажила руки молочной белизны, отчего вокруг стало светлее. Они стали бороться, и рука Шарр-Кана оказалась на тонкой талии красавицы и, почувствовав тепло девичьего тела, юноша понял, что не в



силах бороться. Мышцы его ослабели, и тогда девушка подняла его и, бросив об землю, села ему на грудь.

— О мусульманин,— молвила она,— вам дозволено убивать христиан, но как ты посмотришь на то, что сам будешь лишен жизни?

— О госпожа моя, наш пророк Мухаммад, да благословит его Аллах, запретил убивать женщин, детей, старцев и монахов.

— Если это так, то и нам должно проявить сострадание. Вставай же, я дарю тебе жизнь, ибо милость, оказанная человеку, рождает в ответ милосердие.

Девушка поднялась с груди Шарр-Кана, и тот встал, отряхиваясь от пыли.

— Как же так,— насмешливо сказала его соперница,— у того, кто вступает в землю румов, желая добычи, нет силы, чтоб от слабой женщины защититься?

— Ты не силой меня повалила — красота твоя победила,— ответил Шарр-Кан.— Если ты согласишься еще на одну схватку, то окажешь мне милость.

— Я готова,— засмеялась девушка,— вот только невольницы долго связанными лежали, их бока и руки устали. Если такая судьба, затянется наша борьба.

Она подошла к невольницам, плечи их развязала и на языке румов сказала:

— В безопасное место уйдите сейчас, пока не пройдет у него охота до вас.

Невольницы ушли, оглядываясь, а Шарр-Кан смотрел на них. Затем противники подошли друг к другу, и царевич одним ловким движением прижал девушку к себе. Почувствовав это, она быстрее разящей молнии подняла его на руках и бросила на землю. Он упал на спину, а девушка наклонилась над ним и сказала:

— Встань, я дарю тебе жизнь во второй раз. В первый тебе была оказана милость ради твоего Пророка, ибо он объявил недозволенным убивать женщин, а сейчас — из-за твоей слабости и твоих юных лет, а еще потому, что ты чужеземец. Но если в мусульманском войске, присланном Омаром ибн ан-Нуманом в помощь царю аль-Кустантынии есть кто-нибудь сильнее тебя, то пришли его ко мне.

— Клянусь Аллахом, о госпожа моя,— рассердился Шарр-Кан,— ты повалила меня не силой, а своим прекрасным телом. Ведь мы, жители Ирака, неравнодушны к крутым бедрам. Твой вид ослепил меня и лишил разума... Давай-ка еще поборемся, ибо я чувствую, что силы вернулись ко мне.

— Чего ты хочешь добиться, о побежденный? — усмехнулась девушка.— Ладно уж, давай еще раз бороться, но знай, это будет последняя наша схватка.

Она склонила стан и приготовилась к поединку. Шарр-Кан тоже нагнулся и, разозлившись не на шутку, решил стойко держаться. Они поборолись немного, и девушка ощутила в своем противнике силу, которой не было прежде.

— О мусульманин, ты не желаешь сдаваться? — сказала она.

— Да,— отвечал Шарр-Кан,— ведь осталась только эта схватка, а после каждый из нас уйдет своей дорогой.

В ответ на эти слова она расхохоталась, так что Шарр-Кан тоже не выдержал и замеялся. В это самое мгновение девушка неожиданно схватила его за бедро бросила на землю, и он упал на спину.

— Наверное, ты питаешься отрубями,— стала она смеяться, над ним издеваться.— Ведь ты, как бедуинский колпак, валишься от первого толчка или, как надувной мячик, падаешь от ветра. Возвращайся в свое войско и пришли нам более стойкого мужа, чем ты. Оповести арабов и персов, турок и дейлемитов: пусть всякий, у кого есть сила, придет к нам.

Она прыгнула через реку и, оказавшись на другом берегу, добавила со смехом:

— Мне тяжело расставаться с тобой, о владыка мой! Но все же торопись к своим товарищам, чтобы не пришли витязи-молодцы и не взяли тебя на копий зубцы. Если нету от женщины сил защититься, как же с мужами будешь ты биться?

Девушка повернулась, чтобы идти прочь, а Шарр-Кан, смущенный и обескураженный, воскликнул ей вдогонку:

— О госпожа, неужто ты уйдешь и оставишь несчастного влюбленного чужеземца с разбитым сердцем?

Она, остановившись, оглянулась и, улыбаясь, сказала:

— Что тебе нужно? Я согласна выполнить твою просьбу.

— Могу ли я, ступив на твою землю и узнав сладость твоей милости, возвратиться к себе, не отведав твоих угощений? Тем более, что теперь я один из твоих слуг,— сказал Шарр-Кан.

— Владыка мой, в милости отказывает только дурной! Пожалуй, во имя Бога на голове и на глазах, ты у меня в гостях — садись на коня и езжай над потоком напротив меня.

Шарр-Кан обрадовался и поспешил к своему скакуну. Он ехал, не останавливаясь и не упуская из вида девушку, которая шла по противоположной стороне, пока не достиг моста

из тополиных бревен. Там царевич увидел невольниц, которые боролись со своей госпожой. Они стояли, ожидая ее. Приблизившись, девушка сказала одной из них на языке румов:

— Подойди к юноше, возьми его коня за узду и проводи к монастырю.

Так Шарр-Кан переправился через реку.

«О, если бы вазир Дандан был здесь со мною! — думал он.— Пусть бы его глаза узрели эти прекрасные лица».

Затем он обратился к девушке:

— О дивная краса, диво неземное, теперь у меня на тебя право двойное: право дружбы и право того, кто воспользовался твоим гостеприимством и пришел в твое жилище. Что, если бы ты соблаговолила поехать со мной в страну ислама, дабы увидеть храбрых владык и узнать, кто я?

В ответ он услышал гневную отповедь:

— Клянусь Мессией, я считала тебя здравомыслящим, но теперь узнала, насколько испорчено твое сердце! Как можешь ты говорить слова, таящие в себе обман? Мне хорошо известно, что если я окажусь у вашего царя Омара ибн ан-Нумана, то уже обратно не вырвусь. Ведь за стенами его замков нет подобной мне, хотя он — владыка Багдада и Хорасана и имеет столько дворцов, сколько в году месяцев, и столько невольниц, сколько в году дней. Он без колебаний захватит меня, ибо вашей верой и вашими книгами это дозволено. Как же ты осмеливаешься говорить мне такие слова! И еще ты желаешь, чтобы я узнала, кто ты. Но я оказываю тебе милость не ради твоего высокого сана, а ради своей чести. Не смей больше говорить со мной так, ибо я бы не стерпела подобных слов даже от Шарр-Кана, сына Омара ибн ан-Нумана.

— Ты слышала о Шарр-Кане? — удивился царевич.

— Да, и мне известно о его прибытии в нашу страну с десятью тысячами всадников. Его отец Омар ибн ан-Нуман прислал войско, чтобы поддержать царя аль-Кустантынии. Если бы вместо тебя появился Шарр-Кан, я бы и его одолела, взяла в плен и заковала в цепи.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 48-я

Когда же сорок восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка сказала:

— Если бы вместо тебя появился Шарр-Кан, я бы и его одолела, взяла в плен и заковала в цепи.

Услышав такое, царевич в гневе хотел броситься на дерзкую девушку, открыть свое имя, но ее красота остановила его.

Девушка пошла вперед, а Шарр-Кан следовал за ней, любуясь ее тонким станом и легкой походкой и повторяя про себя такие стихи:

Ее красотою оправдан сполна
Любой ее грех и любая вина.

Узрев ее лик, я вскричал пораженный:
«Что вижу я! Полная светит луна!

Царицы Балкис не страшны ей ифриты,
Любого из них околдует она».

Они шагали, не останавливаясь, пока не достигли ворот с мрачными сводами. Девушка открыла их и вместе с Шарр-Каном направилась ко входу в длинную галерею со сводчатым потолком в виде десяти арок, под каждой из которых, словно огненный луч, горел светильник из хрусталя. В конце их встретили невольницы с благовонными свечами. На голове у каждой была повязка, расшитая драгоценными камнями. Они шествовали впереди, указывая Шарр-Кану путь, и наконец пришли в монастырь. Царевич удивился, увидев одно ложе возле другого, тесно заставившие все пространство. Над ними были опущены занавеси, окаймленные золотым шитьем, пол устилал разноцветный мрамор, а посреди помещения — двадцать четыре золотых фонтана взметали серебром водяных струй. Тут же на возвышении Шарр-Кан увидел устланное царским шелком ложе, и девушка, указав на него, промолвила:

— О мой владыка, войди, на это ложе взойди.

Шарр-Кан так и сделал, а хозяйка удалилась и некоторое время отсутствовала. Когда юноша спросил о ней, ему ответили:

— Она ушла в свою опочивальню, а мы будем прислуживать тебе, как нам велено.

Ему подали диковинные кушанья, и он ел, пока не насытился; а после принесли золотой таз и кувшин из серебра, и он помыл руки. И вспомнил Шарр-Кан наконец, как наставлял его отец, вспомнил о своем войске и обеспокоился, ибо не знал, что случилось после его отъезда; и еще подумалось юному царевичу, что он забыл наставления отца. Пока не настал день, он все вздыхал и печалился.

Его горестные раздумья прервало шествие более двадцати прекрасных невольниц, окружавших госпожу, и была среди них она, как меж звезд луна. Голову ее украшала сетка из жемчужин, перемежающихся с изумрудами и сапфирами. Расшитый драгоценными камнями пояс на платье из царской парчи подчеркивал гибкость стана. Ее походка была гордой и величавой, точно она несла на голове хрустальный кувшин.

Увидев девушку, Шарр-Кан совсем потерял голову. Он даже забыл о своем войске.

Девушка долго всматривалась в юношу, словно не узнавая его, и наконец промолвила:

— Это место озарено и освящено тобой, о Шарр-Кан! Как провел ты ночь, о богатырь, после того, как мы ушли и оставили тебя? Только, прежде чем ответить, вспомни, что ложь из уст царей — большой порок. Ты — Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана. О царевич, лишь правду жду, ибо ложь порождает ненависть и вражду. Стрела судьбы пронзила тебя, и тебе надлежит покориться и быть довольным.

— Да, я — Шарр-Кан,— ответил юноша,— сын Омара ибн ан-Нумана, по воле рока заброшенный в эти края. Поступай же теперь со мной, как знаешь.

Девушка низко склонила голову и долго сидела так, а потом промолвила:

— Успокой свою душу и остуди горячность. Ты — мой гость и находишься под моей защитой и покровительством Мессии, поэтому ничто тебе не грозит.

Затем девушка заговорила с одной из невольниц на языке румов, и та вскоре принесла чашу и столик с кушаньями. Однако гость не прикасался ни к чему, ибо по-прежнему опасался, что девушка, зная, кто он, решила погубить его и положила в еду какой-нибудь яд.

Хозяйка поняла его затаенные мысли и сказала:

— Клянусь Мессией, в этих кушаньях нет ничего такого, что ты подозреваешь! Если бы вынесла я приговор, уже убила б тебя до сих пор.

Она подошла к столику и отведала по кусочку из каждого блюда. Тогда и Шарр-Кан решился, и они вместе ели, пока не насытились. А когда вымыли руки, девушка поднялась и велела невольнице принести цветы и сосуды для питья — золотые, серебряные и хрустальные. И еще — всевозможные напитки. Невольница, не мешкая, принесла все, что было приказано. Госпожа, наполнив кубок, выпила первой, а затем налила снова и подала Шарр-Кану.

Она до тех пор пила сама и поила Шарр-Кана, пока он совсем не потерял рассудок, опьяненный вином и любовью.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 49-я

Когда же сорок девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка до тех пор пила сама и поила Шарр-Кана, пока он совсем не потерял рассудок, опьяненный вином и любовью.

Затем она обратилась к невольнице:

— Марджана, подай нам музыкальные инструменты.

— Слушаю и повинуюсь! — ответила та и, скрывшись на мгновение, принесла дамасскую лютню, персидскую арфу, татарскую флейту и египетский канун. Госпожа взяла лютню, настроила ее и, перебирая струны, запела нежным голосом, который был мягче ветерка и слаще вод Таснима и шел из самого сердца:

Пусть счастливо будет тобою плененное сердце
И весело око, чей сон ты украл и покой.

Я жизнью пожертвую ради тебя, мой властитель,
Ты вправе предать меня смерти, судья дорогой.

Шарр-Кан был очарован.

— О мусульманин, разве ты понял, о чем я пою? — спросила девушка.

— Нет,— ответил Шарр-Кан,— но я восторгаюсь красотой твоих пальцев.

Девушка засмеялась и сказала:

— Если я спою по-арабски, любо тебе будет слушать?

— Я совсем сойду с ума! — воскликнул Шарр-Кан.

Тогда она взяла лютню и запела:

Разлука — нет горше печали,
Ее мы осилим едва ли.

Мне три повстречались беды:
Разлука, дороги и дали.

Закончив петь, она взглянула на Шарр-Кана и увидела, что от сильного волнения он впал в забытье. Бесчувственный лежал перед нею, но через минуту очнулся и начал восхи-

щаться ее голосом. Они стали пить и веселиться, пока день не повернул к закату и ночь не распростерла свои крылья над землей. Тогда госпожа ушла в свою опочивальню, а Шарр-Кан, глядя ей вслед, воскликнул:

— Храни и оберегай ее Аллах!

А когда наступило утро, к нему пришла невольница и сказала:

— Моя госпожа зовет тебя.

Шарр-Кан поднялся и пошел за ней. Когда приблизился к покоям девушки, невольницы с бубнами и свирелями открыли перед ним дверь из слоновой кости, украшенную жемчугом и драгоценными камнями. Они оказались в огромном зале с окнами, выходящими на каналы, вдоль которых зеленели деревья. Царевича поразили статуи, которые под влиянием воздушных струй, попадающих в них, издавали звуки, похожие на человеческие голоса. На возвышении, устланном яркими шелками, сидела девушка. Увидев Шарр-Кана, она поднялась ему навстречу, взяла за руку, усадила рядом с собой и спросила, как он провел ночь. Шарр-Кан поблагодарил ее.

Они сидели, разговаривая, и девушка спросила:

— Знаешь ли ты стихи о влюбленных, плененных страстью?

— Знаю и охотно прочитаю тебе,— ответил Шарр-Кан.

Пусть Азза пребудет во здравье, не ведает хвори!
Всегда моей честью играет она мне на горе.

Свидетель Аллах, только крохи она мне дает,
Я к ней приближаюсь, она удаляется вскоре.

Услышав эти строки, девушка промолвила:

— Кусейир был красноречив и целомудрен, восхваляя прелесть Аззы такими словами:

Если бы Азза соперничать с солнцем решила,
Суд бы третейский признал пораженье светила.

Женщины без перебоя мне Аззу хулят,
Кожу их щек на подошвы она б не купила.

Потом она спросила:

— О царевич, знаешь ли ты что-нибудь из речей Джамиля Бусейне?

— Они всегда в моей памяти и в моем сердце,— ответил Шарр-Кан.— Вот послушай:

Говорят: «Эй, Джамиль, ты сражайся за веру свою!»
А к чему мне война? Лишь красавицам долг воздаю.

Кто бывал среди них, тот изведал, сколь сладки их речи,
Тот, кто ими сражен, погибает, как воин в бою.

— Какие дивные стихи и как ты чудесно их прочитал! — воскликнула девушка.— Но поясни, что хотела сделать с Джамилем Бусейна, когда он в ответ произнес такие слова:

Хочешь меня ты убить?

— О госпожа,— отвечал царевич,— она хотела сделать с ним то же, что ты хочешь сделать со мной, хотя тебе даже этого недостаточно.

Она засмеялась и налила в кубок Шарр-Кана вина. Они пили, и беседовали, и веселились, пока день не повернул к закату и не приблизилась мрачная ночь. Тогда девушка поднялась и ушла в свою опочивальню, а Шарр-Кан заснул и проспал до самого утра. Пробудившись, увидел невольниц с бубнами и музыкальными инструментами, которые поцеловали землю меж его рук и сказали:

— Во имя Аллаха! Пожалуй за нами, наша госпожа призывает тебя.

И Шарр-Кан под звуки музыки пошел, окруженный невольницами. Его привели в покой, больший по размерам, чем первый, стены которого были украшены изображениями птиц и зверей неописуемой красоты.

Увидев царевича, девушка встала, взяла его за руку, посадила рядом с собою и спросила:

— Искусен ли ты, о сын царя Омара ибн ан-Нумана, в игре в шахматы?

— Да,— ответил Шарр-Кан,— но ты не будь похожей на ту, о которой сказал поэт:

Страсть то отпустит, то снова берет в оборот,
Жажду смягчает любви утоляющий мед.

В шахматы с милой играл я за черных и белых,
Но проиграл, мне, как видно, в игре не везет.

Мнилось, король мой на месте ладьи оказался
И норовит нападать на ферзя, сумасброд.

Хозяйка пододвинула к нему шахматную доску, и началась игра. Но всякий раз, когда Шарр-Кану следовало сделать ход, он с восхищением смотрел на девичье лицо и, забывая обо всем на свете, ставил коня на клетку слона, а слона на клетку коня.

— Если ты играешь так,— засмеялась девушка,— то, значит, просто не умеешь.

— Это первая игра, не считай ее! — воскликнул Шарр-Кан.

Но она обыграла его во второй и в третий раз, а потом еще в четвертый и в пятый и наконец сказала:

— Ты во всем побежден!

— О госпожа,— взмолился царевич,— тому, кто играет с тобой, как не быть побежденным?!

Она улыбнулась в ответ и велела принести кушанья. Они поели и вымыли руки, потом пили вино из золотых кубков, а после девушка взяла канун (она была умелой в игре на кануне) и произнесла под музыку стихи.

Веселье продолжалось, пока не наступила ночь. И снова девушка поднялась и ушла в свою опочивальню. Тогда Шарр-Кан лег на ковер и проспал до утра.

Невольницы, как обычно, пришли к нему с бубнами и музыкальными инструментами и, когда он поднялся, отвели его к девушке. Приветствуя красавицу, Шарр-Кан пожелал ей долгих лет жизни, а она взяла лютню и произнесла:

Позабудь о разлуке, мой друг.
Горек привкус всегда у разлук.

На закате, в минуты прощанья
Даже солнце желтеет от мук.

Они наслаждались музыкой и пением, как вдруг услышали шум и увидели толпу мужей, в руках которых блестели обнаженные мечи.

— Ты попался,— говорили они на языке румов,— о Шарр-Кан, не сомневайся, что гибель твоя близка!

Услышав эти слова, Шарр-Кан подумал: «Клянусь Аллахом, эта девушка подстроила мне ловушку и тянула время, пока не пришли ее люди, те витязи, которыми она меня устрашала. Я сам себя ввергнул в погибель!»

Он обернулся к девушке с упреком на устах, но увидел, что при виде вооруженных людей ее лицо изменилось и побледнело. Она вскочила на ноги и крикнула:

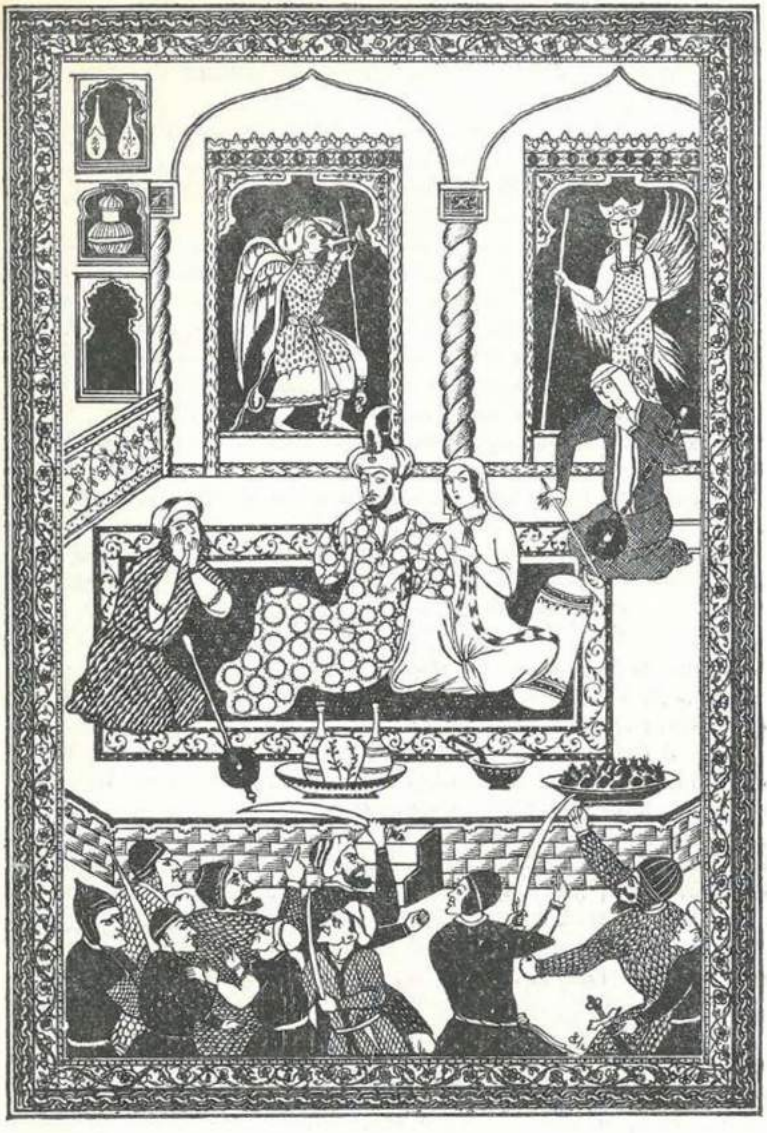
— Кто вы?

Патриций, возглавлявший мужей, ответил:

— О благородная царица и прекраснейшая жемчужина, разве не знаешь ты, кто рядом с тобой?

— Нет, не знаю,— промолвила девушка.

— Это разрушитель городов Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана. Тот, кто завладел крепостями и городами, всеми неприступными местами,— отвечал предводитель.— Молва о нем дошла до царя Хардуба, твоего отца, из уст ста-



рой госпожи Зат ад-Давахи. И слава тебе, что ты помогла войску румов, захватив этого могучего и беспощадного льва!

Девушка грозно взглянула на патриция и спросила:

— Как твое имя?

— Мое имя Масура, я сын твоего раба Маусуры ибн Кашарда, патриция среди патрициев.

— Как же ты, не спросясь разрешения, вошел ко мне без позволения?

— О госпожа, когда я оказался у двери, меня не задержали ни придворный, ни привратник, напротив — все поднялись и пошли впереди нас. Но излишний спор, теперь не время затягивать разговор. Царь ждет нашего возвращения с Шарр-Каном, в котором сила исламского воинства. Убьем его, тогда его войска вернутся туда, отколь пришли, вестимо, сражаться не придется с ними.

— Значит, госпожа Зат ад-Давахи солгала,— молвила на это девушка.— Клянусь Мессией, что тот, кто находится подле меня, не Шарр-Кан, и этот достойный муж сам явился к нам, попросив гостеприимства, и мы приняли его как гостя. К царю ты, моему отцу, ступай и землю перед ним облобызай и расскажи ему, что все не так, как поведала ему госпожа Зат ад-Давахи.

— О Абриза, я не могу вернуться к царю без его соперника,— ответил патриций Масура.

— Вернись к отцу — не услышишь ты укора. Иначе — горе тебе, горе!

— О нет,— сказал в ответ,— вернусь я только с ним.

И цвет лица Абризы стал другим, чернее черного металла. Она решительно сказала:

— Не будь многоречив и упрям! Этот человек вошел к нам, полагаясь на свои силы. Если даже он Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана, то я не позволю вам напасть на него, ибо он мой гость. Ступай отсюда, иначе плохо будет!

Однако патриций Масура возразил:

— Твой гнев не страшит меня, но вот гнева твоего отца я боюсь. И как только увижу Шарр-Кана, дам знак витязям, чтобы они пленили его, а после отведу к царю покоренного и униженного!

— Не бывать этому,— вскричала Абриза,— ибо поступать так глупо. Он один, а вас сто человек. Если хотите сразиться с ним, то выходите на него один за другим, чтобы царю стало ясно, кто среди вас храбрец.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 50-я

Когда же пятидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Абриза сказала:

— Если хотите сразиться с ним, то выходите на него один за другим, чтобы царю стало ясно, кто среди вас храбрец.

— Клянусь Мессией,— воскликнул патриций Масура,— ты говоришь мудро! Но никто, кроме меня, не выйдет на него первым!

— Подожди, пока я поговорю с ним и сообщу о ваших намерениях,— остановила его Абриза.— Посмотрим, каков будет ответ. Если он согласен, то пусть будет по-вашему, но если откажется, то вы не подступитесь к моему гостю.

И она поведала Шарр-Кану обо всем, обрадовав его тем, что, оказывается, никому не говорила о нем, и молва о его делах дошла до царя вовсе не по ее вине.

Выслушав девушку, царевич сказал:

— Один на один им со мной не справиться. Почему бы не выходить десяток за десятком?

— Это для них обидно,— ответила девушка,— пусть выходят один за другим.

Шарр-Кан в военных доспехах и с мечом вскочил на ноги и стал лицом к лицу с врагами. Патриций бросился на него, но храбрый лев встретил его ударом в плечо, так что меч из спины вышел, сверкая, кишки его рассекая. Увидев это, девушка уже не сомневалась в отваге Шарр-Кана. Она поняла, что тогда его свалила не сила — красота девичья победила. Абриза крикнула патрициям:

— Отомстите за вашего товарища!

В борьбу вступил брат убитого — грозный великан. Однако Шарр-Кан, не дав противнику опомниться, ударил и его, и меч из спины вышел, сверкая, кишки его рассекая.

— О рабы Мессии, выходите, за вашего товарища отомстите! — еще раз крикнула девушка.

И они выходили и выходили один за другим, а Шарр-Кан словно бы играл с ними своим мечом, пока не убил пятьдесят воинов. Страх закрался в душу тех, кто остался, и каждый поединка с Шарр-Каном боялся. И вдруг набросились на него все сразу. Но сердце царевича не дрогнуло, и он принялся молотить их точно молотилка, лишив ума и

души. Девушка оглянулась вокруг и громко спросила своих невольниц, остался ли еще кто-нибудь из воинов в монастыре?

— Не видно никого, кроме привратников,— ответили они.

Царевна пошла навстречу Шарр-Кану и обняла его. Вместе они направились во дворец. Те немногие из патрициев, которые уцелели, попрятались в монастырских кельях. Увидев их, девушка вышла в другую комнату и вернулась, одетая в кольчугу из узких колец, с острым индийским мечом в руках.

— Клянусь Мессией, ради своего гостя я не пожалею себя,— промолвила она.— Не оставлю его, даже если буду опорочена из-за этого в странах румов.

Убедившись, что Шарр-Кан справился с восемью-десятью противниками и только двадцать из них успели убежать, завидев ее с оружием, она воскликнула:

— Похвально, витязь! О, не знающий страха, ты достоин Аллаха!

Улыбаясь, она подошла к нему, поцеловала ему руку, как другу, и сняла с себя кольчугу.

— О госпожа моя, зачем ты надела ее и обнажила свой меч? — спросил Шарр-Кан.

— Чтобы защитить тебя от злодеев,— ответила девушка. Затем позвала привратников и строго спросила: — Почему вы позволили приближенным царя войти в мое жилище без разрешения?

— О царевна,— ответили те,— у нас принято не спрашивать дозволения от царских послов, в особенности от великого патриция.

— А я думаю, что вы хотели опозорить меня и убить моего гостя!

И она велела Шарр-Кану отрубить им головы, что он и сделал.

— Что было шито-крыто, теперь открыто,— обратилась госпожа к своему гостю.— Сейчас я поведаю о себе. Знай, что я дочь царя румов Хардуба, и имя мое Абриза. А старуха, которую зовут Зат ад-Давахи,— моя бабка, мать моего отца. Это она рассказала отцу о тебе и непременно придумает какую-нибудь хитрость, чтобы погубить меня. Ведь ей уже известно, что я отделилась и к мусульманам присоединилась, а тут еще ты убил витязей моего отца. Лучше всего мне поскорей уехать отсюда, пока Зат ад-Давахи не настигла меня. Но я хочу, чтобы ты знал: вражда

между мною и моим отцом возникла из-за тебя. Запомни: из-за тебя.

Когда Шарр-Кан услышал эти речи, от радости ум улетел далече. Он расправил плечи и твердо сказал:

— Клянусь Аллахом, до тебя никто не доберется, пока мое сердце бьется. Но сможешь ли ты с отцом расстаться навсегда?

Царевна отвечала:

— Да.

И добавила:

— Теперь моя душа спокойна, но есть еще одно условие.

— Какое же?

— Ты вернешься с войском в свою страну.

— О госпожа,— воскликнул Шарр-Кан,— мой отец Омар ибн ан-Нуман послал меня сражаться с твоим отцом из-за богатств, которые тот захватил. Среди них были три больших камня с многими благословенными свойствами.

— Успокойся и выслушай меня,— перебила его девушка.— Я расскажу тебе о причине нашей вражды с царем аль-Кустантынии. Каждый год у нас бывает праздник, называемый праздником монастыря, когда собираются из всех краев цари, вельможи, купцы, их жены и дочери и живут здесь семь дней. Я тоже приезжаю сюда. А когда между нами возникла вражда, мой отец запретил мне бывать на этом празднике в течение семи лет. Случилось так, что в каком-то году дочери вельмож всех стран, следуя обычаю, прибыли на праздник в монастырь. Среди них была и дочь царя аль-Кустантынии, прекрасная Суфия. Девушки провели здесь шесть дней, а на седьмой уехали.

Суфия пожелала вернуться в аль-Кустантынию только морем. Ей снарядили корабль, и когда она взошла на него со своими приближенными, подняли паруса и отправились в путь. В один из дней вдруг поднялся ветер, и корабль сбился с курса. По воле рока вблизи оказалось судно христиан с Камфарного острова с пятьюстами вооруженными франками, находившимися в море уже длительное время. Заметив белые паруса корабля Суфии и сопровождавших ее девушек, франки поспешно бросились к нему. Они приблизились к борту, накинули на него крючья и потащили судно за собой. Однако ветер вдруг изменился и погнал их в обратную сторону. Вихрь порвал паруса и выбросил оба судна на мель у наших берегов. Мы посчитали их своей добычей, захватили и перебили всех франков. А еще в наших руках оказались сокровища и сорок девушек, среди которых

была царская дочь Суфия. Однако воины не знали о ее высоком происхождении, когда отправили девушек моему отцу. А он выбрал среди них как раз царевну, остальных же отдал своим приближенным. Потом пять красавиц, и среди них царевну, послал в подарок твоему отцу, Омару ибн ан-Нуману, а с ними немного сукна, шерстяных одежд и шелковых римских материй. Отец твой принял подарки и выбрал из пяти невольниц Суфию, дочь царя Афридуна. И вот в начале этого года мой отец получил от него письмо со словами, которых не подобает повторять. «Два года назад,— писал он,— вы захватили мой корабль, который находился в руках разбойников и воров из одного франкского отряда. На нем была моя дочь Суфия и с нею около сорока невольниц. Вы не уведомили меня об этом, и лишь благодаря провидению истина открылась мне. Так вот знайте — если вы не хотите со мной враждовать, то немедленно пришлите мою дочь ко мне! Если же пренебрежете моим повелением и ослушаетесь, я неминуемо воздам вам за ваши скверные поступки и злые деяния».

И это письмо к моему отцу пришло, и, когда он его прочитал, стало ему тяжело. Он раскаялся, что по незнанию задержал у себя Суфию, дочь царя Афридуна, и не вернул ее отцу. Отец мой не знал, что ему делать и как поступить. Не требовать же после такого длительного срока девушку у царя Омара ибн ан-Нумана, тем более, что недавно, как стало известно, невольница Суфия родила ему двух младенцев.

Мы поняли, что это есть великая беда, и отец ничего не мог придумать тогда, кроме как написать ответ царю Афридуну с извинениями и клятвами о своем неведении относительно царской дочери. Он объяснил Афридуну, что послал ее царю Омару ибн ан-Нуману, и теперь у них есть дети.

Получив отцовское послание, царь аль-Кустантынии был вне себя от гнева, метал громы и молнии и кричал:

— Как это он захватил мою дочь, отдал ее, как невольницу, на муки, и она переходила из рук в руки и родила детей без брачной записи! Мессией, истинной верой клянусь, что не отступлюсь, пока не отомщу и не сниму с себя позор. Совершу такое, о чем еще долго будут вспоминать после меня!

Царь Афридун выждал некоторое время, пока не придумал хитрость и не расставил силки. Он направил послов к Омару ибн ан-Нуману и попросил помощи, о которой ты знаешь, верно рассчитав, что твой отец снарядит войско во главе с тобой. Он хочет войско разбить, а тебя схватить.

Что же касается камней, о которых он говорил, когда послание послал, то он солгал: они были у Суфии, и мой отец отобрал их у нее, когда она оказалась в его власти вместе с другими девушками, а после подарил мне, и сейчас они у меня. Отправляйся же к своему войску и поверни его назад, прежде чем оно зайдет далеко в земли франков и румов! Иначе вы распрощаетесь со свободой до самого дня воздания и возмездия. Я знаю, что пока войско твое не двигается с места, как ты приказал три дня назад, хотя, не имея от тебя вестей, воины растеряны и не знают, что им делать.

Услышав эти слова, Шарр-Кан глубоко задумался, решая, как поступить, затем поцеловал руку царевны Абризы и воскликнул:

— О славен наш Аллах святой, что мне послал тебя и спас меня и всех, которые со мной! Как тяжело расстаться мне с тобой. Я не знаю, что с тобою случится, если я оставлю тебя.

— Отправляйся к своему войску и возвращайся с ним назад,— вновь повторила Абриза.— Ты схвати послов коварных — и дела пойдут на лад. А я вскоре нагоню вас, и тогда мы вместе будем и несчастья все забудем.

Шарр-Кан поднялся, чтобы идти. И царевна тоже встала, чтобы проститься с ним, обняла его и горько заплакала.

Так Шарр-Кан расстался с царевной Абризой и вышел из монастыря. К нему подвели коня, он вскочил на него и направился к мосту. Проехав по нему, оказался в роще, а когда миновал ее и пересек луг, вдруг увидел трех всадников. Он насторожился, обнажил меч и стал медленно двигаться вперед. Но, когда всадники приблизились и внимательно всмотрелись друг в друга, Шарр-Кан узнал вазира Дандана и с ним двух эмиров. Они спешились и приветствовали его. Вазир спросил Шарр-Кана о причине его отсутствия. И тот рассказал обо всем, что случилось у него с царевной Абризой, а потом добавил:

— Поскорее оставим пределы этих стран. Послы, прибывшие с нами, наверно, сообщили своему царю о нашем прибытии, и теперь за нами уже гонятся и могут схватить в любой час.

Шарр-Кан велел глашатаю оповестить воинов об отходе, и все поспешно тронулись в обратный путь.

Послы же действительно рассказали своему царю о прибытии Шарр-Кана, и тот снарядил войско, чтобы схватить недруга со всем его войском. Но было уже поздно. Войско Шарр-Кана ехало, не останавливаясь, день, и второй, и тре-

тий... Только через пять суток оно расположилось для отдыха в долине, поросшей лесом. Потом снова воины тронулись дальше и ехали в течение двадцати пяти дней, пока не приблизились к своим землям. К ним вышли местные жители с угощением и кормом для коней. Пополнив запасы продовольствия, войска через два дня направились вглубь своих земель во главе с вазиром Данданом. Сам же Шарр-Кан приотстал с сотней всадников. Они проехали два фарсаха и, достигнув ущелья между двумя горами, вдруг увидали впереди облако пыли. В течение часа сдерживали они своих коней, пока пыль не рассеялась и не показалось сто всадников — мрачных львов, закованных в железные кольчуги. Приблизившись к отряду Шарр-Кана, они закричали:

— Клянемся Юханной и Мариам, мы достигли того, к чему стремились! Мы спешили ночью и днем и прибыли в это место раньше вас! Сходите с коней, отдайте оружие и вручите нам ваши души, чтобы мы вам подарили ваши жизни!

Услышав эти слова, Шарр-Кан побагровел от гнева.

— О христианские собаки,— крикнул он,— вы осмелились вторгнуться в наши страны, пройти по нашей земле? Но вам недостаточно этого, и вы подвергаете себя опасности, обращаясь к нам с такой речью! Или вы думаете, что вырветесь из наших рук и возвратитесь к себе?

Обнажив меч, он кинулся на врагов. И сто всадников бросились в бой, и франки встретили их с каменными сердцами, и люди столкнулись с людьми, храбрецы с храбрецами, в ужасе насмерть схватились, и разговоры-слова прекратились.

И они бились, и мечей сталь блистала, пока темная ночь не настала. И тогда они отошли друг от друга. И Шарр-Кан встретился со своими товарищами и увидел, что только четверо получили раны, но они оказались благополучными. И Шарр-Кан сказал им:

— Клянусь Аллахом, в море боя всю жизнь погружаюсь, с мужами сражаюсь, но не видал таких стойких в единоборстве бойцов, таких храбрецов!

— Знай, о царь,— ответили ему,— что среди них есть один франк, их предводитель — доблестный и умело владеющий мечом и копьем,но он, клянемся Аллахом, не нападал ни на кого из нас. Всякого, кто оказывался перед ним, он как будто не замечал и не сражался с ним. Но, клянемся Аллахом, если бы он захотел, то убил бы нас всех!

Шарр-Кан растерялся, выслушав своих витязей.

— Завтра,— сказал он,— мы попробуем сразиться с ними поодиночке. Ведь и нас, и их сотня.

Франки между тем тоже собрались вокруг своего предводителя.

— Сегодня мы не добились победы в общей схватке,— сказал он,— завтра же сразимся с ними один на один.

И оба отряда на страже стояли, пока лучи солнца не засияли. Тогда царь Шарр-Кан и его сто всадников сели на коней и прискакали на поле, где франки уже выстроились для боя.

Глашатай франков закричал:

— Наш сегодняшний бой будет такой: пусть сразится ваш храбрец и наш удалец!

Тогда один из витязей Шарр-Кана выехал вперед и погнал коня между вражескими рядами.

— Нет ли соперника для меня? — крикнул он.— Но не терплю слабых, ленивых бойцов!

И еще не закончил он своих слов, как на него уже вылетел витязь из франков, закованный в доспехи. Проскакав на пепельном коне одетый в золотые одежды, он остановился посреди поля и вступил в бой, орудуя мечом и копьем. Не прошло и часа, как франк ударил копьем своего противника, скинул его с коня и увел, пленного и униженного. Вражеский стан ликовал, а на поединок вышел другой боец, брат пленного. Противники бросались друг на друга некоторое время, а затем франк обманным ударом копья сбросил мусульманина с коня и взял в плен.

А дальше один за другим выходили воины ислама против франка, но каждого из них он брал в плен. И пока день не повернул на закат и не наступила мрачная ночь, двадцать мусульманских витязей оказались у врага. Шарр-Кан тяжело переживал такую потерю. Собрав своих сотоварищей, он сказал:

— Что за напасть постигла нас! Завтра я попробую выяснить у предводителя франков, какова причина их вступления в наши земли, и остерегу от сражения с нами. Если он отвергнет это, мы сразимся с ним, если же согласится, то помиримся.

Так они провели ночь, а когда Аллах великий зажег утреннюю зарю, оба войска сели на коней и выстроились друг против друга. И вдруг Шарр-Кан увидел, что больше половины франков спешились перед одним из витязей и дошли впереди него до середины поля. Это был их предводитель, одетый в голубой атласный кафтан, с юным лицом,

подобным сияющей луне. Поверх кафтана на нем была кольчуга с узкими кольцами, в руке он держал отточенный меч, сидел же на вороном коне с белым пятном во лбу, величиною с дирхем. Пришпорив коня, витязь выехал на середину поля и, сделав мусульманину знак, проговорил на чистом арабском языке:

— О Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана! О ты, кто крепости брал и города разрушал, выступай с тем на бой, кто достоин сразиться с тобой. Ты своего племени властелин, и я своего племени господин. Кто противника одолеет, пусть людьми побежденного всеми владеет.

Он еще не закончил своей речи, как Шарр-Кан с сердцем, полным удали, погнал своего коня, приблизился к франку и накинулся на него, как разъяренный лев. Тот встретил его как опытный и умелый воин, и они стали сражаться и биться копьями, отступали и снова нападали, схватывались, подобно двум столкнувшимся горам или волнам штормового моря. Сражение продолжалось, пока день не повернул к закату и не наступила мрачная ночь. Тогда каждый из противников вернулся к своим товарищам. Шарр-Кан рассказал своим людям:

— Никогда не встречался мне всадник, подобный этому. Заметил я одно качество, не свойственное никому, кроме него: увидев у противника открытым место для смертельного удара, он отворачивает острие копья и ударяет тупым концом. Я не знаю, как закончится наш поединок, но желал бы, чтобы среди наших друзей были воины подобные ему и его товарищам.

Шарр-Кан проспал ночь, а когда наступило утро, снова встретился на поле с франком, и они вновь принялись мериться силой, погрузившись в пучину яростного сражения. Все наблюдали за ними, вытянув шеи, а они орудовали мечами и копьями, пока день не повернул к закату и вновь не наступила мрачная ночь. Тогда разошлись и вернулись к своим людям, и каждый, как и накануне, рассказывал товарищам о перипетиях битвы.

— Завтра решится дело! — пообещал франк своим воинам.

Ночь прошла спокойно, а утром оба витязя сели на коней и, опять вступив в сражение, бились до полудня. Но вот франк сделал неверное движение, потянув за повод, конь споткнулся и сбросил его. Шарр-Кан наклонился над соперником и хотел ударить его мечом, но тот крикнул:

— О Шарр-Кан, достойно ли это витязя? Так не поступают с побежденными женщинами!

Шарр-Кан пристально посмотрел на лежавшего и увидел, что это царевна Абриза, с которой он расстался в монастыре. Узнав ее, он выпустил меч из руки и, поцеловав перед ней землю, спросил:

— Что побудило тебя на подобные поступки?

— Я хотела испытать тебя на поле и посмотреть, крепок ли ты в бою,— ответила царевна.— Все, кто входит в сотню мою,— девушки, и все они невинные девы, но они одолели твоих витязей в жарком бою. Если бы конь подо мной не споткнулся, ты увидел бы силу и стойкость мою.

Шарр-Кан улыбнулся ее словам и промолвил:

— Слава Аллаху, что так кончился бой и что встретились мы с тобой, о царица времени!

Царевна Абриза велела девушкам спешиться и отпустить двадцать пленников из войска Шарр-Кана. Они выполнили приказание и облобызали землю перед обоими.

— Такие, как вы, смогут выручить из любой беды! — похвалил их Шарр-Кан.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 51-я

Когда же пятьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Шарр-Кан сказал Абризе:

— Такие, как вы, смогут выручить из любой беды.

Затем сделал знак своим людям, чтоб они приветствовали царевну, и те спешились и поцеловали землю меж рук Абризы. А потом двести всадников сели на коней и ехали ночью и днем в течение шести дней, пока не приблизились к границам исламской столицы. Они отдыхали до утра, а когда по воле Аллаха великого заалела заря, сели на коней и направились к городу. И тут они увидели вазира Дандана во главе тысячи всадников, который выехал встретить Шарр-Кана по приказанию царя Омара ибн ан-Нумана.

В сопровождении встречавших они вступили в город и направились во дворец. Шарр-Кан вошел к отцу, тот обнял его и стал расспрашивать обо всем случившемся.

Шарр-Кан передал ему рассказ царевны Абризы, поведал о том, что произошло между ними, и еще о том, что она оставила свое царство и рассталась со своим отцом.

— Она предпочла отправиться с нами и жить у нас,— сказал он.— Царь аль-Кустантынии хотел хитростью устроить нам ловушку из-за своей дочери Суфии, узнав от царя румов ее историю. Мы спаслись только благодаря этой девушке, и я не видел никого доблестнее и благороднее ее.

Омар ибн ан-Нуман был поражен, услыхав об Абризе от своего сына, и ему захотелось увидеть ее. Шарр-Кан отправился к ней и сказал:

— Царь зовет тебя!

Омар ибн ан-Нуман сидел на своем престоле, когда сын привел к нему Абризу. Он велел выйти всем вельможам, и около него остались только евнухи. Девушка поцеловала землю меж рук царя и обратилась к нему с изысканным приветствием. Удивленный ее красноречием, Омар ибн ан-Нуман поблагодарил Абризу за то, что она сделала для его сына Шарр-Кана. Девушка открыла лицо после того, как царь предложил ей сесть, и он был восхищен ее красотой. Затем он отвел особый дворец для нее и ее невольниц и назначил достойное содержание.

Когда Омар ан-Нуман начал расспрашивать ее о трех драгоценных камнях, о которых уже упоминалось раньше, Абриза сказала:

— Они со мной, о царь времени!

И она извлекла из своих пожитков ларчик, из которого вынула золотую коробку. Открыв ее, достала оттуда три драгоценных камня, поцеловала их и отдала царю. И удалилась, взяв с собою его сердце.

После ее ухода царь послал за сыном и, когда тот явился, дал ему один из трех камней. Шарр-Кан спросил о двух других, и царь ответил:

— О дитя мое, я дам один камень твоему брату Дау аль-Макану, а другой Нузхат аз-Заман, твоей сестре.

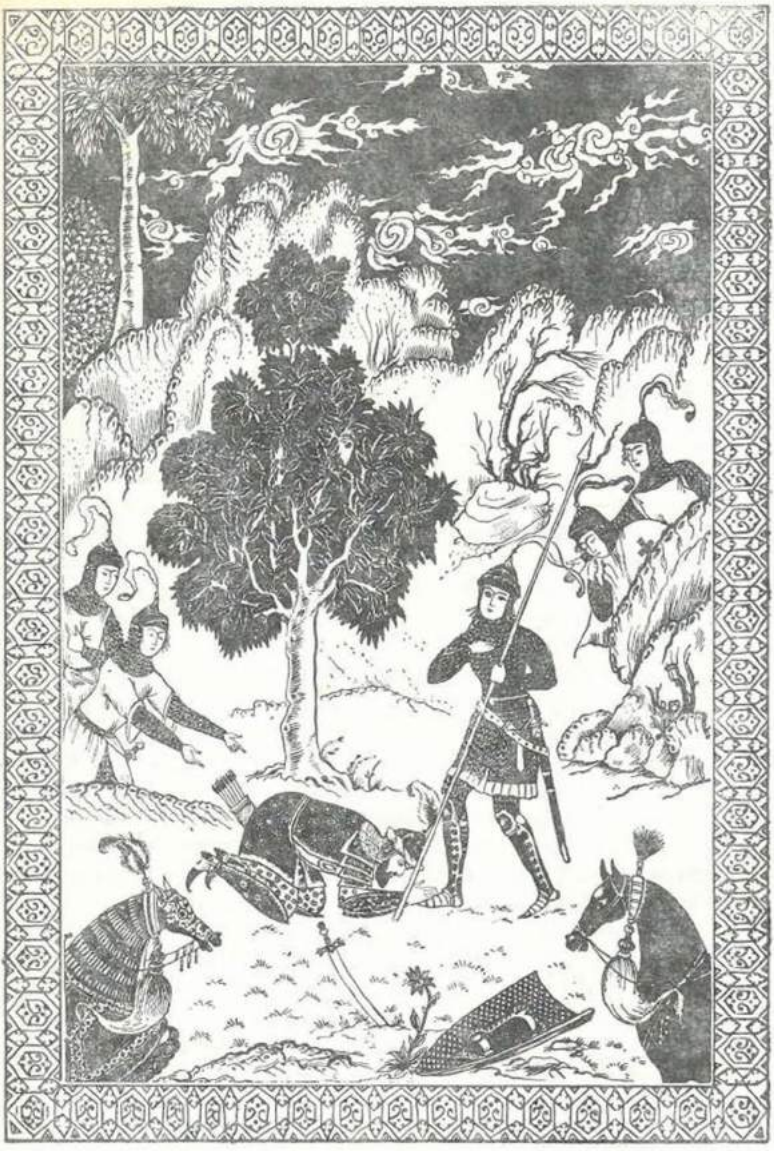
Услышав, что у него есть брат по имени Дау аль-Макан, о котором он ничего не знал, Шарр-Кан промолвил:

— О царь, разве у тебя есть еще сын, кроме меня?

— Да, ему шесть лет от роду. Дау аль-Макан и его сестра Нузхат аз-Заман — близнецы.

Шарр-Кану тяжело было слышать это, но он сдержал свою горечь, промолвив только:

— По благословению Аллаха великого! — и бросил камень наземь, отряхнув свои одежды.



— Вижу, ты расстроился, услышав о брате,— сказал отец.— Но ведь ты будешь владеть царством после меня, а не он. Я приказал войскам поклясться тебе и привлек к присяге эмиров. И этот камень по праву принадлежит тебе.

Шарр-Кан опустил голову, устыдившись спора с отцом, и снова принял от него камень. Но внутри у него все кипело от гнева. Он вышел и направился во дворец царевны Абризы. Та приветливо встретила его, посадила рядом с собой и, увидев, что он расстроен, принялась расспрашивать. Шарр-Кан рассказал, что у его отца родилось от Суфии двое детей — мальчик Дау аль-Макан и девочка Нузхат аз-Заман.

— Он дал им два камня, а мне один,— жаловался царевич.— Я узнал о своем брате только теперь, а ему, оказывается, уже шесть лет. Оттого, что мне не сообщили о нем, я и гневаюсь. А еще я боюсь, что мой отец женится на тебе, ибо он полюбил тебя, я это заметил.

— Знай, о Шарр-Кан,— ответила царевна,— что твой отец не имеет надо мной власти и не может взять меня в жены без моего согласия. А если он возьмет меня силой, то я подружу с могилой. Что же касается трех камней, то мне казалось, что ему жаль будет даже один из них отдать своим детям. Я думала, он их спрячет в свою сокровищницу. Но коль этого не случилось, я попрошу у тебя милости: подари мне тот камешек, который твой отец дал тебе.

Шарр-Кан без сожалений и колебаний отдал ей камень.

— Я тревожусь,— продолжала царевна,— что мой отец проведает о моем пребывании у вас и не станет медлить, чтобы найти меня. Он сговорится с царем Афридуном, мстящим за свою дочь Суфию, и они придут сюда с войсками, сея большую беду.

— О госпожа! — промолвил Шарр-Кан.— Если ты согласна остаться у нас, то не думай об этом. Мы сумеем защитить себя, даже если против нас выйдут все силы на суше и море.

— Я рада этому,— сказала Абриза,— и останусь у вас, если вы будете ко мне милостивы, но покину, коль будете злы.

А между тем отец Шарр-Кана, царь Омар ибн ан-Нуман, лишь только ушел Шарр-Кан, отправился к своей невольнице Суфии, захватив с собой два камня. Встреченный с почтением матерью своих детей, царь поцеловал Дау аль-Макана и Нузхат аз-Заман и повесил на шею каждого

ребенка по камню. Дети обрадовались подаркам и поцеловали отцу руки.

— Почему за все это время ты не сказала мне, что ты дочь Афридуна, царя аль-Кустантынии? — спросил Суфию Омар ибн ан-Нуман. — Я увеличил бы свои милости, возвысил еще больше тебя и умножил твое благосостояние.

— О царь, негоже мне большего желать,— ответила та.— Я и так осыпана твоими милостями и благами, и Аллах наделил меня от тебя двумя детьми.

Царю понравились ее слова. Возвратившись к себе, он велел отвести ей с детьми дивной красоты дворец, приставил к ней челядь и слуг, законников и мудрецов, звездочетов, врачей и костоправов и велел служить ей с великим усердием.

А о царевне Абризе Омар ибн ан-Нуман думал дни и ночи, ибо его охватила любовь к ней. Каждый вечер он приходил к ней и в беседах намекал о своем чувстве.

— О царь времени, мне сейчас нет охоты до мужчин,— отвечала она уклончиво.

Однако ее сопротивление еще больше распаляло страсть царя. Истомленный любовной тоской, он призвал вазира Дандана и поведал, как велика в его сердце любовь к царевне Абризе, дочери царя Хардуба. Рассказал и о том, что она не оказывает ему повиновения и что любовь к ней убивает его, лишает покоя и радости.

Выслушав царя, вазир Дандан сказал:

— Вечером, направляясь к ней, захвати с собой кусочек банджа весом в мискаль. Выпей с ней немного вина, и когда придет время кончить застольную беседу, подай ей последний кубок и туда этот бандж положи и выпить его прикажи. Увидишь, она не успеет на ложе упасть, как бандж возьмет над ней власть. Тогда ты легко овладеешь ею.

— Твой совет мне по душе! — воскликнул царь.

Он тут же направился в свою кладовую и взял кусок очищенного банджа, да такого, что если бы его понюхал слон, то и он проспал бы целый год. Положив бандж за пазуху и дождавшись темноты, царь пошел во дворец царевны Абризы. Он сел подле нее и стал разговаривать о разном. А она разостлала скатерть, поставила сосуды с вином, зажгла свечи и приказала подать закуски, сладости и плоды. Они стали пить и беседовать, пока хмель не отуманил голову царевны Абризы. Увидав это, царь вынул кусок банджа из-за пазухи и положил его между пальцами. Потом напол-

нил своей рукой кубок и выпил его. Снова налил, тайком бросив кусок банджа в вино, и сказал царевне:

— За нашу дружбу!

Абриза выпила, и не прошло и часа, как бандж затемнил ее разум. Теперь она оказалась в полной власти царя, и он поддался коварным нашептываниям сатаны. Удовлетворив свою похоть, Омар ибн ан-Нуман позвал одну из невольниц царевны, которую звали Марджана, и велел присмотреть за госпожой.

Когда Аллах великий зажег утреннюю зарю, Марджана вымыла руки и ноги царевны, потом принесла розовой воды и омыла ей лицо. Абриза открыла глаза, чихнула, и у нее изо рта выпал кусочек банджа. Она удивилась и спросила невольницу, что с ней было. Та рассказала обо всем, что знала сама, и Абриза поняла, что царь совершил гнусное дело. Она сильно огорчилась и, закрывшись у себя, приказала невольницам не пускать к ней никого, объясняя, что она больна.

Когда до царя Омара ибн ан-Нумана дошла весть о болезни царевны, он прислал ей разных сладостей и мазей, однако огонь его страсти уже погас, он охладел к Абризе. Она же через некоторое время узнала, что у нее будет ребенок, а вскоре это стало заметно и окружающим. В тоске и печали царевна призналась Марджане:

— Знай, что не люди меня обидели; это я навлекла на себя беду, расставшись с отцом и матерью и покинув свое царство. Мне не мила жизнь, и дух мой сломлен. У меня не осталось больше сил и бодрости. Раньше, когда вскакивала в седло, то ловко управлялась со своим скакуном, а теперь не могу даже сесть на коня. Если я рожу здесь, то буду опозорена перед моими невольницами. Все во дворце станут презирать меня, и мой ребенок будет вне закона. С каким лицом вернусь я к своему отцу?! Что же нам делать?

— Сделаю все, лишь бы ты приказала,— Марджана сказала.

Тогда Абриза молвила:

— Я оставлю тайком этот дом, чтоб никто не узнал о том, и ворочусь к отцу и матери. Ведь когда тело мертвеца начинает испускать дурной запах, то возле него остаются только близкие, и Аллах поступит со мной по своей воле.

— Твой поступок прекрасен, о царевна! — воскликнула Марджана.

Абриза приготовилась втайне, переждала несколько дней, пока царь не отправился на охоту, а царевич Шарр-

Кан на некоторое время в крепости, тогда она сказала своей невольнице Марджане:

— Я решила выехать этой ночью, но ведь от судьбы не убежать! Я чувствую, что наступает время разрешения и родов, поэтому если не уеду отсюда раньше, чем через четыре или пять дней, то рожу здесь и лишусь возможности отправиться в мою страну. Это то, что отпечатано на моем лбу — как переспорить судьбу! — Она подумала немного и опять обратилась к Марджане: — Найди человека для сопровождения, который прислуживал бы нам в дороге, ибо я не в силах пользоваться оружием.

— Клянусь Аллахом, госпожа,— ответила Марджана,— я не знаю никого лучше, кроме черного раба по имени аль-Гадбан. Царь Омар ибн ан-Нуман приставил этого храбреца к воротам нашего дворца и приказал прислуживать нам, а мы осыпали его милостями. Я выйду и поговорю с ним, пообещаю много денег. И еще скажу: «Если захочешь остаться у нас, мы женим тебя, на ком пожелаешь». Он рассказывал, что был раньше разбойником на большой дороге, и если бы нам удалось уговорить его, мы благополучно прибыли бы в наши земли.

— Позови его ко мне, я поговорю с ним,— сказала царевна.

Марджана вышла и позвала:

— О Гадбан, Аллах принесет тебе счастье, если ты согласишься на предложение моей госпожи.

Она взяла раба за руку и привела его к Абризе. Та, увидев аль-Гадбана, сразу же почувствовала неприязнь к нему, но сказала себе: «У необходимости свои законы!» Затем молвила:

— О Гадбан, окажешь ли нам помощь против коварства судьбы? Если я открою тебе свою тайну, будешь ли ты хранить ее?

Едва раб взглянул на Абризу, она сразу же завладела его сердцем. Воспылав к ней любовью, он мог лишь промолвить:

— О госпожа, если ты мне что-нибудь прикажешь, я не отступлюсь от этого.

— Я хочу,— продолжала Абриза,— чтобы ты оседлал для меня и моей невольницы вьючных верблюдов и пару царских коней и на каждого положил бы мешок денег и немного пищи. Ты поедешь с нами в нашу страну, и если останешься там, я женю тебя на той, кого ты выберешь из моих невольниц. Но если пожелаешь возвратиться к себе,

то возьмешь с собой избранницу и, кроме того, получишь достаточно денег.

Услышав эти слова, аль-Гадбан сильно обрадовался и воскликнул:

— О госпожа, я буду вам служить верой и правдой и тотчас же оседлаю коней!

Про себя же он подумал: «Вот то, что я желал. Я подчиню их себе, а если они не захотят, то убью их и возьму все деньги».

Затаив в душе коварство, он ушел и вскоре вернулся с двумя навьюченными верблюдами и тремя лошадьми. На одного коня села Марджана, а на другого царевна Абриза, которую мучили сильные боли. Аль-Гадбан сопровождал их на третьем скакуне. Они ехали без остановки по горным ущельям, пока им не остался один день пути. Но тут приспело время родам, и Абриза попросила раба опустить ее на землю. Она крикнула Марджане:

— Сойди с коня и помоги мне!

Сама же легла на траву и застонала от боли. В этот миг в аль-Гадбана словно бес вселился. Он хотел накинуться на Абризу, но она гневно воскликнула:

— Мне только и осталось, что поддаться черному рабу, после того как я пренебрегла царями и вождями...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 52-я

Когда же пятьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

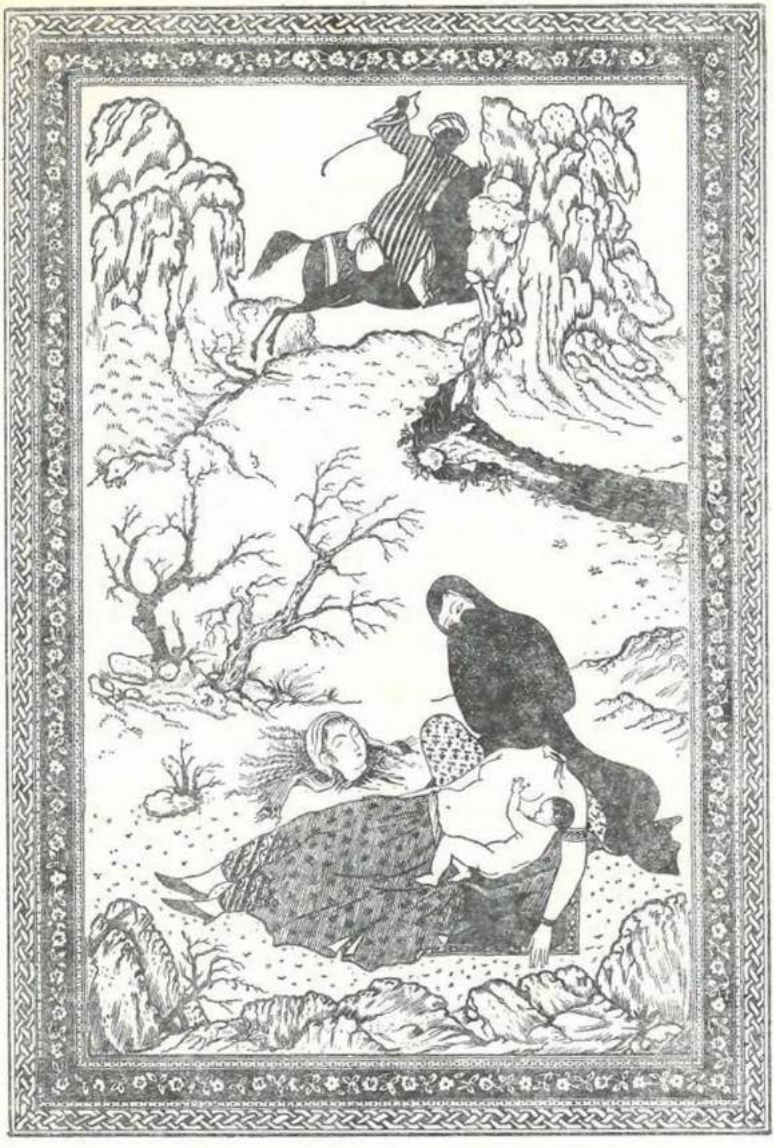
— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Абриза воскликнула:

— Мне только и осталось, что поддаться черному рабу, после того как я пренебрегла царями и вождями. Горе тебе, о раб! Знай, что я не соглашусь, даже если бы мне дали испить смертную чашу. Подожди, пока я справлюсь с новорожденным, и мы поговорим. А если ты не прекратишь свои мерзкие речи, я лишу себя жизни.

Аль-Гадбан сильно разгневался, глаза его налились кровью, лицо сделалось цвета пыли, ноздри раздулись и губы отвисли, и он стал еще отвратительней.

Заплакав, Абриза промолвила:

— Горе тебе, о Гадбан! Неужели ты считаешь, что все люди равны и ты достоин меня?



Услышав такие слова, раб еще больше разгневался, подошел к царевне и ударом меча убил ее. Потом взял деньги, вскочил на коня и скрылся в горах.

Марджана запеленала новорожденного — мальчика, подобного месяцу, и положила его рядом с мертвой матерью. А потом громко закричала, разорвала на себе одежды, посыпала прахом голову и била себя по щекам, пока на лице ее не выступила кровь.

— Увы, моя госпожа! — выкрикивала она.— О горе! Ты пала от руки черного раба, который ничего не стоит, и это при твоей-то доблести!

Она плакала, не переставая, и вдруг увидела вдали пыль, застлавшую край неба. Когда пыль рассеялась, показалось большое войско. Вел его царь Хардуб, отец Абризы. Узнав, что его дочь находится в Багдаде у царя Омара ибн ан-Нумана, он выступил со своими людьми, чтобы разузнать подробнее о ее судьбе у проезжих путешественников. И вот он нашел свою дочь убитой и невольницу плачущей над ней. Соскользнув с коня, он в беспамятстве упал на землю. Находившиеся с ним витязи, эмиры и вазиры спешились и разбили шатры в горах, поставив царю Хардубу круглый шатер со сводом. Очнувшись, царь спросил Марджану, как это случилось, и она рассказала все, что приключилось.

— Тот, кто убил твою дочь,— сказала она,— черный раб, принадлежащий Омару ибн ан-Нуману, а сам он совершил насилие над твоей дочерью.

Мир почернел перед глазами царя Хардуба, когда он услышал это. Горько заплакав, велел он подать носилки, на которые положили царевну, и отправился в Кайсарию. Там внесли убитую во дворец, и царь Хардуб сказал своей матери Зат ад-Давахи:

— Так-то поступили мусульмане с моей дочерью! Царь Омар ибн ан-Нуман надругался над ней, а после его черный раб убил ее! Клянусь Мессией, мы должны отомстить ему за мою дочь. Я сниму позор со своей чести, а не то наложу на себя руки.

И душа его горько рыдала, а его мать, Зат ад-Давахи, сказала:

— Я думаю, твою дочь убила Марджана. Она втайне ее ненавидела. Не печалься о возмездии. Клянусь Мессией, я не отступлюсь от царя Омара ибн ан-Нумана, пока не убью его самого и детей. Я сделаю с ним такое, что не в силах сотворить хитрые и храбрые. Об этом будут расска-

зывать повсюду. Но только ты должен слушаться меня во всем.

— Клянусь Мессией, я никогда не буду перечить тебе,— ответил царь.

— Приведи ко мне невольниц высокогрудых, невинных и еще приведи мудрецов нашего времени. Пусть они учат дев мудрости и вежеству с царями, умению вести беседу стихами, дают им полезные наставления. Мудрые мужи (а это должны быть мусульмане) также должны рассказать невольницам о древних арабах и истории халифов, о прежних владыках исламских держав. В течение четырех лет мы, наверное, достигнем желаемого. Не теряй же терпения и жди, ибо, как говорил кто-то из арабов: «Отомстить спустя сорок лет — совсем не долго». Когда мы обучим этих девушек, то поступим с нашим врагом так, как захотим. Известно, что он предается любви, и невольниц у него триста шестьдесят шесть. А к ним прибавилась еще сотня твоих лучших девушек, что были с покойницей, твоей дочерью. Когда же наши юные невольницы обучатся тому, о чем я тебе говорила, я возьму их с собой и тоже уеду туда.

Царя Хардуба утешили слова его матери Зат ад-Давахи. Он поцеловал ее в голову и в ту же минуту направил посланцев в отдаленные страны за мусульманскими мудрецами. Через некоторое время ученые и мудрецы предстали перед Хардубом. Он оказал им глубокое уважение, одарил почетной одеждой, назначил жалованье и обещал большие деньги, если они хорошо обучат девушек. Затем привел к ним невольниц...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 53-я

Когда же пятьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь привел к мудрецам невольниц и приказал тем овладеть мудростью и изяществом.

А что же было с царем Омаром ибн ан-Нуманом? Вернувшись с охоты во дворец, он стал искать царевну Абризу, но не нашел ее, и никто не мог ничего сообщить ему о ней.

— Как же случилось, что девушка исчезла и никто об этом не осведомлен? Если такое творится в моем царстве,

то, значит, не все в нем благополучно. Я не успокоюсь, пока не пошлю людей к воротам, чтобы охранять их! — сказал он. Разлука с царевной Абризой его опечалила.

Когда Шарр-Кан возвратился из крепости, отец сообщил ему о случившемся. Побег Абризы сильно огорчил царевича. Царь же стал теперь каждый день наведываться к своим детям и оказывать им благоволение. Он призвал мудрецов и ученых для обучения детей и назначил им хорошее жалованье. Шарр-Кан видел все это и пришел в ярость. Он даже занемог от злости и гнева, и однажды отец сказал ему:

— Что с тобой? Я вижу, ты становишься все слабее телом и желтее лицом.

— О батюшка,— отвечал Шарр-Кан,— всякий раз, как я вижу, что ты приближаешь к себе брата и сестру и оказываешь им милость, меня охватывает зависть. Боюсь, что она доведет меня до убийства, а тогда ты убьешь меня, мстя за них. Прошу твоей милости: дай мне крепость подальше от этих мест, где я провел бы остаток моей жизни. Ведь известна поговорка: «Быть вдали от любимого лучше мне и прекраснее; не видит око — не грустит сердце».— Он замолчал и опустил голову.

Поняв причину сыновней немощи, царь Омар ибн ан-Нуман стал уговаривать его:

— О сын мой, я согласен с тобой. В моем царстве нет крепости, Дамаска крепче и важней. Отдаю тебе город — владей!

Он призвал писцов в тот же час и минуту, приказав написать указ о назначении своего сына Шарр-Кана правителем Дамаска Сирийского. Вместе с ним царь направил туда же вазира Дандана, приказав ему помогать Шарр-Кану, вести все его дела и быть рядом. Простившись с отцом, а также с эмирами и вельможами, Шарр-Кан двинулся со своим войском и прибыл в Дамаск. Жители встретили его праздничным шествием, били в литавры и трубили в трубы.

После отъезда Шарр-Кана к Омару ибн ан-Нуману пришли мудрецы и сказали:

— О властитель наш, твои дети изучили науку и в совершенстве усвоили мудрость, изящество и правила обхождения.

Обрадованный царь вознаградил учителей.

Дау аль-Макан вырос, достиг четырнадцатилетнего возраста. Он рос, занятый делами веры и благочестия, любил бедняков и людей науки, знатоков Корана, ловко скакал на

коне. Жители Багдада любили его. Однажды через Багдад проходил иракский караван с носилками, совершавший паломничество к могиле Пророка,— да благословит его Аллах! Дау аль-Макан увидел шествие, и ему захотелось самому совершить паломничество. Он пришел к отцу и сказал:

— Я хочу попросить разрешения отправиться в паломничество.

— Подожди до следующего года,— ответил тот,— мы отправимся вместе с тобою.

Убедившись, что дело это затягивается, Дау аль-Макан пошел к своей сестре Нузхат аз-Заман и увидел, что она совершает молитву. Подождав, когда она закончит, сказал:

— Я горю желанием отправиться в паломничество к священному дому Аллаха и посетить могилу Пророка. Отец запретил мне, но я намерен взять немного денег и уйти тайно, не уведомляя отца.

— Заклинаю тебя Аллахом,— воскликнула сестра,— возьми меня с собою! Не лишай меня возможности посетить могилу Пророка — да благословит его Аллах!

— Когда стемнеет,— сказал Дау аль-Макан,— выходи, только не говори об этом никому.

Когда наступила полночь, Нузхат аз-Заман встала, взяла немного денег и, надев мужскую одежду, направилась к воротам дворца. Она увидела, что Дау аль-Макан уже снарядил верблюдов. Они сели на них и ехали всю ночь, пока не смешались с иракским караваном. Паломники двигались без остановки (Аллах начертал им благополучие) и наконец вступили в Мекку Почитаемую. Они остановились на горе Арафат и совершили обряды паломничества, а затем посетили могилу Пророка — да благословит его Аллах!

Когда пришло время возвращаться с паломниками в свою страну, Дау аль-Макан сказал сестре:

— Сестрица, мне хочется посетить Иерусалим и друга Аллаха, Ибрахима, да будет с ним мир!

— И мне также,— отвечала она.

Дау аль-Макан нанял себе и ей верблюдов в караване паломников из Иерусалима, и вместе с ними отправились они в путь. В ту же ночь на Нузхат аз-Заман напала горячка с ознобом, но хворала она недолго и вскоре поправилась. Но тут заболел брат. И сестра ухаживала за ним во время болезни. Когда они прибыли в Иерусалим, болезнь Дау аль-Макана усилилась, он совсем ослабел. Они остановились в

хане, наняли себе помещение, где и расположились, а недуг Дау аль-Макана все усиливался, так что он часто терял сознание.

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, великого и всемогущего! — огорченно восклицала Нузхат аз-Заман. Ухаживая за братом, она тратила на себя и на него остатки тех денег, что у них оставались. Отдав последний дирхем, она послала мальчика из хана на рынок с кое-какой одеждой. Тот продал ее, а деньги Нузхат аз-Заман истратила на брата. Так постепенно на рынок ушли все пожитки, вещь за вещью, пока не осталось и рваной циновки. Тогда девушка заплакала и воскликнула:

— Все мы во власти Аллаха!

В это время Дау аль-Макан, почувствовав себя немного лучше, сказал:

— Сестрица, мне хочется немного жареного мяса.

— Клянусь Аллахом, даже ради братца,— ответила она,— я не осмелюсь побираться. Завтра пойду в дом какого-нибудь вельможи, наймусь на службу и заработаю что-нибудь нам на пропитание.— Подумав немного, она добавила: — Мне не легко будет расстаться с тобою, когда ты в таком состоянии, но я вынуждена.

— Такое унижение после величия?! — воскликнул брат заплакав.

— О брат мой, мы чужеземцы,— со слезами на глазах сказала Нузхат аз-Заман.— Мы прожили здесь целый год, но никто не постучался у наших ворот. Не умирать же нам с голоду? Я буду служить, зарабатывая нам на пропитание, пока ты не выздоровеешь, а потом отправимся в нашу страну.

Они еще немного поплакали, а затем девушка поднялась, покрыла себе голову куском плаща (это была одежда погонщика верблюдов, которую ее владелец забыл у них) и, поцеловав брата, вышла, сама не зная, куда идти. Ее не было целый день, не возвратилась она и к вечеру. Брат пролежал в ожидании до следующего утра, а потом еще два дня, но она так и не вернулась к нему. Сердце его тревожилось за сестру, и голод досаждал его нутру. А поутру он вышел из комнаты и, крикнув мальчика из хана, попросил отнести его на рынок. Тот выполнил его просьбу и бросил на рынке. Жители Иерусалима собрались вокруг юноши и горевали, видя его жалкое состояние. Он сделал им знак, прося чего-нибудь поесть. Один из купцов дал несколько дирхемов, на которые купили еды и накормили больного. Потом его

подняли и положили возле одной из лавок, разостлав кусок циновки и поставив у изголовья кувшин.

Когда подошла ночь, все ушли, оставив его со своей бедой. Юноша вспомнил о сестре, и его недуг усилился, так что он снова впал в забытье. Утром люди на рынке собрали для него у купцов тридцать дирхемов серебром, наняли верблюда и сказали погонщику:

— Отвези этого человека в Дамаск и доставь там в больницу, может, он еще поправится.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил верблюжатник, но про себя подумал: «Как я поеду с этим больным, если он близок к смерти?» И он вывез его в отдаленное место, а ночью бросил на кучу навоза возле топки одной из бань.

Когда настало утро, истопник этой бани пришел на работу, увидел Дау аль-Макана, лежавшего на спине, и пробормотал:

— Почему они бросили мертвеца как раз здесь!

Он толкнул его ногой, Дау аль-Макан шевельнулся, тогда истопник воскликнул:

— Наедятся гашиша и валяются где попало!

Он взглянул в лицо юноши и увидел, что у него на щеках нет растительности, что он красив ипрелестен. Поняв, что это больной чужеземец, истопник почувствовал жалость к нему.

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! — воскликнул он.— Я совершил грех по отношению к этому юноше, а Пророк — да благословит его Аллах! — наставлял почитать чужеземца, в особенности если он болен.

Подняв юношу, он принес его в свое жилище и велел жене ухаживать за ним. Женщина расстелила ковер, положила под голову больного подушку, затем принесла воды и вымыла ему руки, ноги и лицо. А истопник пошел на рынок и принес немного розовой воды и сахара, брызнул в лицо аль-Макану и напоил его водой с сахаром. Потом вынул чистую рубаху и надел на него. Юноша почувствовал веяние здоровья, хворь начала отступать. Он сел, опершись на подушку, а истопник радостно воскликнул:

— Слава Аллаху за выздоровление этого юноши! Да будет его спасение делом моих рук.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 54-я

Когда же пятьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, истопник радостно воскликнул:

— Слава Аллаху за выздоровление этого юноши! Да будет его спасение делом моих рук!

Три дня ухаживал хозяин дома за больным, поил ивовым соком и розовой водой с сахаром, был с ним ласков и кроток, пока здоровье не разлилось по телу юноши. Однажды, войдя в комнату, истопник увидел, что Дау аль-Макан сидит и выглядит бодро.

— Каково тебе сейчас, дитя мое? — спросил он.

— Слава Аллаху, я нахожусь во здравии и благополучии по воле Аллаха великого! — ответил Дау аль-Макан.

Истопник прославил владыку и, отправившись на рынок, купил юноше десять цыплят, принес жене и сказал:

— Режь ему каждый день по две птицы — рано утром одну и в конце дня другую.

Женщина зарезала цыпленка, сварила его, накормила юношу и дала выпить отвара. А после подала горячей воды. Дау аль-Макан вымыл руки, прилег на подушку, а она накрыла его плащом, и он проспал до заката. Тогда жена истопника сварила другого цыпленка и принесла его больному.

— Ешь, дитя мое! — сказала она.

Когда он ел, в комнату вошел муж и, увидев, что жена кормит юношу, сел у него в изголовье и спросил:

— Каково тебе теперь, дитя мое?

— Слава Аллаху, лучше,— ответил Дау аль-Макан.— Да воздаст тебе Аллах за меня благом!

Истопник обрадовался, тут же вышел и принес фиалковое питье и розовую воду и напоил его. Каждый день он работал в бане за пять дирхемов и ежедневно покупал юноше на дирхем сахара, розовой воды, фиалкового питья и ивового сока и еще на один дирхем цыплят. Этот человек ухаживал за юношей в течение целого месяца, пока следы болезни совсем не исчезли и здоровье не возвратилось к нему.

Истопник обрадовался выздоровлению Дау аль-Макана и как-то предложил ему:

— О дитя мое, не хочешь ли пойти со мною в баню?

Когда тот согласился, истопник отправился на рынок, привел ослятника и, усадив на осла Дау аль-Макана, отвез его в баню. Сам же снова пошел на рынок и купил листьев

лотоса и бобовой муки. Возвратившись, он принялся тереть Дау аль-Макану ноги, мыл ему тело лотосом и мукой, но появился банщик, которого прислал хозяин, и увидел, что истопник моет Дау аль-Макана и трет ему ноги.

Он подошел ближе и сказал, что это ущерб для хозяина, на что истопник ответил:

— Клянусь Аллахом, хозяин осыпал нас своими милостями!

Банщик стал брить Дау аль-Макану голову, а потом юноша с истопником вымылись. Возвратившись в свое жилище, добрый хозяин надел на гостя тонкую рубаху, красивый тюрбан и тонкий пояс, обернул его шею платком.

А жена истопника зарезала для юноши двух цыплят и сварила их. Истопник приготовил ивовый сок с сахаром, стал делить куриное мясо на части и кормить Дау аль-Макана, который, сидя на постели, ел и пил отвар, пока не насытился. Потом юноша вымыл руки и, прославив Аллаха великого за выздоровление, сказал истопнику:

— Аллах великий соблаговолил послать мне тебя. Он сделал мое спасение делом твоих рук.

— Оставь эти речи,— ответил истопник,— лучше скажи нам, откуда и по какой причине ты прибыл в наш город? Я вижу на твоем лице следы благоденствия.

— Поведай, как ты нашел меня,— попросил Дау аль-Макан,— и я расскажу тебе свою историю.

— Отправляясь на работу, я нашел тебя на навозной куче рано утром возле входа в баню. Не знаю, кто бросил тебя там, а я перенес к себе, вот и все.

— Слава тому, кто оживляет истлевшие кости! — воскликнул Дау аль-Макан.— О брат мой, ты вырвал достойного из беды и непременно сорвешь плоды. А в каком я теперь городе? — спросил он истопника.

— Ты в Иерусалиме.

Дау аль-Макан вспомнил, что он на чужбине, и, подумав о разлуке с сестрой, заплакал. Он открыл свою тайну истопнику, и тот сказал:

— Не плачь и прославь Аллаха великого за спасение и выздоровление.

Дау аль-Макан поинтересовался, сколько дней пути отсюда до Дамаска, и, услышав в ответ, что шесть, он спросил:

— Не согласишься ли ты отправить меня туда?

— О господин,— воскликнул истопник,— как я отпущу тебя одного, когда ты так молод и к тому же чужеземец?

Если ты хочешь выехать в Дамаск, то я поеду с тобой. И если моя жена согласится, я останусь там, ибо мне нелегко с тобою расстаться.

Потом истопник спросил жену:

— Не хочешь ли ты отправиться со мною в Дамаск Сирийский? А может, останешься здесь, пока я буду там с моим господином? Он стремится в Дамаск Сирийский, а я в тревоге, боюсь разбойников с большой дороги.

— Я поеду с вами,— ответила жена.

— Слава Аллаху за согласие! — возрадовался истопник.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 55-я

Когда же пятьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, истопник и его жена согласились поехать с Дау аль-Маканом в Дамаск.

Истопник отправился на рынок, продал свои пожитки, купил верблюда, нанял осла специально для Дау аль-Макана, и они выехали из Иерусалима. Шесть дней были в пути, пока не вступили в Дамаск в конце дня. Истопник купил кое-какой еды и напитков, и так они прожили пять дней. Но тут заболела жена истопника и вскоре отошла в мир иной. Дау аль-Макан тяжело переживал ее смерть, ибо привык к ней, пока она ухаживала за ним. Истопник тоже не мог прийти в себя от великой печали, и юноша, видя его горе, сказал:

— Не горюй, мы все войдем в эту дверь.

— Да воздаст тебе Аллах благом за твою доброту, о дитя мое! — воскликнул истопник.— Бог поможет, печаль твою уничтожит! Не хочешь ли, дитя мое, погулять по Дамаску, чтобы немного развлечься?

— Будь по-твоему,— ответил Дау аль-Макан.

Рука об руку они вышли и направились к стойлам дамасского вали, где увидели верблюдов, нагруженных сундуками, коврами и парчовыми материями, оседланных коней и бактрийских верблюдов, рабов, черных и белых. Дау аль-Макан воскликнул:

— Посмотрите-ка! Чьи это невольники, верблюды и материи?

Потом у одного из слуг он спросил:

— Кому предназначены эти подарки?

— Это дары дамасского эмира царю Омару ибн ан-Нуману, которые он пошлет вместе с податью Сирии,— ответил тот.

И был потрясен Дау аль-Макан этими словами, его глаза наполнились слезами.

Истопник заметил его грусть и сказал:

— О дитя мое, мы едва уверились в твоем выздоровлении. Успокой же свою душу и не плачь, я боюсь возврата твоей болезни!

Он уговаривал юношу и шутил с ним, но Дау аль-Макан вздыхал и печалился о том, что он на чужбине, вдалеке от своего царства и в разлуке с сестрой. Проливая слезы, он произнес такие стихи:

Краток век наш, ты радости жизни бери про запас,
Помни, смерть неизбежная встретит когда-нибудь нас.

Благоденствие наше — всего лишь соблазн и печали,
В этом мире все тщетно, все суетно, все напоказ.

В бесконечном пути жизнь поистине только стоянка,
Где короткий ночлег прерываешь в предутренний час.

Истопник тоже плакал, горюя о смерти своей жены. Так в печали и стенаниях провели они всю ночь до утра. А когда взошло солнце, истопник спросил юношу:

— Ты тоскуешь по своей стране?

— Да, и не могу оставаться здесь,— ответил Дау аль-Макан.— Я отправлюсь с этими людьми и буду двигаться понемногу, пока не достигну своей земли.

— Дорогой, и я с тобой! — воскликнул истопник.— Привелось милость себе совершить, и хочу ее, служа тебе, завершить!

— Да воздаст тебе Аллах за меня благом! — обрадовался Дау аль-Макан.

Истопник тотчас же купил себе другого осла, продав верблюда, приготовил припасы на дорогу и сказал Дау аль-Макану:

— Поезжай на этом осле, а когда устанешь ехать верхом, иди пешком.

— Да благословит тебя Аллах, и да поможет мне воздать тебе тем же! — воскликнул Дау аль-Макан.— Ты сделал мне столько добра, сколько никто не сделает даже своему брату.

Они выждали, пока спустится мрак и наступит прохлада, взвалили свои припасы и пожитки на осла и выехали из города.

Вот что было с Дау аль-Маканом.

А что же случилось за эти дни с Нузхат аз-Заман? Завернувшись в плащ, покинув Дау аль-Макана, она вышла из хана, где жила вместе с братом в Иерусалиме, чтобы заработать немного денег и купить Дау аль-Макану жареного мяса. По щекам ее текли слезы, а в сердце была тревога за брата. Она вспомнила близких и родину и стала молить Аллаха великого, чтобы он облегчил ее страдания. Шла, посматривая вправо и влево, и вдруг увидела старика, едущего из пустыни, и с ним пять арабов-кочевников. Старец, взглянув на Нузхат аз-Заман, был поражен ее красотой. Заметив на ней рваный плащ, он подумал: «Такая красавица живет в нищете! Кто бы она ни была — жительница этого города или чужестранка, она мне нужна!»

Старец потихоньку следовал за ней, пока не столкнулся в узком месте.

— О доченька, ты свободная или невольница? — окликнул он ее.

Услышав эти слова, девушка посмотрела на него и промолвила:

— Заклинаю тебя жизнью, не причиняй мне новых печалей!

Но старец продолжал:

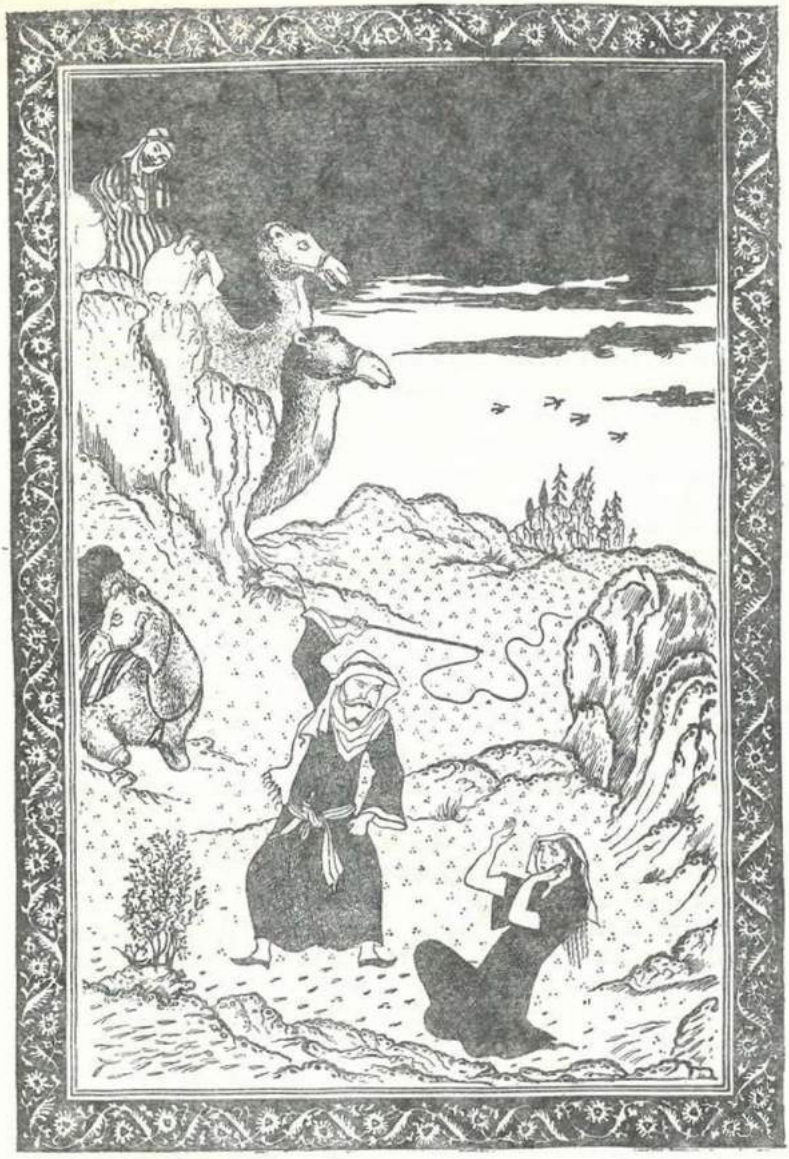
— Аллах дал мне шесть дочерей, однако пять из них умерли. Жива лишь одна, самая младшая. Мне интересно, ты из этой страны или чужеземка. Я хочу взять тебя и приставить к ней, чтобы ты развлекала ее, помогла забыть печаль по сестрам. И если у тебя никого нет, ты станешь для меня одной из дочерей.

«Быть может, я буду в безопасности у этого старика»,— подумала Нузхат аз-Заман. Стыдливо опустив голову, она сказала:

— О дядюшка, я дочь арабов, чужеземка, и у меня есть больной брат. Я пойду к твоей дочери с условием, что буду у нее днем, а ночью стану возвращаться к брату. Это сейчас я нахожусь в унижении и презрении, а в своей земле занимала высокое положение. Мы с братом пришли из страны аль-Хаджаза.

Услышав ее слова, кочевник сказал про себя: «Клянусь Аллахом, это именно то, что я хотел!»

— У меня нет никого дороже тебя, и я только хочу,



чтобы ты развлекала мою дочь днем, а с началом ночи будешь уходить к брату. Если же захочешь, то перевези его к нам.

И бедуин так уговаривал и успокаивал ее, произносил мягкие речи, что она согласилась служить у него. Он пошел впереди, а Нузхат аз-Заман последовала за ним. Старец подмигнул сопровождающим его людям, чтобы они опередили их и приготовили верблюдов, нагрузив на них тюки и положив сверху воду и припасы.

Этот бедуин был сын разврата, действующий обманом и предающий друзей, коварный и хитрый разбойник, у которого не было ни сына, ни дочери. По воле рока встретил он бедняжку Нузхат аз-Заман и решил завлечь в свои сети. Всю дорогу он разговаривал с нею, пока они не вышли из Иерусалима и в окрестностях не встретили его сотоварищей. Оказалось, что они уже снарядили верблюдов. Бедуин сел на одного из них, посадил девушку сзади себя, и они ехали всю ночь. Нузхат аз-Заман поняла, что слова его были лживы и он обманул ее. Она плакала и кричала целую ночь, пока они ехали по дороге, направляясь в горы. А когда приблизился рассвет, бедуин подошел к Нузхат аз-Заман и сказал:

— О горожанка, что это за плач? Клянусь Аллахом, если ты не замолчишь, я буду бить тебя, пока не погибнешь, о девка из города!

От этих слов ей стало так страшно и горько, что она пожелала себе смерти.

— О скверный старец, седой нечестивец! — крикнула она.— Я доверилась тебе, а ты обманул меня и хочешь замучить!

— О девка, ты осмеливаешься отвечать мне?! Я укорочу твой язык! — Бедуин подошел к ней с бичом и стал бить, приговаривая: — Если не замолчишь, я убью тебя!

И Нузхат аз-Заман пришлось замолчать. И, лишь вспомнив брата и свое былое благоденствие, тайком роняла слезу.

На другой день она снова начала упрекать бедуина:

— Как ты мог хитростью заманить меня в эти пустынные горы? Чего ты от меня хочешь?

От ее слов он еще больше озлобился и воскликнул:

— О скверная девка, у тебя слишком длинный язык!

Схватив бич, он опустил его на спину девушки и бил ее, пока она не обеспамятела. Тогда старик отбросил бич, продолжая осыпать девушку бранью:

— Клянусь моим колпаком, если я увижу или услышу, что ты плачешь, я отрежу тебе язык, о городская девка!

Нузхат аз-Заман сжалась от боли и, присев на корточки, спрятала голову в ворот рубахи. Она думала о своем положении, о том, как унижена после величия и сколько испытала побоев. Вспомнив о брате, который теперь болен и одинок, и о том, что оба они на чужбине, она залилась слезами.

В это время бедуин, пожалев ее, подошел к ней. Он вытер ей слезы и дал ячменную лепешку.

— Не люблю тех, кто перечит мне в минуту гнева,— сказал он.— Впредь не отвечай мне такими мерзкими словами, и я продам тебя доброму человеку, который будет обращаться с тобой так же хорошо, как и я.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 56-я

Когда же пятьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, бедуин пообещал Нузхат аз-Заман, что продаст ее хорошему человеку.

— Благодарю тебя,— ответила Нузхат аз-Заман.

После полуночи бедуин приказал своим людям трогаться. Они нагрузили верблюдов, старик сел на одного из них и посадил Нузхат аз-Заман сзади. Ехали они без остановки в течение трех дней, а на четвертый вступили в город Дамаск и остановились в хане султана, возле ворот наместника. У Нузхат аз-Заман изменился цвет лица от печали и усталости, и она заплакала. Будуин подошел к ней и сказал:

— О, клянусь мудростью своих седин, если плакать не бросишь поскорее, я никому не продам тебя, кроме еврея! — Он взял ее за руку и отвел в какое-то помещение, а сам пошел на рынок к купцам, торгующим невольницами.

— У меня есть девушка, которую я привез с собою. Брат ее болен, и я послал его к моим родным в Иерусалим, чтобы они его лечили. Я хочу ее продать, а она все плачет из-за разлуки с братом. Пусть тот, кто купит ее, говорит с ней помягче, я сбавлю за это цену на нее.

Один из купцов спросил:

— Сколько ей лет?

— Она невинна, но достигла зрелости,— ответил бедуин.— Умна, образована, сообразительна, красива и прелестна, но с тех пор, как я отослал ее брата в Иерусалим,

сердце ее занято мыслью о нем, и это отразилось на ее внешности.

— Знай, о шейх арабов, что я пойду с тобою и куплю невольницу, которую ты расхваливаешь за ум, образованность, красоту и прелесть,— промолвил купец.— Я хочу предложить ее царю Шарр-Кану и, если он примет мое условие, я заплачу тебе наличными, если же не примет, то верну тебе невольницу.

— Она наверняка придется Шарр-Кану по сердцу, и ты не только получишь свою цену, но и будешь иметь прибыль,— ответил бедуин.

— У меня,— сказал купец,— есть к нему просьба: выдать мне разрешение из дивана, чтобы с меня не брали пошлины. И еще — написать своему отцу, Омару ибн ан-Нуману, рекомендательное письмо. Если он примет от меня девушку, я тотчас же отвешу тебе ее цену.

— Я принимаю это условие,— согласился бедуин.

И они отправились туда, где находилась Нузхат аз-Заман. Бедуин остановился у двери помещения и крикнул:

— Эй, Наджия!

Этим именем назвал он девушку, но, услышав его голос, она заплакала и ничего не ответила.

— Вот она сидит, делай с ней что хочешь! — обернулся к купцу старик.— Подойди, взгляни на нее и будь поласковее, как я учил тебя.

Торговец подошел с добродушным выражением лица и убедился, что девушка красоты и прелести необыкновенной, к тому же знает арабский язык.

— Если она такова, как ты ее описал мне,— сказал он,— то благодаря ей я добьюсь у султана всего, чего желаю.— Потом обратился к девушке: — Мир с тобою, о дочка, каково тебе?

Нузхат аз-Заман подумала, что купец, похоже, человек степенный и добрый. Пусть лучше он купит ее, иначе ей придется остаться у этого злодея, и он сгубит ее побоями. «Лицо этого человека красиво, и от него скорее можно ждать добра, чем от грубияна бедуина,— сказала она сама себе.— Он заговорил со мною ласково, и я отвечу ему так же». Нузхат аз-Заман подняла глаза от земли, обратила взор к купцу и нежно произнесла:

— И с тобою мир, о господин, милость Аллаха и благословение его! А на твой вопрос, каково мне, дам ответ: желай такого только своим врагам.

Услышав ее благочестивые слова, купец возликовал от радости и, обернувшись к бедуину, спросил:

— Какова ей цена? Поистине, благородна она!

Старик сердито крикнул:

— Ты испортил мне девушку! Зачем говоришь, что она благородная, когда она — отребье невольниц и происходит из самых низких людей? Я не продам ее тебе!

Торговец, поняв, что сглупил, постарался исправить положение:

— Сдержи свой нрав! Я куплю ее, несмотря на те недостатки, о которых ты говоришь!

— А сколько ты дашь за нее?

— Сыну дает имя отец. Сколько стоит она, говори наконец!

И воскликнул бедуин:

— Будешь говорить ты один!

«Этот бедуин — сухоголовый кретин! — подумал купец.— Клянусь Аллахом, я не знаю ей цены, но она покорила мое сердце своим красноречием и прекрасной внешностью. А если к тому же обучена чтению и письму, то это будет великая удача для того, кто купит ее».

Повернувшись к бедуину, он сказал:

— О шейх арабов, я дам за нее двести динаров целиком и полностью в твои собственные руки, не считая налогов и доли султана.

Услышав это, старик сильно разгневался и воскликнул:

— Поднимайся и иди своей дорогой! Клянусь Аллахом, если бы ты дал мне двести динаров за тот кусок плаща, который на ней надет, я бы не продал его тебе. Я уже не хочу ее продавать, а оставлю у себя пасти верблюдов и молоть зерно на мельнице! — И он крикнул девушке: — Иди сюда, вонючая, я не продаю тебя! — Затем обернулся к купцу и сказал: — Я считал, что ты знающий человек! Клянусь моим колпаком, если ты не уйдешь, я заставлю тебя выслушать то, что тебе не понравится.

«Поистине, этот бедуин одержимый и не знает ей цены,— подумал купец.— Я сейчас ничего не скажу ему о цене. А ведь она стоит царства Хосроя. У меня нет сейчас столько денег. Но если он потребует, я дам ему, сколько он захочет, даже если это будет все, что у меня есть».

Обернувшись к бедуину, он сказал:

— О шейх арабов, будь терпелив и сдержи свой гнев. Скажи мне, что у тебя есть из ее одежды?

— А какая одежда годится для этой девки? — воскликнул бедуин.— Клянусь Аллахом, и этого плаща, в который она завернута, для нее много.

— С твоего позволения я открою ей лицо и рассмотрю его, как обычно делают при покупке невольницы.

— Делай с нею, что хочешь! — ответил бедуин.— Осмотри ее всю, если хочешь.

— Сохрани Аллах, я взгляну только на ее лицо.— Купец подошел к девушке и, смущенный ее красотой и прелестью, сел рядом.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 57-я

Когда же пятьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, купец, смущенный красотой и прелестью девушки, сел рядом.

— О госпожа моя, как твое имя? — спросил он.

— Ты хочешь знать мое сегодняшнее имя или прежнее?

— А у тебя два имени?

— Да, мое имя до этого дня было Нузхат аз-Заман, а сегодня меня зовут Гуссат аз-Заман.

Глаза купца наполнились слезами, когда он услышал эти слова.

— У тебя есть больной брат? — поинтересовался он.

— Да, клянусь Аллахом, господин мой,— ответила девушка,— но время разлучило нас в Иерусалиме.

Купца поразили ее ум и нежность ее разговора, и он подумал: «Справедливы были речи бедуина». А Нузхат аз-Заман, вспомнив своего больного брата, страдавшего сейчас на чужой стороне, вернулась мыслью и к тем дням, когда рассталась с матерью и отцом, а после оказалась в лапах бедуина, и слезы неудержимо потекли по ее щекам.

Купец тоже заплакал и протянул руку, чтобы вытереть соленую влагу с ее щеки, но бедняжка закрыла лицо ладонями и прошептала:

— Остерегайся делать это, господин!

А кочевник, увидев, как она подняла руки, решил, что девушка не дает купцу осмотреть себя. Он вскочил, подбежал к ней с верблюжьей уздечкой и так сильно ударил по

плечам, что несчастная упала вниз лицом. Камешек, лежавший на земле, попал ей в бровь и пробил ее, так что кровь потекла по лицу. Она испустила громкий крик и потеряла сознание. При виде таких страданий купец еще больше огорчился. «Я непременно куплю эту девушку, даже если за нее запросят столько золота, сколько в ней веса,— решил он.— Я избавлю ее от этого злодея!» Он принялся ругать бедуина, стоя над бесчувственным телом. А девушка, придя в себя, вытерла с лица слезы и кровь и тихим голосом обратилась к купцу:

— Ради Аллаха, не оставляй меня у этого злодея! Если я проведу у него эту ночь, то убью сама себя. Избавь же меня от него, и Аллах избавит тебя от геенны огненной.

Купец снова предложил бедуину:

— О шейх арабов, эта девушка тебе не нужна; продай мне ее за любую цену.

— Бери,— ответил тот,— и назначай сам плату, а не то я отведу ее в кочевье и заставлю собирать навоз и пасти верблюдов.

— Даю пятьдесят тысяч динаров,— сказал купец, но старик отрицательно покачал головой.

— Семьдесят тысяч!

— Аллах поможет! — отвечал бедуин.— Это меньше, чем я затратил на нее. Она съела ячменных лепешек на девяносто тысяч динаров.

— И ты, и твоя семья, и твое племя за всю жизнь не съели ячменя на тысячу динаров! — рассердился купец.— Назову тебе последнюю цену, и если ты не согласишься, укажу на тебя наместнику Дамаска, и он возьмет у тебя девушку силой.

— Говори же,— молвил бедуин.

— Сто тысяч динаров!

— Хорошо, я продам ее тебе за такую цену,— согласился старик,— и куплю на эти деньги соли.

Купец, обрадовавшись, пошел к себе и принес деньги. Бедуин взял их, думая про себя: «Обязательно съезжу в Иерусалим; может быть, найду ее брата, привезу сюда и продам».

Не мешкая, он пустился в дорогу и прибыл в Иерусалим. Здесь отправился в хан и спросил о брате проданной невольницы, но не нашел его.

А в это время купец, накинув на девушку кое-какую одежду, отвел ее в свое жилище и одел в роскошнейшее

платье. Потом направился с нею на рынок, где купил драгоценности, какие она только пожелала.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 58-я

Когда же пятьдесят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, купец направился с Нузхат аз-Заман на рынок, где купил драгоценности, какие она пожелала.

— Все это для тебя,— сказал он Нузхат аз-Заман.— Я хочу только, чтобы ты, когда я приведу тебя к наместнику Дамаска, сообщила ему о цене, которую я за тебя заплатил (хотя этого мало за один твой ноготь!). Если он купит тебя, то расскажи ему, что я для тебя сделал, и попроси для меня султанскую грамоту с рекомендацией. Я отправлюсь с нею к его отцу, владыке Багдада Омару ибн ан-Нуману, и он не позволит брать с меня пошлину за материю и за все товары, которыми я буду торговать.

Услышав его слова, Нузхат аз-Заман зарыдала, и купец в недоумении спросил:

— О госпожа, всякий раз, как я вспоминаю о Багдаде, твои глаза льют слезы. У тебя там есть кто-нибудь, кого ты любишь? Скажи мне, я знаю всех. А если хочешь послать письмо, то я непременно доставлю его.

— Клянусь Аллахом, у меня там нет никого из знакомых, кроме царя Омара ибн ан-Нумана,— отвечала девушка.

Купца это обрадовало, и он подумал: «Клянусь Аллахом, я достиг того, чего желаю!»

— А тебя раньше предлагали ему? — спросил он.

— Нет, но я воспитывалась вместе с его дочерью. Я была ему дорога, и он оказывал мне большое уважение. Если желаешь добиться милости у Омара ибн ан-Нумана, то принеси мне чернильницу и перо, я напишу для тебя письмо, а ты, прибыв в город Багдад, вручи его лично в руки царю и скажи ему: «Твою невольницу Нузхат аз-Заман преследовали превратности судьбы, она много раз была продана. Она передает тебе привет». Если царь спросит обо мне, скажи, что я у наместника Дамаска.

Купец удивился ее красноречию, и она еще больше ему понравилась.

— Я думаю,— сказал он,— что люди недооценили твой ум, если продали тебя за деньги. Хранишь ли ты в памяти Коран?

— Да,— ответила девушка,— а еще я знаю философию и врачевание, введение в науку и толкование врачом Галеном «Афоризмов» Гиппократа. Я читала «Тезкире», и «Трактат о простых лекарствах» ибн аль-Байтара, объясняла «Бурхан», рассуждала о «Макканском Каноне» ибн Сины, разгадывала загадки, чертила фигуры, рассуждала о геометрии и хорошо усвоила анатомию. Я читала книги шафиитов, предания и грамматику, вела спор с учеными и рассуждала обо всех науках, сильна в логике, красноречии, счете и составлении календарей, знаю духовные книги и время молитвы, глубоко усвоила все эти науки.— И повторила купцу: — Принеси мне чернильницу и бумагу! Я напишу письмо, которое поможет тебе в дороге и избавит от нужды.

— Счастлив тот, в чьем дворце ты будешь жить! — в восторге воскликнул и принес чернильницу, бумагу и медный калам, поцеловав землю перед Нузхат аз-Заман из уважения к ней. Она взяла свиток и калам и написала такие стихи:

Как вижу я, сон удалился от глаз моих прочь.
Скажи, не твоя ливина, уснуть мне невмочь?

Зачем, вспоминая тебя, мое сердце пылает?
Неужто влюбленным всегда так мучительна ночь?

А после начертала такие слова:

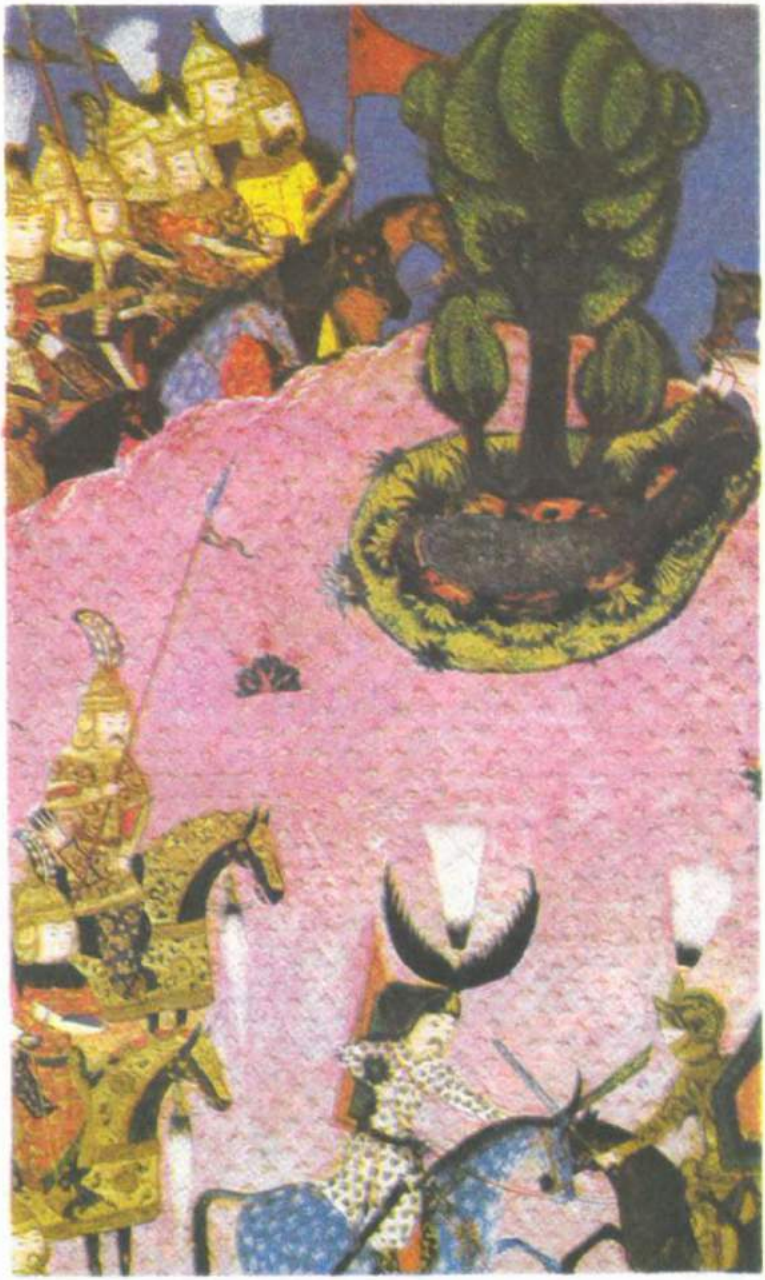
«Говорит та, которую уничтожили думы и истощила бессонница, в чьем мраке не найти огня. Не отличает она ночи от дня, ворочаясь на ложе разлуки от думы-муки. И звезды она наблюдает, взором мрак пронзает, истаяла вся от дум и истощения, нету хуже ее положения. Долог рассказ о ее положении, и нет у нее помощника, кроме слез».

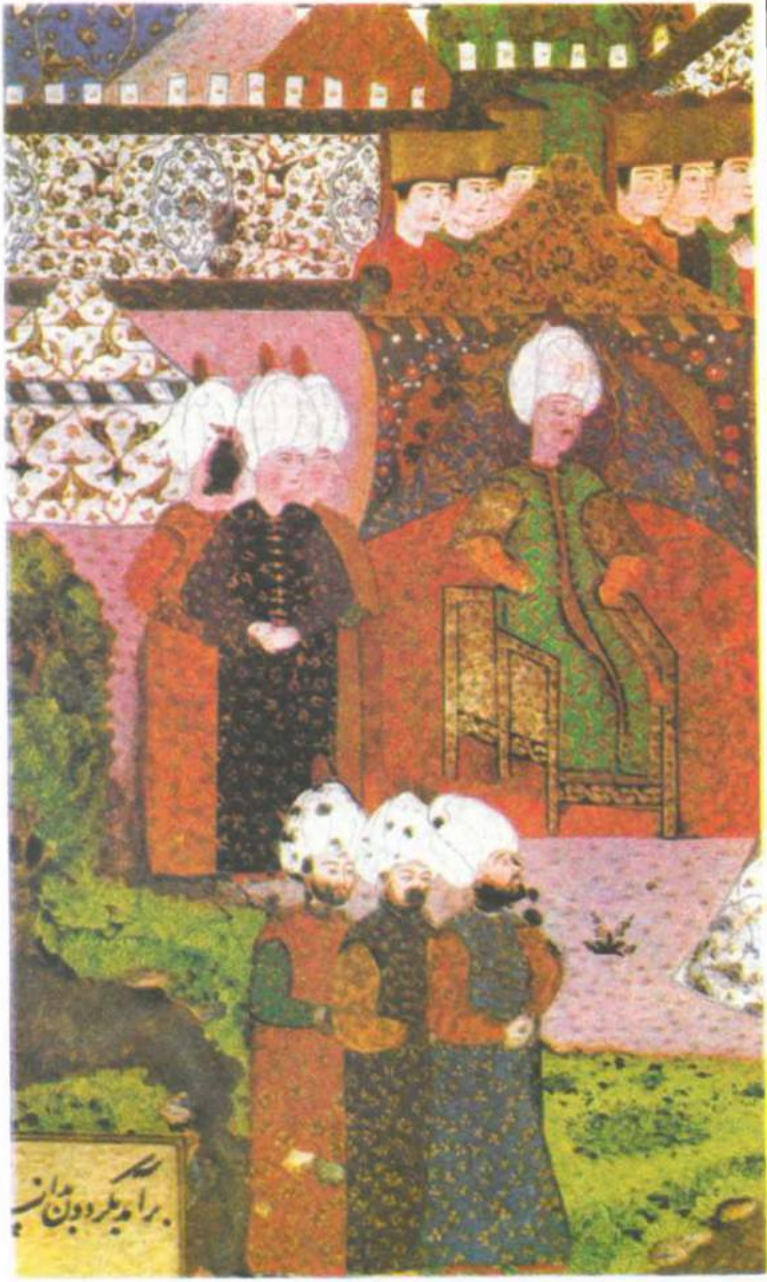
И еще написала она такие стихи:

Едва заворкует в зеленой листве голубок,
Убийца-тоска шевелится, чей сон не глубок.

Вздохнет ли при мне человек, разлученный с любимой,
Несносны мученья печалей моих и тревог.

Вытирая слезы, подписала внизу: «Это письмо от той, кто вдали от близких и родных, от опечаленной сердцем и душой Нузхат аз-Заман».





Потом свернула свиток и подала его купцу. Поцеловав его, тот воскликнул:

— Да будет превознесен владыка, создавший тебя такой.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 59-я

Когда же пятьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, купец взял свиток и, узнав, что в нем написано, воскликнул:

— Да будет превознесен владыка, создавший тебя!

И он стал оказывать ей еще большее уважение и целый день был с ней ласков. Вечером пошел на рынок и принес еды, а потом повел девушку в баню, велев банщице:

— Когда кончишь мыть ей голову, одень ее и позови меня.

— Слушаю и повинуюсь! — ответила банщица.

Купец принес разных кушаний и поставил все это на скамейку в предбаннике. Помывшись, Нузхат аз-Заман поела вместе с банщицей. Потом девушка проспала до утра, а на заре купец разбудил ее и дал тонкую рубашку, головной платок ценой в тысячу динаров, вышитое турецкое платье, сапожки, расшитые червонным золотом и унизанные жемчугом и драгоценными камнями, а в уши ей вдел золотые кольца стоимостью в тысячу динаров, украшенные жемчугом. На шею он надел ей золотое ожерелье и цепь из амбры, спускающуюся ниже груди, на которой было десять шариков и девять полумесяцев, а посредине каждого полумесяца был оправленный рубин. Цепь эта стоила три тысячи динаров, а каждый шар — двадцать тысяч дирхемов, и вся одежда, в которую купец облачил девушку, обошлась в огромные деньги.

И вот девушка в своих нарядах, опустив на глаза покрывало, вышла из дома, а купец шагал впереди. Люди красотой ее были изумлены, обаянием ее ошеломлены. И они говорили:

— Благословен Аллах, лучший из творцов! Счастлив тот, у кого эта девушка.

Нузхат аз-Заман следовала за купцом, пока он не пришел к Шарр-Кану и, поцеловав землю меж его рук, сказал:

— О счастливый царь, я привел тебе в подарок удивительную девушку, равной которой нет в наши дни. Она обладает и прелестью, и умом!

— Позволь же мне взглянуть на нее,— сказал царь.

И когда он узрел Нузхат аз-Заман, кровь устремилась к родной крови, хотя царь никогда не видел ее. Он только слышал, что у него есть сестра по имени Нузхат аз-Заман и брат Дау аль-Макан, и возненавидел обоих, боясь, что они отнимут у него царство. Подведя к нему девушку, купец промолвил:

— О царь времени, она чудо красоты и прелести, и нет ей соперниц. Кроме того, она знает все науки — светские, духовные, точные.

— Возьми столько денег, сколько за нее заплатил, и иди своей дорогой,— сказал царь купцу.

Тот согласился, однако добавил:

— Напиши указ, чтобы мне никогда не платить десятины с моих товаров.

— Я непременно сделаю это,— молвил царь,— но скажи мне, сколько ты отвесил в уплату за нее?

— Сто тысяч динаров да еще одежд на сто тысяч динаров купил.

— Я дам тебе за нее больше.

И Шарр-Кан кликнул казначея и велел:

— Отсчитай этому купцу триста двадцать тысяч динаров, пусть ему будет сто двадцать тысяч динаров прибыли.

Потом он призвал четырех судей и в их присутствии вручил купцу деньги, предупредив:

— Беру вас в свидетели, что я освободил эту невольницу и желаю взять ее в жены.

Судьи составили свидетельство о ее освобождении, а потом сделали брачную запись. Царь осыпал головы присутствующих золотом, и слуги и евнухи подбирали деньги. Затем Шарр-Кан велел написать для купца указ на вечные времена, чтобы ему никогда не платить со своей торговли ни десятины, ни пошлины. А также одарил его великолепной одеждой.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 60-я

Когда же шестидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Шарр-Кан велел написать для купца указ на вечные времена, чтобы ему никогда не платить со своей торговли ни десятины, ни пошлины. А также одарил его великолепной одеждой.

Потом Шарр-Кан сказал судьям:

— Хочу, чтобы вы послушали речи этой девушки, свидетельствующие о ее образованности и знаниях, о которых говорил мне купец.

И он приказал опустить занавес, отделяющий его и тех, кто был с ним, от девушки и всех, окружавших ее. Женщины, которые находились рядом с Нузхат аз-Заман, начали поздравлять ее с тем, что она стала женой царя. Сняв покрывало с нее, они любовались ее красотой и прелестью.

— О госпожа, наш город озарен тобою! — восклицали они,— ты оказала честь нашей стране и царству. Все царство — твое, и дворец тоже твой, и мы все — твои невольницы. Ради Аллаха, не лишай нас твоих милостей и возможности лицезреть твою красоту!

Девушка поблагодарила их, не зная, что Шарр-Кан, четверо судей и купец слушают ее за занавесом. И тут она услышала голос царя:

— О великая царица, этот купец приписывает тебе глубокие знания и образованность, утверждает, будто ты сведуща во всех науках, даже в науке о звездах. Дай нам услышать что-нибудь из того, о чем ты упоминала в разговоре с купцом, изложи хотя бы некоторые положения.

— Слушаю и повинуюсь, о царь! — ответила девушка.— Первое — о делах управления и достоинствах царей, о том, что подобает вершителям закона и какие должно иметь им качества, угодные Аллаху. Знай, о царь, что главное — быть праведным в делах веры святой и жизни мирской. Занятия людей делятся на четыре разряда: властвование, торговля, земледелие и ремесла.

Властвующему приличествует совершенное умение управлять и безошибочная проницательность, ибо власть — залог благополучия в здешней жизни, и она же есть путь к жизни будущей. Всякому человеку следует поступать

так, чтобы приблизиться к Аллаху, а не потакать своим страстям. Если бы люди брали от благ мира по справедливости, наверное, прекратились бы распри, однако они предпочитают насилие в стремлении достичь своей цели. Вот почему им нужен властитель, восстанавливающий истину и устраивающий дела по справедливости.

Говорил Ардешир: «Вера и власть — близнецы, вера — сокровище, а власть — страж». Власть нужна такая, которая бы защищала обиженного от обидчика и оказывала поддержку слабому против сильного, сдерживала злобу насильников и злодеев.

Знай, о царь, что каковы достоинства султана, такова и жизнь в его царстве.

Сказал посланник Аллаха, да благословит его Всевышний: «Если два сословия — ученые и эмиры — праведны, то и все люди будут праведными, а если они не праведны, то неправедным будет и народ».

А еще некий мудрец изрек: «Есть цари благочестивые, цари, оберегающие святыни, и цари, предающиеся страстям. Благочестивый, понуждая подданных следовать вере, сам должен быть благочестивей всех, ибо его примеру подражают другие.

Царь, охраняющий святыни, печется о делах мирских и о делах веры, заставляя людей следовать закону, думать про вечность и блюсти человечность. Он должен действовать и пером, и мечом, ибо кто отступит от начертанного пером, того поправит острие меча.

У царя же, предающегося страстям, нет веры, он лишь стремится удовлетворить свою страсть и не страшится гнева своего владыки, давшего ему власть. Его царство ждет один конец — уничтожение».

И еще говорили мудрецы: «Царь нуждается во многих людях, а люди нуждаются в одном правителе. И должен он хорошо знать их качества, дабы приводить их к согласию и восстанавливать среди них справедливость».

Знай, о царь, что Ардешир, называемый Джамр-Шедид,— третий из персидских царей, покорил многие земли и разделил их на четыре части. Он велел изготовить для себя четыре перстня — по одному на каждую часть своего царства. Первый был перстнем моря, стражи и охраны, и он написал на нем: «Власть». Второй был перстнем подати и сбора денег, и он написал на нем: «Процветание». Третий был перстнем продовольствия, и на нем было написано: «Изобилие», а четвертый был перстнем жалоб, и на нем

он написал: «Справедливость». Эти обычаи остались и утвердились у персов, пока не появился ислам.

Хосрой написал своему сыну, который стоял во главе его войск: «Не будь слишком щедр к своим воинам,— они перестанут нуждаться в тебе...»

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 61-я

Когда же шестьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Хосрой написал своему сыну: «Не будь слишком щедр к своим воинам,— они перестанут нуждаться в тебе. Но и не стесняй их, чтобы они не стали тяготиться тобою. Одаривай их умеренно и награждай милостиво; при изобилии будь щедр и не оставляй в беде».

Сказано: нет богатства лучше разума; нет разума лучше предвидения и рассудительности; нет пользы, равной поддержке свыше; нет торговли, равной добрым делам; нет прибыли, равной награде Аллаха; нет благочестия выше соблюдения закона; нет знания, равного размышлению; нет веры выше скромности; нет расчета выше смирения и нет чести выше знания.

Алий как-то сказал: «Бойтесь дурных женщин и будьте с ними настороже. Не советуйтесь о делах, но не скупитесь на милость к ним, дабы их не потянуло строить козни».

А вот что говорил Омар ибн аль-Хаттаб, да будет доволен им Аллах: «Женщины бывают разные. Вот одна, богобоязненная, любящая и плодовитая, помогающая мужу против ударов судьбы и не помогающая судьбе против мужа. А другая, что печется о дитяти, но не больше того. И третья — цепь, которую Аллах накладывает на чью-то шею».

Один из сотрапезников Муавии упомянул однажды о жителях Ирака и их здравых суждениях. И жена Муавии, услышав это, сказала:

«О повелитель правоверных, мне хотелось бы, чтобы ты позволил людям из Ирака посетить тебя и побеседовать с тобою, а я послушаю их речи».— «Пусть будет по-твоему»,— молвил халиф и велел позвать одного из иракцев. И привели к нему аль-Ахнафа ибн Кайса. «О благо-

верный, что ты мне можешь посоветовать?» — спросил Муавия и услышал такой ответ: «Разделяй волосы пробором, подстригай усы, подрезай ногти, выщипывай волосы под мышками, брей лобок и всегда употребляй зубочистку — в этом семьдесят две добродетели. И пусть омовение в пятницу будет очищением от того, что было между двумя пятницами».

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 62-я

Когда же шестьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, аль-Ахнаф ибн Кайс сказал Муавии: «И пусть омовение в пятницу будет очищением от того, что было между двумя пятницами».— «А что ты посоветуешь себе самому?» — вопрошал Муавия. «Ступать ногами по земле, не торопясь при этом, и наблюдать за ними оком»,— ответил аль-Ахнаф. «А как ты поступаешь, когда приходишь к людям из твоего племени, стоящим ниже эмиров?» — «Я скромно склоняю голову, приветствуя их первым, и попусту не болтаю».— «А как ведешь себя, входя к равным себе?» — продолжал расспрашивать халиф. «Я внимаю их речам и не перечу им, если они раздражаются».— «А как поступаешь, когда входишь к твоим повелителям?» — «Я приветствую их у самого порога, и если они велят мне приблизиться — приближаюсь, а если велят идти прочь — удаляюсь»,— ответил аль-Ахнаф.

И тогда Муавия спросил: «А как ты ведешь себя со своей женой?» И в ответ услышал: «Уволь меня говорить об этом!» Но это лишь усилило любопытство халифа, и он воскликнул: «Заклинаю тебя, расскажи!»

И аль-Ахнаф сказал: «Я обращаюсь с ней хорошо и щедро одаряю — ведь женщина создана из кривого ребра и требует нашего снисхождения».

«А что ты делаешь, когда хочешь познать ее?» — не унимался халиф. «Я терпеливо беседую с ней, пока она сама *того* не пожелает, и нежно целую ее, пока она не затрепещет вся, и лишь после этого делаю то, о чем ты и сам хорошо знаешь. А когда капля утверждается в ее лоне, я говорю: «О милостивый Аллах, сделай ее благосло-

венной, и не делай ее несчастной, и придай ей прекрасный образ». А потом я встаю для омовения и лью воду на руки, а затем и на тело и воздаю хвалу Аллаху за дарованное мне благо».— «Ты отличился в ответе! — воскликнул Муавия.— Поведай теперь, в чем ты нуждаешься».— «Мне нужно, чтобы ты был богобоязнен и справедлив, управляя своими подданными».

Когда аль-Ахнаф удалился, Муавия молвил: «Если бы в Ираке был только он, этого бы Ираку было довольно».

— А вот еще одна история,— продолжала Нузхат аз-Заман.— Некто Муайкиб управлял казной в халифате Омара ибн аль-Хаттаба...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 63-я

Когда же шестьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Муайкиб управлял казной в халифате Омара ибн аль-Хаттаба. Однажды, увидев сына своего повелителя, он дал ему дирхем из государственной казны.

«И вот приходит ко мне посланец от Омара,— рассказывал он,— и велит срочно отправляться к халифу. И, войдя к нему, я увидел у него в руке тот самый дирхем, который подарил его сыну. «О горе тебе,— молвил халиф,— я знаю о тебе нечто».— «И что же это, повелитель правоверных?» — спросил я и услышал в ответ: «В день воскресения ты будешь тягаться за этот дирхем с народом Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует».

Передавал Зейд ибн Аслам, что его отец говорил: «Однажды ночью шел я с Омаром, и увидели мы пылающий костер. И Омар сказал: «Аслам, я думаю, это путники, измученные холодом. Пойдем к ним». И мы подошли ближе к костру и увидели женщину, которая подвешивала над огнем котелок, а еще рядом с ней были плачущие дети. «Мир вам, люди света,— сказал Омар (он не хотел сказать — «люди огня»).— Что с вами?» — «Нас мучит холод и мрак ночи»,— ответила женщина. «А почему плачут

дети?» — спросил Омар. «Голод тому виной».— «А что это за котел?» — продолжал расспросы Омар.

«Говоря, что в нем варится еда, я на время успокаиваю детей. О, поистине Аллах спросит об этих несчастных созданиях Омара ибн аль-Хаттаба в день воскресения». «А откуда Омару знать о них?» — удивился халиф. «Как же! Он вершит дела людей и пренебрегает ими!»

И Омар обернулся ко мне,— продолжал Аслам,— и сказал: «Пойдем!» — и мы поспешно пошли и пришли к Дому Расхода, и Омар, взяв куль муки и кувшин жиру, велел: «Взвали это мне на спину». «Давай, лучше я понесу»,— предложил я.

Но Омар спросил: «А понесешь ли ты за меня мою тяжесть в день воскресения?»

И вот я взвалил на него припасы, и мы поспешно пошли обратно и бросили куль возле женщины. И сам Омар принялся раздувать под костром огонь (а у него была большая борода, и я видел, как дым выходил из просветов в ней) и сыпать в котел муку. А когда похлебка сварилась, он бросил в нее кусок жира и сказал женщине: «Я буду остуживать кушанье, а ты корми ребят». И они ели до тех пор, пока не наелись досыта.

Омар дал женщине оставшуюся муку. Обратившись ко мне, он молвил: «Аслам, они плакали от голода».

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 64-я

Когда же шестьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Нузхат аз-Заман говорила:

— Рассказывают, что Омар, проходя мимо пастуха, хотел купить у него овцу, но пастух молвил: «Они не мои».

Тогда Омар воскликнул: «Именно ты мне нужен!»

И купил пастуха и освободил его.

Говорят, что с тех пор Омар ибн аль-Хаттаб кормил слуг молоком, а сам ел грубую пищу, и одевал их в одежды из мягкой ткани, а сам носил из жесткой. И денег он давал каждому, сколько тому требовалось, и еще сверх того.

Одному человеку он подарил четыре тысячи дирхемов, а потом прибавил еще тысячу, и тогда ему сказали: «Не прибавишь ли ты денег и своему сыну, как прибавил этому человеку?» «Нет, отец его был тверд в день Охода»,— ответил Омар.

«А однажды Омару,— рассказывал аль-Хасан,— принесли много денег, и пришла к нему Хафса и сказала: «Повелитель правоверных, раздели часть денег между своими родственниками».— «Хафса,— ответил халиф,— Аллах велит не забывать о благополучии моих родственников, но отдавать им деньги мусульман — никогда! И знай, о, Хафса, что, прося об этом, ты делаешь угодное твоей родне, но гневишь своего отца!»

А затем Нузхат аз-Заман сказала:

— Послушай, о счастливый царь, предание о последователях Пророка и других праведниках. Говорил аль-Хасан из Басры: «Не покидает душа человека здешнего мира без того, чтобы не сожалел он о трех вещах: что не пользовался тем, что собрал, не достиг того, на что надеялся, и не заготовил себе достаточно припасов для путешествия, которое он предпринимает».

Спросили Суфьяна: «Может ли богатый человек быть подвижником?» И он ответил: «Да, если стоек в испытаниях и благодарит Аллаха за ниспосланные милости».

А когда к Абд-Аллаху ибн Шеддаду явилась смерть, он призвал своего сына Мухаммада и стал говорить, наставляя его:

— О сын мой, тебе надлежит быть богобоязненным, тайно и явно воздавая Аллаху благодарение, а также быть правдивым в речах. И помни: благодарение способствует приросту всяких благ, а богобоязненность лучше всех оберегает от их потери.

Затем Нузхат аз-Заман сказала:

— Когда Омар ибн Абд аль-Азиз стал халифом, он пришел к своим родным и, взяв то, что у них было, сложил это в казну. Они же сообщили об этом его тетке Фатиме, дочери Мервана, и она тут же отправилась к нему.

И сказал ей халиф:

— Аллах великий послал Мухаммада как милость одним и наказание другим, а затем он избрал для него пребывание подле себя и взял его к себе...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 65-я

Когда же шестьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в преданиях, о счастливый наш царь, милостивый государь, халиф сказал:

— Аллах великий послал Мухаммада как милость одним и наказание другим, а затем он избрал для него пребывание подле себя и взял его к себе, и оставил он людям реку, чтобы пить из нее. И первый халиф Абу-Бекр Правдивый неустанно заботился о ней, дабы она не обмельчала, ибо это было во благо всем и угодно великому Аллаху. Точно так поступил и второй халиф — Омар.

Но когда стал халифом Осман, он отвел от реки для себя и своей родни поток, а потом правил Муавия и отвел еще многие потоки. И точно так же отводил их после него Язид и сыновья Мервана: Абд аль-Мелик, аль-Валид и Сулейман. И кончилось это все тем, что большая река высохла. И вот власть пришла ко мне, и я хочу, чтобы река стала такой же полноводной, как прежде.

Когда же к Омару ибн Абд аль-Азизу явилась смерть и он собрал своих детей вокруг себя, Маслама ибн Абд аль-Мелик сказал ему:

— О повелитель правоверных, как ты, будучи пастырем своих детей, оставляешь их без денег? Ведь никто не мешает тебе, пока ты у власти, дать им из казны золотых монет столько, чтобы жили они, ни в чем не нуждаясь. А нынче же все богатство достанется правителю, следующему за тобой.

Омар посмотрел на Масламу взором удивленным и гневным и воскликнул:

— О Маслама, неразумны речи твои! Среди моих сыновей есть мужья, покорные Аллаху великому, и он устроит и без меня их дела, другие же ослушники, и я не таков, чтобы помогать им в их ослушании. И знай еще, Маслама, что, когда я присутствовал с тобою при погребении одного из сыновей Мервана, снизошло на глаза мои видение, и я узрел, что за расточительство и корысть он подвергся одному из наказаний Аллаха, великого, славного. И это ужаснуло и предостерегло меня, и я дал обет, что не буду поступать, как сын Мервана, если возымею власть. И я был усерден и тверд в этом всю свою жизнь и надеюсь, что Аллах не прогневается на меня.

Маслама сказал: «Скончался один человек, и я при-

сутствовал при его погребении, а после погребения сон сомкнул мои веки, и в грезах спящего я увидел покойника в саду, где текут реки, в белых одеяниях. Он приблизился ко мне и молвил: «О Маслама, ради увиденного тобой пускай действуют действующие!» И подобного этому было сказано немало.

Кто-то из верных людей сказал: «Мне представилось доить овец в халифат Омара ибн Абд аль-Азиза, и как-то я встретил пастуха, среди стада которого я заметил несколько волков. Я принял их за собак, ибо волков никогда не видел, и спросил его: «Что это у тебя за собаки?» — «Это волки, а не собаки»,— ответил он. «Неужели волки не представляют опасности для скота?» — спросил я, а пастух ответил: «Если с головой все в порядке, то и с телом все в порядке».

Омар ибн Абд аль-Азиз, читая проповедь на глиняной кафедре, прославив и восхвалив великого Аллаха, произнес такие слова: «О правоверные, будьте праведны втайне, чтобы ваша праведность перед лицом ваших братьев оказалась явной, не искушайтесь земными делами и усвойте, что между человеком и Адамом нет живого посредника. Ушел в мир иной Абд аль-Мелик и пребывавшие прежде него».— «О повелитель правоверных, может, подложить тебе подушку, чтобы было мягче опираться?» — спросил Маслама, но Омар ответил: «Она может оказаться грехом на моей шее в день воскресения». Он издал вопль и свалился в беспамятстве, и Фатима закричала: «Мариам, Музахим, гляньте, что с этим человеком!»

Она вся в слезах кинулась к нему и начала лить на него воду, пока он не пришел в себя. Очнувшись, он увидел плачущую женщину и спросил ее: «Какая причина твоих слез, Фатима?» — «О повелитель правоверных,— ответила она,— когда ты упал без чувств, я вспомнила, что тебе надлежит после смерти предстать перед великим Аллахом, покинуть этот мир и оставить нас. Вот причина моих слез».

«Хватит, Фатима, ты превзошла меру!» — молвил Омар и встал на ноги, но опять свалился без памяти, а Фатима обняла его и воскликнула: «Ты заменил мне отца и мать, повелитель правоверных! Мы не смеем утруждать тебя своими речами».

Затем Нузхат аз-Заман молвила Шарр-Кану в присутствии четырех судей:

— Заключение второго отдела первой главы...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 66-я

Когда же шестьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Нузхат аз-Заман говорила своему брату Шарр-Кану, не узнав его, перед лицом четырех судей и купца «Заключение второго отдела первой главы»:

— Как-то Омар ибн Абд аль-Азиз написал собравшимся на празднество: «После хвалебных слов пусть будет свидетелем великий Аллах в священный месяц, в священном городе, в день великого паломничества, что моей вины нет в причиненных вам обидах и во вражде враждующих с вами, а если я совершил это или намеревался совершить, то, по известным мне причинам и сведениям, найдется возможность прощения. Но я не давал разрешения наносить обиду другим, поскольку буду держать ответ за каждого обиженного. Если кто-то из моих правителей станет пренебрегать истиной и отступит от писания и предписаний, вы не обязаны ему повиноваться, пока он не вернется к истине».

Он сказал, да довольствуется им Аллах: «Мне не нужно освобождения от смерти, ибо она является последним вознаграждением правоверному».

Кто-то из верных людей сообщил: «Когда повелитель правоверных Омар ибн Абд аль-Азиз был халифом, я приехал к нему и увидел лежавшие перед ним двенадцать дирхемов. Он велел положить их в казну, а я спросил его: «О повелитель правоверных, ты обрек свою семью на нищету, сделав ее неимущей. Почему бы тебе не выделить сколько-нибудь денег членам твоего дома, которые не в состоянии обеспечить себя самым необходимым?»

На это Омар ответил: «Ты выразил ошибочное мнение, ибо для моих детей Аллах является преемником, а для неимущих обитателей моего дома — поручителем. Они же люди либо повинующиеся Аллаху, либо грешны перед ним, поэтому я не буду пособлять им в ослушании перед Аллахом».

Затем Омар велел привести к нему детей, а когда явились двенадцать мужчин, у гостя полились слезы из глаз, и он молвил: «Поистине, ваш отец на раздорожье: либо вы разбогатеете и отец попадет в огонь преисподней, либо останетесь бедными и проложите вашему отцу путь в рай. А поскольку он отдает предпочтение раю перед богатством, то идите, да хранит вас Аллах и да будет над вами воля его!»

Халид ибн Сафван рассказывал: «Я держал путь к халифу Хишаму ибн Абд аль-Мелику в сопровождении правителя Ирака и Йемена Юсуфа ибн Омара, который отправился в путь со своими приближенными и слугами. Пройдя длительное расстояние, он решил сделать привал и велел разбить для него шатер, а когда все заняли свои места, я приблизился к халифу, посмотрел на него, и наши взгляды встретились, тогда я сказал ему: «Да будет Аллах благосклонен в своих милостях к тебе, о повелитель правоверных, да направит возложенные на тебя дела по праведному пути и да не примешает напитка горечи в чашу твоей радости. Более красноречивого наставления не найти для тебя, о повелитель правоверных, нежели предание о царе, правившем прежде тебя».

Халиф выпрямился, ибо до этого он сидел облокотившись, и сказал: «Поведай о том, что тебе известно, ибн Сафван!»

И тот начал рассказ: «О повелитель правоверных, выехал однажды один царь, пребывавший прежде тебя, в эти земли и в разговоре со своими собеседниками спросил их: «Приходилось вам видеть подобное тому, что я имею, и владеет ли кто-нибудь тем, чем владею я?» А при нем находился древнейший человек из «носителей доказательства», наставляющий на истину шествующих по ее стезе, и он обратился к царю: «О владыка, твой вопрос затронул очень значительное дело. Если позволишь, я отвечу на него».— «Отвечай»,— сказал царь, и мудрец спросил: «Как представляется тебе имеющееся у тебя — преходящим или непреходящим?» — «Преходящим»,— ответил царь. «Почему же тебя так привлекают временные увлечения, существующие недолго, за которые придется быть ответчиком долго, ибо при расчете с тебя за них надлежаще взымется?» — спросил мудрец. «Но какой путь избрать и к чему стремиться?» — воскликнул царь, а праведник ответил: «Властвуй в своем царстве, повинуясь великому Аллаху, или облачись в рубище и предайся всей душой великому Господу, пока не наступит твой срок. А завтра утром я приду к тебе».

«Этот праведник,— продолжал Халид ибн Сафван,— явился на заре к царю и увидел, как тот снял с головы венец и начал готовиться к странствию,— так подействовало на него нравоучение мудреца».

Хишам ибн Абд аль-Мелик залился слезами и велел снять с него все, что на нем было, а затем остался сидеть во дворце в угрюмом уединении. А приближенные

халифа пришли к Халиду ибн Сафвану и сказали ему: «Вот что ты учинил с повелителем правоверных! Ты увлек его от наслаждений, смутив его жизнь!»

Затем Нузхат аз-Заман обратилась к Шарр-Кану:

— В этой главе множество наставлений! Поистине, я не в силах передать все, изложенное в главе, за одну беседу!..

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 67-я

Когда же шестьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Нузхат аз-Заман сказала Шарр-Кану:

— О царь, в этой главе множество наставлений! Поистине, я бессильна передать все, изложенное в главе, за одну беседу. Но с течением дней, о царь времени, все наладится.

Слушая Нузхат аз-Заман, судьи воскликнули:

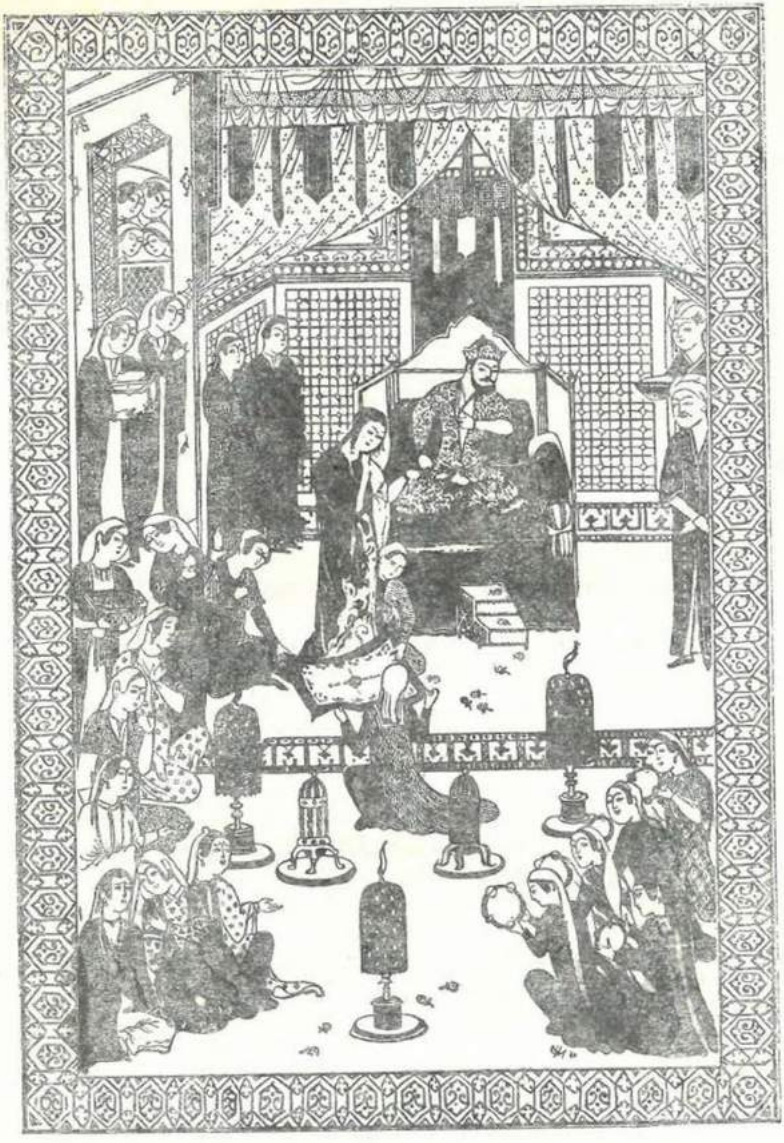
— О царь, эта девушка — чудо времени и жемчужина не только нашего века, но и прошлых столетий. Мы не слышали о подобной ей за всю нашу жизнь.

И, сказав это, они простились с царем и ушли. И тотчас Шарр-Кан велел слугам:

— Принимайтесь за устройство свадьбы, да чтобы побыстрее все было готово.

И едва настал предвечерний час, как уже разложили скатерти со всеми кушаньями, какие только душе угодны, и все гости ели, пока не насытились. А лучшие певцы Дамаска между тем услаждали слух чарующими напевами. А когда пришел вечер, прислужницы вознамерились украсить Нузхат аз-Заман, но увидели, что она не нуждается в украшении.

А царь Шарр-Кан между тем сходил в баню и, выйдя оттуда, сел на ложе, и невесту показывали ему в семи платьях. А потом с нее сняли одежды и стали учить тому, чему учат девушек в ночь, когда их отводят к мужу. И Шарр-Кан вошел к ней и взял ее невинность, и она понесла от него в тот же час и минуту и сообщила ему об этом. И Шарр-Кан сильно обрадовался и приказал мудрецам записать день зачатия, а утром он сел на престол, и



явились вельможи его царства и поздравили его. И Шарр-Кан призвал писца и повелел ему написать письмо своему родителю, Омару ибн ан-Нуману, о том, что он купил невольницу, умную и образованную, и что он пришлет ее в Багдад, дабы она посетила его брата Дау аль-Макана и сестру Нузхат аз-Заман. Он написал также, что освободил девушку, и составил с нею брачный договор, и вошел к ней, и она понесла от него. Запечатав письмо, он отправил его к отцу с гонцом. И этот гонец отсутствовал целый месяц и наконец вернулся с ответом и подал его Шарр-Кану.

— «Это письмо,— начал читать Шарр-Кан,— от несчастного, который потерял детей и покинул родину, от царя Омара ибн ан-Нумана. Знай, что после твоего отъезда я отправился на охоту...»

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 68-я

Когда же шестьдесят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Омар ибн ан-Нуман писал Шарр-Кану: «Знай, что после твоего отъезда я отправился на охоту и отсутствовал целый месяц, а когда возвратился, увидел, что твои брат и сестра взяли немного денег и тайком ушли с паломниками в Палестину. После этого простор сделался для меня тесен и я стал, о дитя мое, ожидать возвращения паломников, надеясь, что, может быть, твои брат и сестра придут с ними. Но паломники вернулись одни, ничего не ведая о твоих сестре и брате. И тогда я надел одежды печали и по сей день утопаю в слезах очей моих». А еще в письме были такие стихи:

Твой призрак меня желает покинуть на миг,
Я в сердце отвел ему самый надежный тайник.

Надеюсь, вернешься — иначе и краткого мига
Не жить мне на свете, тревогу рассеет твой лик.

Прочтя письмо, Шарр-Кан опечалился за своего отца, но вместе с тем его обрадовало исчезновение сестры и брата. Не ведал он, что его молодая жена и есть та самая пропавшая сестра, и посещал ее ночью и днем, пока не подоспело бремя родов.

Аллах облегчил Нузхат аз-Заман разрешение, и у нее родилась дочь. Нузхат аз-Заман послала за Шарр-Каном и сказала ему:

— Вот твоя дочь, назови ее, как хочешь.

— У людей в обычае давать своим детям имя на седьмой день после их рождения,— ответил Шарр-Кан. И затем он нагнулся к своей дочери, желая поцеловать ее, и увидел на шее у нее жемчужину, одну из тех трех, которые царевна Абриза привезла из земли румов. И тотчас гнев охватил Шарр-Кана.

— Откуда попала к тебе эта жемчужина, о невольница? — воскликнул он.

— Я царица, дочь царя Омара ибн ан-Нумана,— призналась Нузхат аз-Заман...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 69-я

Когда же шестьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Нузхат аз-Заман призналась Шарр-Кану:

— Я царица, дочь царя Омара ибн ан-Нумана.

От такого известия, поняв, что Нузхат аз-Заман его сестра, Шарр-Кан лишился чувств. А когда очнулся, то спросил царевну:

— О госпожа, расскажи мне, почему ты рассталась со своим отцом и как стала невольницей?

И она рассказала ему обо всем, что с ней приключилось, от начала до конца.

«Как же это я женился на своей сестре?! — подумал Шарр-Кан.— Клянусь Аллахом, мне теперь необходимо выдать ее за кого-нибудь из моих придворных».

И, вздохнув, он сказал:

— Теперь и я тебе откроюсь. Я — Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана. А ты, значит, моя сестра. И я прошу прощения у Аллаха за тот грех, в который мы впали.

Горько заплакала Нузхат аз-Заман.

— Действительно, мы впали в великий грех! — сокрушалась она.— Что я скажу отцу и матери, когда они спросят: откуда у меня эта дочь?

— Лучше всего,— сказал Шарр-Кан,— если я выдам тебя замуж за царедворца, и ты будешь воспитывать мою дочь у него. Видно, такое испытание предопределил нам Аллах великий ради дела, угодного ему, и нам следует поспешить прежде, чем кто-либо проведает, что мы брат и сестра.

— А как же мы назовем дочку? — спросила Нузхат аз-Заман.

И Шарр-Кан ответил:

— Назови ее Кудыя-Факан.

Вскоре он выдал свою сестру замуж за старшего царедворца и перевел в его дом вместе с дочерью.

А брат Нузхат аз-Заман, Дау аль-Макан, был все это время с истопником в Дамаске.

И вот в какой-то день прибыл гонец от царя Омара ибн ан-Нумана к царю Шарр-Кану, и с ним было письмо. И Шарр-Кан взял письмо и прочитал в нем после имени Аллаха такое: «О славный царь, сейчас же по прибытии этого письма отправь ко мне вместе с податью ту невольницу, которую ты купил и взял себе в жены. Я хочу ее видеть и слышать. А причиной тому приезд в мои владения из земли румов старухи праведницы и с нею — пяти невольниц, дев прекрасных, высокогрудых. Они овладели всеми науками и всеми отраслями мудрости, которые надлежит знать человеку. Увидев этих девушек, я полюбил их великой любовью и захотел, чтобы они жили в моем дворце и под моей властью. И я спросил старую женщину об их цене, и она мне ответила: «Я продам их только за подать Дамаска». Клянусь Аллахом, я не считаю, что это большая цена за них (каждая из девушек стоит всех этих денег). И я согласился с ее условием, и она тут же отпустила девушек в мой дворец. Поторопись же с податью, чтобы старуха, получив ее, отправилась в свои земли. А невольница же твоя мне нужна, чтобы она состязалась с девушками в разных науках. И если она одолеет их, я обратно пришлю ее к тебе и подать Багдада вместе с нею».

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 70-я

Когда же семидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь,

милостивый государь, Омар ибн ан-Нуман писал в письме сыну своему Шарр-Кану:

«А невольница же твоя мне нужна, чтобы она состязалась с девушками в разных науках. И если она одолеет их, я обратно пришлю ее к тебе и подать Багдада вместе с нею».

И вот Шарр-Кан, прочитав письмо, велел своему царедворцу:

— Приведи невольницу, которую я дал тебе в жены!

И когда Нузхат аз-Заман пришла, Шарр-Кан ознакомил ее с письмом и спросил:

— О сестрица, что ты думаешь об ответе?

— Верное мнение — твое мнение,— ответила Нузхат аз-Заман.

А затем она, истосковавшаяся по близким и родине, сказала:

— Отошли меня вместе с моим мужем, царедворцем, чтобы я могла рассказать отцу мою повесть о том, что произошло у меня с бедуином, как продал он меня купцу, а тот — тебе, а ты, освободив меня, выдал замуж за царедворца.

— Пусть будет так! — согласился Шарр-Кан. А затем он отдал свою дочь Кудыя-Факан нянькам и, собрав подать, вручил ее царедворцу с повелением отправляться в Багдад.

И царедворец вместе с женою в тот же день выехал из Дамаска. И случилось так, что когда они были у городских ворот, там как раз прогуливались Дау аль-Макан и истопник. Увидев караван, они спросили, куда его путь проляжет, и им ответили:

— Это подать Дамаска, и она едет к царю Омару ибн ан-Нуману, владыке города Багдада.

— А кто предводитель этого каравана? — спросил Дау аль-Макан.

— Старший царедворец, который женился на девушке, преуспевшей в науке и мудрости,— был ответ.

И горько заплакал Дау аль-Макан, вспомнив родной Багдад, своих мать, отца, и сестру, и родину.

— Нет больше для меня места в Дамаске,— сказал он истопнику.— Я отправлюсь с этим караваном, чтобы достичь родины.

— Я не был спокоен за тебя на пути из Иерусалима в Дамаск, так как же я спокойно отпущу тебя в Багдад?! — воскликнул истопник.— Я буду с тобою вместе, пока ты не достигнешь своей цели!

— С любовью и охотой,— ответил Дау аль-Макан.

И истопник быстро собрал их пожитки и оседлал Дау аль-Макану осла.

— Садись рядом со мной,— сказал юноша.

— Нет,— возразил истопник.— Я лишь буду прислуживать тебе.

— Ты непременно должен тоже ехать на осле,— молвил Дау аль-Макан.

— Пусть будет так,— ответил истопник.— Но лишь когда я устану.

— Ты увидишь, друг мой,— воскликнул Дау аль-Макан,— как я вознагражу тебя, как только приеду к своим родным!

Караван двигался непрерывно всю ночь и все утро, а когда настало время полуденного отдыха, царедворец приказал сделать привал. Путники спешились, отдохнули, напоили своих верблюдов, а затем снова отправились в путь.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 71-я

Когда же семьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, путники спешились, отдохнули, напоили верблюдов, а затем снова отправились в путь.

И через пять дней они достигли города Хама и, пробыв там три дня, затем поехали и вступили в Диар-Бекр, и повеял на них уже ветерок Багдада. И Дау аль-Макан подумал, как же он вернется к отцу без сестры, что скажет ему, и заплакал, застонал.

— Прекрати этот плач и стенания,— молвил истопник,— мы близко от шатра царедворца.

Но Дау аль-Макан воскликнул:

— Стихи, быть может, огонь в моем сердце погасят.

Нузхат аз-Заман тоже не спала той лунной ночью, она вспоминала о своем брате Дау аль-Макане и плакала. И вдруг она услыхала голос, произносящий стихи...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 72-я

Когда же семьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Нузхат аз-Заман вдруг услышала голос, произносящий стихи:

Солнца йеменского свет,
Вспыхнул — покоя нет.

Я грущу о том, далеком,
Чей пьянил меня привет.

Где стрелок, пронзивший сердце?
Пуст мой дом, потерян след,

Луч, скажи мне, возвратятся
Дни свиданий или нет?

Не брани меня, хулитель!
Шлет Аллах мне столько бед.

Несказанно обрадовавшись, Нузхат аз-Заман кликнула евнуха.

— Пойди и приведи мне того, кто только что читал стихи,— велела она.

— Я не слышал ничего,— ответил евнух.

Но Нузхат аз-Заман сказала:

— Тот, кого ты увидишь бодрствующим, и есть тот, кто читал стихи.

И евнух, выйдя из шатра, увидел, что не спят только двое. Это были истопник и Дау аль-Макан. Но как раз в это время юноша от сильных переживаний упал без чувств.

— Это ты читал стихи? — обратился евнух к истопнику.— Моя госпожа услыхала тебя...

Истопник решил, что госпожа рассердилась из-за того, что ей мешают спать, и, испугавшись, воскликнул:

— Клянусь Аллахом, это не я!

— А кто же тогда? — молвил евнух.— Укажи мне его, ты ведь не спал и видел.

Но истопник еще больше, чем за себя, испугался за Дау аль-Макана и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, я не ведаю, кто это!

— Клянусь Аллахом, ты лжешь! — воскликнул евнух.— Здесь нет никого, кто бы не спал, кроме тебя, а раз

так, значит, это ты читал стихи или видел читавшего. Ты знаешь его!

— Клянусь Аллахом,— молвил истопник,— я скажу тебе правду: стихи читал человек, проходивший по дороге; он разбудил и даже испугал меня.

— Догони его,— велел евнух.— И я отведу его к своей госпоже.

— Хорошо,— пообещал истопник.— Я все исполню.

Тогда евнух вернулся к своей госпоже и сказал:

— Это был какой-то путник, проходивший по дороге. Если удастся, его догонит посланный мной человек.

Дау аль-Макан между тем очнулся и, глядя на луну, достигшую середины неба, вновь опечалился. Прочистив горло, он вознамерился продолжить чтение стихов.

— Что это ты хочешь делать? — встревожился истопник.

— Я хочу, чтобы стихи все же погасили огонь моего сердца,— ответил Дау аль-Макан.

— О, только не это! — воскликнул истопник.— Из-за твоих стихов я чуть не лишился жизни.

И он поведал, что приключилось, пока юноша был без сознания. Но, выслушав его, Дау аль-Макан воскликнул:

— Никто не может запретить мне читать стихи! И пусть будет то, что должно быть!

— Ты хочешь погубить свою душу! — закричал истопник.— Так знай, с этого места между нами ляжет разлука! А я ведь намеревался не расставаться с тобою, пока ты не вступишь в свой город и не встретишься с отцом и матерью! И вот теперь, когда все до крайности устали от ходьбы и бессонницы, ты вздумал читать стихи.

— Я не отступлюсь от того, что делаю! — упорствовал Дау аль-Макан. И затем он произнес такие стихи:

Задержись у пустого жилья, у остывшей печи,
Позови — может, отклик любимой услышишь в ночи.

Если мрак безысходной тоски с головою накроет,
От любовного жара затепли хоть пламя свечи.

Пусть оно шелестит, как змея, поцелуй это пламя,
И, уста опалив, этот жгучий укус получи.

И вновь после стихов он упал на землю без чувств. А Нузхат аз-Заман, услыхавшая эти стихи, кликнула евнуха и молвила:

— Горе тебе! Тот, кто произнес стихи в первый раз,

произнес их и во второй раз, и это было совсем рядом со мной. А значит, это никакой не путник, идущий по дороге. Клянусь Аллахом, если ты не приведешь его ко мне, я разбужу царедворца, и он побьет тебя и выгонит! Даю тебе последний шанс — возьми моих сто динаров и вручи их тому человеку, а затем приведи его ко мне, только обходись с ним ласково, не причиняй вреда...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 73-я

Когда же семьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Нузхат аз-Заман велела евнуху привести к ней того, кто читал стихи, не причиняя ему вреда.

— А если он заупрямится, дай ему вот этот мешок с тысячью динарами; если же и после этого он откажется — узнай лишь, где он живет и чем занимается. И возвращайся ко мне поскорее, не мешкая.

И евнух вышел и стал между людьми метаться, в палатке топтаться, но не нашел никого бодрствующим — все люди спали, ибо очень устали. Но, дойдя до истопника, он увидал, что тот сидит с непокрытой головой, точно сам не свой. И, приблизившись к нему, схватил его за руку и спросил:

— Это ты стихи говорил?

— Клянусь Аллахом, о начальник людей, это не я!

— Я не оставлю тебя,— сказал евнух,— пока ты не покажешь мне того, кто говорил стихи. Я гнева моей госпожи боюсь, если без него к ней вернусь.

— Клянусь Аллахом,— заплакал истопник,— это не я, и кто это, я не знаю. Могу лишь повторить, что некий человек шел по дороге, и, кажется, это он читал стихи.

— Пойдем со мной,— молвил евнух.— Повторишь это моей госпоже. Ведь я никого не видел бодрствующим, кроме тебя.

Но истопник воскликнул:

— Лучше мне остаться здесь. Ведь если опять кто-то начнет читать стихи, я его обязательно увижу и тотчас сообщу тебе.

Евнух сделал вид, будто бы согласился. Сам же, отойдя немного, спрятался и стал ждать.

А истопник похлопал по щекам Дау аль-Макана и, когда тот очнулся, поведал ему, что опять приключилось.

И юноша воскликнул:

— Я не стану считаться ни с чем, ибо сердце поет, я не буду раздумывать, раз родная страна зовет.

— Ты слушаешься голоса страны или сатаны? Заклинаю тебя Аллахом, не читай больше никаких стихов, пока не придем в Багдад. Ведь иначе жена царедворца велит наказать тебя.

Но Дау аль-Макан не внял мольбам истопника и в третий раз принялся читать стихи:

Хулы снести я не могу,
И от хулителей бегу.

Им не понять, что злоязычье
Играет на руку врагу.

Евнух подбежал к юноше и воскликнул...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 74-я

Когда же семьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, евнух подбежал к юноше и воскликнул:

— Мир вам, о господин!

— И с вами мир и милость Аллаха и его благословение! — ответил Дау аль-Макан.

— О господин,— продолжал евнух,— я приходил к тебе сегодня ночью три раза по воле моей госпожи.

— А кто она такая и почему ей не по душе мои стихи? — вскричал Дау аль-Макан.

На его бранные слова евнух отвечал мягкими речами:

— О господин, возьми вот эти сто динаров, и пойдем со мной! Поверь, никто не держит на тебя зла. Госпожа моя только хочет увидеть тебя. И ты, поверь, вернешься от нее во здравии и благополучии.

Услышав такое, юноша пошел вместе с евнухом, а истопник следовал за ними и говорил про себя: «Пропала его юность! Завтра его повесят!»

Зайдя в шатер Нузхат аз-Заман, евнух молвил:

— О госпожа, я привел тебе того, кого ты просила. Это юноша красивый лицом, и на нем следы благоденствия.

Сердце Нузхат аз-Заман затрепетало, и она воскликнула:

— Пусть он прочтет какие-нибудь стихи, чтобы я услышала его вблизи, а потом спроси, как его имя и из какой он страны.

И евнух вышел из шатра и молвил юноше:

— Говори стихами, как душа понимает, госпожа здесь вблизи и тебе внимает. А потом сделай нам одолжение, расскажи о себе, о своем положении.

— С любовью и охотой,— ответил Дау аль-Макан,— но если ты спросишь о моем имени, то имя стерлось, образ мой исчез, и тело заболело. А повесть моя — начало ее неизвестно и конец ее нельзя изложить. И вот я точно пьяный, который пил разное зелье, а потом его охватило похмелье, так что он блуждает, сам себя теряет, на свое горе, утонув в размышлений море.

Услышав эти слова, Нузхат аз-Заман заплакала, завздыхала, застонала и велела спросить юношу, не покинул ли он кого-нибудь из любимых, например, отца и мать?

И Дау аль-Макан тогда ответил:

— Да, я покинул близких, но дороже всего на свете моя сестра, с которой меня разлучила роковая пора.

— Аллах великий да сведет его с теми, кого он любит!..— воскликнула Нузхат аз-Заман и, приподняв край шатра, посмотрела на юношу...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 75-я

Когда же семьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Нузхат аз-Заман воскликнула:

— Аллах великий да сведет его с теми, кого он любит!..— И, приподняв край шатра, посмотрела на юношу. И когда его увидела, то сразу брата узнала и воскликнула:

— О мой любимый Дау аль-Макан!

И он тоже посмотрел на нее и, узнав, закричал:

— О сестрица моя, Нузхат аз-Заман!

И они бросились в объятия друг друга. И от радости великой лишились оба чувств. А когда пришли в себя, Нузхат аз-Заман произнесла такие стихи:

Рок поклялся, что в жизни меня встретит много помех,
О судьба, ты меня предала, искупи же свой грех!

И пока с алых губ не испил я струи Каусара,
Я не ведал, что кудри — вместилище райских утех.

Услышав это, Дау аль-Макан прижал сестру к груди и, плача от радости, промолвил:

Мы одинаково любим, однако любви
Твердость потребна, но трепетны чувства мои.

Зависть и злоба страшат их, и сам я в смятенье,
Этими страхами выбитый из колеи.

А после этого Нузхат аз-Заман, обнимая брата, предложила:

— Расскажи мне, что произошло с тобою, а я поведаю, что было со мной.

— Начинай первой,— попросил Дау аль-Макан.

И Нузхат аз-Заман сообщила брату обо всем, что приключилось с нею с того дня, как она покинула его в хане.

А затем она воскликнула:

— Слава Аллаху, пославшему тебя ко мне! Мы как вышли от нашего отца вместе, так и вернемся вместе! Однако теперь ты расскажи, что было с тобою.

И Дау аль-Макан поведал ей свою историю. Рассказывая об истопнике, он всячески хвалил его.

— Этот человек заботился обо мне, как никто другой. Он сам голодал, а кормил меня, шел пешком, а вез меня. И то, что я жив,— его заслуга.

— Если будет на то воля Аллаха великого, мы щедро воздадим ему за это,— отвечала Нузхат аз-Заман.

Потом она кликнула евнуха и сказала:

— Вот тебе кошель за добрую услугу, которую ты оказал мне. И ступай теперь к моему мужу и твоему господину и приведи его сюда.

И когда царедворец пришел, Нузхат аз-Заман познакомила его с братом и сказала:

— Знай, царедворец, что ты взял замуж не невольницу, а дочь царя Омара ибн ан-Нумана. Я — Нузхат аз-Заман, а это мой брат, Дау аль-Макан.

И когда царедворец услышал это и уверился в истинности ее слов, радость охватила его, и он подумал:

«Никак судьбой уготовано мне стать наместником царя стран».

— Остаток пути до Багдада,— сказала Нузхат аз-Заман,— мы проведем с братом вместе, ведь мы так истосковались друг за другом.

— Как вы желаете, так и будет,— согласился царедворец и велел принести им всевозможных сладостей и фруктов. А Дау аль-Макану прислал еще роскошные одежды, подобающие его сану.

Что же касается истопника, то Нузхат аз-Заман приказала дать ему коня и назначить обильную трапезу утром и вечером.

Евнух отправился выполнять повеление своей госпожи и нашел истопника плачущим, ибо тот считал, что Дау аль-Макана должны казнить, как нарушившего покой госпожи.

— А я ведь предупреждал его,— сквозь слезы говорил он.— Однако несчастный юноша меня не послушался. И вот теперь...

Он не успел закончить своих слов, как евнух со своими людьми окружили его...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 76-я

Когда же семьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, евнух со своими людьми окружили истопника.

Увидя их, истопник побледнел, и губы у него затряслись от страха.

— Неужто Дау аль-Макан забыл все доброе, что я для него сделал,— прошептал он,— и заявил, что я его сообщник?!

Евнух же, возвысив голос, молвил:

— О лжец, ты утверждал, что не знаешь, кто читал стихи. Это же был твой приятель. И вот теперь тебе за это назначена плата.

— То, чего я боялся, случилось! — приготовился к худшему истопник.

Но к нему подвели красавца-скакуна и усадили на него. А слугам, окружившим истопника, евнух сказал:

— Если с головы этого человека упадет хоть волосок, вы поплатитесь жизнью.

Истопник же, все еще не понимая, что ему оказывают почет и уважение, обратился к евнуху с такими словами:

— О начальник, я этому юноше не родня и не ровня. Я всего лишь истопник в бане. Его же нашел на навозной куче брошенным и больным.

Евнух только усмехался украдкой и, не желая пока объяснять все до конца, говорил:

— Ты встревожил нашу госпожу, читая стихи вместе с этим юношей, однако не бойся за себя!

Когда же сделали привал, им принесли изысканную еду, и евнух ел с истопником из одной посуды. Но по-прежнему не высыхали слезы на глазах истопника, ибо, как и раньше, он боялся за себя и горевал о Дау аль-Макане.

И так постепенно караван приближался к Багдаду, и осталось ехать всего лишь три дня. И вечером они вновь остановились на привал и всю ночь отдыхали. Когда же заблистала утренняя заря и они собрались снова трогаться, вдруг вдали показался столб пыли, который все рос и приближался, и вот потемнел воздух, будто глубокой ночью. И царедворец и его слуги, вскочив на коней, направились в ту сторону. И увидели они великое войско, подобное бурному морю, где были стяги, знамена и барабаны, всадники и витязи. И царедворец удивился этому. Между тем отряд в пятьсот всадников, отделившись от войска, подъехал к царедворцу и его людям и окружил их.

— Откуда это войско? — спросил царедворец.

— А ты кто такой, откуда идешь и куда направляешься?

— Я — царедворец эмира Дамаска, царя Шарр-Кана, сына Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и земли Хорасана, иду от него с податью и подарками, направляясь к его отцу в Багдад,— отвечал царедворец.

И, услышав его слова, воины закрыли лица платками и заплакали:

— Царь Омар ибн ан-Нуман умер, и умер не иначе, как отравленным. Иди, с тобою не будет беды, и встреться с его старшим вазиром Данданом.

Услышав печальную весть, царедворец горько заплакал и воскликнул:

— О разочарованье нам от этого путешествия!

И он плакал вместе с теми, кто был с ним, пока они не смешались с войском. И тогда у вазира Дандана испро-

сили царедворцу позволения побеседовать с ним, и тот позволил.

— Какова твоя повесть? — молвил вазир.

И царедворец рассказал, что он служит у эмира Дамаска и привез дары и дамасскую подать.

— Царь Омар ибн ан-Нуман умер отравленным,— сквозь слезы поведал Дандан.— И после его смерти люди не решили, кому отдать власть, и даже стали убивать один другого. Но их удержали четверо судей. Они убедили многих, что надо идти в Дамаск к сыну Омара ибн ан-Нумана, царю Шарр-Кану, и просить его стать султаном во владениях его отца. Однако есть и другие люди, которые говорят, что султаном должен стать второй сын Омара ибн ан-Нумана. Его имя Дау аль-Макан, и у него есть сестра Нузхат аз-Заман. Но они отправились с паломниками в Мекку, и вот уже пять лет никто не слышал о них.

Как ни опечалило царедворца известие о смерти Омара ибн ан-Нумана, он очень обрадовался, что Дау аль-Макан, брат его жены, теперь может стать султаном.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 77-я

Когда же семьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царедворец обрадовался, узнав, что Дау аль-Макан может стать султаном.

Он обратился к вазиру Дандану с такими словами:

— Поистине, то, что случилось, чудо из чудес. Знай, о великий вазир, встреча со мной по воле великого Аллаха избавила вас от тягот долгих странствий, ибо Аллах воротил нам Дау аль-Макана и его сестру Нузхат аз-Заман. Так что все устроилось и облегчилось.

Услышав это, вазир сильно обрадовался и сказал:

— О царедворец, поведай мне их историю! Что произошло с ними и почему они столь долго отсутствовали?

И царедворец рассказал историю Нузхат аз-Заман, которая стала его женой, и сообщил, что было с Дау аль-Маканом. Когда он кончил рассказывать, вазир Дандан послал за эмирами, вазирами и вельможами царства и пове-

дал им обо всем. И они все очень обрадовались такому разрешению вопроса и, отправившись к царедворцу, облобызали землю меж его рук. А потом царедворец собрал большой диван и сел вместе с вазиром Данданом на трон, и перед ними были все эмиры, вельможи и придворные, стоявшие сообразно своему сану.

И они все согласились, что султаном должен стать Дау аль-Макан.

А затем царедворец собрался ехать к нему, чтобы уведомить о решении дивана. И вазир Дандан из уважения к царедворцу предложил ему подарки, заклиная их принять. Тогда и эмиры и придворные также поднесли ему подарки и попросили:

— Может быть, ты поговоришь с султаном Дау аль-Маканом, чтобы он оставил нас пребывать в наших должностях?

И царедворец, согласившись, сел на коня. И всю дорогу он повторял про себя: «Сколь благословенно это путешествие!»

Возвратившись к каравану, царедворец поспешил в шатер Нузхат аз-Заман. Он рассказал ей и ее брату, что их отца уже нет в живых, а потом сообщил о решении дивана просить Дау аль-Макана стать султаном.

Брат и сестра заплакали об утрате своего родителя и принялись расспрашивать, почему же его убили.

— Это, возможно, известно вазиру Дандану,— отвечал царедворец,— завтра он с войском будет здесь. И тебе надо согласиться стать султаном. Иначе они выберут на это место другого, и этот другой, опасаясь, что ты когда-нибудь передумаешь, умертвит тебя. Да и неразумно упускать власть из своих рук.

Дау аль-Макан на некоторое время потупил голову и затем сказал:

— Я согласен, так как от этого дела, действительно, нельзя быть в стороне. Вот только подскажи, как мне поступить с моим братом Шарр-Каном?

— О дитя мое,— отвечал царедворец,— твой брат будет султаном Дамаска, а ты султаном Багдада. Укрепи же свою решимость и приготовься.

И Дау аль-Макан принял его совет.

А затем царедворец принес ему царское платье, которое передал вазир Дандан. Слугам же приказал он выбрать высокое место и поставить там просторный шатер для султана, в котором бы он принял эмиров и

прочих вельмож. А еще поварам велел царедворец приготовить роскошные кушанья и подать их, а водоносам распорядился расставить сосуды с водой.

Спустя час пыль застлала полнеба, а когда она рассеялась, показалось войско, бурному морю подобное...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 78-я

Когда же семьдесят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, показалось войско, бурному морю подобное. Было это войско Багдада и Хорасана, и во главе его выступал вазир Дандан. И все воины радовались, что Дау аль-Макан их султан.

Дау аль-Макан к тому времени был одет в царские одежды и опоясан мечом торжеств, и царедворец подвел ему коня, и он вскочил на него и отправился в свой шатер.

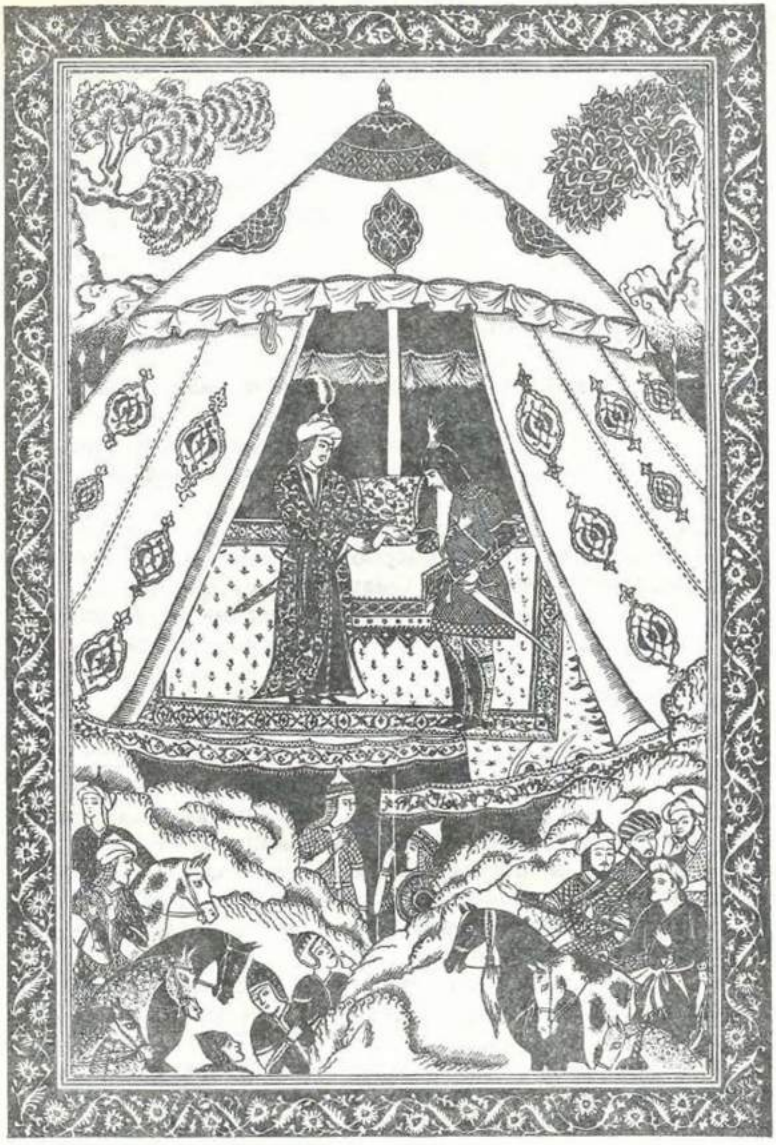
Прибывшие воины попросили разрешения войти к султану. И когда царедворец сообщил об этом Дау аль-Макану, тот позволил и велел им входить десяток за десятком.

И вот первые десять воинов вступили в шатер султана. Увидав его, они испытали трепетное почтение и страх. Но Дау аль-Макан встретил их приветливо и обещал им всяческие блага. И они поздравили его со вступлением во власть и поклялись, что никогда не ослушаются его приказа. А затем они облобызали перед ним землю и удалились, и вошел другой десяток воинов, и все повторилось, как в первый раз. И так воины непрестанно входили, десяток за десятком, пока не остался только вазир Дандан. Войдя последним, он облобызал землю меж рук Дау аль-Макана. Султан же, поднявшись и подойдя к вазиру, сказал:

— Добро пожаловать, достойнейший из достойных! Поистине, твои деяния — деяния славного советчика.

Затем он повернулся к царедворцу и распорядился:

— Вели накрывать столы. И пусть все воины приходят, пьют и едят вдоволь.



Когда же все пировали, Дау аль-Макан сказал вазиру Дандану:

— Сообщи войску мою волю — стоять здесь десять дней. Я хочу уединиться с тобой, чтобы ты рассказал мне о причине убийства моего отца.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил вазир и, направившись к войску, объявил, что все могут отдыхать и гулять десять дней, но никто не смеет входить к султану в течение трех дней.

Между тем Дау аль-Макан отправился к своей сестре Нузхат аз-Заман и спросил ее:

— Догадываешься ли ты, почему убили нашего отца и кто посмел это сделать?

— Не знаю и не догадываюсь,— ответила Нузхат аз-Заман.

И тогда Дау аль-Макан, повесив шелковую занавеску и посадив за нее сестру, стал дожидаться вазира Дандана.

Когда тот явился, султан сказал:

— Я хочу, чтобы ты подробно поведал мне о причине убийства моего отца, царя Омара ибн ан-Нумана.

— Знай, о мой повелитель,— сказал вазир Дандан,— что когда султан Омар ибн ан-Нуман возвратился с охоты и узнал, что вы ушли вместе с паломниками, он сильно огорчился. А потом всех расспрашивал, не видел ли кто вас, да все напрасно. И вот однажды (а со дня вашего исчезновения прошел уже целый год) явилась к нам старуха благочестивого вида и с нею пять девушек, высокогрудых девственниц настолько прелестных, что описать их бессилен язык. И обладали они к тому же знаниями глубокими — читали Коран, знали философию и рассказы о древних. И старуха эта попросила разрешения войти к царю. И когда он позволил, она, приблизившись к нему, облобызала землю меж его рук и промолвила:

— Знай, о царь, что со мною пять девушек, равных которым нет ни у одного властелина, ибо они само совершенство.

И вот покойный твой отец пожелал их увидеть, а когда это свершилось, остался очень доволен.

— Каждая из вас,— сказал он,— пусть расскажет мне, что знает из преданий об ушедших людях и бывших прежде народах.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 79-я

Когда же семьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь Омар ибн ан-Нуман сказал девушкам:

— Пусть каждая из вас расскажет мне, что знает из преданий об ушедших людях и бывших прежде народах.

И одна из девушек выступила вперед, поцеловав перед ним землю, и сказала:

— Знай, о султан, что воспитанному человеку надлежит украшаться добродетелями и избегать лишних речей. Он должен сторониться великих грехов и быть в этом прилежным. Знай, что главная основа земной жизни — стремление к вечной жизни, а цель жизни — поклонение Аллаху. И надлежит тебе быть добрым с людьми и никогда не забывать об этом. А еще людям величайшего сана больше всего нужна рассудительность. И знай, что враг — это соперник, которого ты можешь убедить и при помощи доводов. А что касается друга, то между ним и тобою нет судьи, который бы рассудил вас, кроме доброго права. Выбирай для себя друга после того, как испытаешь его. Пусть он будет свободен и правдив, не невежествен и не злобен. Ибо невежда заслуживает того, чтобы от него убежали даже родители. И лжец не будет верным другом. Ведь слово «садик» (друг) произошло от «садык» (правда), правда же зарождается в глубине сердца. Люби же своего друга и не порывай с ним. А если он сделает нечто для тебя неприятное, то ведь он не жена, которую можно бросить, а потом снова взять обратно,— нет, сердце друга как стекло: если оно треснет, его не соединить.

А еще девушка сказала в конце своей речи, указывая на нас:

— Люди разума говорили: «Лучшие друзья те, кто сильнее всех в добрых советах; лучшие из действий те, что прекраснее всех последствиями; и лучшая хвала та, что исходит из уст достойных мужей». Сказано: не пристало рабу пренебрегать благодарением Аллаху особенно за две милости: здоровье и разум. Сказано также: кто чтит свою душу, для того ничтожны его страсти, а кто возвеличивает мелкие несчастья, того Аллах испытывает великими бедами. Кто повинуется страстям — теряет покровительство Ал-

лаха, а кто слушает сплетника — теряет друга. Если кто думает о тебе хорошо — оправдай его мнение. Кто далеко заходит в споре — грешит, а кто допускает несправедливость, тому грозит меч. Сейчас я расскажу кое-что о достоинствах судей. Знай, о царь, что присудить должное возможно только после установления вины. И надлежит судье ставить людей на должное им место, чтобы сильный не стремился обижать, а слабый не разуверился в справедливости. И следует судье также требовать доказательств от обвиняющего и клятву — от отрицающего вину. Мировая допускается между мусульманами, кроме той мировой, которая дозволяет запретное или запрещает дозволенное. Если ты сегодня в чем-либо сомневаешься — обратись к своему разуму и не спеши выносить решение. Истина — обязанность, возложенная на судей, и следует, сомневаясь, искать ее, а не упорствовать в ложном. Судье следует вспомнить примеры из прошлого, которые могут помочь в поисках истины.

Сказал аз-Зухри: «Три свойства, если они есть у судьи, требуют его устранения: почитание дурных, любовь к похвалам и нежелание отставки».

Рассказывают, что достойный аль-Искандер сказал своему судье: «Я назначил тебя на должность и поручил тебе этим мой дух, мою честь и мою доблесть. Охраняй же эту должность своими душой и разумом». Повару же он сказал: «Тебе дана власть над моим телом, заботься же о нем, как о своей душе». И сказал он еще писцу: «Ты распоряжаешься моим умом, охраняй же меня в том, что ты за меня пишешь».

Затем первая девушка отошла, и выступила вперед вторая...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 80-я

Когда же восьмидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вперед выступила вторая девушка и, поцеловав меж рук царя семь раз, сказала:

— Говорил Лукман своему сыну: «Не узнать кроткого

иначе, как во гневе, доблестного иначе, как на войне, друга иначе, как нуждаясь в нем».

Сказал Аллах: «Не чти того, кто радуется безмерно дарам и любит, чтобы его хвалили за то, чего он не делал. За порок этот ждет его мучение болезненное».

Сказал Пророк: «Есть в тебе некий кусочек, и если он хорош, хорошо и все тело, а если он испортился, портится и все тело. И кусочек этот — сердце. И диковиннее всего, что́ есть в человеке,— сердце его, ибо в нем руководство его делами. И если в сердце подымется жадность — погубит человека желание. И если овладеет сердцем печаль — убьет человека грусть. А если сердце обуяет гнев — доведет до беды человека вспыльчивость. Если же сердце удовлетворено достигнутым — бодр и здоров человек. Ежели сердце постигнет страх или грусть — обессиливает человек, и во всяком положении нет для него добра ни в чем, кроме почитания Аллаха и заботы о том, чтобы добыть средства для здешней жизни и устроить жизнь будущую.

Спросили одного мудреца: «Кто из людей в наихудшем положении?» И он отвечал: «Тот, в ком страсть одолела мужество и чьи помыслы удалились в высоты, так что его знания расширились, а надежды уменьшились».

Потом девушка сказала:

— Что же до рассказов о подвижниках, то Хишам ибн Бишр говорил: «Я спросил Омара ибн Убейда, в чем истинное подвижничество. И он отвечал мне: «Это изъяснил посланник Божий,— да благословит его Аллах и да приветствует! — в словах своих: «Подвижник тот, кто не забывает о могиле и испытании и предпочитает вечное преходящему; кто не считает «завтра» в числе своих дней и относит себя к числу умерших».

Известно, что Абу-Зарр говорил: «Бедность мне любезнее богатства, и болезнь мне любезнее, чем здоровье».

И сказал кто-то из слушавших его: «Да помилует Аллах Абу-Зарра!»

А я скажу: «Кто уповает на хороший выбор Аллаха великого, тот будет доволен положением, которое выбрал для него Аллах».

Один человек попросил Мухаммада ибн Абд-Аллаха дать ему наставление...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же восемьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, один человек попросил Мухаммада ибн Абд-Аллаха дать ему наставление. Тот ответил: «Вот мое наставление тебе: будь воздержанным владыкой в этой жизни и смиренным рабом в будущей».— «Как это понимать?» — спросил человек. «Воздержанный в этой жизни удостоится благодати в будущей»,— ответил Мухаммад.

Гаус ибн Абд-Аллах как-то напомнил о двух братьях из сынов Израиля. Один из них спросил другого: «Какое самое страшное деяние ты совершил?» — «Я проходил мимо гнезда с птенцами,— отвечал тот,— и, взяв оттуда одного, бросил его в другое гнездо, к чужим птенцам. Это мучает меня до сих пор».— «А какое темное дело у тебя на совести?» — спросил первый брат. «Мне кажется, что всякий раз, совершая молитву,— отвечал второй,— я думаю лишь о вознаграждении». Услышав их речи, отец воскликнул: «О Боже, если они говорят правду, возьми их к себе!»

«Поистине, эти двое — достойнейшие из детей»,— сказал мудрец.

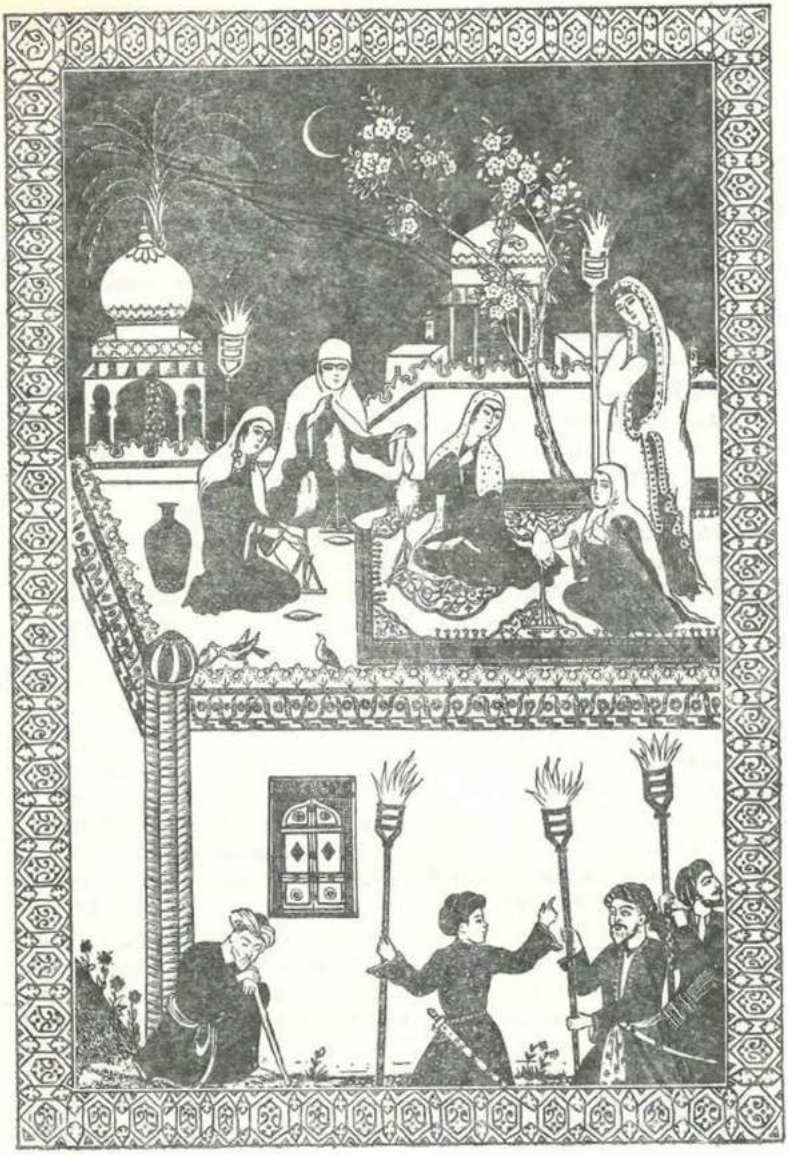
Саид ибн Джубейр вспоминал: «Я был вместе с Фудалой ибн Убейдом и попросил его дать мне наставление. Он ответил: «Запомни главное: верь в Аллаха великого и не обижай ни одну из его тварей».

Вторая девушка удалилась, и ее место заняла третья.

— Поистине, о подвижничестве можно говорить долго,— промолвила она,— но я поведаю лишь то, о чем вспоминают благочестивые предки.

Один из мудрецов сказал: «Я радуюсь смерти, хотя и не уверен, что найду в ней отдых. Но я знаю, что смерть дает оценку содеянному каждым, и надеюсь, что за добрые дела воздастся вдвойне, а злые будут покараны».

Ученый муж Ата ас-Сулами, давая правоверным наставление, трепетал и заливался горькими слезами. Когда его спросили, что с ним, он отвечал: «Это ведь так ответственно — стоять перед лицом великого Аллаха, обещая поступать сообразно своим поучениям. Поэтому-то Али Зейн аль-Абидин, сын Аль-Хусейна, с дрожью приступал к молитве, говоря: «Разве вы не знаете, перед кем я встаю и к кому обращаюсь?»



Когда третья девушка удалилась, вперед выступила четвертая и сказала:

— Я расскажу кое-что из того, что сохранила память о праведниках.

Бишр Босоногий передавал слова об опасности тайного многобожия. Когда его спросили, что это такое, он ответил: «Если кто-нибудь из вас молится и слишком долго кладет поясные и земные поклоны, то становится нечистым».

Кто-то из мудрецов утверждал, что добрые дела искупают злые, а Ибрагим вспоминал, как просил Бишра Босоногого открыть ему тайну истинной жизни. Тот ответил: «О сынок, этой науке не следует учить всякого: может быть, из каждой сотни лишь пять человек». Как-то Ибрагим увидел, что у Бишра упал даник. Вместо него он подал праведному дирхем, но тот отказался взять монету. «Я не променяю на блага здешней жизни блага жизни будущей»,— сказал он.

Однажды сестра Бишра Босоногого отправилась к Ахмаду ибн Ханбалю...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 82-я

Когда же восемьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, однажды сестра Бишра Босоногого отправилась к Ахмаду ибн Ханбалю. «О имам,— промолвила она,— мы работаем днем и прядем свою пряжу ночью. Мимо нас проходят багдадские стражники со светильниками, и при свете их мы трудимся, сидя на крыше. Не запретно ли это?» — «Кто ты?» — спросил имам. «Сестра Бишра Босоногого». Услышав это, Ахмад ибн Ханбаль воскликнул: «О семейство Бишра, сколько же благочестия в ваших сердцах!»

Рассказывают еще о Малике ибн Динаре: когда он проходил по рынку и видел что-нибудь такое, чего ему хотелось, он говорил: «О душа, терпи, я не соглашусь удовлетворить твое желание!» Он утверждал, что спасение души в том, чтобы перечить ей, беда же приходит тогда, когда потакают прихотям.

Когда четвертая девушка удалилась, заговорила пятая:

— Я тоже могу рассказать кое-что о праведных предках. Маслама ибн Дина говаривал: «Если исправить темные мысли, простятся и малые, и великие прегрешения. Покайся в своих грехах, и придет к тебе милость Аллаха». И еще он утверждал, что всякое благо, которое не приближает к Аллаху, есть бедствие, и малое в здешней жизни отвлекает от многого в будущей, а многое в здешней жизни заставляет забыть о малом в жизни будущей.

Как-то Абу-Хазима спросили, кто счастливейший из людей. И он ответил, что это человек, жизнь которого проходит в повиновении Аллаху. «А кто глупейший из людей?» — «Тот, кто продает свою будущую жизнь за здешние утехи».

Передают, что когда Муса — мир с ним! — пришел к воде Мадьянитов, он просил о благе, в котором нуждался, Господа, а не людей. В это время к источнику пришли две пастушки, и он напоил их скот. Девушки вернулись домой, рассказали об этом своему отцу Шуайбу. Тот сказал: «Может быть, он голоден?» И велел одной из дочерей вернуться и позвать незнакомца. Девушка, подойдя к Мусе, закрыла лицо и промолвила: «Мой отец зовет тебя, чтобы вознаградить за помощь нам». Муса долго не соглашался следовать за нею, но потом попросил, чтобы она шла сзади, так как избегал смотреть на женщин. Ужин уже был готов, когда они вошли в дом. Шуайб сказал...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 83-я

Когда же восемьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Шуайб сказал Мусе: «Я хочу дать тебе награду за то,что ты напоил наш скот». А тот ответил, что он из тех, кто не продает блага будущей жизни за все золото и серебро на земле. «О юноша,— возразил хозяин,— ты ведь мой гость, а наш обычай велит почтить тебя угощением». Муса поел, а затем Шуайб нанял его работником и как плату предназначил ему в жены одну из своих дочерей.

Рассказывают, что как-то встретились два друга, давно

не видевшиеся. «Не случилось ли с тобой что-нибудь худое? — спросил один.— Я давно тебя не видел».— «У меня были дела с ибн Шахабом,— ответил второй.— Знаешь ли ты его?» — «Да, ведь он уже тридцать лет живет по соседству со мной, правда, я с ним не разговариваю».— «Ты забыл Аллаха и потому забыл соседа, а если бы любил Аллаха, то любил бы и соседа,— упрекнул его друг.— Разве ты не знаешь, что сосед — это то же, что родственник?!»

Однажды Ибрагим ибн Адхам и Шакик аль-Бальхи совершали паломничество в Мекку. Ибрагим спросил: «Как вам живется в ваших землях и как вы поступаете при разных обстоятельствах?» — «Когда у нас есть пища — едим, а когда голодаем — терпим»,— ответил Шакик. Ибрагим воскликнул: «Так делают собаки из Балха! Мы же, когда имеем что-то, почитаем Аллаха, а когда голодаем, воздаем ему хвалу». Шакик преклонил перед ним колени и попросил быть его наставником.

Пятая девушка удалилась, и вперед выступила старуха. Поцеловав землю меж рук твоего отца девять раз, она сказала:

— Ты слышал, о царь, что все говорили о подвижничестве. Я последую их примеру и поведаю то, что дошло до меня о великих предках.

Говорят, что имам аш-Шафии делил ночь на три части: первая треть — для науки, вторая — для сна и третья — для ночной молитвы.

А имам Абу-Ханифа обычно бодрствовал полночи. Однажды какой-то человек, увидев его на улице, сказал спутнику: «Вот кто бодрствует всю ночь». Услышав это, имам подумал: «Мне стыдно перед Аллахом, ведь приписывают мне то, чего нет». И стал после этого бодрствовать всю ночь.

Рассказывают, что Аш-Шафии полностью произносил Коран в течение месяца рамадана семьдесят раз, и все это во время молитвы. Сам он говаривал, что десять лет не ел досыта ячменного хлеба, ибо сытость ожесточает сердце, уменьшает сообразительность, навлекает сон и делает сытого слишком слабым, чтобы стоять на молитве.

Кто-то из праведных вспомнил о благочестивом имаме: «Когда я пришел в Багдад, аш-Шафии был там. Я сел на берегу, чтобы омыться для молитвы, и вдруг мимо меня прошел человек и сказал: «О молодец, совершай хорошо омовение, и Аллах воздаст тебе благом и в здешней жизни, и в будущей». Я обернулся и увидел человека, за которым

следовала толпа. Поторопившись с омовением, я тоже отправился вслед за ним. Он взглянул на меня и спросил: «Есть у тебя какая-нибудь нужда?» — «Да,— ответил я,— научи меня тому, чему научил тебя Аллах великий».— «Знай,— сказал имам,— что тот, кто правдив с Аллахом, будет спасен, кто любит свою веру — уцелеет от гибели. Кто воздержан в здешней жизни, будет вознагражден в будущей. Оставайся же правдивым и честным в своих делах и воздержанным в поступках».

Имам аш-Шафии часто повторял: «Я хотел бы, чтобы люди извлекли пользу из моего знания, не приписывая мне ничего лишнего...»

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 84-я

Когда же восемьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, имам аш-Шафии часто повторял: «Я хотел бы, чтобы люди извлекли пользу из моего знания, не приписывая мне ничего лишнего. Ведя беседу с кем-нибудь, я всегда стремился к тому, чтобы Аллах великий поддержал его в утверждении истины и помог проявить ее. А если я спорил, то лишь для того, чтобы достичь истины, не заботясь о том, чьими устами — моими или моего соперника — Аллах изъяснит ее».

И еще говорил он (да будет доволен им Аллах!), что коль обуяет тебя гордыня из-за твоих познаний, то вспомни, чьего благоволения ты ищешь, какого блага желаешь и какой кары страшишься.

А вот что рассказывают о благочестивом Абу-Ханифе.

Повелитель правоверных Абу-Джафар аль-Мансур поставил его судьей и назначил жалованье в десять тысяч дирхемов. В день, когда ему должны были принести деньги, он совершил утреннюю молитву, а затем закутался в одежды и ни с кем не разговаривал. Посланный от повелителя правоверных, войдя к Абу-Ханифе, обратился к нему, но тот не ответил. «Деньги положены тебе»,— настаивал посол халифа. «Я знаю это,— ответил Абу-Ханифа,— но не хочу, чтобы они сделали меня снисходительным к притеснителям».— «Ты можешь быть среди них, но судить всех по

справедливости».— «Я не уверен, что, войдя в море, не замочу своей одежды»,— заметил на это праведник.

А вот слова Суфьяна ас-Саури из его наставления Алию ибн аль-Хасану ас-Сулами: «Будь правдив и берегись лжи, обмана, лицемерия, заносчивости. Вспоминай чаще о смерти и об отпущении грехов. Проси у Аллаха благополучия на оставшийся срок твоей жизни и будь искренним советчиком всякому правоверному, когда он спросит тебя о делах своей веры. Берегись обмануть правоверного, ибо кто это сделал, тот обманул Аллаха и его посланника. Оставь споры и препирательства, призывай к благому и удерживай от порицаемого, принимай оправдания оправдывающихся и не питай ненависти ни к кому из мусульман, прощай обижающим тебя. Вручи себя Аллаху в тайном и в явном. Бойся Аллаха, как боится тот, кто знает, что умрет и восстанет и что ему суждено воскреснуть и стоять перед всесильным. Знай, что ты идешь к одной из обителей: либо в возвышенный рай, либо в жаркий огонь».

Закончив свою речь, старуха села рядом с девушками, а твой покойный отец из всего услышанного понял, что они достойнейшие женщины своего времени. Ему открылась их красота и прелесть и великая образованность. Решив приблизить их к себе, он отвел старухе и девушкам тот дворец, где была царевна Абриза, дочь царя румов, и прислал им все необходимое.

Они пробыли у него десять дней, и всякий раз, приходя во дворец, царь находил старуху погруженной в молитву.

— Поистине она праведница,— сказал он вазиру,— велико почтение к ней в моем сердце!

А когда настал одиннадцатый день, царь встретился со старухой, чтобы условиться о деньгах за девушек, и она сказала:

— О царь, знай, что цена этих девушек выше той, которая была указана раньше, но я не потребую за них ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, сколько бы мне ни давали.

Твой отец удивился и спросил:

— О госпожа, а какова же твоя цена за них?

И старуха ответила:

— Я отдам их, если ты будешь соблюдать пост в течение целого месяца. Днем станешь поститься, а ночью молиться Аллаху великому. Сделаешь это, и они — твоя собственность.

Царь удивился стремлению к такой праведности, воз-

держанию и благочестию, и старуха еще больше выросла в его глазах.

— Да сделает Аллах эту праведную женщину нам полезной! — воскликнул он и пообещал выполнить ее условие.

— А я помогу тебе молитвами и буду за тебя молиться,— молвила старуха и попросила принести ей кувшин воды.

Когда принесли воду, она взяла кувшин, наклонилась над ним и принялась бормотать какие-то слова. Затем накрыла сосуд лоскутом материи, запечатала его и, подав твоему отцу, сказала:

— Когда ты пропостишься первые десять дней, в одиннадцатую ночь выпей содержимое этого кувшина: питье излечит твое сердце от любви к здешнему миру и наполнит его светом и верой. А завтра я уйду к моим друзьям, людям невидимого мира,— я истосковалась по ним,— и вернусь к тебе, когда минуют первые десять дней.

Твой отец взял кувшин, а затем поднялся, чтобы найти отдельное помещение во дворце, где и поставил кувшин, а ключ положил за пазуху.

На следующий день царь начал поститься...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 85-я

Когда же восемьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь начал поститься, а старуха ушла своей дорогой. Завершив десятидневный пост, на одиннадцатые сутки владыка открыл кувшин, выпил из него и нашел, что питье приятно действует на его душу. Когда началась вторая десятидневка, явилась старуха, держа в руках сласти, завернутые в зеленый лист, который не был похож на листья зеленых деревьев. Она поприветствовала царя и услышала в ответ:

— Добро пожаловать, праведная госпожа!

— О царь, люди невидимого мира приветствуют тебя,— сказала старуха.— Я поведала им про тебя, они возрадовались и посылают тебе эти сласти — они из будущей жизни. Вкуси же от них в конце дня.

Твой отец обрадовался великой радостью.

— Слава Аллаху, который сделал моими братьями людей невидимого мира! — воскликнул он. Потом поблагодарил старуху, поцеловал ей руки из уважения и оказал девушкам величайший почет.

Прошло двадцать дней поста, и в конце этого срока старуха пришла к твоему отцу и сказала:

— Знай, о царь, я рассказала невидимым людям о наших сердечных отношениях и сообщила им, что оставила девушек у тебя. Они очень рады, что красавицы находятся у такого царя, как ты, и усердно возносят за них молитвы. Теперь я хочу отправиться с девушками в невидимый мир, чтобы благое его дыхание коснулось их. Быть может, они вернутся к тебе с сокровищами земли. И деньги, которые они принесут, помогут тебе удовлетворить твои нужды.

Поблагодарив старуху, твой отец проговорил:

— Если бы я не боялся перечить тебе, то не согласился бы ни на какие сокровища. Но когда ты уходишь с ними?

— В двадцать седьмую ночь,— отвечала старуха,— а вернусь в начале месяца, когда завершится твой пост и пройдет время очищения девушек, которые будут уже под твоей властью. Клянусь Аллахом, каждая из них во много раз дороже всего твоего царства.

— Мне ведомо это, о праведная госпожа,— ответил царь.

А старуха продолжала:

— Ты непременно должен послать со мной кого-нибудь, кто дорог тебе, чтобы он нашел утешение и получил благословение невидимых людей.

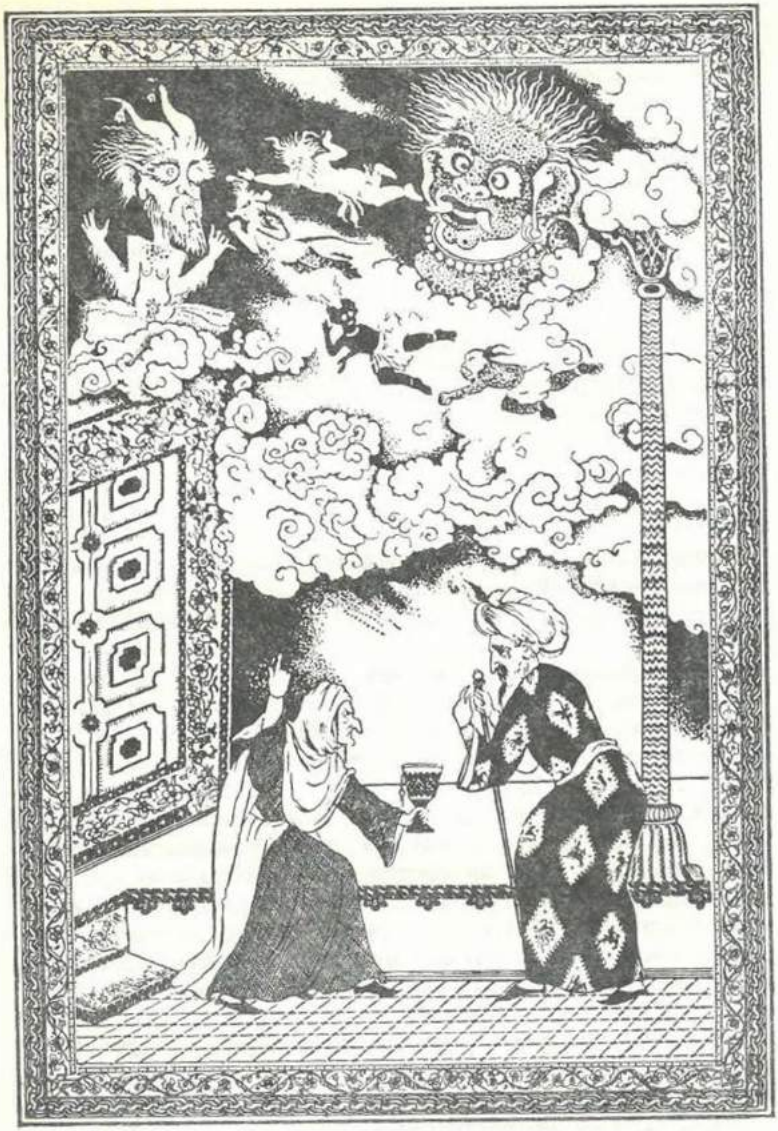
— У меня есть невольница румийка по имени Суфия. Она меня наделила двумя детьми, девочкой и мальчиком, однако они исчезли несколько лет назад. Возьми ее вместе с девушками.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 86-я

Когда же восемьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь Омар ибн ан-Нуман сказал старухе:



— У меня есть невольница по имени Суфия. Возьми ее вместе с девушками. Может, невидимые люди помолятся за нее Аллаху, чтобы он возвратил ей детей и она свиделась бы с ними.

— Воистину, мудрость и доброта в твоих словах, о царь! — обрадовалась старуха; ведь это была ее главная цель.

А когда стал близок конец поста, она напомнила:

— О дитя мое, приведи Суфию, ибо я отправляюсь к невидимым людям.

Та сразу же явилась и подошла к остальным девушкам. А старуха вынесла из своей горницы запечатанный кубок и подала его царю со словами:

— Когда наступит тридцатый день, сходи в баню, а после уединись в одном из покоев твоего дворца, выпей содержимое этого кубка и засни. Ты достигнешь желаемого, да будет мир с тобой!

Царь обрадовался, поблагодарил старуху, поцеловав ей руки.

Старуха благословила его и отправилась в путь с невольницами и царицей Суфией.

Прошло три дня, в небе появился молодой месяц. Тогда царь отправился в баню, а выйдя оттуда, уединился в одной из комнат дворца, велел никому не входить и запер дверь. Он осушил кубок и лег спать, а мы сидели, ожидая его до седьмого вечера, однако он не показался. «Наверное, устал от бани, бессонных ночей и многодневного поста, потому и спит»,— подумали мы и прождали его до следующего дня. Но он так и не вышел из комнаты. Тогда мы встали у двери и принялись громко разговаривать, надеясь, что он проснется и спросит, в чем дело. Но этого не случилось. Тогда мы сорвали дверь, вошли в комнату и увидели, что султан давно мертв, ибо труп уже разложился. С тяжелым сердцем взяли мы кубок и нашли на его крышке клочок бумаги, на котором было написано: «Кто совершил зло, о том не будут тосковать. Таково воздание тому, кто строит козни царским дочерям и портит их. Мы оповещаем всякого, кто прочтет эту бумажку, что Шарр-Кан, прибыв в наш город, восстановил против нас царевну Абризу, но ему не достаточно этого. Он взял ее от нас и привез к вам, а потом отослал с черным рабом, и тот погубил ее. Царевну убили в пустыне и бросили на землю, где мы нашли ее. Так не поступают цари. И возданием тому, кто это сделал, будет случившееся с султаном. Не подо-

зревайте никого в его убийстве: убила его ловкая распутница, имя которой Зат ад-Давахи. И вот я забрала жену султана Суфию и отправилась с ней к ее родителю Афридуну, царю аль-Кустантынии. Мы непременно нападем на вас, убьем всех и отнимем ваши жилища. Вы погибнете все до последнего, и не останется среди вас никого, кроме тех, кто поклоняется кресту и поясу».

Прочитав этот листок, мы убедились, что старуха обманула нас; хитрость ее удалась. Мы начали кричать, бить себя по лицу и плакать, но все было напрасно.

Вот такова история смерти султана Омара ибн ан-Нумана.

Когда вазир Дандан кончил свои речи, Дау аль-Макан и сестра его Нузхат аз-Заман заплакали. Царедворец вытер влажные глаза и обратился к султану:

— О повелитель, слезами горю не поможешь. Лучше укрепи свое сердце, удвой решимость для утверждения собственного господства.

Дау аль-Макан перестал плакать и велел поставить трон перед входом в шатер. Затем приказал выстроить войска. Все оруженосцы встали позади него, а вазир Дандан впереди. Каждый эмир и каждый вельможа занял свое место.

— Расскажи мне о сокровищницах моего отца,— попросил вазира Дау аль-Макан.

— Слушаю и повинуюсь,— отвечал тот и сообщил все, что знал о сокровищах и драгоценностях, показал, сколько в казне монет.

Дау аль-Макан выдал воинам деньги и одарил вазира Дандана роскошным платьем, сказав при этом:

— Ты остаешься на своем месте.

Вазир поцеловал землю меж его рук и пожелал ему долгой жизни. Наградив также эмиров, Дау аль-Макан сказал царедворцу:

— Покажи мне подать Дамаска, которую ты везешь с собою.

Ему тут же были представлены сундуки с деньгами, редкостями и драгоценными камнями. Все это без остатка Дау аль-Макан раздал воинам.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же восемьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Дау аль-Макан всю подать Дамаска раздал воинам. Эмиры восхваляли царя, повторяя, что не знают никого, кто бы был так щедр. Заночевав в своих шатрах, наутро они отправились в путь по приказу Дау аль-Макана и ехали три дня, пока на четвертый не увидели Багдад, празднично украшенный. Султан Дау аль-Макан сразу же направился во дворец своего отца и сел на престол. Перед ним расположились воины, вазир Дандан и царедворец из Дамаска. Дау аль-Макан повелел своему личному писцу написать письмо брату Шарр-Кану, сообщить обо всем, что случилось, и закончить его такими словами: «Как только прочитаешь это письмо, снаряжай свои войска, чтобы прибыть сюда. Мы отправимся в поход на неверных, дабы отомстить за нашего отца и снять с себя позор». Он сам свернул и запечатал письмо, сказав Дандану:

— Никто, кроме тебя, не доставит это послание, но тебе надлежит говорить с Шарр-Каном мягко и учтиво. Скажи ему: «Если ты желаешь отцовского царства — оно твое, а брат твой будет наместником в Дамаске».

Вазир Дандан быстро собрался и отправился в путь. А Дау аль-Макан, дожидаясь его, однажды выехал на охоту; когда же вернулся в Багдад, один из эмиров предложил ему чистокровных коней и прекрасных невольниц, которых бессилен описать язык. Одна из красавиц особенно понравилась султану, и он уединился с нею, а через какое-то время невольница узнала, что у нее будет ребенок.

Вазир Дандан не замешкался и воротился из своей поездки. Он поведал Дау аль-Макану о том, что Шарр-Кан направляется к нему, и посоветовал достойно встретить его.

Султан выступил со своими приближенными из Багдада и, проделав дневной путь, разбил палатки в ожидании брата. К утру Шарр-Кан прибыл с войском Дамаска, состоявшим из неустрашимых витязей и обученных военному искусству храбрецов.

В облаках пыли подошли конные отряды, приблизились полки и затрепетали торжественные стяги. Шарр-Кан со своей свитой вышел навстречу Дау аль-Макану, и тот, увидев брата, хотел спешиться, но Шарр-Кан упросил его не делать

этого. Он сам сошел с коня и, сделав несколько шагов, оказался перед Дау аль-Маканом. Тот бросился к нему, и Шарр-Кан прижал его к груди. Они оба громко заплакали и стали утешать друг друга, а потом сели на коней и направились вместе с войском к Багдаду. Ночь Дау аль-Макан вместе с Шарр-Каном провел в царском дворце, а наутро приказал собирать войска и объявить поход и священную войну.

Братья ждали, пока прибудут войска из разных земель, и всякому, кто являлся к ним, оказывали почет и обещали всяческие блага. Так минул целый месяц, а люди все шли непрерывными потоками.

В один из дней Шарр-Кан попросил брата рассказать о том, что с ним сталось. И Дау аль-Макан поведал обо всем, что выпало на его долю, а также о том, какую милость оказал ему истопник.

— Вознаградил ли ты его за это? — спросил Шарр-Кан.

— О брат мой, пока не успел, но непременно награжу, когда вернусь из похода,— ответил Дау аль-Макан.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 88-я

Когда же восемьдесят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, на вопрос Шарр-Кана, наградил ли он истопника, Дау аль-Макан отвечал:

— О брат мой, награжу, когда вернусь из похода.

Шарр-Кан убедился, что все сказанное его сестрой, царевной Нузхат аз-Заман, было правдой. Он скрыл то, что связывало их, и послал ей привет с царедворцем. В ответ царевна пожелала ему счастья и осведомилась о своей дочери Кудыя-Факан. Шарр-Кан сообщил, что девочка здорова и пребывает в благополучии и полной безопасности. Нузхат аз-Заман была рада и возблагодарила Аллаха великого. А Шарр-Кан обратился к брату за советом, не выступить ли им сейчас. Однако Дау аль-Макан отговорил его.

— О брат мой,— сказал он,— лучше подождать, когда войска соберутся полностью и придут отовсюду кочевники.

Затем велел заготовить припасы и доставить военное снаряжение.

В один из дней Дау аль-Макан проведал свою жену, которая ждала ребенка, и велел ученым и лекарям опекать ее, назначив им особое жалованье. Лишь на третий месяц, когда прибыли сирийские войска и кочевые арабы, отряды двинулись в поход. Полки за полками потянулись непрерывно. Имя главы войска дейлемитов было Рустум, а главу турецких воинов звали Бахрам.

Дау аль-Макан находился посреди войска. Справа от него был его брат Шарр-Кан, а слева — царедворец, его зять. Они ехали в течение целого месяца, каждую неделю делая привал в каком-нибудь месте. Воины отдыхали три дня, а потом снова отправлялись в путь, пока не достигли земли румов. В страхе перед ними жители селений устремились в аль-Кустантынию.

Что же касается Зат ад-Давахи, то, убив царя Омара ибн ан-Нумана, она со своими девушками и царевной Суфией вернулась на родину. Оказавшись в безопасности, рядом со своим сыном, царем румов, она сказала:

— Остуди свою душу! Я отомстила за твою дочь, царевну Абризу, убила царя Омара ибн ан-Нумана и привезла Суфию. Поезжай к царю аль-Кустантынии и возврати ему Суфию, его дочь. Уведомь его о случившемся, чтобы все мы были начеку и приготовили военное снаряжение. Я поеду вместе с тобой к Афридуну, царю аль-Кустантынии. Надеюсь, что мусульмане не устоят в бою с нами.

— Пока они приблизятся к нашим землям, мы успеем приготовиться,— отвечал царь румов, и они стали собирать людей и снаряжаться.

Ко времени прихода мусульман войска были уже готовы, и в передовых отрядах отправилась Зат ад-Давахи.

Они достигли аль-Кустантынии, и царь Афридун, прослышав о прибытии Хардуба, царя румов, вышел к нему навстречу. После взаимных приветствий и пожеланий долгих лет счастья и здоровья Хардуб рассказал о хитрости его матери Зат ад-Давахи, которая убила царя мусульман и отняла у него царевну Суфию.

— Мусульмане собрали войска и решили все как один выступить против общего врага,— закончил он.

Царь Афридун обрадовался своей дочери и был доволен известием о гибели Омара ибн ан-Нумана. Он послал гонцов во все области, требуя подкрепления, и сообщил, почему был убит Омар ибн ан-Нуман. Полки христианских воинов

устремились к нему. Не прошло и трех месяцев, как полностью собралось войско румов, а потом подошли из разных краев французы, немцы, дубровничане, жители Зары, венецианцы, генуэзцы и прочие войска желтолицых.

На земле стало тесно от великого множества воинов. Царь Афридун приказал им выступать из аль-Кустантынии, и полки следовали через город целых десять дней. Они шли, не останавливаясь, пока не оказались в обширной долине ан-Нумана вблизи от соленого моря. Здесь они стояли три дня, когда же намерились трогаться, к ним пришла весть о приближении войск ислама, защитников народа лучшего из людей. Христиане пробыли в долине еще три дня, а на четвертый увидели взметнувшуюся пыль, которая застилала край неба. Не прошло и часа, как она рассеялась и показались зубцы копий и молнии белых клинков, а над ними колыхались исламские знамена и стяги пророка Мухаммада. Подобно разлившимся водам моря, приблизились витязи, одетые в кольчуги.

Войска встали друг против друга, и глаза встретились с глазами. Первый, кто выступил на бой, был вазир Дандан с тридцатью тысячами сирийских всадников. С ним были предводитель дейлемитов Рустум и глава турок Бахрам с двадцатью тысячами воинов. Сзади двигались люди, одетые в тяжелые кольчуги из блестящего металла, которые пришли с берегов соленого моря.

С криками «О Иса, о Мариам, о крест!» христиане обрушились на вазира Дандана с его сирийскими войсками. Это произошло по замыслу Зат ад-Давахи, к которой перед выступлением царь обратился с вопросом:

— Как мне поступить и что придумать? Ведь ты виновница таких тяжелых для нас событий.

— Знай, о великий царь и грозный волхв,— ответила она,— я подскажу тебе то, что не в силах измыслить Иблис, даже если он призовет на помощь всю свою рать.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 89-я

Когда же восемьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Зат ад-Давахи молвила царю Афридуну:

— Я подскажу тебе то, что не в силах измыслить Иблис, даже если он призовет на помощь всю свою рать. Отбери пятьдесят тысяч человек, и пусть они сядут на корабли и плывут по морю до самой Дымовой горы, а после не тронутся с места, пока не приблизятся к вам знамена ислама. Вот тогда и расправляйтесь с врагами. На них выйдут войска с моря и окажутся позади вражеских полков, а мы встретим их с суши. Никто не спасется, и прекратятся наши тревоги, наступит вечный мир.

— Твой план — прекрасен, о повелительница хитроумных старицы! — воскликнул царь Афридун, одобрив план старухи.

Однако,когда войско ислама налетело на христиан в этой долине, то они не успели опомниться, как огонь запылал в их шатрах и мечи засверкали, разя неверных. А тут еще подоспели войска Багдада и Хорасана,— сто двадцать тысяч всадников,— и в передовых отрядах был Дау аль-Макан. И в это время войска неверных двинулись на них со стороны моря. Дау аль-Макан, увидев это, воскликнул:

— О бесстрашные львы, во имя Аллаха великого, обратите свое оружие против нечестивых!

Вскоре подошел Шарр-Кан с другими мусульманскими отрядами числом около ста двадцати тысяч, а войск неверных было около тысячи тысяч и шестисот тысяч. Когда мусульмане соединились, в их сердцах укрепилась вера в победу.

— Аллах обещал нам поддержку! — кричали они.

Шарр-Кан пробился сквозь вражеские ряды и ворвался в гущу боя. Он гарцевал на своем коне среди неверных, орудуя острорежущим мечом, пока не прогнал врагов обратно на берег моря.

Люди падали от усталости, были словно пьяные, но продолжали сражаться, и Аллах дал победу вере ислама. В этой стычке было убито сорок пять тысяч неверных, а мусульман погибло три тысячи пятьсот. Ни Шарр-Кан, ни его брат Дау аль-Макан не спали в эту ночь. Они подбадривали воинов, обходили раненых, поздравляя их с победой.

В это время царь аль-Кустантынии Афридун и царь румов с матерью, старой Зат ад-Давахи, собрали своих вельмож и разговаривали между собой:

— Мы достигли бы цели и успокоили душу, однако слишком понадеялись на свою многочисленность — вот что нас подвело.

— Теперь вся надежда на милость Мессии и нашу правую веру,— промолвила Зат ад-Давахи.— Клянусь Мессией, мусульманам придал силу этот сатана, царь Шарр-Кан!

— Я намерен выстроить завтра против них свое войско,— сказал царь Афридун,— и выпустить знаменитого витязя Луку ибн Шамлута. Он одолеет Шарр-Кана и его людей.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 90-я

Когда же девяностая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь Афридун решил выпустить на поле боя знаменитого Луку ибн Шамлута, чтобы тот одолел Шарр-Кана и его войско.

В земле румов не было человека сильнее, чем этот проклятый Лука. Никто лучше его не стрелял и не бился мечом и копьем в жестокой схватке. Своей внешностью он напоминал обезьяну, был подлым, как шакал, и наглым, как тигр. Подойдя к царю Афридуну, он поцеловал ему ноги и склонился перед ним.

— Я хочу,— сказал царь,— чтобы ты выступил против Шарр-Кана, царя Дамаска, сына Омара ибн ан-Нумана, и отвел от нас беду.

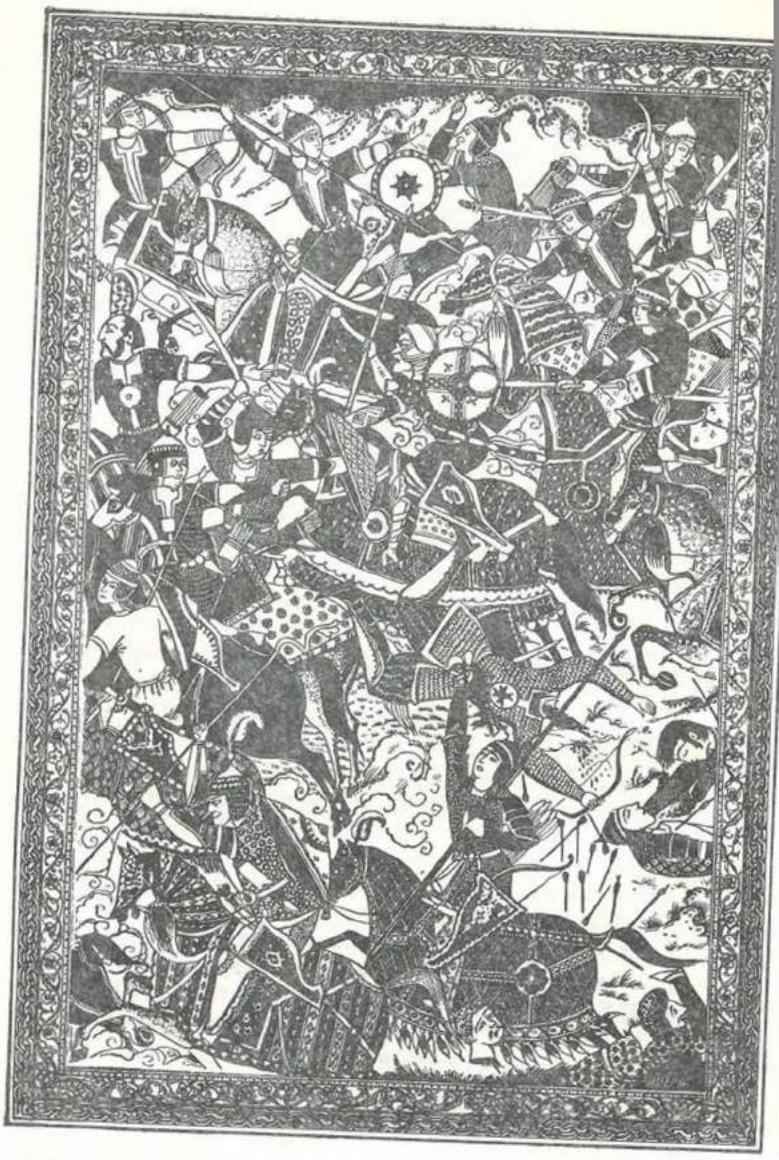
— Слушаю и повинуюсь! — ответил Лука.

Царь начертил на его лице крест и объявил, что победа непременно достанется ему.

Удалившись от царя, проклятый Лука сел на рыжего коня. На нем была красная одежда и золотая кольчуга, украшенная драгоценными каменьями. В руке он держал копье с тремя зубцами, словно проклятый Иблис в день уничтожения племен. Он и его нечестивое племя тронулось в путь, будто подгоняемое огнем, и глашатай, который был среди них, выкрикивал по-арабски:

— О народ Мухаммада, пусть выйдет вперед ваш витязь, меч ислама Шарр-Кан, правитель Дамаска Сирийского!

Едва он успел закончить, как на равнине раздался гул и конский топот, разнесшийся по всей округе и напомнивший о дне Хонейна. Злодеи испугались и, повернув головы в ту сторону, увидели, что это Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана.



Дау аль-Макан первый разглядел на поле Луку и услышал глашатая. Он обернулся к брату и сказал:

— Они вызывают тебя на бой.

— Ну что же, это как раз по мне,— ответил Шарр-Кан.

— Пусть не выходит никто, кроме Шарр-Кана! — снова послышался крик глашатая.

Шарр-Кан, подобный ярому льву, выехал вперед на чистокровном скакуне. Он подскакал к Луке и, оказавшись подле него, потряс копьем, похожим на жалящую змею. Христианин провел рукой по лицу, где был начертан крест, и, направив копье на Шарр-Кана, бросился на него. Он подкинул копье одной рукой так, что оно скрылось из глаз смотрящих, поймал его другой, как делают чародеи, а потом метнул в Шарр-Кана. Копье вылетело из его руки, как сверкающая огненная стрела. Воины зашумели, испугавшись за Шарр-Кана. Но когда копье подлетело близко к царю, тот схватил его в воздухе, и у людей отлегло от сердца. Он потряс копьем, едва не сломав его, подбросил в воздух так, что оно скрылось из глаз, в мгновение ока поймал его другой рукой и издал клич, исходивший из глубины души:

— Клянусь тем, кто создал семь небосводов, я ославлю этого проклятого во всех странах!

Копье полетело в Луку, который хотел сделать с ним то же самое, что и Шарр-Кан. Он протянул руку, чтобы поймать разящее оружие в воздухе, но Шарр-Кан поспешил метнуть в него второе копье, которое попало в самую середину креста, начертанного на лице христианина, и Аллах устремил его душу в огонь, скверное это обиталище!

Когда неверные увидели, что Лука упал убитый, они стали бить себя по лицам и вопить:

— О горе нам! О гибель!

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 91-я

Когда же девяносто первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, неверные, увидев, что Лука упал убитый, стали бить себя по лицам и вопить:

— О горе нам! О гибель!

Монахи молились, а затем, выставив острые мечи и копья, все ринулись в бой.

И войско встретилось с войском, заработали острые мечи и копья. Яростно сражались и те, и другие. Но вот плечи и кисти ослабели, притомились кони, день ушел, и приблизилась ночь с ее мраком. Враги разошлись, и воины были точно пьяные от смертельного угара битвы. Земля покрылась телами убитых, и не отличить было раненых от мертвых.

Шарр-Кан, встретившись с Дау аль-Маканом, царедворцем и вазиром Данданом, воскликнул:

— Воистину, Аллах открыл врата погибели для неверных!

— Мы не перестанем воздавать хвалу Аллаху за то, что он снял печаль с арабов и персов,— присоединился к брату Дау аль-Макан.— Люди из поколения в поколение будут передавать рассказ о том, что ты сделал с проклятым Лукой, как ты поймал копье в воздухе и поразил врага. Слава твоя будет вечна до конца времен.

— О грозный храбрец,— обратился Шарр-Кан к царедворцу,— возьми с собою вазира Дандана и двадцать тысяч всадников. Пройди с ними к морю расстояние в семь фарсахов. Двигайтесь быстро и держитесь ближе к берегу, чтобы между вами и врагом было два фарсаха. Укрывайтесь в ложбинах, пока не услышите, как шумят неверные, покидая корабли. Когда вы увидите, что во время боя наши войска повернули вспять, как бы убегая, и неверные нападают на них со всех сторон, даже с моря и из шатров, оставайтесь в засаде. Но едва увидите знамя с надписью «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его», поднимите зеленое знамя и со словами «Аллах велик!» нападайте на врага сзади.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил царедворец и отправился с войском в путь, выполняя приказ Шарр-Кана.

Когда наступило утро, вражеские всадники обнажили мечи, взяли копья и другое оружие и рассыпались по холмам и котлованам. Священники закричали, взвились паруса с крестами на мачтах кораблей, и воины направились к берегу со всех сторон. Мечи заблистали, засверкали молнии копий на кольчугах, завертелся жернов гибели над пешими и конными, и головы летели с туловищ, немели языки, глаза покрывались мраком. Была работа мечам, так что кони ступали по крови, и воины хватали друг друга за бороду.

Войска ислама провозглашали хвалу милосердному за дарованные им милости. А неверные возносили хвалу кресту, и священникам, и Вербному воскресенью.

Дау аль-Макан с Шарр-Каном отступили назад, и воины повернули вспять, делая вид, будто убегают. Тогда войска неверных двинулись на них, поверив, что враг разбит. Люди ислама возвысили голос, читая начало главы о Корове, кони топтали убитых. Глашатай румов кричал:

— О рабы Мессии, исповедующие правую веру, о слуги первосвятителя, поддержка свыше явилась нам! Войска ислама склонились к бегству. Не поворачивайтесь же к ним спиною, не прекращайте преследования, иначе вы отступитесь от Мессии, сына Мариам, заговорившего в колыбели.

И Афридун, царь аль-Кустантынии, уверовал в победу. Он ведь не знал, что это искусный замысел мусульман. К царю румов полетела благостная весть. «Клянусь чудесами, твоей дочерью Абризой, назарянкой, служанкой Мариам и водами крещения, я не оставлю на земле ни одного мусульманина,— писал Афридун.— Это мое твердое решение».

Неверные кричали:

— Отомстим за Луку!..

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 92-я

Когда же девяносто вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, неверные кричали:

— Отомстим за Луку! Отомстим за Абризу!

В этот миг загремел голос султана Дау аль-Макана:

— О рабы Владыки воздающего, бейте неверных и отступников белыми клинками и серыми копьями!

Тогда мусульмане вновь повернули на неверных и заработали среди них режущим и секущим оружием. Глашатай мусульман взывал:

— На врагов веры, о любящие Пророка! Свершите угодное Всеблагому, Всепрощающему!

Шарр-Кан со своими воинами ринулся на неверных и отрезал им путь к бегству. А в толпу врагов вдруг врезался прекрасный всадник. Он гарцевал на своем скаку-

не, разя нечестивых мечом и копьем. Тела убитых покрыли землю. И неверные устрашились, склонили головы под нещадными ударами.

Увидев это, Шарр-Кан воскликнул:

— Заклинаю тебя Кораном, кто ты, о витязь? Ты обратил в бегство людей неверия и беззакония и тем ублаготворил Всемилостивого.

— Лишь вчера ты заключил со мною союз,— ответил доблестный воин,— и как же скоро забыл меня! — Он откинул с лица покрывало, явив красоту лица своего, и все увидели, что это Дау аль-Макан.

Шарр-Кан обрадовался ему, но тут же страх за брата овладел им. Ведь он еще так молод и укрыт от дурного глаза, и его жизнь — величайшая опора царства.

— О царь,— сказал Шарр-Кан,— ты подверг себя опасности. Оставайся на своем скакуне рядом со мной, под знаменем. Меткие стрелы и отсюда разят врагов.

— Я хочу быть равным тебе в бою и не пожалею себя! — воскликнул Дау аль-Макан.

Войска ислама окружили неверных с трех сторон и сломили их мощь. Христианские воины показали спины, кинувшись к кораблям. И вдруг с берега моря вышли на них войска во главе с вазиром Данданом и эмиром Бахрамом — предводителем двадцати тысяч сирийских львов.

Неверные оказались в плотном кольце: мусульмане были и сзади, и спереди. Один отряд направил свой удар против тех, кто был на кораблях. Перебили их великое множество — больше ста тысяч — и побросали в море, так что не спасся никто — ни простой воин, ни начальник. Были захвачены все корабли, кроме двадцати, с грузом, деньгами и сокровищами. В этот день добыча мусульман была такой, какой не захватывал никто в минувшие времена. И ничье ухо не слышало о подобном сражении. Среди всякого добра было и пятьдесят тысяч коней. Воины ликовали и радовались поддержке, которую послал им Аллах.

А потерпевшие поражение в это время добрались до аль-Кустантынии, к обитателям которой раньше пришла весть о победе христиан над мусульманами. Старуха Зат ад-Давахи сказала:

— Я знаю, что мой сын, царь румов, не страшится войск ислама и обращает всех в христианскую веру.

Она приказала украсить город, и жители предавались радости и пили вино, не зная, что их ожидает.

Среди ликования вдруг закаркал над ними ворон горя

и печалей, приблизились двадцать кораблей с беглецами, и на одном из них был царь румов. Старуха Зат ад-Давахи встретила воинов на берегу. Ей рассказали о постигшей их беде, и велик был плач и стенания, и радость сменилась печалью.

Зат ад-Давахи поведали о том, что Луку ибн Шамлуга поразил удар судьбы, пометила стрела гибели, бьющая без промаха. И подумала она о судном дне, начала раскаиваться в заблуждениях, которых уже не исправить. Со всех сторон слышались причитания, поднялись стенания и плач. Царь румов сказал матери о том, что бегство мусульман было обманом.

— Быть может, Мессия разгневался на нас за грехи,— промолвил он.

Пришедший к царю великий патриарх успокаивал:

— Не огорчайтесь и не печальтесь. Наверное, кто-нибудь из вас совершил проступок, и все наказаны за его прегрешение. Но теперь мы станем читать за вас в церквях молитвы, пока войска ислама не будут повержены.

У старой Зат ад-Давахи тоже появились новые планы.

— О царь,— сказала она,— войско мусульман многочисленно, и мы сможем победить его только хитростью. Я решила коварством и обманом пробраться к ним и убить их предводителя, как убила его отца. Если это удастся, никто из его воинов не вернется в свои края, ведь вся их сила в нем. Но нужно, чтобы христиане, жители Сирии, которые круглый год продают свои товары, помогли мне.

— Когда ты думаешь совершить это? — спросил царь.

— Немедленно.

И старуха велела привести к ней сто человек из Неджрана сирийского. Когда их привели к царю, тот спросил:

— Знаете ли вы, что испытали христиане от мусульман?

— Знаем,— отвечали они.

— Эта женщина посвятила себя Мессии,— продолжал царь,— и теперь намерена отправиться с вами, как одна из вас, к мусульманам, чтобы хитростью помешать им покорить нас. Посвятите ли вы себя Мессии? Я вам дам за это кантар золота. Кто останется цел, тому будут деньги, а кто умрет, тому воздаст Мессия.

— О царь, мы готовы! — воскликнули сирийские торговцы.

Тогда старуха принялась за дело. Взяла нужные ей требы, положила их в воду и кипятила на огне, пока не осело черное вещество. Подождав, пока зелье остынет, она

прикрыла его краем платка. Затем надела поверх одежды плащ, обшитый шнурком, взяла в руки четки и пошла к царю. Ее не узнал ни он, ни кто другой из сидевших рядом. Когда Зат ад-Давахи открыла лицо, все похвалили ее за хитрость, а сын воскликнул:

— Да поможет тебе Мессия!

Вместе с христианами из Неджрана сирийского старуха направилась к войску Багдада...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 93-я

Когда же девяносто третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, старуха вместе с христианами из Неджрана сирийского направилась к войску Багдада.

Была она искусна в колдовстве и обмане, хитра и бесчестна. У всякого вызывали отвращение ее зловонный рот, красные веки, гноящиеся глаза, желтые морщинистые щеки, горбатая спина. Но она читала писания ислама и путешествовала к священному храму Аллаха,— все для того, чтобы уразуметь верования Корана. И два года исповедовала иудейство в Иерусалиме, чтобы усвоить коварство людей и джиннов. Эта старуха — нечестивая, не признающая никакой веры, опасность из опасностей и бедствие из бедствий. Чаще всего она жила у своего сына Хардуба, царя румов, но царица Абриза не терпела ее. В кознях и хитрых проделках старая Зат ад-Давахи достигла совершенства.

И вот она отправилась в расположение мусульман. После ее отъезда царь Хардуб наведался к царю Афридуну и сказал:

— О царь, не нужен нам ни великий патриарх, ни его молитвы! Лучше сделаем так, как придумала моя мать. И посмотрим, как она расправится с воинами ислама. Ибо они уже близко, со всеми своими силами подходят к нам, и скоро мы окажемся в окружении.

От страха сжалось сердце царя Афридуна, услышавшего эти слова. В тот же час и минуту он отправил во все христианские края такое послание: «Людям христианской веры и приверженцам креста, особенно жителям укреплений

и крепостей, надлежит немедленно явиться к нам. Пусть идут пешие и конные, женщины и дети. Войско мусульман попирает нашу землю; спешите же, спешите, пока не пришла беда!»

А в это время старуха Зат ад-Давахи, покинув со своими людьми город, одела их, как мусульманских купцов. Она взяла с собою мулов, нагруженных антиохийскими материями, мединским атласом, царской парчой и другими тканями, имея при себе письмо царя Афридуна такого содержания: «Это купцы из сирийской земли, которые были в наших краях. Не должно никому причинять им зла и брать с них десятину, пока они не достигнут своей страны и безопасного места. От купцов процветают земли, ведь они не враги и не разбойники».

Своим спутникам проклятая Зат ад-Давахи сказала:

— Я придумала одну хитрость, чтобы погубить мусульман. Поможете ли вы мне?

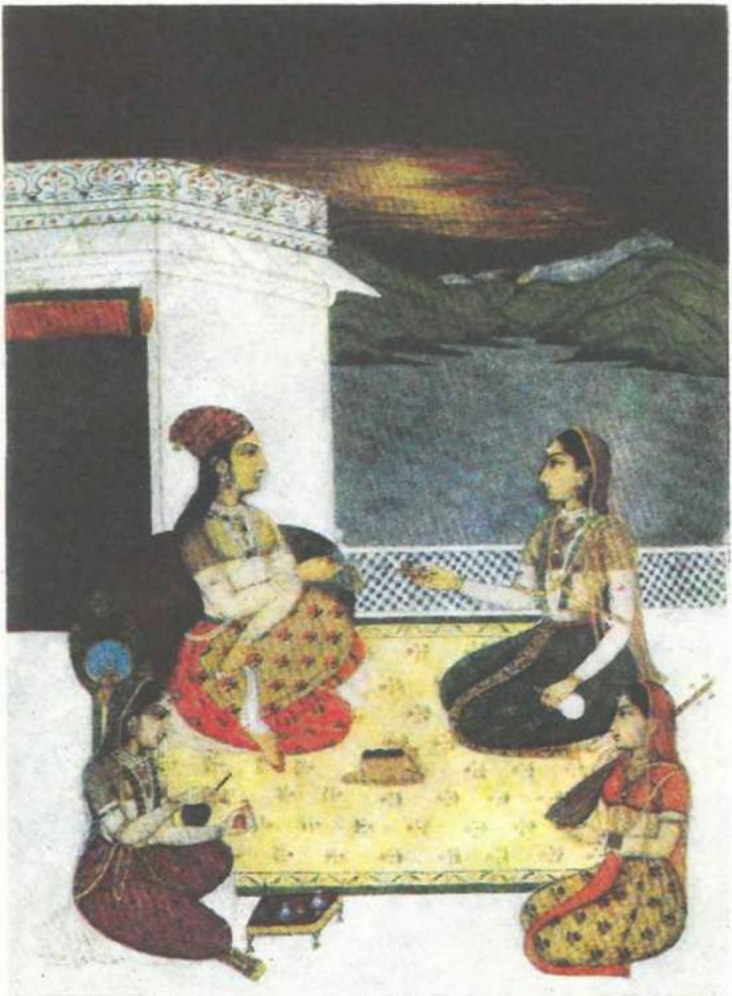
— О царица, приказывай, мы тебе покорны,— ответили они.— Да не сделает Мессия тщетными твои усилия!

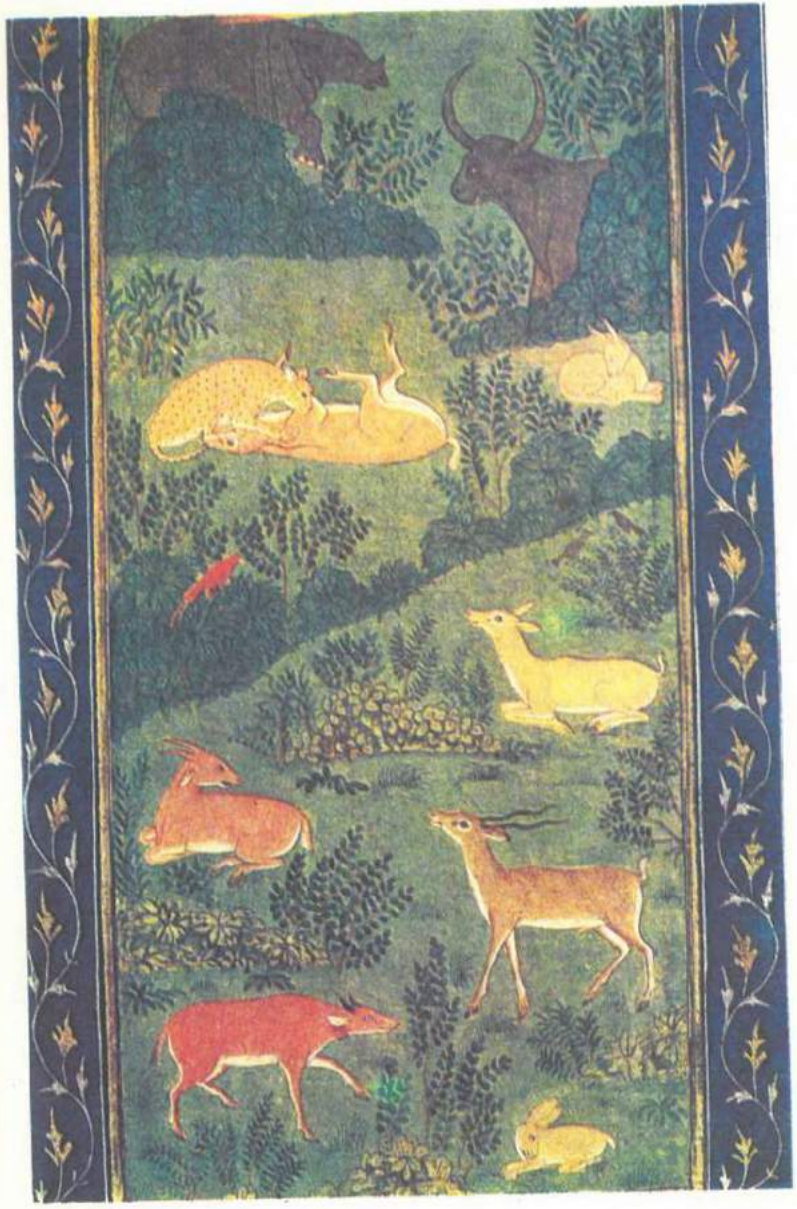
Старуха надела одежду из белой мягкой шерсти и принялась тереть себе лоб, пока на нем не появилось большое пятно, похожее на клеймо. Тогда намазала его жиром и сделала так, что оно стало источать сильный свет. Тощая, с провалившимися глазами, она заковала себе ноги над ступнями и долго шла так, пока не достигла войска мусульман. Тогда сняла цепи, оставившие следы на икрах, смазала потертости драконовой кровью, а затем велела своим людям покрепче бить ее и положить в сундук, добавив:

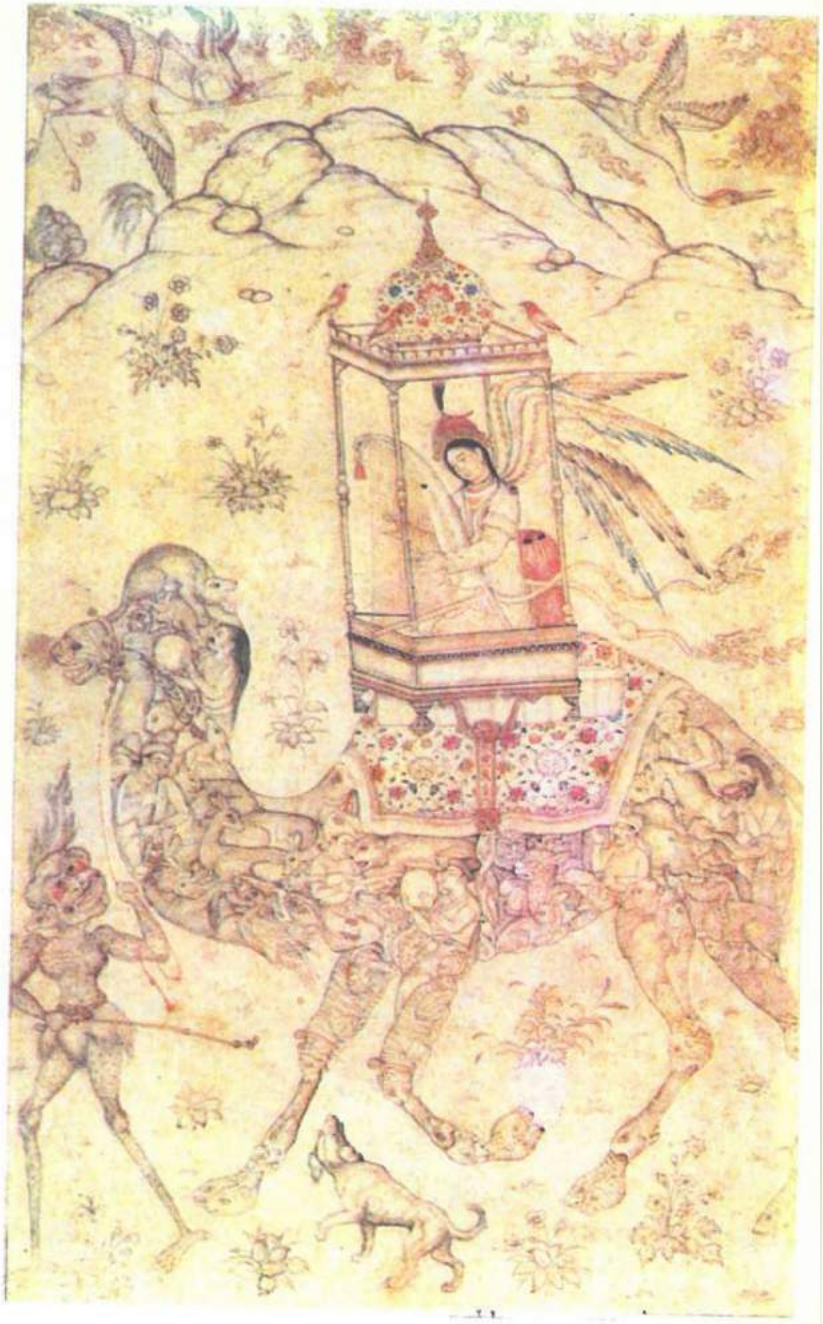
— Кричите слова единобожия, вам не будет от этого большой беды.

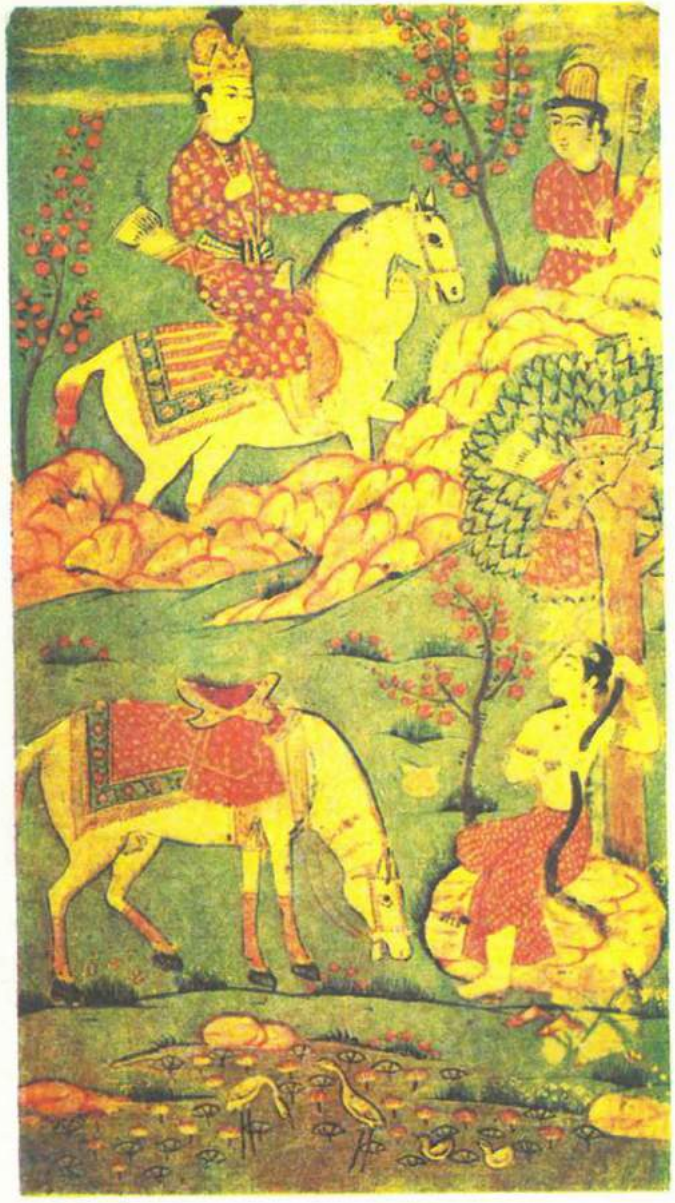
— Как же мы будем бить тебя, когда ты наша госпожа Зат ад-Давахи, мать славного царя?

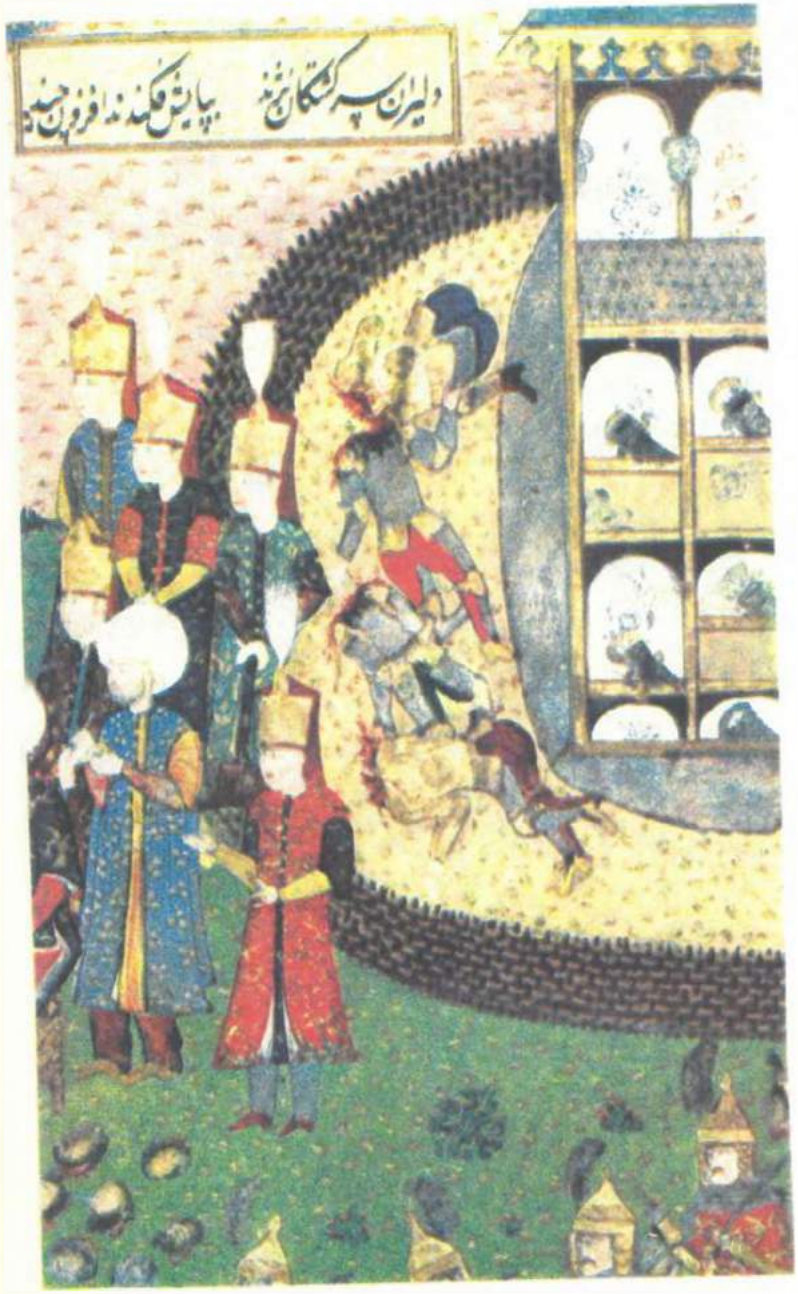
— Не осудят того, кто в нужник пойдет, когда необходимо,— промолвила старуха и продолжила: — После того, как положите меня в сундук, возьмите его, нагрузите вместе с прочими товарами на мулов и везите без боязни через мусульманское войско. Если кто-нибудь преградит вам дорогу, отдайте ему мулов с товарами и идите к султану Дау аль-Макану, попросите у него помощи. Скажите: «Мы были в стране неверных, и они ничего не взяли у нас, напротив, дали бумагу, чтобы никто не препятствовал нам. Как же теперь вы отбираете у нас товары? Вот письмо царя румов, где сказано, чтобы никто не причинял нам зла». Если он спросит, что вы получили в стране румов

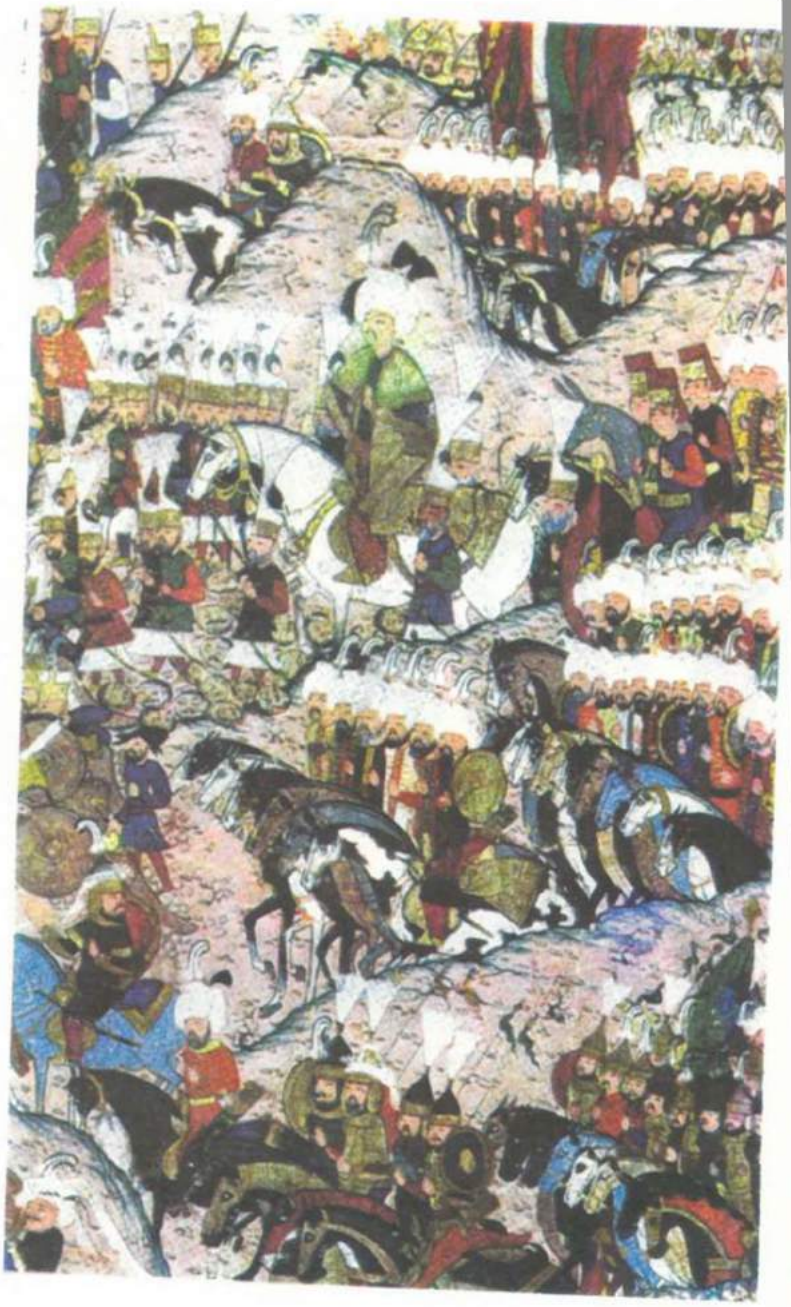









دلیران سرکشتگان نژند
بپایش فکندند افزون چند



за свой товар, отвечайте: «Мы получили освобождение одного подвижника, который провел в погребе под землей около пятнадцати лет, взывая о помощи, но не получая ее. Неверные пытали его ночью и днем, а нам это было сначала неведомо, хотя мы прожили в аль-Кустантынии некоторое время, продавая одни товары и покупая другие. Закончив свои дела, мы решили возвратиться домой и провели ночь в разговорах об обратном пути. Наутро перед нашими глазами предстал изображенный на стене образ. Подойдя, мы всмотрелись в него, и вдруг это изображение пошевелилось и промолвило: «О мусульмане, есть ли среди вас кто-нибудь, кто вступит в сделку с Господом миров?» — «Как это?» — спросили мы.

«Аллах дал мне речь, чтобы укрепить вашу веру,— ответило изображение.— Покидайте страну неверных и отправляйтесь к войску мусульман, ибо там меч всемилостивого и славный витязь Шарр-Кан. Он завоюет аль-Кустантынию и погубит христиан.

Когда вы преодолеете трехдневный путь, то увидите пустынь под названием пустынь Матруханны, в которой находится келья. Идите туда с чистыми намерениями и постарайтесь без робости проникнуть в нее, ибо там находится один отшельник из Иерусалима, по имени Абд-Аллах. Это благочестивейший человек, творящий чудеса, развеивающие сомнения и неясность. Один монах обманом заточил его в погреб, где он находится длительное время, поэтому вызволение его угодно великому Господу, ибо его спасение — великий подвиг за веру».

После уговора со своими людьми старуха молвила:

— Если царь Шарр-Кан соизволит слушать вас, скажите ему: «Когда мы услышали это от изображения, нам стало ясно, что тот отшельник...»

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 94-я

Когда же девяносто четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в преданиях, о счастливый наш царь, милостивый государь, старуха Зат ад-Давахи, уговорившись со своими людьми об этом рассказе, молвила:

— Если царь Шарр-Кан соизволит выслушать вас,

скажите ему: «Когда мы услышали это от изображения, то поняли, что тот отшельник благочестивейший праведник из праведников, искренне поклоняющийся Аллаху. Мы, преодолев трехдневный путь, увидели пустынь и направились к ней. С утра и до вечера вели торговлю, как обычно, а когда день повернул на закат и приблизилась мрачная ночь, мы направились в ту келью, где был погреб, и услышали, как богомолец после чтения Корана произнес такие стихи:

Сердцу тесно в груди. Потерпи — говорю я, но горе
Затопило мне душу, как сушу бескрайнее море».

И когда мы достигнем войска мусульман, увидите, какую я хитрость устрою, дабы обмануть их и погубить до последнего,— сказала старуха.

И, услышав это, христиане поцеловали ей руки и положили ее в сундук, побив перед тем, как она повелела. А потом направились они к войску мусульманскому.

Между тем воины благоверные после того, как Аллах помог им врагов одолеть и богатства захватить несметные, расположились на отдых. И Дау аль-Макан сказал своему брату:

— Аллах подарил нам победу за нашу справедливость и поддержку друг друга. Помоги же мне, о Шарр-Кан, исполнить еще одно намерение: убить десять неверных царей за моего отца, зарезать пятьдесят тысяч румов и вступить в аль-Кустантынию.

И Шарр-Кан отвечал ему:

— Война с неверными для меня неизбежна, и я готов участвовать в ней долгие годы. Да вот только у меня, о брат мой, есть в Дамаске дочь по имени Кудыя-Факан, и сердце мое охвачено любовью и тоской по ней.

— У меня тоже вскоре будет ребенок,— молвил Дау аль-Макан.— Хотя я и не знаю, кем — сыном или дочерью — одарит меня Аллах. Но если это будет сын, обещай мне, о брат мой, что ты позволишь, чтобы твоя дочь Кудыя-Факан стала его женою.

— С любовью и охотой,— ответил Шарр-Кан, протягивая руку своему брату.

И Дау аль-Макан обрадовался, и стали они поздравлять друг друга с победой над врагами, и подошел к ним вазир Дандан и сказал:

— Знайте, о цари, нам ниспослана победа потому, что мы подарили Аллаху, великому, славному, наши души.

Так продолжим благое дело. Лучше всего нам двинуться за врагами и, настигнув, снова сразиться с ними. Быть может, с помощью Аллаха мы истребим наших врагов. Я полагаю, вам следует сесть на корабли и отправиться в погоню морем, часть же войска со мной двинется сушей.

Дау аль-Макан велел войскам трогаться, и они устремились к аль-Кустантынии. И вот вступили они на просторный луг, где было все, что есть прекрасного: и резвящиеся звери, поющие птицы, полноводные ручьи и спелые плоды. И казалась эта земля подобной райскому саду, ошеломляя разум и око.

И Дау аль-Макан, видя все это, молвил своему брату Шарр-Кану:

— О брат мой, поистине в Дамаске нет подобного места. И мы не двинемся отсюда раньше чем через три дня, чтобы войска ислама, отдохнув, ободрились и укрепили свои души для встречи со скверными нечестивцами.

И они остались там. А через какое-то время вдруг услышали невдалеке голоса. И когда Дау аль-Макан спросил о них, ему ответили:

— Это караван купцов из земель сирийских, который расположился рядом для отдыха.

И вскоре пришли эти купцы, крича и взывая к царю о помощи. Дау аль-Макан приказал впустить их к нему, они поклонились и молвили:

— О царь, мы были в землях неверных, и они ничего не отняли у нас. А твои воины — наши братья мусульмане, увидев караван, стали хватать все подряд.

А потом купцы показали письмо царя аль-Кустантынии, в котором говорилось, чтобы никто их не трогал. И Шарр-Кан, прочитав его, объявил:

— Я велю возвратить то, что у вас отняли. Однако вам не следует возить товары в страны неверных.

— О владыка,— сказали купцы,— Аллах направил нас в их страны, чтобы мы овладели тем, что не досталось ни одному войску.

— Что же это такое? — удивился Шарр-Кан.

— Мы скажем об этом, только оставшись наедине с тобой,— ответили купцы,— ибо, если вдруг ненароком об этом услышит кто-либо чужой, это будет причиной и нашей гибели, и всех мусульман, отправившихся в страны румов.

Затем купцы принесли сундук, в котором была проклятая Зат ад-Давахи, и Дау аль-Макан с братом уединились с ними. Купцы стали рассказывать о подвижнике, о том, какие

мучения он перенес. И сердце Шарр-Кана размягчилось...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 95-я

Когда же девяносто пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, услышав рассказ купцов о мучениях подвижника, сердце Шарр-Кана размягчилось, и он почувствовал жалость.

— Освободили вы этого несчастного, или он до сей поры страдает? — спросил брат султана.

— Мы освободили его,— ответили купцы,— и убили его притеснителей, а потом бежали, страшась мести.

С этими словами они открыли сундук и вынули оттуда проклятую Зат ад-Давахи. Она была точно стручок кассии,— так почернела и исхудала, опутанная цепями и оковами.

И, увидя ее, Дау аль-Макан поверил, что это никто иной, как достойный богомолец. И они с братом горько заплакали от сострадания, и в знак уважения принялись целовать Зат ад-Давахи руки:

— Бросьте этот плач и послушайте мои речи,— сказала она.— Знайте, я не ропщу на своего владыку, ибо считаю постигшее меня несчастье испытанием от него,— велик он и славен,— а кто не стоек в беде и испытаниях, нет тому доступа в Сады блаженства.

Когда Шарр-Кан принес Зат ад-Давахи еду, она молвила:

— Я не разговляюсь уже пятнадцать лет и как же могу нарушить пост в тот час, когда мой владыка даровал мне освобождение из плена неверных? Я подожду до заката.

Вечером же, вновь отказавшись от трапезы, старуха сказала:

— Теперь не время есть, теперь время поклоняться владыке воздающему.

И она простояла в михрабе, истово молясь, до самого утра. И так продолжалось три дня и три ночи.

И, проникнувшись великим почтением к этому человеку, Дау аль-Макан велел:

— Поставьте богомольцу кожаный шатер, и пусть постельничий прислуживает ему.

На четвертый день Зат ад-Давахи согласилась поесть, и подали ей все кушанья, какие желательны душе и усладительны для глаз, но она съела лишь одну лепешку. А ночью вновь встала на молитву.

И Шарр-Кан сказал Дау аль-Макану:

— Это поистине великий человек. У него многому можно научиться. Сейчас я пойду к нему в шатер и побеседую с ним немного.

— И я с тобой,— сказал Дау аль-Макан.— Ведь завтра мы отправляемся в поход на аль-Кустантынию, и уже не до бесед нам будет.

— Я тоже пойду с вами,— сказал вазир Дандан,— может быть, подвижник этот помолится, чтобы я окончил жизнь в войне за веру.

С наступлением ночи они вошли в шатер кудесницы Зат ад-Давахи и увидели ее стоящей и молящейся. Приблизившись к ней, они начали плакать из жалости, но она не реагировала ни на что до наступления ночи. Затем, закончив молитву заключительным приветствием, поздоровалась с ними и спросила:

— Что вас привело сюда?

— О богомолец,— ответили они,— разве ты не слышал, как мы плакали?

— Находящийся перед лицом Аллаха пребывает в небытии, ничего не слышит и ничего не видит,— ответила старуха.

— Нам хотелось бы услышать от тебя о причине твоего плена и твоей молитве за нас этой ночью — это прекраснее, чем владеть аль-Кустантынией.

— Аллах свидетель,— воскликнула старуха,— не будь вы эмирами мусульман, я бы не открылась вам в этом, ибо исповедаюсь лишь перед Аллахом! Но я все же расскажу вам о своем пленении.

Пусть будет вам ведомо, что, пребывая в Иерусалиме с некоторыми святыми и боговдохновенными людьми, я не превозносил себя перед ними, ибо Аллах — слава ему и величие! — наделил меня кротостью и смирением. Но однажды ночью я отправился к морю и пошел по воде, но по неведомой причине разум мой возгордился, и я сказал себе: «Кто, подобно мне, способен идти по воде?» С тех пор мое сердце огрубело и Аллах внушил мне склонность к путешествиям. Я отправился в страны румов и странствовал

целый год, везде поклоняясь Аллаху. Наконец я добился в пустынь монаха Матруханны, где находилась его келья. Он вышел мне навстречу, поцеловал мне руки и ноги и молвил: «Когда я увидел тебя вошедшим в земли румов, во мне возникло желание отправиться в страны ислама». Затем он взял меня за руки, повел по пустыни и завел в темную келью. Он пропустил меня вперед и, воспользовавшись моей доверчивостью, запер меня там, оставив пребывать в келье сорок дней без пищи и питья, чтобы уморить меня. Но случилось так, что в эту пустынь прибыл патриций Дикьянус с десятью слугами и дочерью Тамасиль, красавицей времени. Монах Матруханна встретил их и сообщил им обо мне, тогда патриций сказал: «Выведите его. Он наверняка иссох так, что даже птицам не будет чем поживиться». Они отворили дверь кельи и обнаружили меня в михрабе читающего Коран и восхваляющего великого Аллаха. Увидев меня в таком состоянии, Матруханна воскликнул: «Поистине, это чародей всем чародеям!»

Услышав эти слова, румы вошли ко мне. А патриций Дикьянус и его слуги принялись жестоко бить меня. И тогда я пожелал смерти, говоря себе: «Вот воздание тем, кто превозносит и гордится, когда Господь пожаловал им нечто, для них непосильное! О душа, в тебя вошла гордость и заносчивость! Не знаешь ты разве, что гордость гневит Господа, и ожесточает сердца, и ввергает человека в огонь?»

Между тем мои мучители вновь заперли меня в келье. И каждые три дня мне бросали лишь одну ячменную лепешку и давали глоток воды. А раз в месяц приезжал патриций Дикьянус и избивал меня. Год сменялся годом. И дочери патриция Тамасиль уже исполнилось двадцать четыре года. А первый раз я увидел ее, когда было ей девять лет. Так что провел я в заточении без малого пятнадцать лет. И была эта девушка Тамасиль краше всех, и боялся отец, что царь заберет ее у него. Поэтому ходила она всегда в одежде мужчины-воина, и сопровождал ее отец повсюду.

На той горе, в монастыре, где я томился в плену, патриций Дикьянус хранил свои несметные сокровища. Там они и по сей день — золото, серебро, драгоценные камни, разные дивные редкости, количество которых не исчислит никто, кроме Аллаха великого. Вы более достойны владеть всем этим, чем неверные. Поспешите же туда, и возьмите сокровища, и раздайте бойцам за мусульманскую веру. Что же до моей истории, то прибыли в ту местность купцы — мои избавители. Ибо, как говорили они вам, явилось им на

стене изображение и поведало о страданиях моих. И они, придя, избили монаха Матруханну и выпустили меня из кельи. И после этого не было у них другого выхода, кроме как бежать из аль-Кустантынии. Ибо завтра патриций Дикьянус вместе со своей дочерью Тамасиль приедет на ту гору, и узнают они обо всем, что случилось. Мой совет — езжайте и вы туда. И наградой вам будут сокровища и красавица-дочь патриция. Я отправлюсь с вами и укажу кратчайшую дорогу.

Услышав такие речи, султан и его брат обрадовались. И лишь вазир Дандан не поверил старухе, но он побоялся спорить с нею из уважения к своим повелителям.

Между тем Дау аль-Макан сказал:

— Пусть войско двигается к аль-Кустантынии. Я же с сотней всадников отправлюсь в сокровищницу и, завладев ею, догоню остальных. И ты, Шарр-Кан, и ты, вазир, поедете со мною!

После этого, взяв сотню храбрых всадников, мулов и сундуки, они отправились к заветной цели.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 96-я

Когда же девяносто шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Дау аль-Макан, Шарр-Кан и вазир Дандан, взяв сотню всадников, отправились к заветной цели. И не ведали они, что подлая Зат ад-Давахи тогда же отправила царю аль-Кустантынии письмо на крыльях птицы, осведомляя его о том, что случилось, и в конце письма говорила: «Я хочу, чтобы ты послал мне десять тысяч всадников из румских храбрецов; пусть идут, крадучись по склону горы, чтобы их не увидели воины ислама. И пусть укроются там и дожидаются царя мусульман и его брата. С ними будет сотня всадников, не больше».

Достигнув вершины горы, Дау аль-Макан, Шарр-Кан, вазир и те, кто был с ними, увидели монаха Матруханну. Решив пожертвовать им, дабы не раскрылся обман, Зат ад-Давахи воскликнула:

— Убейте этого проклятого!

И воины ударили его мечами и заставили выпить чашу гибели.

А затем они пошли в сокровищницу и забрали оттуда все.

— Теперь будем ждать патриция и его прекрасную дочь,— велел Дау аль-Макан.

Однако Дикьянус и Тамасиль, узнав от царя аль-Кустантынии о прибытии мусульман, побоялись ехать на гору. Прошел день, второй, третий, и Шарр-Кан воскликнул:

— Клянусь Аллахом, в моем сердце тревога о войске ислама, оставленном нами!

И его брат ответил:

— Мы завладели сокровищами. И стоит пока удовлетвориться этим, ибо на все воля Аллаха великого.

И они стали спускаться с горы, желая догнать свое войско. И Зат ад-Давахи уже не могла больше задерживать их, опасаясь, что они разгадают ее преступные замыслы.

И вот достигли правоверные некоего ущелья, и оказалось, что ждет их там засада из десяти тысяч всадников царя аль-Кустантынии. Они окружили мусульман со всех сторон и направили на них копья и обнажили белые клинки, закричав слова неверия и наложив на тетивы стрелы зла. И Дау аль-Макан, видя все это, вскричал:

— Кто сообщил этим воинам о нас?

— О брат мой,— отвечал Шарр-Кан,— теперь не время для речей,— теперь время разить мечом и метать стрелы! Усилим же нашу решимость и укрепим наши души. Клянусь господином арабов и не арабов, не будь это место узким, я бы уничтожил их всех, пусть было бы их сто тысяч!

А вазир Дандан молвил:

— Да поможет нам Аллах в сражении этом. Мне знакомо это ущелье, и я знаю тут много убежищ и потайных тропинок, ибо как раз по этой местности совершал свой поход Омар ибн ан-Нуман. Ступайте скорее за мной, и мы выйдем отсюда, прежде чем войска неверных закидают нас копьями и камнями.

И мусульмане стали поспешно выезжать из ущелья, и тогда подлая Зат ад-Давахи, желая задержать их, сказала:

— Что же вы боитесь, ведь с вами Аллах великий. Сражайтесь с его именем на устах, а если кто и будет из вас повержен, то обретет он награду в раю.

И, услышав такие речи, остановились мусульмане. Неверные спустились к ним и приблизились вплотную. Мечи заиграли на шеях воинов Дау аль-Макана, и заходила между ними чаша гибели. Но они побили многих неверных. Дау аль-Макан рубил головы — пятерку за пятеркой, десятку

за десяткой. И Шарр-Кан не отставал от него, убивая одних и обращая в бегство других. И думали братья, что побеждают они неверных, благодаря благословению богомольца.

Когда же наступила ночь, разошлись противники. Дау аль-Макан и Шарр-Кан воздали хвалу Аллаху и стали искать подвижника, но нигде не могли найти его.

— Быть может, он погиб мученически,— сказал султан, вздыхая.

— Я видел, как он укреплял воинов указаниями всевышнего и охранял их его знамениями. И вот теперь славного богомольца не будет с нами,— опечалился и Шарр-Кан.

Однако подлая Зат ад-Давахи и не думала исчезать, не завершив свой коварный план. Она предстала перед братьями, держа голову великого патриция, предводителя десятитысячного войска неверных, павшего в этом сражении. Увидя его труп, старуха отрезала голову патриция и вот теперь бросила к ногам Дау аль-Макана.

— Слава Аллаху, ты жив, великий подвижник и борец за веру! — воскликнул султан.

— О дитя мое,— отвечала Зат ад-Давахи,— мне хотелось сегодня мученической смерти, но неверные, страшась меня, разбегались кто куда. И тогда я бросился на их великого патриция и, одолев его в поединке, отрубил ему голову и принес вам...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 97-я

Когда же девяносто седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Зат ад-Давахи, выдавая себя за богомольца-подвижника, сказала Дау аль-Макану и всем, кто был с ним:

— Я бросился на патриция, одолел его, и отрубил ему голову, и принес вам. И я хочу, чтобы, благословенные этим угодным Аллаху деянием, вы продолжили завтра битву, хоть и осталось вас совсем уж немного. Я же отправлюсь к вашему войску, чтобы оно поспешило к вам на подмогу.

— Но как же ты минуешь неверных? — спросил Шарр-Кан.— Ведь они окружили нас так, что и мышь не проскочит.

— Аллах укроет меня от их глаз,— молвила Зат ад-Давахи,— и они меня не увидят.

— Что ж, тогда ступай,— сказал султан,— и помоги нам.

— Но еще лучше будет,— между тем продолжила Зат ад-Давахи,— если и вы оба пойдете со мною. Но только вы, и больше никто, ибо сень святого покроет еще только двоих.

— Что до меня, то я не оставлю моих товарищей,— сказал Шарр-Кан,— но хорошо будет, если мой брат согласится, дабы с ним ничего не случилось, ведь он — крепость мусульман и меч Господа миров. Если захочет, пусть также берет с собою вазира Дандана или кого он выберет, и пусть пришлет нам скорее десять тысяч всадников в помощь против этих злодеев.

И старухе таки удалось уговорить султана следовать с ней, и тогда она сказала:

— Только я пойду вперед и посмотрю, все ли спокойно в лагере неверных, спят они уже или нет.

— Иди и не мешкай,— согласился Дау аль-Макан,— мы подождем тебя.

И не знал он, что проклятая старуха поспешила к неверным, чтобы сообщить, какую новую хитрость она задумала.

— Наши души успокоятся лишь после того, как мы захватим султана в плен,— сказала Зат ад-Давахи,— и отведем его к царю Афридуну.

А затем она вернулась к доблестным воинам ислама и сказала Дау аль-Макану и вазиру Дандану:

— Идемте с благословения Аллаха великого.

И они ее послушались, и пронзила их стрела судьбы и рока.

Привела их старуха в самую гущу войска неверных, но не причиняли те им никакого зла, а напротив — расступались, освобождая дорогу.

— Клянусь Аллахом, это чудо подвижника! — воскликнул вазир Дандан.— Нет сомнения, что он из числа избранных.

— Вероятно, он сделал так, что неверные, если и видят нас, то не понимают, кто мы,— молвил Дау аль-Макан.— Как хорошо, что Аллах послал нам его.

И тут неверные ринулись на султана и вазира и схватили их.

— Есть ли с вами еще кто-нибудь, кроме вас двоих? — спросили у пленных румы.

— Разве вы не видите еще вот этого человека, который перед нами? — удивился вазир Дандан, указывая на Зат ад-Давахи.

Но неверные, наученные старухой, воскликнули:

— Клянемся Мессией, монахами, католикосом и митрополитом, мы не видим никого, кроме вас двоих!

И тогда Дау аль-Макан вскричал:

— Клянусь Аллахом, Всевышний разгневался на нас!

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 98-я

Когда же девяносто восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Дау аль-Макан вскричал:

— Клянусь Аллахом, Всевышний разгневался на нас!

И заковали их румы в цепи и приставили стражей.

Вот что было с Дау аль-Маканом и вазиром Данданом.

Что же касается царя Шарр-Кана, то, проспав всю ночь, а утром совершив молитву, он повел своих воинов на бой с неверными. Те же, увидев их, закричали:

— О мусульмане, мы взяли в плен вашего султана и его вазира, и если вы тотчас не сложите оружия, мы убьем вас до последнего.

Но лишь разгневался от этих слов Шарр-Кан и бросился на врагов и побил их великое множество.

Лишь к ночи прервалось сражение. И совсем мало воинов осталось у Шарр-Кана. И сказал он им утром:

— Крепитесь, раз неверные захватили лишь султана и вазира, то, быть может, подвижнику удалось добраться до нашего войска, и оно уже движется нам на помощь.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 99-я

Когда же девяносто девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Шарр-Кан сказал своим воинам:

— Крепитесь, раз неверные захватили лишь султана и вазира, может быть, подвижнику удалось добраться до нашего войска, и оно уже движется нам на помощь.

И снова защитники ислама стойко сражались, и порубили, и закололи они не одну сотню врагов своих.

Когда же поздним вечером противники снова разошлись, у Шарр-Кана осталось лишь двадцать пять человек. Укрылись они в пещере, надеясь передохнуть, но румы под покровом ночи подобрались к ним и забросали пещеру горящими поленьями.

И тогда Шарр-Кан, поняв, что уже не спастись, велел сложить оружие.

Кто-то из неверных хотел тотчас убить пленных. Но предводитель румов сказал:

— Они будут убиты только перед царем Афридуном, дабы сполна утолить его жажду мести. Завтра же мы отправимся к нему в аль-Кустантынию, и он сделает с ними, что захочет.

И неверные вскричали:

— Вот оно, правильное решение!

Пленных связали и приставили к ним стражу.

И затем неверные занялись едой и весельем. И пили они вино до тех пор, пока все не опрокинулись навзничь. А Шарр-Кан, Дау аль-Макан и их воины-храбрецы стояли тут же, закованные в цепи.

— О брат мой, как освободиться? — вопрошал Шарр-Кан.

И Дау аль-Макан отвечал:

— Клянусь Аллахом, не знаю. Мы словно птицы в клетках.

И тогда Шарр-Кан, вздохнув, потянулся, и цепи на нем разорвались. И подбежал он к спящему начальнику стражи и, забрав у него ключи от цепей, освободил Дау аль-Макана, вазира Дандана и остальных воинов.

— Аллах наслал на неверных сон ради мудрой цели, лишь ему ведомой,— радостно молвил Шарр-Кан.— И у меня есть замысел, который, может быть, верен.

— Какой же? — спросили его.

И он сказал:

— Я хочу, чтобы мы поднялись на самую вершину горы и воскликнули бы вместе: «Аллах велик! Пришли нам войска мусульманские!» А затем снова и снова: «Аллах велик! Аллах велик!» И пьяные румы подумают, что войска

ислама окружили их, и, одурев от вина, примутся колотить друг друга мечами. А мы им в этом поможем.

И вот мусульмане поднялись на вершину горы и стали восклицать:

— Аллах велик!

И горы, деревья и камни эхом вторили им. Неверные же, услышав это, закричали...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 100-я

Когда же сотая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, услыхав раздающееся эхом «Аллах велик!», неверные закричали:

— Клянемся Мессией, враги налетели на нас!

И, схватив оружие, спьяну перебили друг друга в таком количестве, которое известно лишь Аллаху великому. Только под утро опомнились они. И предводитель их, не обнаружив пленных, молвил:

— Это они своими уловками заставили нас испить чашу бедствия. Мы должны догнать их и снова схватить.

И, сев на коней, румы погнались за мусульманами. И вскоре настигли их и окружили.

— Аллах велик! — воскликнул Дау аль-Макан.— Нам остается только вступить в бой!

— Аллах велик! — закричали вместе с ним его люди и решили сражаться и дорого продать свои души, повинуясь Всевышнему.

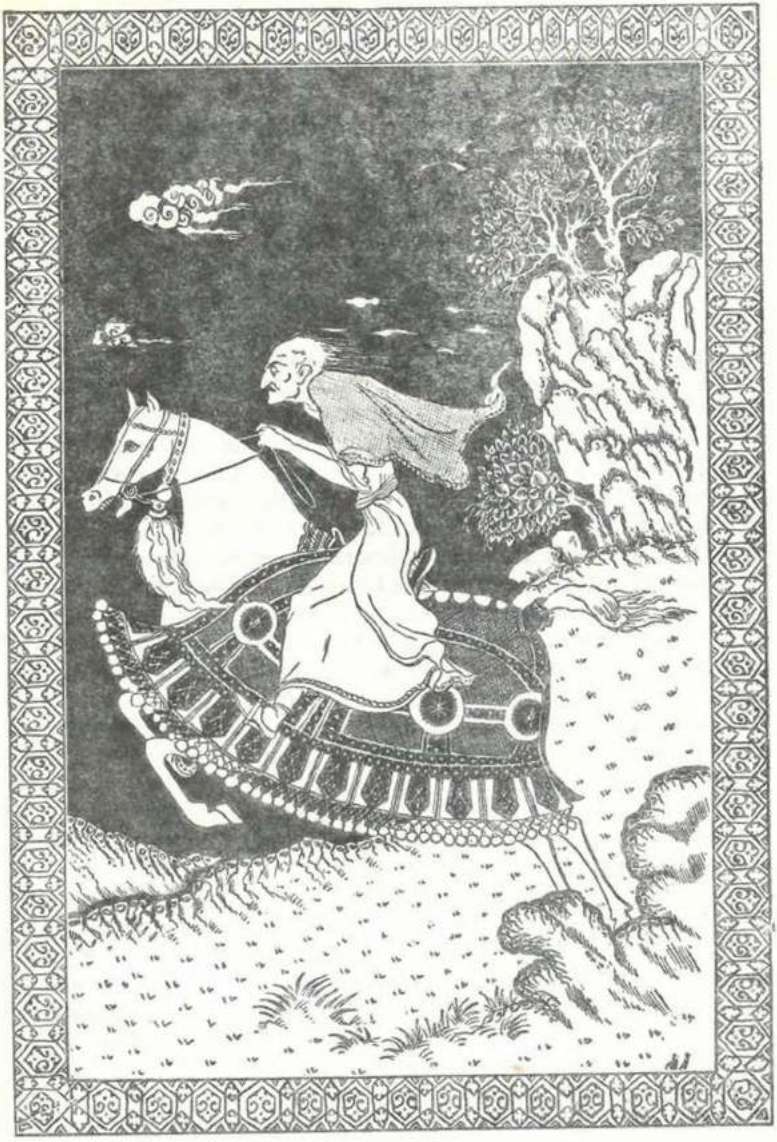
И вдруг до их ушей донеслось:

— Нет Бога, кроме Аллаха! Аллах велик!

И, обернувшись в сторону голосов, они увидели, что к ним спешат войска мусульман и отряды единобожников.

И в мгновение ока земля затряслась, будто при землетрясении, и войска неверных рассеялись по склонам гор. И мусульмане преследовали их, рубя без счету. И так продолжалось, пока день не повернул к закату и не пришла ночь с ее мраком. И тогда мусульмане сошлись, и до утра не смолкали их радостные речи.

Когда же засияло солнце, они увидели подъезжающего к ним Бахрама, предводителя турок, и Рустума, предводителя дейлемитов, которые вели с собой двадцать тысяч



всадников, подобных хмурым львам. И, увидев султана Дау аль-Макана, всадники спешились и, приветствуя его, облобызали землю меж его рук. И Дау аль-Макан поздравил их с великой победой, сказав:

— Радуйтесь победе мусульман и гибели неверных.

А причиною их прибытия туда было вот что. Когда эмир Бахрам, и эмир Рустум, и старший царедворец отправились с мусульманскими войсками, развернув знамена над головою, и достигли аль-Кустантынии, они увидели, что неверные забрались на стены и заняли башни и укрепления, приготовившись к бою со своей неприступной крепости. И все это благодаря нечестивой старухе Зат ад-Давахи, предупредившей о приближении мусульман.

Подойдя к крепости, эмир турок молвил эмиру дейлемитов:

— Взгляни, как много воинов на стенах этой крепости! Их в сто раз больше, наверное, чем нас. А если еще узнают, что с нами нет султана, то, воодушевившись, они выйдут из крепости и уничтожат нас всех до единого. Поистине, смертельная опасность нависла над нами. Следует что-нибудь предпринять. И я полагаю, что лучше всего, если ты возьмешь десять тысяч всадников из мосульцев и турок и поспешишь с ними в пустыню Матруханны за султаном и его братом Шарр-Каном. Это будет нам большая подмога.

Эмир дейлемитов признал эту речь разумной и тут же отправился в путь. Вот так-то и оказался он со своими воинами там, где сражались с неверными султан Дау аль-Макан, его брат Шарр-Кан и вазир Дандан.

Что же касается старухи Зат ад-Давахи, то, чуть раньше сев на коня, она сказала неверным:

— Я хочу настигнуть войско мусульман и ухитриться погубить его, пока оно находится в аль-Кустантынии. Я объявлю им, что их султан и те, кто был с ним, погибли, и когда мусульмане услышат это от меня, они будут в смятении, их полчища рассеются. Тогда царь Афридун, властитель аль-Кустантынии, и мой сын, царь Хардуб, владыка румов, выйдут из крепости и легко повергнут наших врагов всех до единого, не оставив никого в живых.

Всю ночь Зат ад-Давахи без устали скакала на коне, а когда наступило утро, увидела войско Бахрама и Рустума. Спешившись, она подбежала к мусульманам. И волосы ее были растрепаны, а глаза пылали, точно у сатаны.

— Что стряслось? — обеспокоился Бахрам.

И коварная старуха отвечала:

— Не спрашивай о дурных делах и жестоких ужасах! Когда наши товарищи взяли богатства из пустыни Матруханны и отправились в аль-Кустантынию, против них вышло несметное войско неверных, несущее беду. В кровавом побоище большинство мусульман погибло, и осталось лишь двадцать пять человек.

— О подвижник, когда ты покинул их? — спросил Бахрам.

— Сегодня ночью,— отвечала Зат ад-Давахи.

Бахрам воскликнул, ошеломленный и смущенный тем, что услышал от лгуньи и обманщицы:

— Напрасны были наши тяготы и лишения. Немощны мы, коль нет с нами больше султана...

И с этими словами вскочил он на коня и поскакал прочь от крепости, увлекая за собой своих воинов.

Но, проехав совсем немного, он узрел Дау аль-Макана, Шарр-Кана и вазира Дандана в полном здравии. Поцеловав перед ними землю, он устыдился своего бегства и промолвил сопровождавшим его воинам:

— Поспешим обратно в аль-Кустантынию! Мы оставили там наших товарищей, и сердца наши с ними.

Шарр-Кан поздравил Дау аль-Макана со спасением и восхвалил его за его деяния, а затем они отправились в путь...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 101-я

Когда же сто первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Шарр-Кан поздравил Дау аль-Макана со спасением, и они отправились в путь.

Тем временем Зат ад-Давахи, встретив войско Бахрама и Рустума, вернулась в рощу, взяла своего коня и, сев на него, быстро мчалась, пока не достигла мусульманских войск, осаждавших аль-Кустантынию. Затем она сошла с коня, взяла его за узду и пришла с ним к шатру, где был царедворец. Тот, увидав ее, поднялся навстречу и сказал:

— Добро пожаловать, богомолец-подвижник!

А затем он спросил ее, что случилось, и она поведала ему свой страшный рассказ и гибельную ложь и сказала:

— Я боюсь за эмира Рустума и эмира Бахрама. Я встретил их с войсками по дороге и послал их к царю и его людям. С ними было двадцать тысяч всадников, а неверных больше, чем их, и я хочу, чтобы ты сейчас же послал отряд твоих воинов,— пусть они скорее соединятся с ними, иначе те погибнут до последнего. Спешите, спешите! — говорила она, и когда царедворец и мусульмане услышали эти слова, их решимость ослабела, и они заплакали, а Зат ад-Давахи добавила: — Просите помощи у Аллаха, и он поможет вам! Действуйте подобно вашим предкам из народа Мухаммада: Аллах уготовил рай для тех, кто умрет мучеником. Смерть неизбежна для всякого, но умереть в войне за веру похвально.

Услышав слова проклятой Зат ад-Давахи, царедворец позвал брата эмира Бахрама,— а это был витязь по имени Теркаш,— выбрал ему десять тысяч всадников-храбрецов и велел отправляться. Теркаш тотчас отправился и ехал весь день и всю ночь, пока не приблизился к мусульманам.

А когда наступило утро, Шарр-Кан увидал облако пыли и испугался за мусульман, подумав, что, возможно, это войско неверных. Но, что суждено, то неотвратимо. И он пришел к своему брату Дау аль-Макану и сказал ему:

— Не бойся ничего! Если это войска ислама, то это большая милость, если же это наши враги, то с ними должно сразиться. Но я хочу обратиться перед смертью к богомольцу и попросить его помолиться, чтобы я умер не иначе, как мучеником.

И когда они разговаривали, вдруг показались знамена, на которых было написано: нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад пророк его! — и Шарр-Кан закричал от радости.

— Как дела мусульман? — спросил он, и ему ответили:

— Здоровы и благополучны! Мы пришли только из-за страха за вас.

И предводитель войска сошел с коня, поцеловал землю перед Шарр-Каном и спросил:

— О мой владыка, как поживают султан, вазир Дандан, Рустум и мой брат Бахрам? Живы ли они?

— Все благополучно,— отвечал Шарр-Кан.— А кто вас осведомил о нас? — спросил он затем, и предводитель ответил:

— Подвижник, он сказал, что встретил моего брата Бахрама и Рустума и послал их к вам, но сказал, что неверные окружили их, и их много, а я вижу, что дело обстоит как раз наоборот, и вы победители.

— А как добрался до вас подвижник? — спросили Теркаша, и тот ответил:

— Он шествовал на ногах и прошел в день и в ночь расстояние десяти дней пути для спешащего всадника.

— Нет сомнения, что это друг Аллаха. Где же он? — спросил Шарр-Кан.

— Мы оставили его с войсками правоверных, и он подстрекал их бороться с людьми неверия и непокорства,— ответили ему, и Шарр-Кан обрадовался. И они воздали хвалу Аллаху за свое спасение и спасение подвижника, и призвали милость Аллаха на убитых.

На полпути к аль-Кустантынии перед мусульманами вдруг взлетело облако пыли, застлавшее все концы земли, и Шарр-Кан, встревожившись, молвил:

— Не иначе как неверные сломили войска ислама и теперь приближаются к нам.

Однако была это коварная Зат ад-Давахи. Не зная о ее проделках и по-прежнему полагая, что это никто иной, как благочестивый подвижник, мусульмане принялись целовать ей руки. И лишь вазир Дандан сошел со своего коня и сказал:

— Клянусь Аллахом, мое сердце бежит прочь от этого подвижника! Я не знаю о чересчур благочестивых ничего, кроме скверного. Оставьте же его, и, не мешкая, поспешим к нашим товарищам, которые остались у стен аль-Кустантынии. Право, этот человек из тех, кто изгнал прочь от врат милости Господа миров.

— Оставь эти скверные мысли! — воскликнул Шарр-Кан.— Не видал ты разве, как этот богомолец побуждал мусульман к бою, невзирая на мечи и стрелы?!

Когда же султан и все, кто был с ним, достигли стен аль-Кустантынии, то они увидели, что оставшиеся там войска под предводительством царедворца повержены и разбиты. И оставшиеся в живых намеревались уже спасаться бегством...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же сто вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, достигнув аль-Кустантынии, султан и бывшие с ним увидели, что войско мусульман разбито и оставшиеся спасаются бегством.

А приключилось все это несчастье с правоверными оттого, что, когда осталось их близ крепости совсем немного, Зат ад-Давахи уведомила об этом царя аль-Кустантынии и сына своего царя Хардуба, и приверженцы креста тут же набросились на мусульман, обнажив острые мечи и прокричав слова неверия и ереси. И вот народ смешался с народом, и война поднялась на ноги, и полетели головы, и доблестный был стоек и шел вперед, а трус, повернув спину, бежал, и судья смерти судил и решал, пока храбрецов не разбросали из седел и не наполнилось поле сражения мертвыми телами. Ничего другого не оставалось правоверным, как отступить. И в это время вдруг появились Дау аль-Макан и Шарр-Кан во главе своих войск и поспешили на выручку царедворцу. Когда неверные увидели это, их разум исчез, поглощенный страхом. И закричали они:

— О бедствие! О гибель!

Царь Афридун подъехал к царю румов, и один из них встал справа, а другой слева, и подле них был знаменитый витязь по имени Лявия, который встал посредине, лишь они выстроились для схватки. Тогда Шарр-Кан обратился к своему брату Дау аль-Макану:

— О царь времени, они несомненно хотят поединка, а это предел наших желаний. Позволь мне стать посредине, а вазир Дандан пусть расположится слева от меня, а эмир Бахрам — справа. Ты же, о великий султан, будешь чуть позади, под знаменами и стягами, так как ты наша опора, и на тебя, после Аллаха, мы полагаемся больше всего.

И вот когда они так построились, готовясь к поединку, из войска румов выехал старец на муле, был он прекрасен своей сединой и величественной осанкой, и был под ним коврик кашмирской работы. Приблизившись к мусульманам, он промолвил:

— Обещайте, что не причините мне зла, ибо я посланец к вам.

— Ты в безопасности, не страшись же рубящего меча и разящего копья,— ответил Шарр-Кан.

И тогда старец спешился и, сняв с шеи крест перед султаном, поклонился ему низко.

— Что велено тебе сказать? — спросил Дау аль-Макан.

И старец молвил:

— Царь Афридун предлагает ограничиться в битве поединком двух витязей. Вот его слова: «Я выкуплю мое войско собственной душой, и пусть царь мусульман поступает так же. Если он убьет меня, не останется у моих войск твердости, а если я убью его, не останется твердости у войск ислама».

Услышав такое, Шарр-Кан воскликнул:

— О монах, мы согласны на это, ибо это и есть справедливость, которой никто не должен противоречить. Только не султан, а я, его брат, буду сражаться с царем Афридуном. Если он убьет меня, победа будет за вами и войска мусульман, признав это, покинут ваши земли. Возвращайся же к своему господину и скажи ему, что поединок будет завтра, ибо сегодня мы устали после дороги.

Выслушав Шарр-Кана, монах возвратился к царю Афридуну и рассказал ему обо всем. И повелитель румов сильно обрадовался, и оставили его печали и горести.

— Нет сомнения,— сказал он себе,— что этот Шарр-Кан лучше всех мусульман рубит мечом и разит копьем, и если я убью его, их решимость сломится и сила их ослабнет.

Афридун был великий витязь, он искусно метал камни и стрелы, бил врагов железной булавой, и никто до сих пор в поединке не мог его осилить. Неверные провели ночь, веселясь и пируя.

Когда настало утро, все мусульмане и неверные собрались на поле боя. И вот приблизились всадники с серыми копьями и белыми клинками, и видят они — выступает на поле витязь верхом на коне чистокровной породы в боевой сбруе и с сильными ногами. И на витязе железная кольчуга, а еще посредине груди — зеркало из драгоценных камней, а в руках — острый меч и кленовое копье. И витязь открыл лицо и сказал:

— Кто знает меня, тому досталось от меня довольно, а кто меня не знает, увидит, кто я. Я — Афридун, осененный благословением Зат ад-Давахи...

И не окончил он еще своих речей, как выступил перед ним витязь мусульман Шарр-Кан, верхом на рыжем коне, который стоил тысячу червонным золотом. И был облачен этот доблестный воин в доспехи, украшенные жемчугом и прочими драгоценностями, и висел у него на поясе индий-

ский меч с драгоценными камнями, рассекающий шеи и облегчающий трудные дела. Завязался жаркий поединок, и оба витязя были подобны столкнувшимся горам. Мусульмане и неверные неотрывно глядели на них, и одни желали победы Шарр-Кану, а другие — Афридуну. И витязи сражались до тех пор, пока не померкло солнце и день не ушел. Тогда царь Афридун крикнул Шарр-Кану:

— Клянусь Мессией и истинной верой, ты могуч и храбр. Но вот только люди твои возводят твой род к рабам. Посмотри, они вывели тебе другого коня, чтобы ты пересел на него, в то время как я не меняю своего скакуна. Если ты хочешь, чтобы все было по чести, прикажи им увести коня, и продолжим сражаться.

И, услышав эти речи, Шарр-Кан обернулся к своим товарищам, собираясь дать знак, чтобы они не меняли ему коня. И вдруг Афридун взмахнул копьем и пустил им в Шарр-Кана. Тот же, обернувшись и не увидев никакого коня, понял, что это была хитрость неверного, только уж было поздно увернуться от копья. Шарр-Кан лишь успел чуть отклониться в сторону. Так что копье не пронзило его насквозь, а лишь сильно ударило, оцарапав. Пошатнулся Шарр-Кан и стал падать с седла. И обрадовались неверные во главе с проклятым Афридуном, и заплакали люди правой веры. И Дау аль-Макан, увидев, что его брат ранен, послал к нему своих витязей. А навстречу к ним поспешили неверные. И оба войска встретились, и ряды смешались, и заработали острые йеменские клинки. Быстрее всех оказался подле Шарр-Кана вазир Дандан...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 103-я

Когда же сто третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, оба войска встретились, и ряды смешались, и заработали острые клинки. Быстрее всех около Шарр-Кана оказались вазир Дандан, эмир турок Бахрам и эмир дейлемитов Рустум. Они возвратились с ним к его брату Дау аль-Макану, а потом вновь бросились разить и рубить неверных. И сильнее разгорелся бой, и поломались концы копий, и прекратились речи, и видны были только льющаяся кровь и падающие головы, и мечи непрестанно

рассекали воздух. И так продолжалось, пока не прошла большая часть ночи и оба войска не устали сражаться.

— Расходитесь! — раздался клич, и бой прекратился.

Неверные отправились к своему царю Афридуну и долго поздравляли его с победой над Шарр-Каном. И царь Хардуб сказал ему:

— Да укрепит Мессия твою руку и да не перестанет помогать тебе. Я уверен, что мусульмане уже не устоят без Шарр-Кана.

— Завтра,— сказал Афридун,— все завершится, ибо я вызову на бой Дау аль-Макана и убью его. И тогда войско неверных обратится в бегство.

Вот что было с неверными. Что же до войска ислама, то когда Дау аль-Макан после боя вернулся в свой лагерь, то ему не было ни до кого дела, кроме своего брата. И, войдя к нему, он нашел раненого в наихудшем положении. И позвал он вазира Дандана и эмиров Рустума и Бахрама, и все они горько плакали и говорили:

— Время не подарит такого, как он!

Просидели они подле Шарр-Кана всю ночь, не сомкнув глаз, а перед рассветом к ним пришел плачущий подвижник — переодетая Зат ад-Давахи — и принялся поглаживать рукой рану Шарр-Кана и читать строки из Корана. А утром Шарр-Кан очнулся и открыл глаза. Султан Дау аль-Макан обрадовался и воскликнул:

— Ему досталось благословение, благодаря помощи подвижника!

— Слава Аллаху за выздоровление! — промолвил Шарр-Кан.— Этот проклятый Афридун обманул меня, и если бы я не отклонился быстрее молнии, копье наверняка пронзило бы мне грудь. А где же, кстати, подвижник, который молился за меня?

И Шарр-Кан обернулся к Зат ад-Давахи и поцеловал ей руки, а она сказала ему:

— О дитя мое, будь стоек, и Аллах увеличит воздаяние тебе.

Между тем настало время продолжить сражение. И воины ислама обнажили оружие, и султан Дау аль-Макан был во главе своего славного войска. Он заиграл мечом и копьем так, что поверг в ужас неверных, и в мгновение ока на правом крае убил двух патрициев, а затем, повернув коня, так же стремительно на левом крыле поверг еще двух патрициев. Затем, остановившись посреди поля, крикнул:

— Где Афридун?

И задрожал от страха повелитель аль-Кустантынии. И, видя его в таком состоянии, царь Хардуб молвил:

— О царь, вчера был твой бой, а сегодня мой!

И он выехал навстречу султану с острым мечом в руке, и под ним был конь вороной и горячий.

Разгорелся жестокий поединок, и каждый из противников выказывал чудеса доблести и умения владеть оружием. И вот наконец Дау аль-Макан, изловчившись, взмахнул мечом, и слетела голова с плеч царя Хардуба. Тогда устремились мусульмане и неверные друг на друга, и продолжалось сражение до самой ночи, и дрогнули на этот раз неверные, повернули спины и стали спасаться бегством. Но их настигал карающий меч, и нашли свою смерть около пятидесяти тысяч неверных. А еще больше было взято в плен. Остальные же успели укрыться за крепостными стенами аль-Кустантынии. Отряды же мусульман, поддержанные Аллахом, возвратились с победой в свой лагерь. И султан Дау аль-Макан, войдя в шатер к своему брату, нашел его в добром здравии и пал ниц, благодаря преславного Всевышнего. А Шарр-Кан молвил:

— Аллах заступился за нас, благодаря стараниям подвижника. Он весь день сегодня молился за победу мусульман...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

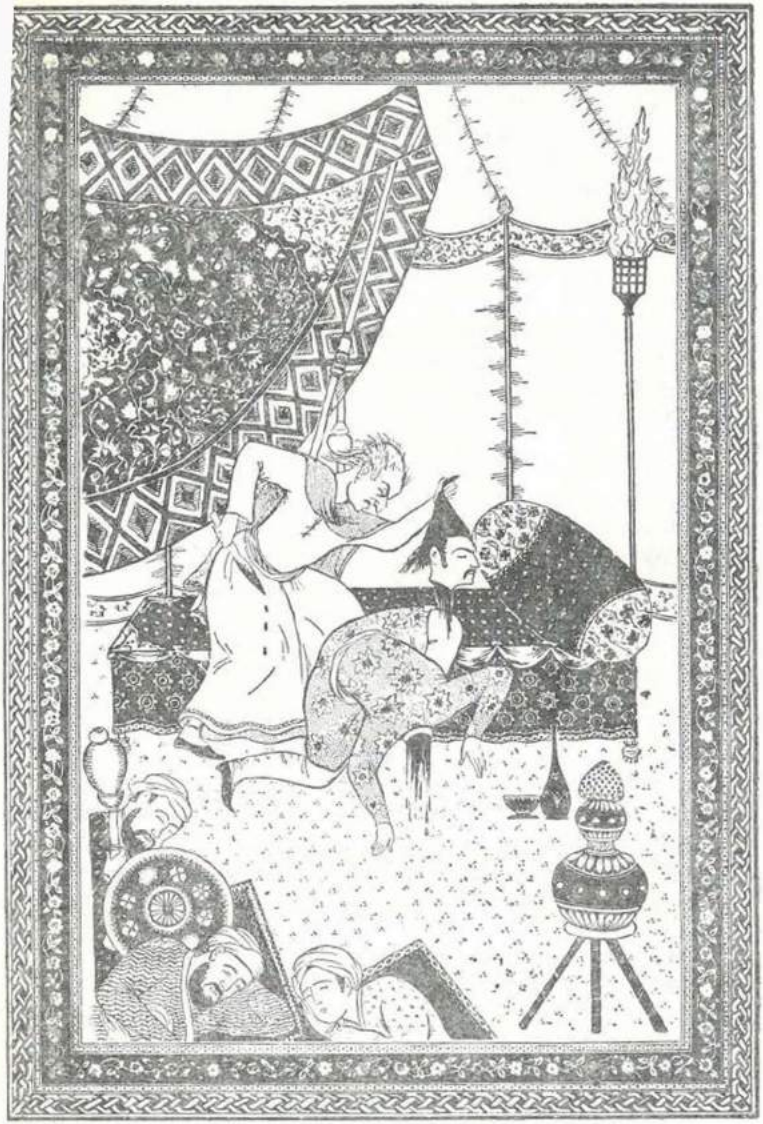
Ночь 104-я

Когда же сто четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Шарр-Кан воздал молитву Аллаху, а затем молвил Дау аль-Макану:

— Аллах заступился за нас, благодаря стараниям подвижника, который целый день молился за победу мусульман. Расскажи же, о брат мой, что выпало на твою долю.

И Дау аль-Макан поведал ему, что у него произошло с проклятым Хардубом. И Шарр-Кан восхвалил и поздравил его. А проклятая Зат ад-Давахи, бывшая в обличье подвижника, услышав об убиении ее сына, царя Хардуба, чуть не лишилась чувств. Лицо ее пожелтело, а из глаз потекли обильные слезы. Мусульманам она объяснила, что это слезы



радости, себе же тут же сказала: «Клянусь Мессией, от моей жизни не будет больше проку, если я не сожгу сердце этого султана тоской за своим братом Шарр-Каном, как он сжег мое сердце, лишив опоры христианской веры и приверженцев креста — царя Хардуба».

Вазир Дандан, Дау аль-Макан и царедворец остались сидеть у Шарр-Кана, готовя ему всяческие снадобья, и он почувствовал себя еще лучше. Об этом сообщили всем воинам. И они, обрадовавшись, говорили:

— Завтра Шарр-Кан сядет с нами на коня и примет участие в осаде крепости.

А потом Шарр-Кан сказал сидевшим подле него:

— Вы сегодня сражались и сильно устали, вам следует пойти к себе и поспать.

И все ответили согласием и удалились каждый в свой шатер.

Возле Шарр-Кана остались лишь немногие слуги и старуха Зат ад-Давахи. Шарр-Кан поговорил с нею немного, а затем и сам уснул, и слуг его также одолел сон. И спали все, словно мертвые.

Вот что было с Шарр-Каном и его слугами. Что же касается старухи Зат ад-Давахи, то лишь она одна не сомкнула глаз. Убедившись, что все спят, она достала кинжал и отрезала голову Шарр-Кану. Затем точно так же поступила и с его слугами и отправилась к шатру султана. Однако, увидев, что там стража не спит, она заглянула в шатер вазира Дандана. Он читал Коран и, оторвавшись от Святого Писания, пристально посмотрел на Зат ад-Давахи. Этот взгляд обеспокоил старуху, и она сказала поспешно:

— Я пришла столь поздно, чтобы предупредить тебя, что услышала голос одного из друзей Аллаха и сейчас ухожу к нему.

И она заторопилась уходить. Вазир же Дандан воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, я последую за этим подвижником сегодня ночью!» И он пошел за старухой, но она услышала его шаги и сказала:

— О вазир, я иду за этим другом Аллаха, чтобы узнать его, и когда это сделаю, то спрошу и для тебя позволения подойти к нему. Я боюсь, что если ты сразу пойдешь со мной, не спросив позволения, он почувствует к нам неприязнь.

Вазир, услышав такие слова, устыдился своей подозрительности и вернулся обратно в шатер. Однако сон не шел

к нему, и он сказал себе: «Пойду к Шарр-Кану и поговорю с ним до утра».

И вот страшная картина открылась перед ним: кругом кровь и обезглавленные Шарр-Кан и его слуги. Закричал вазир, и сбежались мусульмане, и, увидев, что случилось, запричитали и заплакали. Проснулся и султан Дау аль-Макан, и ему сказали:

— Твой брат Шарр-Кан и его слуги убиты.

Вбежав в шатер Шарр-Кана, султан лишился чувств, а когда очнулся, спросил у вазира Дандана и эмиров Рустума и Бахрама:

— Не знаете ли вы, кто сделал это с моим братом, и почему я не вижу здесь подвижника?

И вазир воскликнул:

— А кто навлек на нас такое горе, если не этот сатана-подвижник! Клянусь Аллахом, мое сердце сторонилось, ибо я знаю, что всякий, кто далеко заходит в благочестии,— человек скверный и коварный.

И рассказал султану, что хотел последовать за подвижником, но тот ему не дал этого сделать. И правоверные снова подняли плач и стенания и умоляли Аллаха, чтобы он отдал им в руки этого подвижника. А затем они обрядили Шарр-Кана и предали земле, печалясь о его славных достоинствах...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 105-я

Когда же сто пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, мусульмане обрядили Шарр-Кана и предали его земле.

А после этого султан Дау аль-Макан сказал:

— Клянусь Аллахом, я не уйду отсюда, хотя бы я просидел здесь лета и годы, пока не отомщу за моего брата Шарр-Кана, и не разрушу аль-Кустантынию, и не перебью христианских царей.

Велев принести богатства, захваченные в пустыне Матруханны, он собрал всех своих воинов и разделил между ними деньги, не оставив никого, кому бы не дал их достаточно. Затем он призвал из каждого отряда по триста всадников и сказал:

— Пошлите жалованье домой, так как мы останемся у

этого города лета и годы, пока не отомстим за моего брата Шарр-Кана.

А еще Дау аль-Макан велел вазиру Дандану написать письмо его сестре Нузхат аз-Заман.

— Сообщи ей о том, что с нами случилось и каково нам,— сказал он,— и поручи ей заботиться о моем сыне. Когда мы отправлялись в этот поход, моя жена была близка к родам, и сейчас она не иначе как родила. И если, как я слышал, ей был послан сын, пусть гонцы возвращаются скорее и привезут мне эту весть.

А когда гонцы уехали, султан обратился к вазиру Дандану и велел отдать воинам приказ подползти близко к стенам аль-Кустантынии. Исполнив это, они очень удивились, что на стенах не оказалось ни одного неверного. И султан был также поражен этим. Три дня мусульмане не отходили от стен крепости, но так и не увидели там никого.

Вот что было с мусульманами. Что же до румов и до причины их уклонения от боя в эти три дня, то Зат ад-Давахи, убив Шарр-Кана, поспешно подошла к крепостным стенам и закричала сторожам на языке румов, чтобы они спустили ей веревку.

— Кто ты? — спросили ее.

— Я — Зат ад-Давахи! — ответила она, и ее узнали и спустили веревку.

Старуха привязалась к ней, и ее подняли наверх. Прибыв к румам, Зат ад-Давахи вошла к царю Афридуну и сказала:

— Я слышала от мусульман, что мой сын Хардуб убит. Это правда?

— Да,— ответил Афридун.

И старуха закричала и заплакала. И рыдала до тех пор, пока не довела до плача Афридуна и тех, кто был у него. А затем она рассказала Афридуну, что зарезала Шарр-Кана и тридцать его слуг. Афридун обрадовался и, благодаря Зат ад-Давахи, целовал ей руки.

— Клянусь Мессией,— воскликнула старуха,— я не удовлетворюсь, убив лишь одну мусульманскую собаку в отместку за царя царей! Я непременно устрою так, чтобы погубить султана Дау аль-Макана, вазира Дандана, царедворца, эмиров Рустума и Бахрама и еще — десять тысяч лучших витязей из войск ислама. Вот какая будет плата за смерть моего сына!

А затем гнусная старуха, взяв чернильницу и бумагу, написала: «От Зат ад-Давахи мусульманам. Знайте, что я

входила в ваши земли и примешала свою скверну к вашему благородству. Я убила вашего царя Омара ибн ан-Нумана в его дворце, а также погубила многих ваших людей в сражении в ущелье и возле пещеры, а последние, кто пал от моей руки,— Шарр-Кан и его слуги. И знайте, если поможет мне время и будет послушен мне сатана, я непременно убью и вашего султана и вазира Дандана. Я приходила к вам в обличье подвижника, и все ваши несчастья от меня, и если вы хотите все же остаться целы — торопитесь отсюда прочь».

Закончив письмо, Зат ад-Давахи провела в печали, оплакивая царя Хардуба, три дня. А на четвертый день она позвала патриция и приказала привязать ее письмо к стреле и пустить к мусульманам. И еще она сказала:

— Я непременно убью Дау аль-Макана и всех эмиров ислама!

Вот что было с проклятой старухой. Что же до мусульман, то, проведя в неведении три дня, на четвертый день они вдруг узрели на крепостной стене патриция с деревянной стрелой, на конце которой было письмо. Когда стрела опустилась к ним и султан Дау аль-Макан прочитал письмо, глаза его пролили слезы, и он застонал, мучаясь из-за открывшегося ему коварства. А вазир сказал:

— Клянусь Аллахом, мое сердце бежало от этой лживой старухи.

— Как могла эта распутница обмануть нас два раза! — воскликнул султан.— Но, клянусь Всевышним, я не тронусь отсюда, пока она не заплатит за все своей смертью.

И, вспомнив своего брата, Дау аль-Макан заплакал горькими слезами. И никак не мог он успокоиться, рыдая беспрестанно. И тогда пришел к нему вазир Дандан и сказал:

— Остуди свою душу и осуши глаза! Твой брат умер не раньше начертанного ему срока, и нет пользы от этой печали. Прекрати же рыдания и укрепи свое сердце, чтобы нести оружие.

В это время как раз прибыл гонец с вестью о том, что жена султана Дау аль-Макана наделила его сыном, и что Нузхат аз-Заман, сестра султана, назвала младенца Кан-Макан, и с этим наследником трона не иначе как произойдут великие дела, ибо уже узрели в нем разные чудеса и диковины.

— А еще царица велела мудрецам и священнослужителям,— сообщил гонец,— молиться за вас неустанно. И передает она вам, что все в добром здравии, и дождей

много, и твой товарищ истопник в полном довольстве и изобилии.

И Дау аль-Макан, выслушав гонца, воскликнул:

— Теперь мой дух укрепился, ибо я наделен сыном, имя которого Кан-Макан...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 106-я

Когда же сто шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Дау аль-Макан, выслушав гонца, воскликнул:

— Теперь мой дух укрепился, ибо я наделен сыном, имя которого Кан-Макан. И я хочу оставить свою печаль, совершив в память моего брата чтение Корана и благие дела.

И он приказал разбить палатки на могиле своего брата, и там одни воины стали читать Коран, а другие поминали всю ночь Аллаха. А затем султан Дау аль-Макан подошел к могиле своего брата и бросился на нее, заплакав. И все, бывшие с ним, тоже зарыдали.

И все воины громко зарыдали. Затем они разошлись по шатрам, а султан обратился к вазиру Дандану, и они стали советоваться о предстоящем сражении. И все же горечь утраты любимого брата дни и ночи напролет жгла сердце Дау аль-Макана. И однажды он сказал:

— Я хочу послушать предания и повести о любви. Быть может, тогда Аллах облегчит мои страдания.

И вазир ответил ему:

— Если это действительно поможет тебе, то я готов поведать немало мудрых и душевных историй. Ведь когда жив был твой отец, у меня не было иного занятия, кроме рассказов и стихов. И сегодня же вечером я поведаю тебе о любящем и любимом.

И вот Дау аль-Макан с нетерпением стал дожидаться вечера и велел приготовить свечи и светильники и принести всевозможные кушанья и напитки, и ему доставили все это. Пришел вазир Дандан, а вместе с ним эмиры Бахрам и Рустум, и старший царедворец. И, когда все предстали перед султаном, он обратился к вазиру:

— Начинай свою повесть...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 107-я

Когда же сто седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, султан Дау аль-Макан обратился к вазиру Дандану:

— Начинай свою повесть.

— С любовью и охотой,— ответил вазир.— Знай, о наш повелитель, что дошла до меня повесть о любящем и любимом и посреднике между ними, а также о чудесах и диковинах, с ними случившихся. И уймет сия повесть боль твоего сердца и рассеет горе. Вот она.

ТАДЖ АЛЬ-МУЛУК

Как повествуют старинные сказания, древние предания и пожелтевшие письмена, был некогда город в Испаханских горах, называемый Зеленым градом, и был там царь по имени Сулейман-шах. Был он щедр и великодушен, справедлив и прямодушен, достоен и радушен. И путники к нему отовсюду шли, и слава о нем распространилась во всех концах и странах земли. Он долгое время царствовал в своей державе в покойствии и славе, но был он лишен потомства и жен. И был у него вазир сродни ему по щедрости и уму, и случилось так, что завел он однажды разговор об этом со своим вазиром — мудрым и благонравным эмиром:

— О вазир, грудь моя поистине стеснилась, и терпение истомилось, и стойкость моя ослабела, так как я без жены и ребенка...

— О господин мой,— молвил, прослезившись, вазир,— все во власти Всевышнего! Купи себе невольницу.

— Знай, о вазир,— отвечал ему царь,— что когда государь купит невольницу, не зная ее рода, не ведая ее племени и народа, может ли она стать его наложницей? А когда она понесет от него, то родившееся дитя может оказаться лицемером, притеснителем и душегубом. И подвергнется оно моему гневу, не делая того, что я ему велю, и не сторонясь запретного. Укажи мне девушку, знатную родом, благочестивую, и я в присутствии свидетелей к ней посвататься и жениться на ней готов, чтоб досталось мне благоволение Господа рабов.

— Да снизойдет на тебя благоволение Господнее,— ответил вазир.— Дошла до меня молва, что у Захр-шаха есть дочь превосходной красоты, описать которую бессиль-

ны слова. А в наши времена не имела подобья она,— совершенны формы тела, насурмленные очи чернее ночи, длинные власы, тонкая талия, как у осы, тяжелые бедра, приближаясь, она искушает, отворотясь — уничтожает. По-моему, о Сулейман-шах, тебе следует направить к отцу ее посла, понятливого, знающего дела и испытанного превратностями судьбы, дабы он уговорил ее отца выдать дочь за тебя замуж, ибо нет ей соперниц ни в дальних землях, ни в ближних. И будет доволен тобою великий Господь. Ведь сказал Пророк, да благословит его Аллах: «Нет монашества в исламе».

— Никто не справится с этим делом лучше тебя,— сказал вазиру воспрянувший духом царь, и грудь его расширилась и расправилась и вскоре прекратилась его забота и горе,— ибо совершенство твоего ума и твоя благовоспитанность известны. Заканчивай здесь свои дела и отправляйся завтра в дом девушки, которой ты занял мой ум. И не возвращайся ко мне без нее!

— Слушаю и повинуюсь! — отвечал вазир.

Затем он отправился к себе и приказал принести подарки: камни драгоценные, сокровища бесценные — то, что мало весит, но дорого стоит,— и арабских коней, и давидовы кольчуги, и сундуки, в которых богатства обильны, описать которые слова бессильны.

Нагрузили их на мулов да верблюдов, и вазир поехал, а с ним сто белых и сто черных рабов и сотня рабынь, а над его головой — знамена и стяги. И после отъезда вазира царь Сулейман-шах был — как на сковороде, накаленной огнем, он был захвачен любовью к царевне и ночью и днем.

А вазир дни и ночи в степях и пустынях сбивал под собою землю, пока между ним и городом, куда он направился, не остался один лишь день пути. Тогда он остановился на берегу реки и, призвав одного из своих приближенных, велел ему отправиться к Захр-шаху и уведомить о его приезде.

Захр-шах пребывал на прогулке неподалеку от городских ворот. Увидев входящего гонца, он понял, что это чужеземец, и приказал привести его. Явившись, гонец рассказал ему о прибытии вазира, которого прислал величайший царь Сулейман-шах, владыка Зеленой Земли в Испаханских горах. Захр-шах взял его и отправился во дворец.

— Где ты покинул вазира? — спросил его он, и ответил гонец:

— Я покинул вазира в начале дня на причале у какой-то реки...

— Да продлит Аллах тебе свою милость и да помилует твоих родителей!

Захр-шах приказал одному из своих вазиров взять приближенных, царедворцев, наместников, сплошь вельмож царства и выйти навстречу прибывшему в знак уважения к Сулейман-шаху.

Вот что было с Захр-шахом. Что же касается вазира, то он подождал до полуночи, а потом направился к городу. Когда же заблистало утро и солнце сверкнуло лучами над равнинами и холмами, вазир Захр-шаха, его царедворцы, вельможи и избранные сановники царства явились к нему и встретились с ним на расстоянии нескольких фарсахов от города. И вазир Сулейман-шаха приветствовал встречавших, а затем они все направились ко дворцу, а прибыв, дошли до седьмого прохода, куда не въезжал верховой, так как это было близко к царю. Гость спешился и шествовал пешком, пока не дошел до высокого портика на четырех ножках из слоновых клыков, где на возвышении стояло мраморное ложе, украшенное жемчужными зернами и самоцветами отборными. На ложе этом богатом была зеленая подушка, обшитая червонным златом, а над ложем шатер свой полог простер, расшитый жемчугом и самоцветами, и царь Захр-шах сидел там, и вельможи стояли перед ним.

Войдя к царю Захр-шаху, вазир царя Сулейман-шаха приветствовал его со всем красноречием.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 108-я

Когда же сто восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вазир Сулейман-шаха, войдя к Захр-шаху, приветствовал его со всем красноречием.

Владыка посадил его с собою рядом, улыбнулся ему, почтил ласковой речью и добрым взглядом. Они просидели так до утренней поры. Наконец подали трапезу, и они ели, пока не насытились. Когда все вышли и остались только приближенные, вазир поднялся, восхвалил царя и сказал:

— О великий властитель и грозный повелитель, я направился к тебе и предстал пред тобою смело ради важного дела, которое тебе принесет радость, мир и сладость. Я при-

шел к тебе как посланный и не прочь посватать твою дочь, богоравную, родом-племенем славную, за царя по имени Сулейман-шах, радушного, великодушного, справедливого, благочестивого, который правит Зеленой Землей в Испаханских горах. Он прислал тебе множество драгоценных даров и всяческих редкостей и стать готов твоим зятем...

Когда Захр-шах услышал эти слова, он на ноги встал проворно и облобызал покорно землю, и присутствующие удивились смирению владыки перед послом. А потом царь хвалой удостоил высокородного и благородного и говорил, стоя:

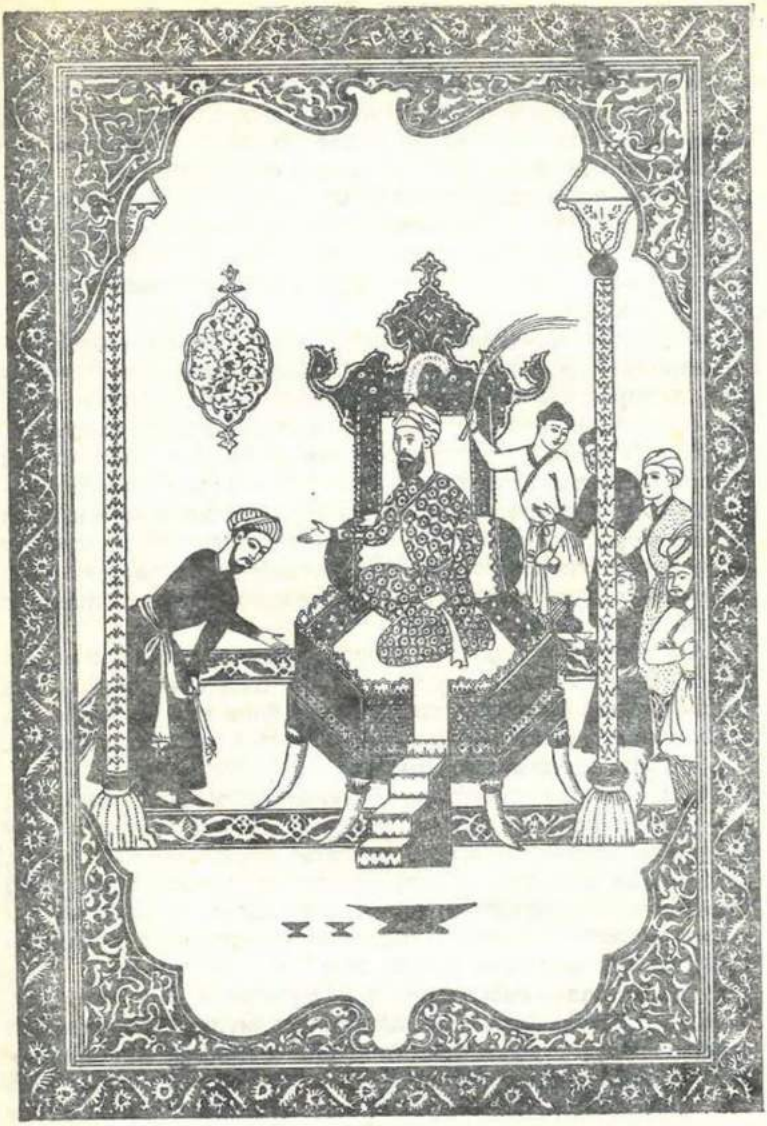
— О великий вазир благородный и высокородный, послушай, что я скажу. Мы — Сулейман-шаха подданные, и породниться с ним для нас почетно. Дочь моя служанка его, и не таю я желанья своего, чтобы скоро стал он мне поддержкой в нужде и опорой.

Потом царь призвал судей, и они засвидетельствовали, что Сулейман-шах уполномочил своего вазира заключить брак от его высочайшего имени. Судьи утвердили брачный договор и пожелали новобрачным, чтоб их союз был удачным...

И тогда вазир велел принести дорогие редкости и дары и поднес все это царю Захр-шаху, который тут же принялся снаряжать в путь свою дочь. Он собрал на свои пиры людей знатных и простых и он устраивал торжества месяца два, и в течение этого срока не упустил ничего из того, что радует сердце и око. А когда все нужное для невесты было готово, сложили в сундуки материи, ценные сокровища и дорогие камни и приготовили румийских служанок и невольниц-турчанок, а царь отослал с ними вместе в придачу к невесте кучу ценных предметов и дорогих самоцветов. И, кроме того, он сделал ей носилки из червонного злата, украшенные богато жемчугами и драгоценными камнями, которые должны были везти двадцать мулов. И были эти носилки подобны горнице из горниц, и владелица их была точно гурия из прекрасных гурий, чаровница из чаровниц, а купол над ними напоминал светлицу из светлиц. Захр-шах сопровождал отъезжающих на расстояние в три фарсаха, а потом простился с вазиром, его свитой и вернулся в город, радостный и спокойный.

А вазир поехал с царской дочерью, и ехали они днем и ночью...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.



Ночь 109-я

Когда же сто девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вазир с царской дочерью ехали днем и ночью, приближаясь к владениям Сулейман-шаха.

Вазир, подъезжая к Зеленому городу, послал человека, чтобы известить Сулейман-шаха о прибытии невесты. И царь обрадовался, наградил посланца и велел войскам выходить в великолепном шествии навстречу невесте и тем, кто с нею вместе.

И глашатай закричал, чтоб в городе не оставалось ни затворницы молодой, ни старухи седой, ни госпожи почтенной, которые бы не вышли встречать невесту своего царя. И все вышли навстречу ей. Знатные среди них старались ей услужить. Вельможи стояли вдоль дороги, пока по ней не проследовала невеста в сопровождении евнухов и невольниц. Когда она приблизилась, войска окружили ее и начали бить в барабаны и трубить в трубы. Вокруг веяли аромат благовоний, трепетали знамена, и кони несли наперегонки. Носилки с нею двигались все вперед и вперед, пока не достигли дворцовых ворот.

А когда подошла ночь, евнухи открыли вход в палатку и встали у входа, а потом явилась царская дочь, и она среди рабынь была, как среди звезд луна, или бесподобная жемчужина, которая среди многих других была обнаружена.

И тогда вошел к ней царь...

В конце последней ночи девятого месяца, на заре, царевна родила мальчика, красота которого сулила ему будущее счастье. И когда до царя дошел об этом слух, возликовал его дух, и царь подарил возвестившему об этом большие деньги и тотчас отправился к мальчику и поцеловал его меж глаз. И был он вскормлен сосцом нежности и воспитан отцом в лоне счастья.

Дни бежали, годы шли, и исполнилось ему семь лет. Тогда Сулейман-шах призвал ученых, мудрецов и повелел им обучать своего сына чистописанию, мудрости и знанию. Так прошло несколько лет. И когда мальчик узнал все, что требовалось, царь привел ему наставника, чтобы тот научил его ездить на коне. Наставник обучал его, пока царевичу не исполнилось четырнадцать лет.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же сто десятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, наставник обучал царевича всем наукам, пока тому не исполнилось четырнадцать лет. И когда юноша выезжал по какому-нибудь делу, все, кто его видел, были очарованы им.

И когда он сделался таким и достиг возраста мужей, еще прекраснее стал его лик. А затем, поздно или рано, у Тадж аль-Мулука-Харана появились друзья и любимцы. Всякий, кто стремился к нему приблизиться, надеялся, что будет вазиром, когда юноша станет шахом после смерти отца.

Тадж аль-Мулук пристрастился к охоте. А отец его Сулейман-шах запрещал это, боясь опасностей пустыни и диких зверей, но юноша не слушался его. Однажды он сказал своим слугам:

— Возьмите корму на десять дней.

И они последовали его приказанию.

ЛЮБЯЩИЙ И ЛЮБИМЫЙ

Однажды Тадж аль-Мулук поехал со свитой на охоту. Они четыре дня ехали пустыней, пока не приблизились к цветущей земле. Там увидели они резвящихся зверей, деревья со спелыми плодами среди ветвей и полноводный ручей. Тадж аль-Мулук сказал своим приближенным:

— Поставьте здесь сети и растяните их широким кругом.

Слуги исполнили его приказ. В этом круге собралось множество разных зверей, которые кричали, ревели и пытались освободиться. И тогда на них пустили собак, барсов и соколов. Затем стали бить их стрелами.

После этого Тадж аль-Мулук спешился у воды, приказал принести дичь, отобрал для своего отца Сулейман-шаха наилучших зверей, отослал их ему, а часть раздал своим вельможам.

Здесь он провел ночь, а когда наступило утро, все увидели большой караван, в котором были рабы, слуги и купцы.

— Принеси мне сведения об этих людях и спроси их, почему они остановились в этом месте,— сказал Тадж аль-Мулук одному из своих приближенных.

Гонец отправился к ним и сказал:

— Расскажите нам, кто вы.

— Мы купцы,— отвечали ему,— остановились здесь для отдыха, доверяя Сулейман-шаху и его сыну. Мы знаем, что всякий, кто остановился близ владений Сулейман-шаха, в безопасности и может жить без страха. Мы везем дорогие материи для его сына Тадж аль-Мулука.

Посланный вернулся к царевичу и передал ему то, что слышал от купцов. И тогда царевич сказал ему:

— Если они что-нибудь привезли для меня, то я не сдвинусь отсюда, пока не увижу этого!

Когда он приблизился к каравану, купцы поднялись и пожелали ему успехов, побед, и вечной славы, и долгих лет. Ему уже разбили алый атласный шатер, на котором был вышит узор из самоцветов и жемчугов. И поставили там на шелковом ковре, вышитом изумрудами, царское сиденье. И Тадж аль-Мулук сел, а рабы встали перед ним. Он велел купцам принести все, что у них есть, и они пришли со своими товарами. Тадж аль-Мулук выбрал то, что ему понравилось, и заплатил деньги сполна. А затем сел на коня и хотел уехать, но взор его упал на караван, и он увидал юношу прекрасного, как лал, одетого в чистый наряд, тонколицего, у которого ясный взгляд и сиянье чела, и лицо, как луна, но только красота этого юноши поблекла и его лицо покрыла бледность из-за разлуки с любимыми...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 111-я

Когда же сто одиннадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Тадж аль-Мулук, выбрав у купцов то, что ему понравилось, сел на коня и хотел уехать, но взор его упал на караван, и он увидел юношу прекрасного, как лал, одетого в чистый наряд, тонколицего, у которого ясный взгляд и сиянье чела, и лицо, как луна, но только красота этого юноши поблекла и его лицо покрыла бледность из-за разлуки с любимыми, и умножились его рыданья и стенанья, и из глаз его полились слез потоки, и он говорил такие строки:

Давно мы в разлуке, в душе лишь тоска и испуг,
И слезы из глаз, как потоки, струятся, мой друг.

Я с сердцем расстался, когда мы простились с тобою,
Ни сердца со мной, ни души, никого нет вокруг.

Постойте, друзья, помешайте прощанию с тою,
Чье нежное сердце любой исцеляет недуг.

Тадж аль-Мулук, видя, что юноша в таком отчаянии, подошел к нему. Юноша увидел, что царевич стоит над ним, мигом воспрял и землю перед ним поцеловал.

— Почему ты не показал нам своих товаров? — спросил его царевич.

— О владыка,— отвечал юноша,— в моих товарах нет ничего подходящего для твоего счастливого величества.

— И все-таки покажи мне, какие есть у тебя товары, и расскажи мне, что с тобою,— воскликнул Тадж аль-Мулук.— Я вижу, что глаза твои плачут и ты печален сердцем, и если ты обижен и унижен, мы эту несправедливость уничтожим, а если на тебе лежат долги, оплатить их можем. Поистине, мое сердце сгорело, когда я увидел тебя.

Потом царевич сел на скамейку, а юноша указал место на ковре и велел одному из слуг принести товары, при виде которых юноша заплакал, застонал, стал жаловаться и вздыхать.

Потом он все-таки стал показывать Тадж аль-Мулуку ткани, кусок за куском и отрез за отрезом, одежду из атласа, шитую золотом, которая стоила две тысячи динаров. И тут выпал лоскут, который юноша поспешно схватил и спрятал. Он забыл все познаваемое, вздох испустил глубокий и произнес такие строки:

Когда ж исцелишь мою душу, подаришь мне взгляд?
Поистине, ближе любви твоей звезды Плеяд!

Разлука, тоска и любовь, ожиданье, томленье
И все отговорки убить мою жизнь норовят.

Ты так далеко от меня, и к тебе я не ближе,
Любовь не целит, и от смерти не жду я отрад.

В тебе справедливости нет, нет, увы, милосердья.
Куда мне бежать? Кто поможет мне? В сердце разлад.

Дороги любви для меня — словно узкие тропы.
Куда мне направить стопы? Ничему я не рад.

Тадж аль-Мулук крайне удивился этим стихам, но особенно его заинтересовал спрятанный юношей лоскут.

— Что это? — спросил он.

— О владыка,— сказал юноша,— я отказывался показать тебе мои товары только из-за этого лоскута: я не могу тебе дать посмотреть на него...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 112-я

Когда же сто двенадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша сказал Тадж аль-Мулуку:

— О владыка, я отказывался показать тебе мои товары только из-за этого лоскута: я не могу тебе дать посмотреть на него...

— Я вижу твое тяжелое состояние,— промолвил Тадж аль-Мулук.— Расскажи мне, отчего ты плачешь при взгляде на этот лоскут?

И юноша вынул лоскут из-под бедра, застонал, зарыдал, стал жаловаться и, проливая реки слез, произнес:

— О владыка, скажу тебе смело, удивительна моя история, и у меня приключилось чудесное дело с этим лоскутом и его владелицей.— Он развернул ткань, и на ней оказалось изображение двух газелей: одно вышито шелком и украшено червонным золотом, а другое — вышито серебром и украшено ожерельем из червонного золота с тремя продолговатыми выдолбленными топазами.

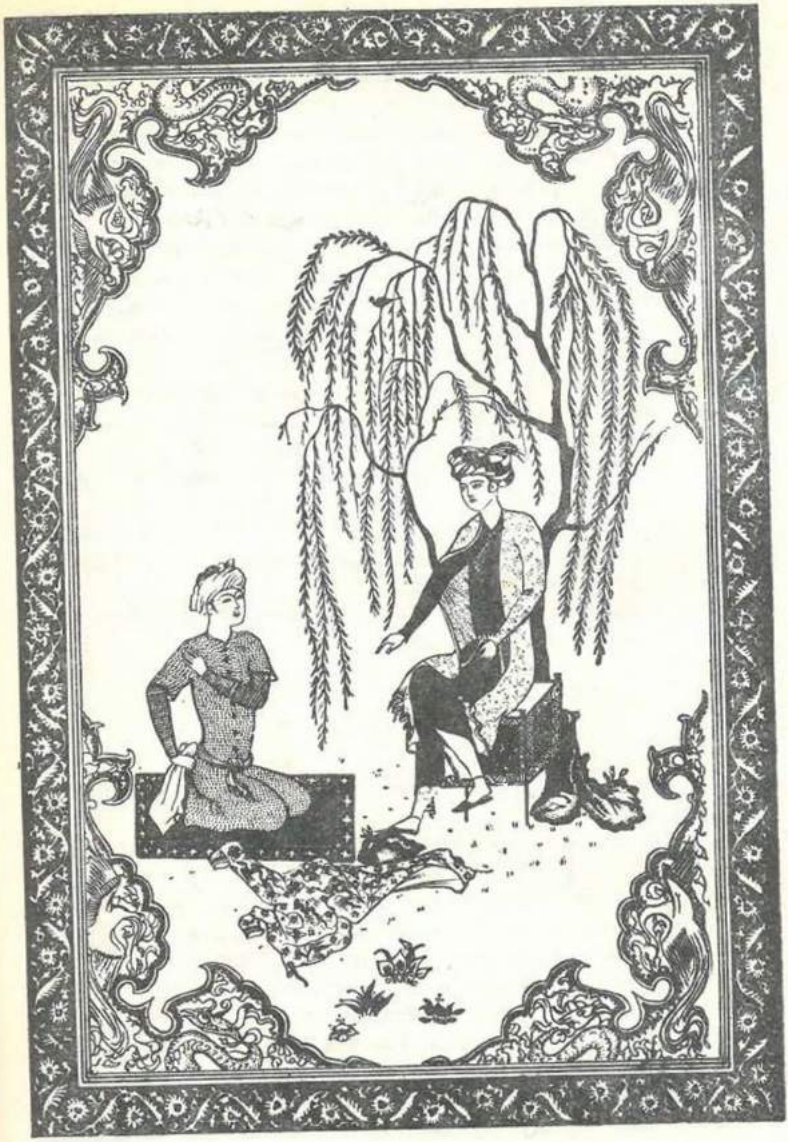
Увидев это, Тадж аль-Мулук воскликнул:

— Да будет превознесен Аллах, научивший человека тому, чего он не знал! — И в сердце его зародилось желание услышать историю этого юноши. — Расскажи мне, что у тебя случилось с обладательницей этих газелей,— попросил он.

И юноша начал:

— Знай, о владыка, что мой отец был купцом и не имел детей, кроме меня. У меня была двоюродная сестра, которая воспитывалась вместе со мной, так как ее отец умер. Перед смертью он условился с моим отцом поженить нас. Когда я достиг зрелости мужчин, а она зрелости женщин, отец поговорил с матерью и начал готовиться к свадебным пиршествам.

Когда мой отец собрал все необходимое для торжества, он захотел сделать брачную запись после пятничной молит-



вы и отправился к своим друзьям из купцов и другим уведомить их об этом, а моя мать пригласила своих подруг и позвала родственников. Когда наступила пятница, в нашем доме помыли мраморные полы, разостлали ковры и поставили там все, что было нужно, завесив стены тканью, вишитой золотом, а мой отец приготовил халву и блюда со сладостями — осталось только сделать брачную запись.

Мать послала меня в баню, приготовив мне роскошное новое платье. Оно было надушено, и, когда я надел его, от него повеяло благовонным ароматом. После бани я хотел пойти в мечеть, но вспомнил об одном моем товарище и вернулся поискать его, чтобы пригласить присутствовать, когда будут делать запись.

Я вошел в переулок, в котором еще никогда не был. Потный после бани из-за новой одежды, бывшей на мне, я сел отдохнуть и разостлал под собой платок, который был у меня. Мне стало очень жарко, пот стекал по моему лицу, но я не мог вытереть его, так как было нечем.

Вдруг, не знаю откуда, упал на меня сверху белый платок. Я схватил его рукой и поднял голову, а этот платок был куда легче, чем ветерок...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 113-я

Когда же сто тринадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша рассказывал:

— Вдруг, не знаю откуда, упал на меня сверху белый платок, нежнее чем ветерок. Я схватил его рукой и поднял голову, чтобы посмотреть, откуда он упал. И глаза мои встретились с глазами обладательницы этих газелей, которая высунулась из окна с медной решеткой. О, мой язык бессилен описать ее красоту. Увидев, что я взглянул на нее, она приложила один палец к устам, а затем другой, средний, приблизила вплотную к указательному и оба прижала к своему телу между грудями. И в моем сердце вспыхнуло пламя, и разгорелся великий костер, и взор, брошенный на нее, тысячу вздохов оставил, и я в растерянности не слышал, что она сказала, и не понял, какие делала знаки.

Взглянув на окошко во второй раз, я увидел, что оно

закрыто. Прождав до захода солнца, но не услышав ни звука и не увидев никого, я встал, захватив платок. Когда я развернул его, то от него повеяло запахом мускуса, и меня охватил великий восторг, такой, что я почувствовал себя, будто в раю. Из платка выпал тонкий листок бумаги, пропитанный благовонным ароматом, и, когда я развернул листок, оказалось, он промок от благовонных духов, и, вдохнув эти духи, я на нем прочел такие стихи:

К нему я направил письмо, проклиная свой пыл.
Был тонок мой почерк, из всех самым тонким он был.

Спросил меня друг: «Что, скажи, с твоим почерком стало?
Так линии тонки, прочесть эти строки нет сил».

Сказал я в ответ: «Это почерк смертельно влюбленных,
Взгляни на меня, сам я сделался тонок и хил».

Прочитав эти стихи, я устремил взор очей на красоту платка и увидал, что на его оторочке вышиты такие две строчки:

Рисует пушок — из писцов самый лучший мастак —
На нежных щеках две строки, говорящие так:

«Едва он появится, обе луны застыдятся,
Едва он склоняется, гибкий робеет лозняк».

И когда я увидел, какие были на платке стихи, вспыхнула душа огнем и усилилась страсть и раздумья в сердце моем. И взял я платок и листок и принес их домой, не имея понятия, как с нею соединиться, и не мог в любви открыться.

Я добрался домой, лишь когда прошла часть ночи, и увидел, что сестра сидит и плачет. Заметив меня, она вытерла слезы, подошла ко мне, сняла с меня одежду и сказала:

— Все люди: эмиры, вельможи, купцы и прочие тоже — собрались в нашем доме, явились судьи и свидетели, они съели кушанья и посидели немного, ожидая тебя, чтобы сделать брачную запись, а когда отчаялись дождаться, то все разошлись. Твой отец сильно рассердился из-за этого и поклялся, что сделает запись только в будущем году, так как он истратил на это торжество много денег. Что же случилось с тобой сегодня? Отчего ты так задержался?

— О сестра,— ответил я,— не спрашивай, что со мной случилось! — И рассказал ей все с начала до конца.

Она взяла платок и листок, прочитала, что было на них написано, и слезы потекли по ее щекам. Потом она произнесла такие стихи:

Коль скажет кто: «Вначале страсть вольна».
Ответствуй: «Лжешь! Невольница она.

На том, кто подневолен, нет пятна,—
Так в давние считалось времена.

Коль разобраться, это достоверно.
Благая казнь,— так можно страсть назвать,

Побои, мука, тягостная кладь,
Возмездье, наслажденье, благодать,

Погибель душ, проклятия печать...
Но здесь со счета сбился я, наверно.

А вместе с тем любовь — пора утех,
Пора улыбок, постоянный смех,

Ее дыханье веет без помех,
И прочь бегут печали, злоба, грех
И рабские сердца, где скрыта скверна».

Затем сестра спросила:

— Что же она сказала тебе и какие сделала знаки?

— Она не произнесла ничего, а только положила один палец в рот, приблизила к нему средний и затем оба пальца приложила к груди, потом показала на землю и заперла окно. И после этого я ее не видел, но она взяла мое сердце. Я пошел домой в полном отчаянии. Вот моя повесть. Хочу, чтобы ты мне помогла.

Азиза подняла голову и молвила:

— О брат мой, если бы ты потребовал мой глаз, я бы, право, вырвала его для тебя. Я непременно помогу тебе в твоей нужде и ей — в ее нужде: она влюблена в тебя так же, как и ты влюблен в нее.

— А как истолковать ее знаки? — спросил я.

— То, что она положила палец в рот,— ответила Азиза,— означает, что ты для нее то же, что и душа в ее теле. Платок — это привет от любящих возлюбленным. Клочок бумаги указывает на то, что душа ее привязалась к тебе, а прижав два пальца к груди, она говорит тебе: через два дня приходи сюда, чтобы прекратить мои заботы. Поверь, Бога ради, о сын моего дяди, что она любит тебя, доверяет тебе.

Услышав все это от Азизы,— продолжал юноша свой рассказ,— я поблагодарил ее и сказал себе: «Потерплю два дня».

Все это время я просидел, не выходя из дома, не ел и не пил. На исходе второго дня я положил голову на колени моей двоюродной сестры, она стала утешать меня и сказала:

— Укрепи свою решимость, отвагу и разом успокой свое сердце и разум.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 114-я

Когда же сто четырнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Азиза сказала своему брату:

— Укрепи свою решимость и отвагу, успокой сердце и ум...

Потом поднялась, помогла мне переодеться и окурила меня благовониями. Сестра укрепила мой дух и успокоила мое сердце. И я вышел, и шел, пока не оказался в том переулке. Я присел на лавочку. Вскоре распахнулось окно, и я, увидев красавицу, чуть не потерял сознание, но, укрепив свою волю и ободрив сердце, заметил, что моя возлюбленная держит в руке зеркало и красный платок. Она засучила рукав и, растопырив пальцы, ударила себя в грудь ладонью, затем воздела руки вверх и выставила в окно зеркало, после чего взяла красный платок и ушла с ним, а вернувшись, три раза опускала его за окно и поднимала, потом скрутила платок рукою и наклонила голову. После этого она ушла, не сказав мне ни слова и оставив меня в растерянности, так как я не понял, что означают эти знаки.

Около полуночи я вернулся домой и увидел, что сестра моя сидит, положив голову на руки, и глаза ее льют потоки, и она говорит такие строки:

Что за дело мне, коль хулители поднимают крик!
Как утешусь я, если строен ты, как речной тростник?

Детям Узры нет избавления от такой красы.
О небесный лик, душу ты украл и умчался вмиг.

И когда я услышал ее стихи, вновь заботы меня увенчали и умножили мои печали. Я упал в углу комнаты и потерял сознание. Азиза перенесла меня на кровать, сняла

одежду, вытерла мое лицо и спросила, что со мной случилось. И я рассказал ей обо всем.

— О брат мой,— сказала Азиза,— объяснение знака ладонью и пятью пальцами таково: приходи через пять дней. А то, что твоя возлюбленная показала зеркало, опускала и поднимала красный платок, а потом высунула голову из окна, означает: сиди возле лавки красильщика, пока к тебе не придет мой посланец.

Когда я услыхал эти слова, в моем сердце загорелся огонь, и я воскликнул:

— Клянусь Аллахом, о сестра моя, ты права в этом объяснении! Я видел в переулке красильщика-еврея!

И я заплакал, а сестра моя сказала:

— Укрепи свою решимость и будь тверд сердцем. Иной охвачен любовью уже много лет, но стоек против жара страсти, а ты влюблен только пять дней, а уже так горюешь.

Азиза принялась меня утешать, была мила и еды мне принесла, но я отказался от еды и питья и расстался со сладостью сна. Я ослаб, и сестра моя ослабла из-за меня. Она каждую ночь рассказывала мне о состоянии влюбленных и любящих, чтобы меня утешить, пока я не засну. А просыпаясь, я находил ее не спящей из-за меня.

Так я жил, пока не прошли эти пять дней. Тогда сестра моя нагрела воды, чтобы я выкупался, помогла мне одеться.

— Отправляйся к ней,— сказала она.— Да исполнит Аллах твое желание, и ты добьешься от своей любимой того, чего хочешь!

И я пошел в тот переулок. А день был субботний, и лавка красильщика оказалась запертой. Я просидел возле нее, пока не прокричали призыв к молитве, потом солнце пожелтело, призвали к вечерней молитве. Настала ночь, а я не видел ни той женщины, не слышал ни звука, ни вести. Я поднялся и пошел, точно пьяный, пока не пришел домой.

Войдя, я увидел, что дочь моего дяди Азиза стоит, схватившись одной рукой за колышек, вбитый в стену, а другая рука у нее на груди, и вздохи ее глубоки, и говорит она такие строки:

Любовь бедуинки к отеческим миртам сильна,
Когда от родных вдалеке пребывает она,

Любви ее искра костер разожжет для скитальцев,
Она свои слезы нальет им в бурдюк дополна.

Но эта любовь не сравнится с моею любовью,
Хотя мой любимый о ней говорит, что грешна.

Обернувшись и увидев меня, она вытерла слезы, улыбнулась и сказала:

— О брат мой, да обратит Аллах на тебя свою милость! Почему ты не провел ночь подле любимой?

Услышав эти слова, я толкнул ее, и она упала, ударившись лбом о косяк. Посмотрев на нее, я увидел, что ее лоб рассечен и из раны течет кровь...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 115-я

Когда же сто пятнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша рассказывал:

— Посмотрев на нее, я увидел, что ее лоб рассечен и из раны течет кровь. Но она не сказала ни слова, а тотчас же встала и, оторвав лоскут, завязала им рану. А потом подошла ко мне, как ни в чем не бывало, и улыбнулась.

— Клянусь Аллахом, брат мой,— сказала она нежным голосом,— я говорила это, не насмехаясь над тобой! Я мучилась головной болью и думала пустить себе кровь, а сейчас моей голове стало легче. Расскажи мне, что с тобою было сегодня.

И я рассказал ей обо всем.

— О брат мой,— молвила Азиза,— радуйся успеху в осуществлении твоих надежд! Поистине, это знак согласия: она скрылась, так как желает испытать, стоек ты или нет и любишь ли ее. А завтра отправляйся на прежнее место и жди вести. Ты близок к радостям, твоим печалям приходит конец.—И она принялась утешать меня в моем горе, а я все больше тосковал и горевал. Потом она принесла мне еду, но я толкнул поднос ногою, так что все блюда разлетелись в разные стороны.

— Все, кто влюблен,— одержим, и не нужны им пища и сон! — воскликнул я.

— Клянусь Аллахом, о брат мой,— это признак любви! — стала утешать меня Азиза, а сама заплакала. Она подобрала черепки от блюд и стала развлекать меня рассказами, а я молил Аллаха в ночи, чтоб настал рассвет. А когда наступил рассвет, и забрезжил свет, и засияли лучи,

я отправился к той женщине, торопливо вошел в переулок и сел на лавочку. Вдруг окошко распахнулось. Она, смеясь, выглянула, затем скрылась и вернулась с зеркалом, кошелем и горшком, полным зеленых растений. В руке у нее еще был светильник. Она взяла зеркало, сунула его в кошель, который крепко завязала и бросила в комнату. Затем опустила волосы на лицо, на миг прикоснулась светильником к верхушкам растений и заперла окно. Мое сердце разрывалось от этого, от ее неслучайных знаков и тайных догадок, а она не сказала мне ни слова, и страсть моя вспыхнула снова, и вновь возросла любовь.

Я вернулся домой с печалью в сердце и увидел, что Азиза сидит лицом к стене. Сердце ее горело от любовных невзгод, от забот и ревности, но гордость помешала ей сказать мне о своей страсти, так как она видела, что я безумно люблю другую. На голове у нее уже было две повязки: одна из-за раны на лбу, а вторая прикрывала глаз, так как он стал у нее болеть от слез.

Увидев меня, она вытерла слезы и подошла ко мне, но не могла говорить из-за сильного волнения.

— О брат мой,— наконец произнесла она,— расскажи мне, что выпало тебе в этот раз.

Я рассказал ей все. И тогда она воскликнула:

— Терпи, близок миг твоей близости с нею, и ты достиг исполнения твоих надежд! Спрятанное в кошель зеркало говорит тебе: жди, когда нырнет в темноту солнце. Опущенные на лицо волосы означают: когда наступит ночь и опустится на землю мрак — приходи. Горшок с цветами указывает на сад за переулком. Свеча предупреждает: когда войдешь в сад, увидишь горящий светильник и иди к нему, садись рядом и жди меня: поистине, любовь к тебе меня убивает.

— Сколько ты еще будешь обещать? — услышав слова Азизы, воскликнул я.— Сколько стану ходить к ней, не достигая цели?! Я не вижу в твоем объяснении правильного смысла!

А моя сестра засмеялась и сказала:

— У тебя должно остаться терпение лишь на то, чтоб выдержать до конца дня, пока день не повернет на закат и не опустится ночная тень, и тогда насладишься ты исполнением твоей мечты и единением, это слова истины, безо лжи и мороки.— И произнесла она такие строки:

Дней складки сложи и получше расправь,
Ноги на порог неурядиц не ставь.

Пред нами немало несбыточных целей,
Но брезжит за ними счастливая явь.

Затем она подошла ко мне и стала утешать меня мягкими речами, но, опасаясь беды, не осмелилась принести мне какой-нибудь еды.

Я же принялся ждать прихода ночи. А когда ночь пришла, моя двоюродная сестра горько заплакала, дала мне зернышко чистого мускуса и сказала:

— О брат мой, положи это зернышко в рот. Когда ты встретишься со своей любимой, и удовлетворишь с нею свою нужду, и она не отвергнет желаний твоих, скажи ей такой стих:

Во имя Аллаха, скажите, влюбленные, мне,
Что делать тому, кто сгорает в любовном огне?

Потом она поцеловала меня и заставила поклясться, что я произнесу это двустишие только тогда, когда буду выходить от той женщины.

— Слушаю и повинуюсь,— пообещал я Азизе и вышел из дома. Когда я достиг сада, то нашел его ворота открытыми и увидел вдали свет. Подойдя, я обнаружил большое помещение со сводом, купол которого сделан из слоновой кости и черного дерева. Все было устлано шелковыми коврами, шитыми золотом и серебром. Тут же стояла большая зажженная свеча в подсвечнике из золота, а посредине помещения бил фонтан, рядом с которым была разостлана скатерть, покрытая шелковой салфеткой. На ней стояла большая фарфоровая кружка, полная вина, и хрустальный кубок, украшенный золотом. На большом серебряном подносе я увидел всевозможные плоды: фиги, гранаты, виноград, померанцы, лимоны и апельсины. Между ними были разные цветы: розы, мимозы, жасмины, георгины, мирт, шиповник и нарцисс...

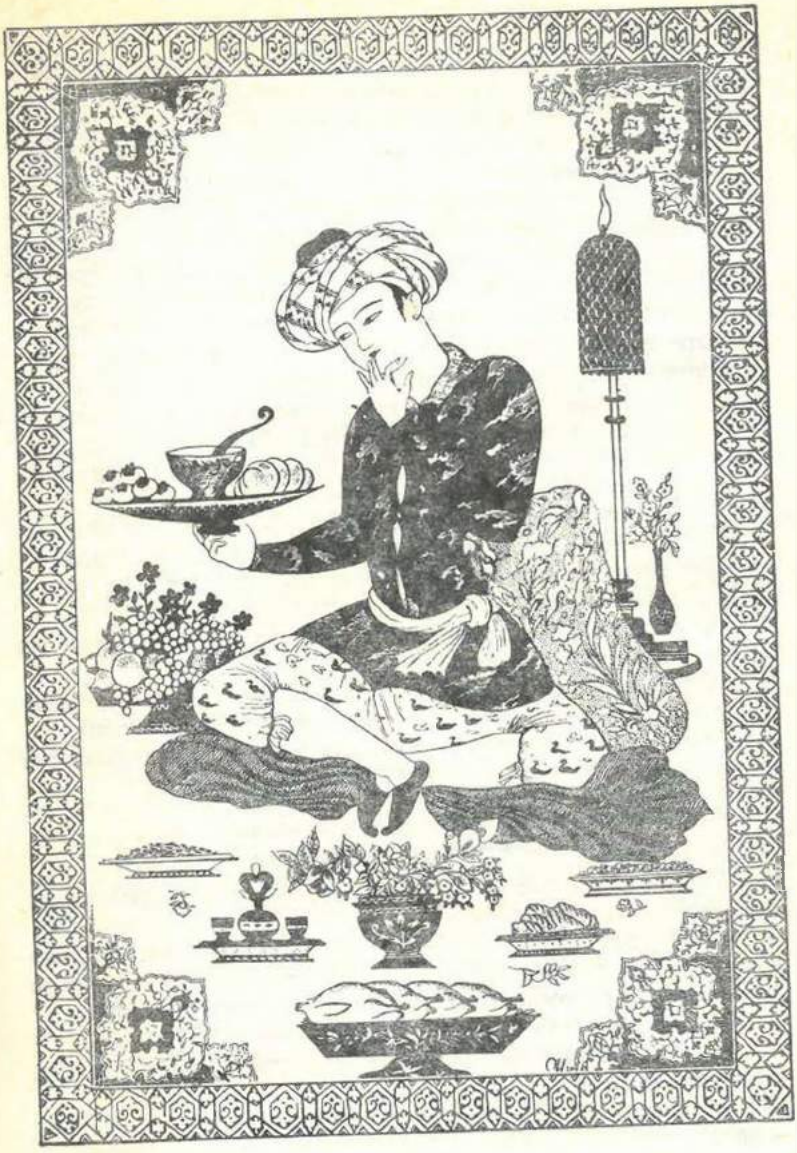
И я обезумел при виде всего этого, и горесть моя пропала. Только я не нашел там ни одного живого существа, созданного великим Аллахом...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 116-я

Когда же сто шестнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь,



милостивый государь, юноша говорил Тадж аль-Мулуку:

— Я не нашел там ни одного живого существа, созданного Аллахом: ни раба, ни невольницы — никого, кто бы заботился обо всем этом. Я сидел, ожидая прихода моей любимой. Прошел час, второй, третий, а она не приходила. Во мне появились муки голода, так как я долго не ел, страдая из-за сильной любви, а запахи кушаний, бывших на скатерти, возбуждали аппетит. Я подошел к скатерти и поднял покрывало, и глазам моим предстало посередине скатерти фарфоровое блюдо, а на нем четыре курицы румяных в приправах пряных, а вокруг блюда стояли четыре тарелки: одна с халвой, другая с баклавой, третья с гранатовыми зернышками и четвертая с пышками. Я съел пышки и немного баклавы, попробовал халвы, а закончил трапезу курятиной с хлебом. И когда мой живот наполнился и суставы мои расслабились, сон одолел меня, и я не знаю, что случилось со мной после этого.

Я проснулся, когда жар солнца обжег меня. У себя на животе я нашел соль и уголь. Встав на ноги, я огляделся, но не увидел никого. Оказалось, что я лежал на голых мраморных плитах.

Я смутился и огорчился, слезы полились у меня из глаз — я жалел самого себя.

Когда я пришел домой, то увидел, что дочь моего дяди ударяет рукой в грудь и плачет, проливая слезы и соперничая с облаками, льющими дождевые потоки, и говорила она такие строки:

Как влюбленный любимую, если б могла,
Я бы тотчас, желанный, тебя обняла.

Увидев меня, она поспешно вытерла слезы и обратилась ко мне с нежными словами:

— О брат мой, Аллах был к тебе милостив, внушив той, кого ты любишь, любовь к тебе, а я в слезах и в горе из-за разлуки с тобой. Кто меня упрекнет и кто оправдает? Но Аллах да не взыщет с тебя из-за меня!

Потом она улыбнулась мне и, сняв с меня одежду, расправила ее и сказала:

— Расскажи же мне, что с тобой случилось, о брат мой?!

И я рассказал ей обо всем.

— Поистине, мое сердце полно боли! — гневно воскликнула Азиза.— Пусть не живет тот, кто делает тебе зло! Эта женщина показывает свое превосходство над тобою, и,

клянусь Аллахом, о брат мой, я боюсь ее коварства. Знай, соль на твоем животе означает, что ты потонул во сне и похож на скверное кушанье, которое следует посолить, чтобы оно не было извергнуто обратно. Ты себя без стыда объявляешь влюбленным, в то время как влюбленные не должны засыпать никогда, и твои притязания на любовь лживы. Но и ее любовь к тебе тоже лжива, так как она не разбудила тебя. А что касается угля, то объяснение этого знака таково: очерни Аллах твое лицо, раз ты ложно объявил себя любящим; ты — молодое дитя, у тебя только и заботы, что поесть, попить да поспать. Вот объяснение ее знаков, да освободит тебя от нее великий Аллах!

Услышав эти слова, я ударил себя рукою в грудь и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, это и есть истина. Я сам себя наказал, и больше всего повредили мне сон и еда! Что теперь будет?

В отчаянии я заплакал и обратился к сестре:

— Пожалей меня и укажи, что делать, иначе я умру.

Азиза любила меня великой любовью и ответила...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 117-я

Когда же сто семнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша рассказывал дальше:

— Азиза любила меня великой любовью и ответила:

— Если позволит великий Аллах, я не пожалею усилий, чтобы свести вас, ибо хочу, чтобы ты был доволен. Послушайся моих слов и повинуйся моему приказу. Когда настанет вечер, иди в то самое место, сядь там же, где сидел, и остерегайся что-нибудь съесть, так как пища клонит ко сну. Она придет к тебе только после того, как минует четверть ночи, да избавит Аллах тебя от ее зла!

Когда я собрался уходить, сестра сказала мне:

— Если встретишься с нею, скажи ей то двустишие, которое я прочитала тебе в прошлый раз.

Я дал обещание и вышел из дома. В знакомом саду увидел помещение, которое было убрано так же, как и в первый раз. Я поднялся по ступеням и почувствовал запах кушаний. Моему желудку захотелось их. Я удерживался от соблазна, но не смог преодолеть своего желания. Подойдя к

скатерти, я снял покрывало и увидел блюдо с курами, вокруг которого стояли еще четыре тарелки с кушаньями. Я съел по кусочку от каждого, потом немного халвы и мяса, выпил много шафрановой подливки, которая мне понравилась, пока не насытился. Взяв подушку, я положил ее под голову, думая: «Я только прилягу, а спать не буду». Но глаза мои сомкнулись, и я проснулся не раньше, чем взошло солнце. У себя на животе я нашел игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка.

Помещение было пусто — казалось, что там никогда ничего не было.

Я встал и вышел рассерженный. Дома я увидел, что дочь моего дяди испускает глубокие вздохи, слез проливает потоки и произносит такие строки:

В сердце ранена я, стала хилой, худой,
Из очей по щекам слезы льются рекой,

А любимый упорен в своей укоризне.
Что б ни делал прекрасный, все — дар дорогой.

О двоюродный брат, ты зажег мое сердце,
Очи вспухли от слез, и потерян покой.

Я начал бранить мою сестру, и она заплакала, а потом вытерла слезы и, подойдя ко мне, поцеловала.

— О брат мой,— сказала она,— ты, кажется, снова заснул сегодня ночью.

— Да,— ответил я ей,— проснувшись, я нашел игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка. Растолкуй мне эти знаки и скажи, что мне делать.

— Палочкой от таба,— сказала Азиза,— она указывает, что ты пришел, а твое сердце отсутствовало: не причисляй же себя к любящим. А косточкой финика она упрекает тебя: если бы ты был влюблен, твое сердце, наверно, горело б любовью, и сон не шел бы к твоему изголовью, ибо любовь, как финик, сладка и пламенеет в душе, как жар уголька... Рожковым семечком она тебе указывает, что сердце любимого утомилось в конце концов и говорит тебе: терпи разлуку с нами, как терпел Иов.

И когда я услышал это толкование, в сердце моем, охваченном огнем, усилились печали, и я вскричал:

— Аллах предопределил мне спать, так как у меня нет счастья! О сестра моя, заклинаю тебя жизнью, придумай хитрость, чтобы я мог добраться до нее.

— О Азиз, брат мой,— ответила Азиза,— мое сердце полно страданий, и я не могу говорить. Но иди сегодня вечером в то же место и остерегайся уснуть, тогда тебя приведет твой путь к желанной цели.

— Если захочет Аллах, я не засну и сделаю дело так, как ты повелела,— сказал я.

А сестра поднялась и принесла мне пищу, говоря:

— Поешь теперь вдоволь, чтобы у тебя не осталось желания.

И я поел досыта, а когда пришла ночь, Азиза принесла мне великолепное платье и взяла с меня клятву, что я скажу моей любимой то двустишие. Потом я отправился в сад и нашел знакомое помещение. А когда пришла ночь, стал открывать себе глаза пальцами и трясти головой...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 118-я

Когда же сто восемнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша рассказывал:

— А когда пришла ночь, я стал открывать себе глаза пальцами и трясти головой. Вскоре я проголодался оттого, что не спал. Кушанья источали аромат, голод усиливался, и тогда я направился к скатерти, съел от каждого кушанья по кусочку. Подойдя к фляге с вином, подумал: «Выпью только кубок!» — но затем выпил второй, и третий... и десятый. Меня словно что-то ударило, я упал на землю, как убитый, и пролежал так, пока не настал день. Проснувшись, я увидал себя вне сада. На животе у меня лежал острый нож и железный дирхем. Я испугался, взял их и принес домой. Здесь я услышал, что моя сестра говорит:

— Поистине, я в этом доме несчастна и таю, как свеча, и нет мне помощника, кроме палача!

Войдя в комнату, я упал, выронил из рук нож и дирхем и лишился чувств. Очнувшись, рассказал Азизе о том, что со мною произошло. Она сильно опечалилась за меня, а увидев, как я страдаю, сказала:

— Я уже бессильна советовать тебе не спать, ты не слушаешься меня. Мои слова тебе ничем не помогут.

— Заклинаю тебя Аллахом, растолкуй мне ее знаки,— умолял я сестру.

И она ответила:

— Железным дирхемом она указывает тебе на свой правый глаз, как бы говоря: «Клянусь Господом миров и моим правым глазом, если ты вернешься еще раз и уснешь, я зарежу тебя ножом!» Я боюсь ее коварства, о брат мой. Мое сердце полно печали о тебе. Если ты уверен, что, вернувшись к ней, не заснешь, возвращайся и добейся того, чего хочешь. Если же ты знаешь, что заснешь, как всегда, то берегись — она тебя зарежет.

— Как же мне поступить, о сестра моя?! — воскликнул я.

— Когда настанет время уходить, я скажу тебе,— молвила Азиза. Затем уложила меня в постель и растирала мне ноги до тех пор, пока меня не охватила дремота. Когда я погрузился в сон, она взяла опахало, села около изголовья и обвевала мое лицо до конца дня.

Под вечер она разбудила меня, и я увидел, что она стоит у моего изголовья с опахалом в руках и так плачет, что ее одежда намокла от слез. Потом Азиза вытерла слезы и принесла еды.

— Слушайся меня и ешь,— сказала она.

И я принялся есть, не противореча ей. Она клала пищу мне в рот, а я ел, пока не насытился. Потом она напоила меня сладким отваром и, вымыв мне руки, вытерла их платком и обрызгала меня розовой водой. А когда спустились сумерки, надела на меня одежду и сказала:

— О брат мой, старайся не уснуть. Она придет к тебе сегодня только в конце ночи, и, если захочет Аллах, ты сегодня встретишься с нею. Но не забудь моего наставления: когда будешь уходить от нее, скажи ей двустишие, которое я тебе раньше прочитала.

И я ушел от нее, и весьма был рад, и отправился в сад, и, сытый, прошел вглубь палат и бодрствовал четверть ночи. А затем ночь показалась мне такой длинной, как год, но я боролся со сном, пока не прошло три четверти ночи и не закричали петухи. Тут я почувствовал сильный голод и пошел к столику с едой отведать разных кушаний, голова моя отяжелела, и я захотел спать, но вдруг увидел свет, который приближался издалека. Тогда я встал, вымыл руки, прополоскал рот и разбудил свою душу. Через некоторое время вошла та женщина с десятью девушками, и она между ними была как между звезд луна. В платье алтасном зеленом,

расшитом золотом червонным, и она была такова, как говорят такие слова:

Власы распустив, чуть прикрытая платьем зеленым,
Она горделиво красуется перед влюбленным.

Спросил я: «Как имя твое?» — и услышал в ответ:
«Я та, кто сердца прижигает углем раскаленным».

Увидев меня, она усмехнулась:

— Как это ты не заснул? Теперь-то я знаю, что ты влюбленный, так как примета влюбленных это — не спать всю ночь, чтоб страсти превозмочь.

Затем обратилась к невольницам, сделала им знак, и те удалились. Она подошла ко мне, прижала меня к груди и поцеловала, а я поцеловал ее...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 119-я

Когда же сто девятнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша продолжал свой рассказ.

— Она подошла ко мне, прижала меня к груди и поцеловала, а я поцеловал ее.

Это была ночь радости, для сердца свет, прохлада для взора, как о ней молвил поэт. Утром она сказала:

— Постой, я тебе что-то покажу.

Она развязала платок и, вынув оттуда лоскут, разостлала его передо мной, и я увидел на нем образ газели, вот такой, и до крайности удивился.

— Это работа моей сестры,— сказала моя возлюбленная.

— Как же имя твоей сестры? — спросил я ее.

И она ответила:

— Ее имя — Нур аль-Худа. Храни этот лоскут.

Я простился с нею и удалился радостный. Войдя к своей сестре, я увидел, что она лежит. Заметив меня, она встала, подошла ко мне и спросила:

— Сделал ли ты так, как я тебя просила — вспомнил ли при расставании мое двустишие?

— Я забыл его, меня отвлекло изображение этих газелей,— ответил я и кинул лоскут Азизе.

И, проливая слез потоки, произнесла она такие строки:

Молчи о разлуке, не надо!
Объятья коварная штука.

Не надо! Судьба вероломна,
И дружбу венчает разлука.

Потом она попросила подарить этот лоскуток. И я подарил. Она взяла его, разостлала и увидела, что на нем. А когда мне пришло время уходить, моя сестра сказала:

— Иди, сопровождаемый благополучием, а когда будешь уходить от нее, прочитай ей двустишие, которое забыл в прошлый раз.

— Повтори его! — попросил я.

Она повторила. Когда я вошел в сад, то нашел свою возлюбленную ожидающей. Увидев меня, она поднялась, поцеловала... А когда наступило утро, я произнес то двустишие:

Во имя Аллаха, скажите, влюбленные, мне,
Что делать тому, кто сгорает в любовном огне?

И когда она услышала его, из глаз ее полились потоки, и она сказала такие строки:

Страсть свою он скрывает и строго хранит ее в тайне,
Он в делах терпелив и смирен в поведении крайне.

Радуясь, что исполнил просьбу моей сестры, я вышел. Придя домой, нашел сестру лежащей, а моя мать сидела у ее изголовья и плакала. Увидев меня, она сказала:

— Пропади ты, о двоюродный брат! Как это ты оставляешь сестру свою, когда ей нехорошо, и не спрашиваешь о ее болезни!

А сестра моя, увидев меня, села и спросила:

— О Азиз, прочел ли ты ей мое двустишие?

— Да,— ответил я ей,— услышав его, моя любимая заплакала и произнесла другие стихи, а я их запомнил.

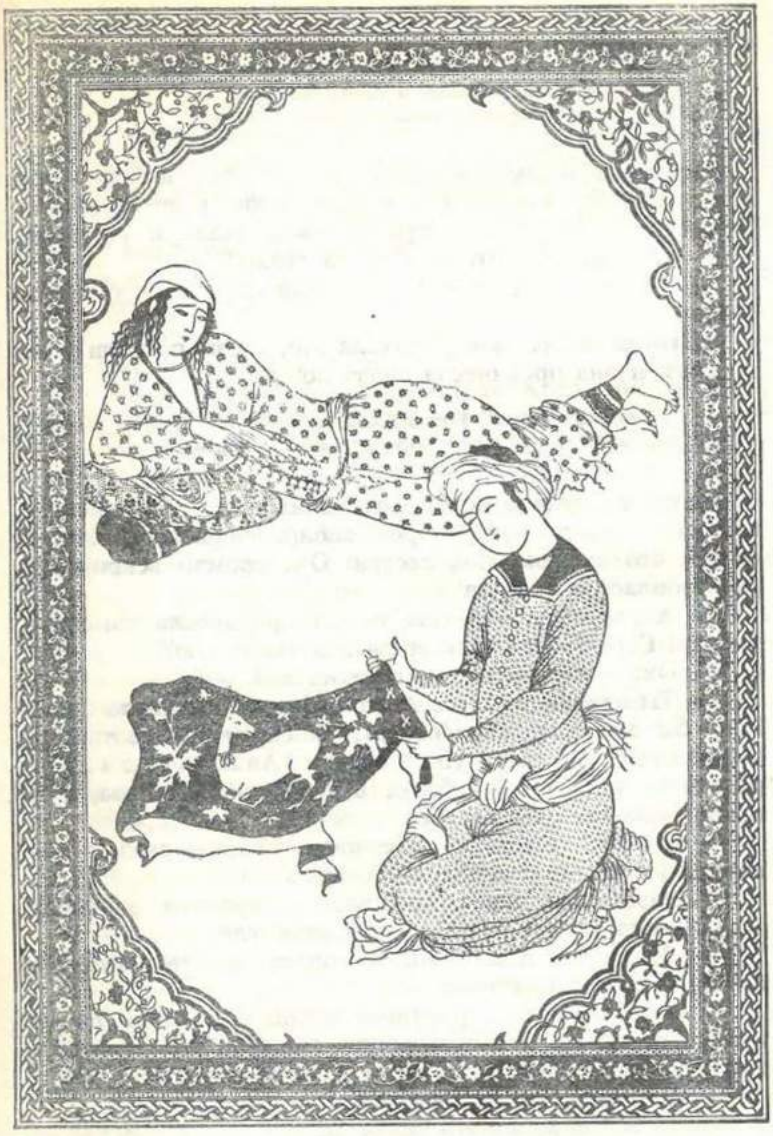
— Прочитай мне их,— попросила Азиза.

Когда я ей сказал стих, она горько зарыдала, пролила слез потоки и произнесла такие строки:

Но как же таиться ему, если смерти он ждет от любви,
И сердце его что ни день утопает в крови?

— Когда ты пойдешь к ней снова, прочитай эти стихи,— попросила Азиза.

И затем, как всегда, в сад возлюбленной я проник, и между нами было то, что было, и описать это бессилен



язык. А собираясь уходить, я произнес то двустишие, и она его продолжила:

А если не стало терпенья, и тайна раскрыта,
Тогда только смерть от позора такому защита.

Вернувшись домой и войдя к сестре моей, я увидел, что она лежит без чувств, а моя мать сидит у ее изголовья. Услышав мой голос, сестра открыла глаза и спросила:

— О Азиз, прочитал ли ты ей стихи?

— Да,— ответил я,— и, услышав их, она произнесла другие.

И когда сестра моя услыхала это, слезы потекли у нее из глаз, и она произнесла слова поэта:

Внимаю покорно! Конца ожидаю, поверьте!
Поклон от меня передайте виновнику смерти.

Когда наступила ночь, я отправился, по обыкновению, к своей возлюбленной. А утром, собираясь уйти, я повторил ей то, что сказала моя сестра. Она громко вскрикнула, расстроилась и сказала:

— Ах, клянусь Аллахом, та, что произнесла эти стихи, умерла! Горе тебе! В каком ты родстве с нею?

— Она — сестра моя,— ответил я.

— Ты лжешь, клянусь Аллахом! — воскликнула она.— Если бы она была твоя сестра, ты бы любил ее так же, как она тебя. Это ты ее убил. Клянусь Аллахом, если бы ты рассказал мне, что у тебя есть двоюродная сестра, я не приблизила бы тебя к себе!

— О, она толковала мне твои знаки,— сказал я,— научила, как мне с тобою сблизиться.

— Разве она знала про нас? — спросила женщина.

И, когда я сказал: «Да»,— воскликнула:

— Да погубит Аллах твою молодость, как ты погубил ее юность! Иди посмотри на нее.

И я пошел с расстроенным сердцем, пока не достиг нашего переулка. Услышав вопли, спросил, что случилось, и мне сказали:

— Мы нашли Азизу мертвой.

Увидя меня, моя мать сказала...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 120-я

Когда же сто двадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша говорил Тадж аль-Мулуку:

— Увидя меня, моя мать сказала:

— Я хочу знать, что ты с ней такое сделал, что у нее лопнул желчный пузырь! О дитя мое, я все время ее спрашивала, отчего она больна, но она молчала. Заклинаю тебя Аллахом, скажи же мне, почему она умерла.

— Я ничего не сделал,— ответил я.

И моя мать воскликнула:

— Да отомстит тебе за нее Аллах! Когда она умирала, я была подле нее, и она сказала мне: «О тетушка, да сочтет Аллах твоего сына неповинным за мою кровь и да не взыщет с него за то, что он со мной сделал! Аллах только перенес меня из временной обители здешней жизни в вечную обитель будущего».— А потом она улыбнулась и молвила: «О тетушка, скажи твоему сыну, когда он захочет отправиться туда, куда уходит каждый день, чтобы он, возвращаясь оттуда, сказал такие слова: «Верность прекрасна, измена ужасна!» В них его защита: тогда я стану его заступницей и после смерти». Потом она велела передать тебе одну вещь и заставила меня поклясться, что я исполню ее волю только тогда, когда увижу, что ты плачешь по ней.

— Покажи мне ее,— попросил я.

Но моя мать не согласилась... Потом я отвлекся мыслями о наслаждениях и не вспоминал о смерти моей сестры. И едва я поверил, что пришла ночь, как поспешил в сад на свидание и нашел эту женщину точно на горячих сковородках от долгого ожидания.

Увидев меня, она бросилась мне на шею и спросила о моей сестре.

— Она умерла,— ответил я,— мы устроили по ней поминальные чтения Корана, и после ее смерти прошло уже четыре ночи, а сегодня пятая.

Услышав это, она закричала, заплакала и воскликнула:

— Не говорила ли я тебе, что ты убил ее! Если бы ты рассказал мне о ней до ее смерти, я бы, наверное, вознаградила ее за милость, которую она мне сделала. Она сослужила мне службу и привела тебя ко мне. Если бы не она, мы бы с тобой не встретились. Боюсь, что тебя постигнет несчастье за ее смерть.

— Она сняла с меня вину перед кончиной,— ответил я и рассказал своей возлюбленной о том, что сообщила мне мать.

— Ради Аллаха,— продолжала она,— когда пойдешь к твоей матери, узнай, что у нее за вещь!

— Моя мать упомянула,— сказал я,— что сестра перед смертью дала ей поручение и сказала: «Когда твой сын захочет пойти в то место, куда он обычно уходит, скажи ему такие слова: «Верность прекрасна, измена ужасна».

Моя возлюбленная, услышав это, воскликнула:

— Да помилует ее Аллах великий! Она избавила тебя от меня, а я задумала причинить тебе зло. Но теперь я не стану вредить тебе!

— Что ты хотела со мною сделать? — спросил я.— Ведь между нами возникла любовь.

— Ты влюблен в меня,— ответила она,— но ты молод годами и чист. В твоем сердце нет обмана, так что ты не знаешь коварства женщин. Будь она жива, то, наверное, была бы тебе помощницей, ведь это она спасла тебя от гибели. А теперь я дам тебе наставление: не заговаривай ни с кем из подобных нам — ни со старой, ни с молодой. Та, что толковала тебе знаки, умерла, и я боюсь, что ты попадешь в беду, не имея никого, кто бы спас тебя от нас...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 121-я

Когда же сто двадцать первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, женщина сказала Азизу:

— Та, что толковала тебе сны, умерла, и я боюсь, что ты попадешь в беду, не имея никого, кто бы спас тебя от нас. О печаль моя по сестре твоей! О, если бы я знала ее раньше, чтобы воздать ей за добро, которое она мне сделала! Я хочу от тебя одного: отведи меня к ее могиле, чтобы я могла посетить ее гробницу и написать на ней стихи.

— Завтра, если позволит Аллах великий,— ответил я и спросил:— А что значат эти слова, которые сестра сказала: «Верность прекрасна, измена ужасна»?

Но она не ответила. А когда наступило утро, взяла мешок с динарами и приказала мне:

— Идем — покажешь мне ее могилу. Я построю над ней купол и призову к ней милость Аллаха, а эти деньги раздам как милостыню за упокой ее души.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил я и пошел впереди нее, а она стала раздавать милостыню и каждый раз говорила:

— Эта милостыня за упокой души Азизы, которая скрывала тайну своей любви, пока не выпила чашу гибели.

Увидав могилу, она заплакала, бросилась на нее, а затем вынула стальной резец, маленький молоточек и стала чертить тонким почерком по камню, лежавшему в изголовье гробницы, такие строки:

В саду запущенном мне встретилась могила,
Семь белых анемон на ней росли уныло.

Спросил я: «Чей здесь гроб?» — и мне земля в ответ:
«Молчи! Влюбленного я здесь навек укрыла».

Потом она ушла, и я пошел за нею в сад, а она сказала мне:

— Ради Аллаха, не удаляйся от меня никогда!

— Слушаю и повинуюсь! — ответил я.

Потом я стал часто посещать ее. Всякий раз она была со мной добра, оказывала мне почет и спрашивала о словах, которые сестра моя, Азиза, сказала моей матери. И я продолжал так жить, ел, выпивал, ласкал, обнимал, менял тонкие одежды, пока не разжирел и не растолстел, и не было у меня ни хлопот, ни забот, ни невзгод. Я забыл о своей двоюродной сестре.

А в начале нового года я пошел в баню, привел себя в порядок, надел роскошное платье, благоухающее духами, потом выпил кубок вина,— и на сердце у меня было легко, ибо не знал я обманчивости времени и превратности случая. Когда пришло время ужина, мне захотелось отправиться к моей возлюбленной, но я был пьян и не знал, куда идти. Хмель увел меня в переулок, называемый переулком Начальника. Тут я вдруг увидел старуху: в одной руке у нее была горящая свеча, а в другой — свернутое письмо.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же сто двадцать вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Азиз рассказывал:

— Тут я вдруг увидел старуху: в одной руке у нее была горящая свеча, а в другой — свернутое письмо. Я подошел к ней поближе и вдруг вижу — она плачет, проливает потоки и произносит такие строки:

Будь гостем, о гонец, принесший мне прощенье,
Так сладко в этот миг твою услышать речь.

Посланец радости! Покуда ветер дует,
Аллаха я молю тебя в пути беречь.

И, увидев меня, она спросила:

— О дитя мое, умеешь ли ты читать?

И я ответил ей:

— Да, тетушка.

— Возьми это письмо и прочти мне его,— сказала старуха и подала мне исписанный листок бумаги. И я взял письмо, и развернул его, и прочитал ей, и оказалось, что в этом письме привет любимым от тех, кого рядом нет. Старуха обрадовалась и стала благословлять меня, говоря:

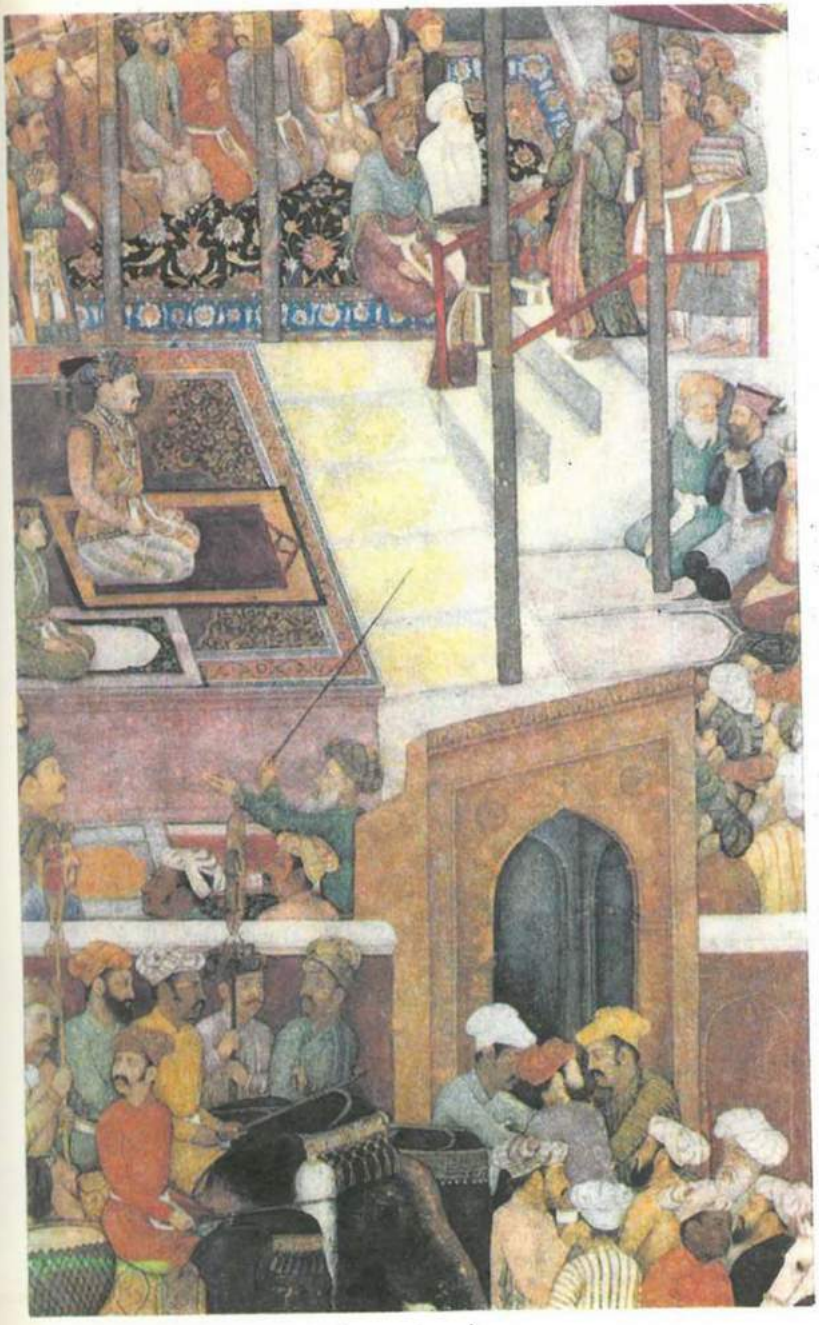
— Да облегчит Аллах твою заботу, как ты облегчил мою!

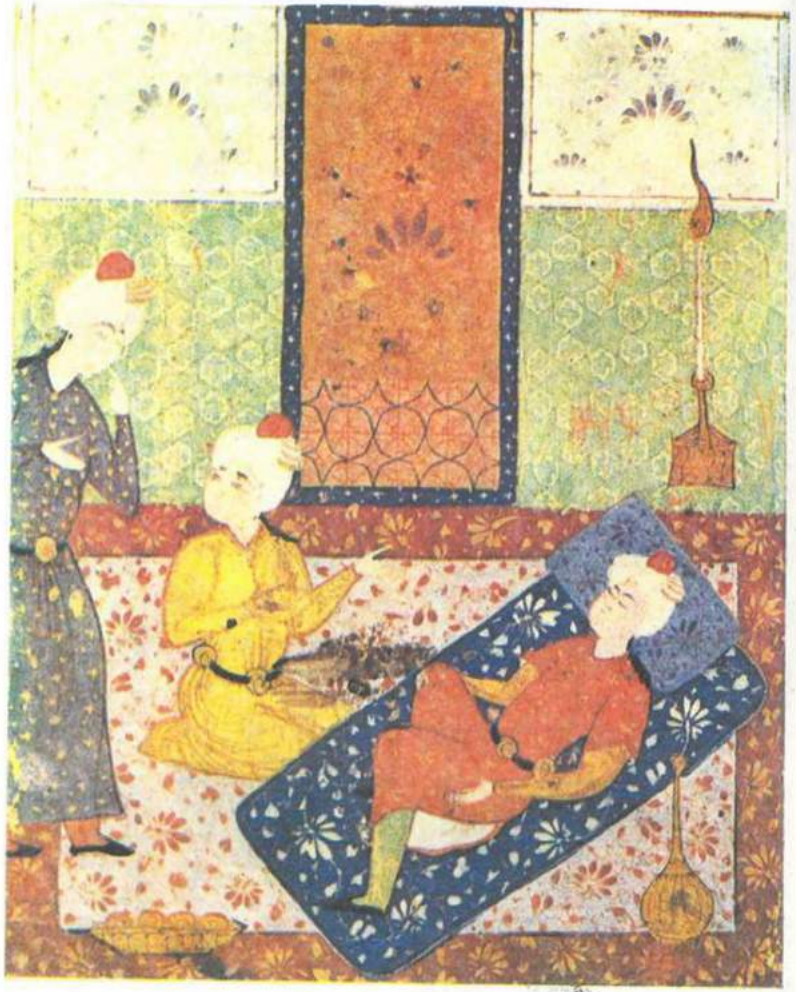
Затем она взяла письмо, прошла несколько шагов, но вдруг вернулась и, наклонившись к моей руке, поцеловала ее.

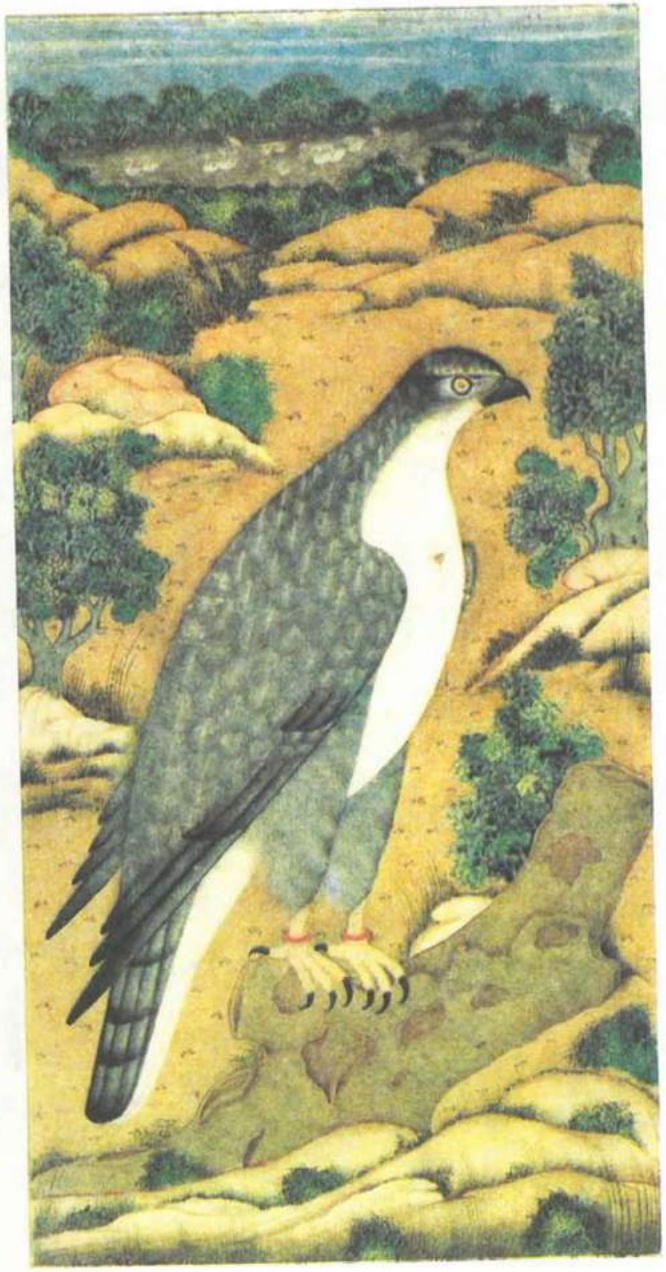
— О господин, да сделает Аллах приятной твою юность! Прошу тебя, пойди со мною к этим воротам. Я передала своим то, что ты прочитал в письме, но они мне не верят. Прочти им письмо сам из-за двери и прими от меня праведную молитву.

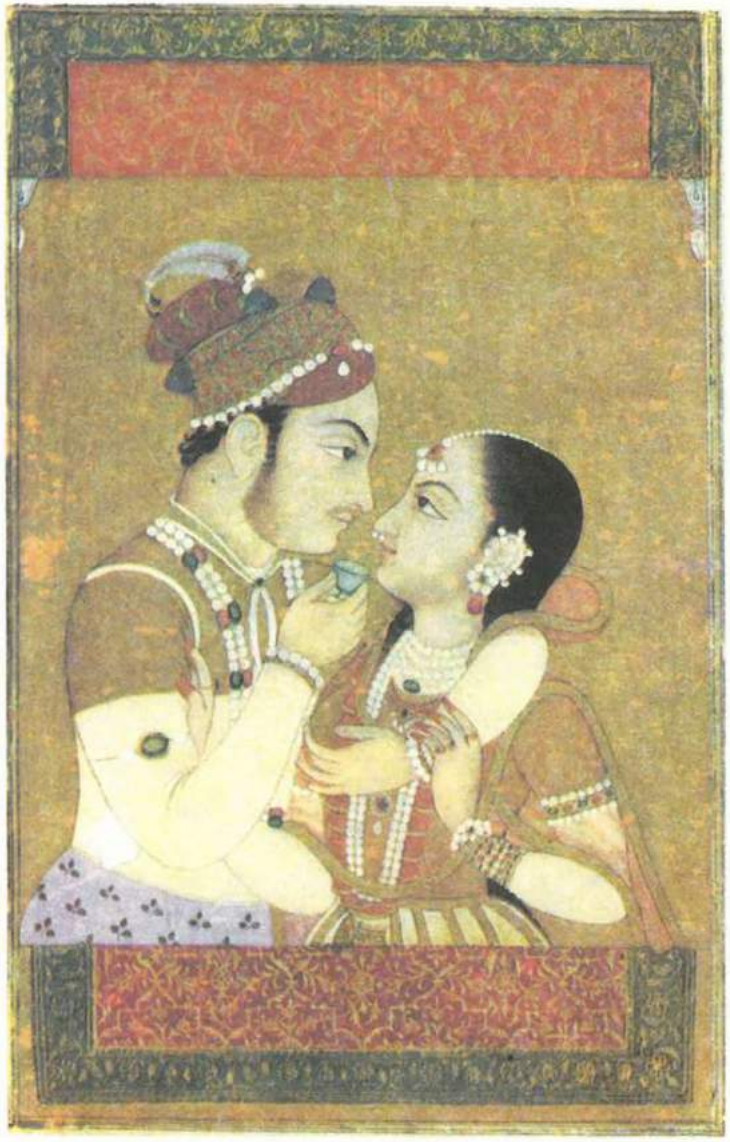
— А от кого это письмо? — спросил я.

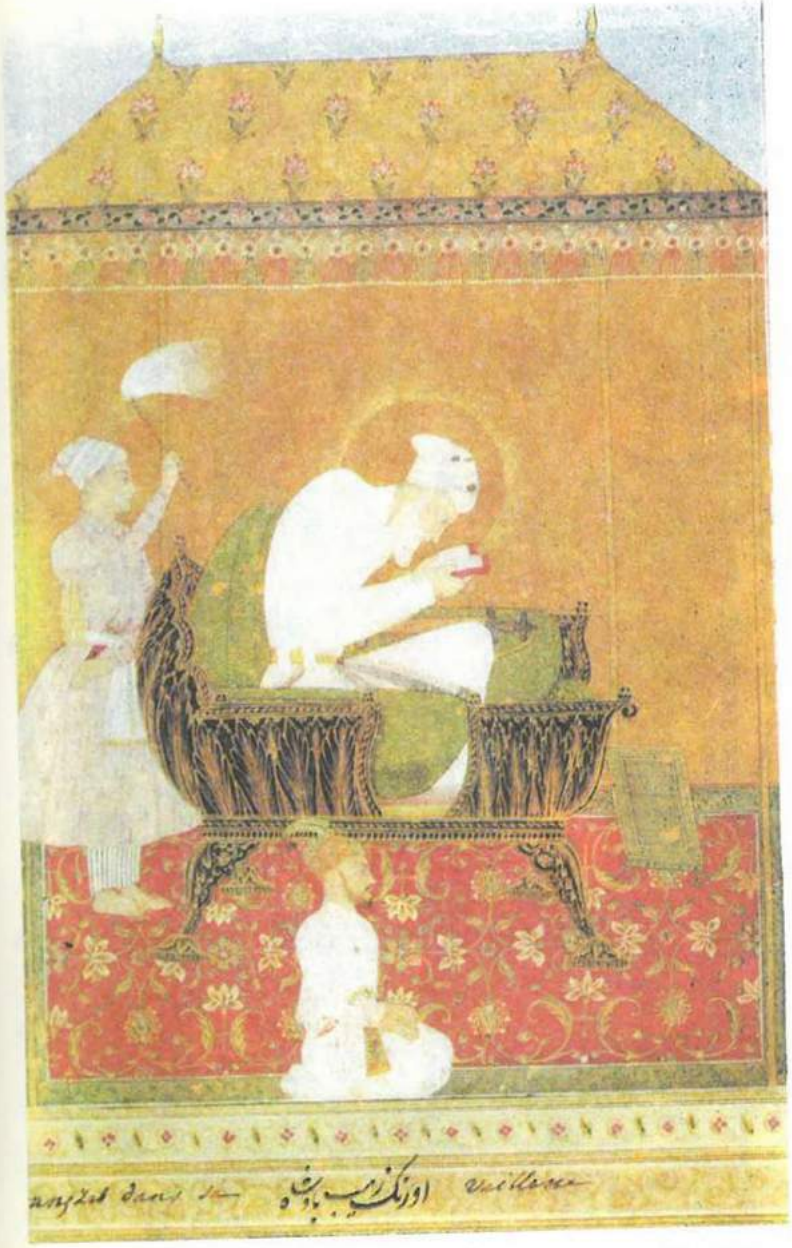
— О дитя мое,— ответила старуха,— оно пришло от моего сына, от которого не было вестей уже десять лет, так что мы перестали надеяться и думали, что он умер. А у него есть сестра, которая плачет по нем и ночью, и днем. «Приведи ко мне того, кто прочитает это письмо,— велела она,— чтобы мое сердце уверилось и успокоился мой ум». А ты знаешь, о дитя мое, что любящие склонны к подозрению, сделай же мне милость, пойди со мною и прочти это письмо, стоя за занавеской, а я кликну его сестру поскорей, и она послушает из-за дверей. Ты облегчишь наше горе. Сказал ведь посланник Аллаха: «Кто облегчит огорченному

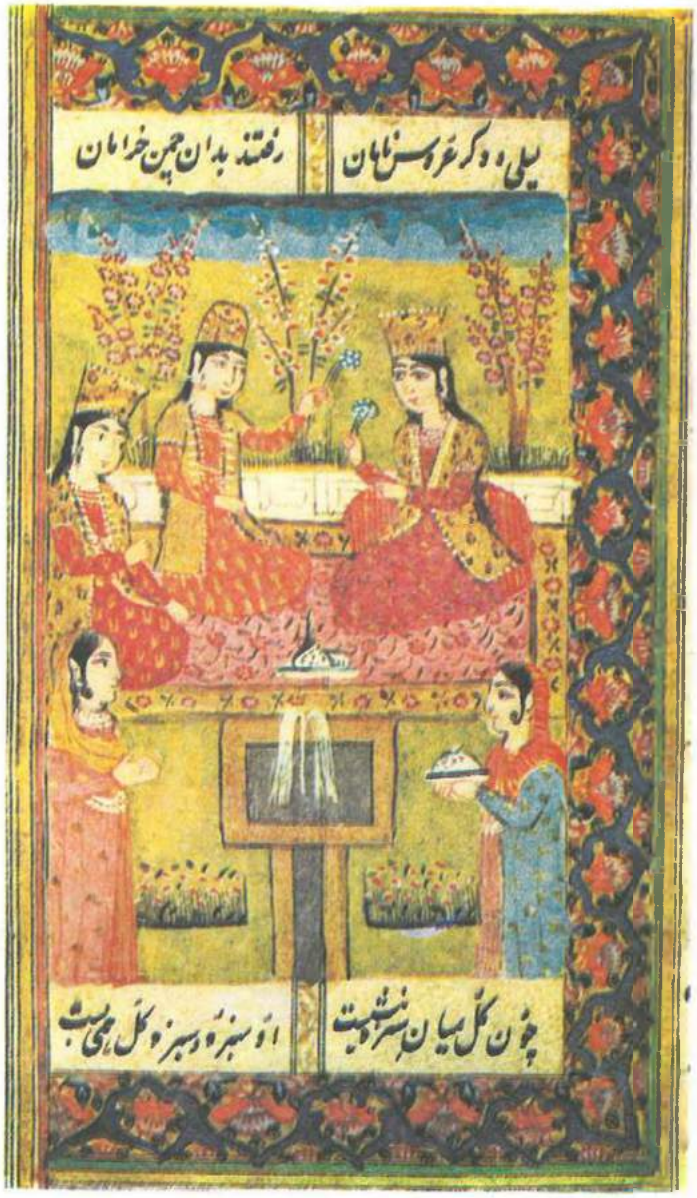


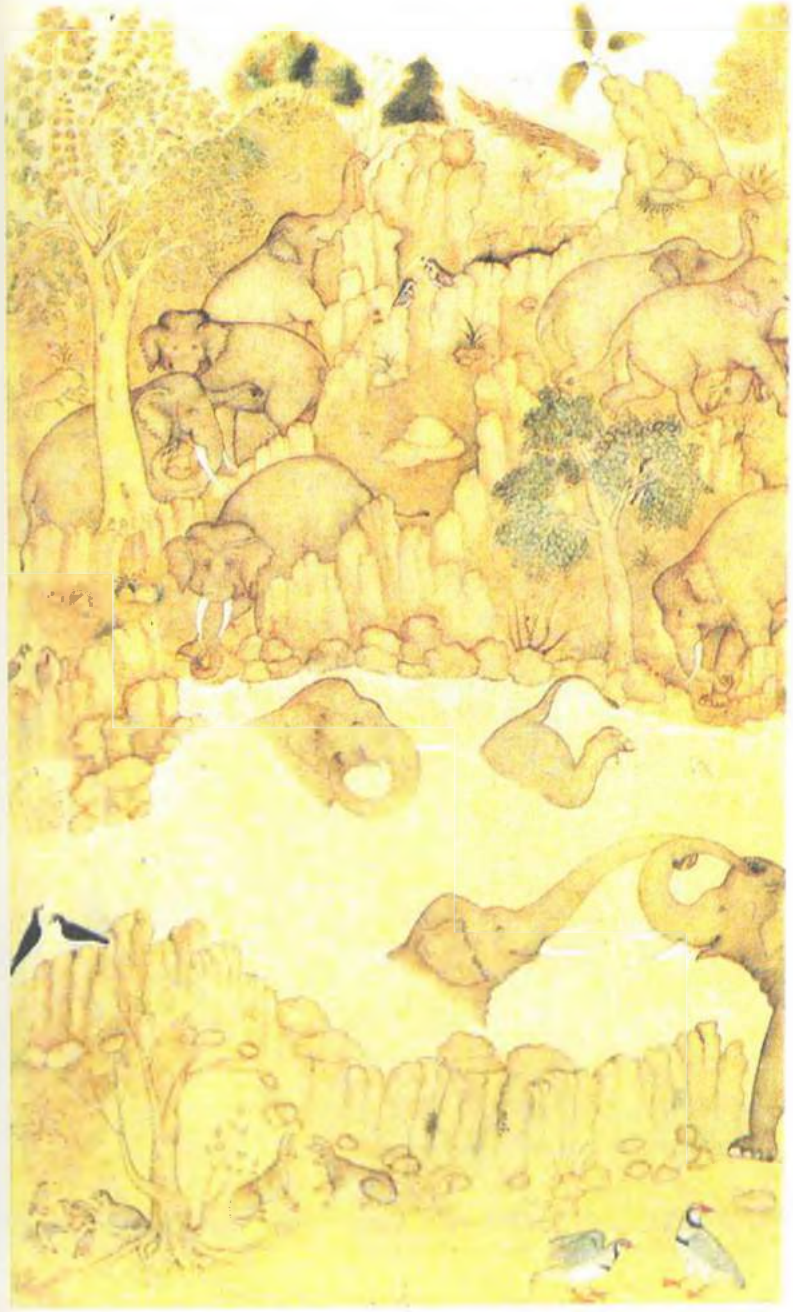


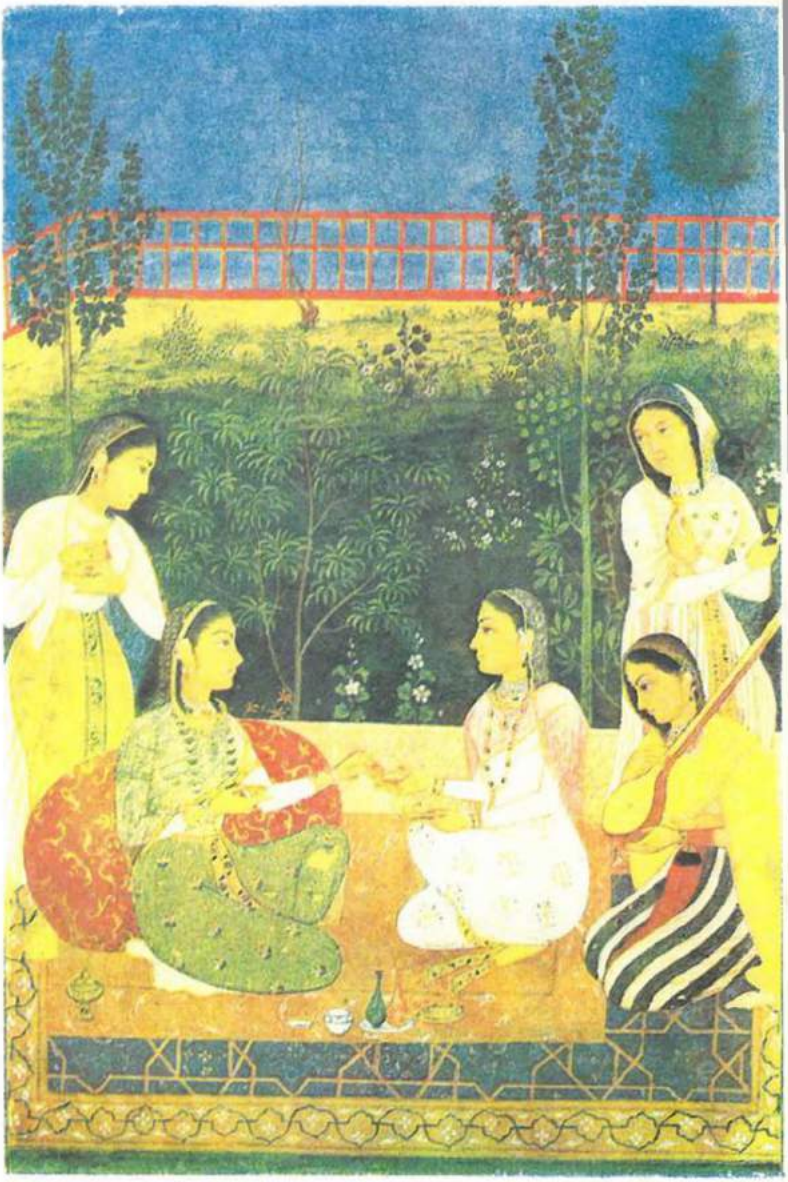





اورنگ زیب بادشاہ


لیلی و مجنون در عروسی نوفل
رفتند بدان چمن خرامان
چون گل میان سبزه نشسته
او سبزه و سبزه گل همی بست





одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах сотню горестей». А другое изречение гласит: «Кто облегчит брату своему одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах семьдесят две горести из горестей». Не обмани же моей надежды.

— Слушаю и повинуюсь, ступай вперед,— сказал я и пошел за нею в ворота красивого большого дома, которые были отделаны полосами красной меди. Старуха крикнула по-иноземному, и не успел я оглядеться, как с легкостью и живостью прибежала какая-то женщина. Платье ее было подобрано до колен, и я увидел пару ног, от которых в глазах меркнет свет. И она была такова, как сказал поэт:

О приподнявшая платье, открывшее ногу,
Дабы влюбленный подумал, что прочее краше,

С чашей в руке выступаешь ты другу навстречу,
Ведь соблазнить нас способны лишь кравчий и чаша.

И ноги ее, подобные двум мраморным столбам, были украшены золотыми браслетами, усыпанными самоцветами. Эта женщина засучила рукава и обнажила руки, так что я увидел ее белые запястья. На руках ее была пара браслетов с большими жемчужинами, а на шее — ожерелье из дорогих камней. В ушах ее сверкали жемчужные серьги, а на голову был накинут платок из полосатой парчи, окаймленный дорогими камнями. Концы рубашки были заткнуты за пояс, как будто она только что работала. Я был ошеломлен, увидев ее,— она походила на сияющее солнце.

— О матушка, это он пришел читать письмо? — спросила она нежным голосом, слаще которого я не слышал.

— Да,— отвечала старуха.

И тогда эта пери протянула мне руку с письмом, а от нее до двери было полшеста расстояния. Я просунул в дверь голову и плечи, чтобы приблизиться к ней и взять письмо, но не успел и глазом моргнуть, как старуха толкнула меня в спину, и я оказался в доме. Старуха вбежала быстрее разящей молнии и мгновенно заперла ворота...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 123-я

Когда же сто двадцать третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша говорил Тадж аль-Мулуку:

— Старуха вбежала быстрее разящей молнии и мгновенно заперла ворота. Девушка, увидев, что я внутри дома, подошла ко мне, прижала меня к груди и опрокинула на землю, потом села на меня верхом и обхватила руками, так что я не мог освободиться. Я не стал противиться, и она повела меня куда-то, а старуха шла впереди с зажженной свечой. Мы миновали семь проходов и вошли в большую комнату с четырьмя портиками, под которыми могли бы играть в мяч всадники. Комната была вся из прекрасного мрамора, устлана шелками. И там были две скамейки из желтой меди и ложе из червонного злата, украшенное богато жемчугами и драгоценными камнями, и сиденья, покрытые парчой. Это был дом благоденствия, подходящий лишь для такого царя, как ты, Тадж аль-Мулук.

— О Азиз,— спросила меня эта девушка,— что тебе милее, смерть или жизнь?

— Жизнь,— ответил я.

И она сказала:

— Если жизнь тебе милее, женись на мне.

— Мне противно жениться на такой, как ты! — воскликнул я.

Но она ответила:

— Если ты на мне женишься, то спасешься от дочери Далилы-Хитрицы.

— А кто такая дочь Далилы-Хитрицы? — спросил я.

И она, смеясь, воскликнула:

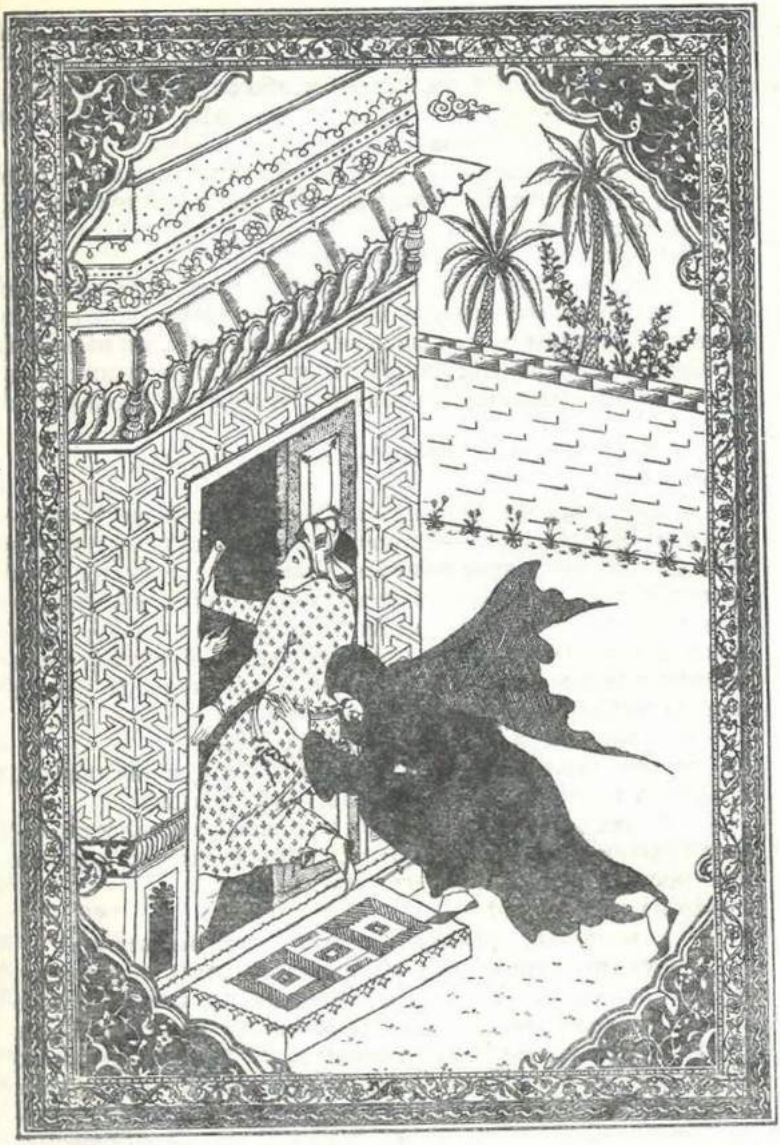
— Это та, с кем ты дружишь к сегодняшнему дню год и четыре месяца, да погубит ее Аллах великий и да пошлет ей того, кто сильнее ее! Клянусь Аллахом, нет никого коварнее ее! Скольких людей она убила до тебя и сколько натворила зла! Как это ты уцелел, продружив с нею все это время, и как она тебя не убила и не причинила тебе горя?

Услышав ее слова, я до крайности удивился и воскликнул:

— О госпожа моя, от кого ты узнала о ней?

— Я знаю ее так, как время знает свои несчастья,— ответила она,— но мне хочется, чтобы ты рассказал мне все, что у тебя с ней случилось, и я могла бы узнать, почему ты спасся.

И я рассказал ей обо всем, что произошло у меня с той женщиной и с дочерью моего дяди Азизой, и она призвала на мою сестру милость Аллаха, и глаза ее прослезились. Услышав о смерти Азизы, она воскликнула:



— На пути Аллаха погибла ее юность! О Азиз, она умерла, а между тем она — твоя спасительница от дочери Далилы-Хитрицы. Я боюсь за тебя, ибо она очень коварна, но мой рот закрыт, и я не могу говорить. Не найдется больше такой, как Азиза!

— А перед смертью,— добавил я,— она завещала мне сказать той женщине такие слова: «Верность прекрасна, измена ужасна».

Услышав это, женщина вскричала:

— Клянусь Аллахом, о Азиз, именно эти слова и спасли тебя! Теперь мое сердце успокоилось: она уже не убьет тебя. Клянусь Аллахом, я желала тебя день ото дня, но не могла овладеть тобой раньше, лишь теперь, когда моя хитрость удалась. Ты наивен, не знаешь коварства женщин и старух.

— Нет, клянусь Аллахом! — воскликнул я.

И она сказала:

— Успокой свою душу и глаза! Мертвый смирен, а живому будет милость! Ты — красивый юноша, и я хочу иметь тебя только по установлениям Аллаха и его посланника (да благословит его Аллах и да ниспошлет мир ему). Отныне чего бы ты ни захотел: денег или тканей — все у тебя будет, и я не стану ничем утруждать тебя. И хлеб у меня испечен тоже всегда, и в кувшине всегда вода. Я только хочу от тебя, чтобы ты любил меня.

— А как мне любить тебя? — спросил я.

Тут она засмеялась, захлопала в ладоши, и так сильно, что упала навзничь, а потом села и воскликнула:

— О свет моих глаз, разве ты не знаешь ремесла любовника? Теперь я хочу от тебя, чтобы ты затянул пояс, укрепил решимость и любил меня изо всей мочи.

И она крикнула:

— О матушка, приведи тех, кто у тебя находится.

Старуха пришла с четырьмя правомочными свидетелями, держа в руках кусок шелковой материи. Она зажгла четыре свечи, и свидетели, войдя, приветствовали меня. Тогда девушка встала, закрылась плащом и уполномочила одного из свидетелей заключить брачный договор. И они сделали запись. А она засвидетельствовала, что получила все приданое, предварительное и последующее, и что на ее ответственности десять тысяч дирхемов моих денег...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 124-я

Когда же сто двадцать четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Азиз продолжал свой рассказ:

— Девушка засвидетельствовала, что получила все приданое и что на ее ответственности десять тысяч дирхемов моих денег. Затем она дала свидетелям плату, и они ушли. И тогда женщина удалилась, а вернулась в тонкой рубашке, обшитой золотой каймой, и за руку меня взяла и возвела на ложе, говоря:

— В дозволенном нет греха.

А потом мы проспали до утра, и я хотел выйти, но она сказала, смеясь:

— Ой, ой! Ты думаешь, что входят в баню так же, как выходят из нее. Ты, наверное, считаешь меня такой же, как дочь Далилы-Хитрицы. Берегись таких мыслей! Ты ведь мой муж по писанию и установлению, а если ты пьян, то отрезвись и образумься! Этот дом, где ты находишься, открывается лишь на один день каждый год. Встань и посмотри на большие ворота.

Я пошел к большим воротам и увидел, что они заперты и заколочены гвоздями.

— О Азиз,— сказала она,— у нас хватит муки, крупы, плодов, сахару, мяса и прочего на много лет. Я знаю, что ты увидишь себя выходящим отсюда не раньше, чем через год.

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! — воскликнул я.

— А чем же тебе здесь плохо? — спросила она и засмеялась.

Я тоже засмеялся и послушался ее. И я стал у нее жить. жизнь моя была неплоха, я исполнял ремесло петуха ел, пил и любил, пока не прошло двенадцать месяцев А когда год исполнился, у нас родился сын.

В начале следующего года я услышал, что открывают ворота. Стали нести в дом хлеб, муку и сахар. Я хотел выйти, но она сказала мне:

— Потерпи до вечерней поры — как вошел, так и выйди

Я дождался вечера и хотел выйти, испуганный и устрашенный, как вдруг она говорит:

— Клянусь Аллахом, я не дам тебе выйти, пока не возьму с тебя клятву, что ты вернешься сегодня раньше чем запрут ворота.

Я согласился. Она заставила меня поклясться мечом, Священным Писанием и разводом. Затем я вышел и отправился в тот сад. Я увидел, что ворота его открыты, как всегда, поэтому рассердился и подумал: «Я отсутствовал целый год, пришел внезапно и вижу, что здесь открыто, как прежде. Я обязательно войду и погляжу, что там происходит (теперь ведь время вечернее), а потом пойду к своей матери».

Я пришел в ту комнату и увидел...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 125-я

Когда же сто двадцать пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Азиз говорил Тадж аль-Мулуку:

— Я пришел в ту комнату и увидел, что дочь Далилы-Хитрицы сидит, положив голову на колени, и цвет ее лица изменился, и глаза впали. Увидев меня, она сказала:

— Слава Аллаху за спасение! — и хотела подняться, но не смогла от радости. А я устыдился этого и опустил голову. А потом я подошел к ней, поцеловал и спросил:

— Как ты узнала, что я приду к тебе сегодня вечером?

— Я не знала об этом,— сказала она.— Клянусь Аллахом, вот уж год, как я не ведаю сладости сна. Каждую ночь с того дня, когда ты от меня ушел, обещая, что сходишь в баню и вернешься, я бодрствую в ожидании тебя. Я просидела, ожидая тебя, первую ночь, и вторую ночь, и третью ночь, а ты появился только теперь, после такого долгого отсутствия. Я постоянно ждала твоего прихода, таков удел влюбленных. Расскажи мне, почему тебя не было весь этот год?

И я рассказал ей. Когда она узнала, что я женился, ее лицо пожелтело.

— Я пришел к тебе сегодня вечером и уйду раньше, чем взойдет день,— сказал я.

А она воскликнула:

— Недостаточно ей того, что она хитростью вышла за тебя замуж и заточила у себя на целый год! Она еще взяла с тебя клятву, что ты вернешься к ней этой ночью. Ее душа

не позволяет тебе повеселиться у твоей матери или у меня! Ей трудно было бы пережить, если бы ты провел у кого-нибудь из нас одну ночь, вдали от нее, так каково же той, от кого ты ушел на целый год! Но да помилует Аллах твою сестру Азизу! С ней случилось то, чего не случилось ни с кем, и она вынесла то, чего никто не вынес, и умерла, обиженная тобою. А ведь это она защитила тебя от меня. Я думала, что ты меня любишь, поэтому отпустила тебя, хотя могла не дать тебе уйти живым и невредимым, так как была в силах заточить и погубить тебя.— Она горько заплакала и посмотрела на меня гневным взором.

Когда я увидел ее такой, у меня затряслись поджилки.

— Нет мне больше от тебя проку,— сказала она,— после того, как ты женился и у тебя появился ребенок. Ты не годишься для дружбы со мною, так как женатый мужчина не приносит нам никакой пользы. Ты продал меня за этот вонючий пучок цветов! Клянусь Аллахом, я опечалю эту распутницу: ты не достанешься ни мне, ни ей!

Потом она издала громкий крик, и не успел я опомниться, как пришли десять невольниц и бросили меня на землю. Когда я оказался у них в руках, она поднялась, взяла нож и воскликнула:

— Я зарежу тебя, как режут козлов, и это будет тебе самым малым наказанием за то, что ты сделал со мною и со своею сестрою.

Увидав, что рабыни точат нож, я уверился в своей смерти...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 126-я

Когда же сто двадцать шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Азиз рассказывал:

— Увидев, что рабыни точат нож, я уверился в своей смерти и стал молить эту женщину о пощаде, но она сделалась еще более жестокой и приказала скрутить меня. Они били меня, пока я не обеспамятел и не ослаб мой голос, а очнувшись, я подумал: «Поистине, умереть зарезанным лучше и легче, чем вынести эти побои!» И я вспомнил

слова моей сестры, которая говорила: «Да избавит тебя Аллах от ее зла!» — и стал кричать, пока не прервался мой голос и у меня не осталось ни звука, ни дыхания. Потом она сказала невольницам:

— Обнажите его!

И вдруг владыка внушил мне произнести те слова, которые говорила моя сестра, завещая мне их.

— О госпожа,— воскликнул я,— разве ты не знаешь, что верность прекрасна, а измена ужасна?

И, услышав это, она воскликнула:

— Да помилует тебя Аллах, о Азиза! Клянусь, она была тебе полезна при жизни и после смерти, она спасла тебя от моих рук при помощи этих слов. Но я не могу пустить тебя невредимым и непременно должна оставить на тебе след, чтобы причинить горе той распутнице, которая украла тебя у меня.— Она крикнула невольницам и велела им связать мне ноги веревкой.

Потом ушла и вернулась с медной сковородкой, которую подвесила над жаровней с огнем, налила туда масла и поджарила в нем серу. Затем подошла ко мне с бритвой, распустила на мне одежду... От сильной боли я потерял сознание. Она прижгла мне рану, натерла ее порошком, а когда я пришел в себя, кровь уже остановилась.

Женщина велела невольницам развязать меня, дала мне выпить кубок вина, а потом сказала:

— Иди теперь к той, на которой ты женился и которая поскупилась отдать мне одну ночь! Да помилует Аллах твою сестру, которая была виновницей твоего спасения и не открыла своей тайны. Если бы ты не произнес ее слов, я, наверное бы, тебя зарезала! Уходи сейчас же, к кому хочешь! Теперь у тебя не осталось для меня ничего, ты стал как женщина. Мне нет до тебя охоты, и ты мне не нужен! Поднимайся, пригладь себе волосы и призови милость Аллаха на сестру свою!

Она пнула меня ногой, и я встал и медленно пошел, пока не дошел до дома своей жены и не свалился в дверях.

Моя жена вышла, и подняла меня, и внесла в комнату, и увидела, что я стал как женщина. Я погрузился в сон, а проснувшись, увидел, что брошен у ворот сада...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 127-я

Когда же сто двадцать седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Азиз продолжал свой рассказ:

— Я погрузился в сон, а очнувшись, увидел, что брошен у ворот сада. Я поднялся, стеная и охая, пришел к моему жилищу и, войдя в него, увидел мою мать плачущей по мне. Я кинулся к ней, а она, узнав меня, поняла, что я нездоров, так как мое лицо стало желтым и черным.

Тут я вспомнил о сестре моей и добре, которое она для меня сделала, и уверился, что она меня любила, и заплакал, и моя мать тоже плакала.

— О дитя мое, твой отец умер,— сказала моя мать.

И тогда я еще больше расстроился, так что лишился чувств, а очнувшись, посмотрел на то место, где сиживала сестра моя, и почувствовал себя совершенно несчастным.

— Не стану никогда ни о ком думать, кроме сестры моей,— сказал я матери.— Я заслужил все то, что со мной случилось, раз я пренебрег ею, хотя она меня любила.

— Что же с тобой случилось? — спросила моя мать.

Я рассказал ей все, что со мной произошло, и она немного поплакала, а затем принесла мне поесть, и я поел, и выпил, и повторил ей свою повесть.

— Слава Аллаху,— воскликнула моя мать,— что с тобой случилось только это и она тебя не зарезала!

Потом мать принялась меня лечить и поить лекарствами, пока я не исцелился и не стал вполне здоров. Тогда она сказала мне:

— О дитя мое, сейчас я вынесу тебе то, что твоя двоюродная сестра дала мне на хранение. Азиза взяла с меня клятву, что я не покажу тебе ее раньше, чем увижу, что ты вспоминаешь свою двоюродную сестру и что разорвана твоя связь с другой. Теперь я знаю, что эти условия будут соблюдены.

Она встала и, открыв сундук, вынула оттуда лоскут с изображением этих газелей (это был именно тот, который я раньше подарил Азизе). Взяв его, я увидел, что на нем написаны такие стихи:

Кто, красавица, сердце твое от меня отвратил?
Пораженный любовью последних лишается сил.

Если все ты забыла с тех пор, как с тобой мы в разлуке,
То — свидетель Аллах! — я с тех пор ничего не забыл.

Прочитав эти стихи, я горько заплакал и стал бить себя по щекам, а когда я развернул лоскут, то из него выпала записка, в которой было написано: «Знай, о брат мой, я освободила тебя от ответа за мою кровь и надеюсь, что Аллах поможет тебе соединиться с той, кого ты любишь. Но если с тобой случится что-нибудь из-за дочери Далилы-Хитрицы, не ходи опять к ней и ни к какой другой женщине, терпи свою беду. Не будь твой срок долгим, ты бы, наверное, давно погиб. Но слава Аллаху, который назначил мой день раньше твоего. Привет мой тебе. Береги этот лоскут, на котором изображены газели, не оставляй его и не расставайся с ним: этот рисунок развлекал меня, когда тебя со мной не было...»

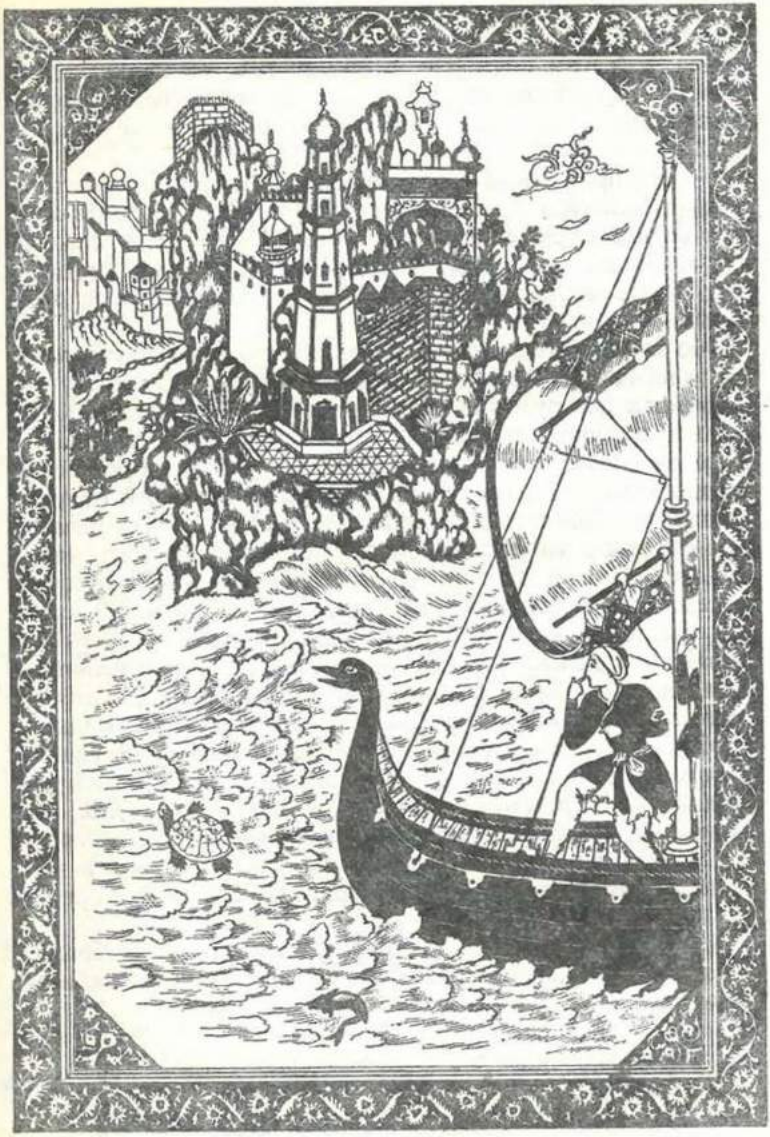
Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 128-я

Когда же сто двадцать восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Азиз говорил Тадж аль-Мулуку:

— Я прочитал написанное на лоскуте сестрой: «Этот рисунок развлекал меня, когда тебя со мной не было. Заклинаю тебя Аллахом, если ты овладеешь той, что нарисовала газели, держись потом от нее подальше, не давай ей к тебе приблизиться и не женись на ней. Если же она не достанется тебе и ты не сможешь овладеть ею, не приближайся ни к одной женщине. Знай, создательница этих газелей рисует их ежегодно и посылает в отдаленнейшие страны, чтобы распространилась весть о ней и о прекрасной ее работе, которую бессильны выполнить жители земли. К твоей возлюбленной, дочери Далилы-Хитрицы, случайно попал этот лоскут, и она стала поражать им людей, говоря: «У меня есть сестра, которая это вышивает». Но она лгунья, разорви Аллах ее покров! Вот тебе мое завещание, и я оставляю его тебе лишь потому, что знаю: мир будет для тебя тесен после моей смерти. Может быть, ты удалишься на чужбину и услышишь о той, что вышила этот образ, и тогда твоя душа пожелает узнать ее. Ты вспомнишь меня, но от этого не будет тебе пользы — ты узнаешь мне цену только после моей смерти. И знай, что создательница газелей — дочь царя Камфарных островов».



Прочитав эту записку, я заплакал, и моя мать заплакала из-за моих слез. Я все смотрел на листок бумаги и плакал, пока не пришла ночь. Так я провел год, когда же купцы из моего города снарядились в путь (а это те люди, с которыми я еду в караване), моя мать посоветовала мне собраться и поехать с ними.

— Расправь свою грудь, брось эту печаль, отлучись на год, два или три, пока не вернется караван, быть может, твое сердце развеселится и прояснится твой ум,— сказала она и до тех пор уговаривала меня ласковыми словами, пока я не собрал свой товар и не отправился с купцами.

Но за все путешествие у меня никогда не высыхали слезы, и на всякой остановке я разворачивал этот лоскут и, вспоминая сестру свою, плакал по ней. Она любила меня великой любовью и умерла в горе из-за меня, так как я делал ей только зло, а она делала мне только добро. Когда купцы вернутся, я вернусь вместе с ними, и моей отлучке исполнится ровно год, который я провел в великой печали. Мои заботы и горести возобновились еще и оттого, что я проезжал мимо Камфарного острова и янтарного замка, там их семь таких островов. Правит там царь по имени Шахраман, у которого есть дочь Ситт Дунья. Мне сказали, что она вышивает газелей, и те, которые у меня, из ее вышивок. Когда я узнал об этом, возросло мое горе, и я потонул в море печальных раздумий. Сжигаемый огнем, я стал плакать о себе, так как я сделался подобен женщине и мне уже не придумать никакой хитрости, раз у меня не осталось той принадлежности, что бывает у мужчин. И с того дня, как я покинул Камфарные острова, глаза мои плачут и сердце мое в печали. Не знаю, можно ли мне вернуться в мой город и умереть подле моей матери, или нет. Я уже пресытился [illegible]знью.

И он стал стонать и причитать, и взглянул на изображение газели, и слезы в глазах его заблестели, и потекли по щекам их потоки, и он произнес такие строки:

Мне говорили: «Дай время — промчится беда».
Я с нетерпеньем спросил: «Но когда же? Когда?»

«Время придет»,— говорят. Я в ответ возражаю:
«Довод ваш слаб. Как мне ждать, коль торопит нужда?»

Вот моя повесть, о царь.

ТАДЖ АЛЬ-МУЛУК

(Продолжение)

Ночь 129-я

Когда же сто двадцать девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Тадж аль-Мулук, услыхав историю юноши, очень удивился, и сердце его затрепетало, когда он услышал о прелести Ситт Дуньи и узнал, что она вышивает газелей, и его великая страсть и любовь одолели.

— Аллах свидетель,— сказал он юноше,— с тобой приключилось то, что еще ни с кем не приключалось, но Бог подарил тебе жизнь и ты не должен ею пренебрегать... Поведай мне, как ты увидел женщину, которая вышила газель.

— О мой господин,— начал Азиз свой рассказ,— я проник к ней с помощью хитрости. После прибытия в ее город я ходил гулять в густой сад. Сторожевал там древний старик. Я спросил у него, чей это сад?

— Это сад Ситт Дуньи,— молвил старик,— царской дочери. Мы стоим сейчас возле ее дворца. В сад она выходит через потайную дверь, гуляет среди цветов и наслаждается их запахом.

— Будь добр,— попросил я,— позволь мне подождать в саду, пока она не пройдет мимо меня, хоть разочек хочу на нее взглянуть.

Старик согласился. Я дал ему несколько монет и попросил купить нам что-нибудь поесть.

С довольным видом он взял деньги. Мы пошли и вскоре оказались в одном уютном местечке.

— Подожди меня, я схожу и принесу немного еды,— молвил старик.

Вскоре он вернулся, неся жареного ягненка, и мы хорошо подкрепились, и мне очень захотелось увидеть ту девушку. Вдруг дверь открылась, тогда старик велел, чтобы я спрятался. И только я это сделал, как в дверях появился черный евнух и спросил:

— Слушай, старик, с тобой никого нет?

— Никого,— ответил старик.

И евнух приказал:

— Запри ворота в сад.

Старик запер ворота, и тут из потайной двери вышла Ситт Дунья; когда я узрел ее, то мне почудилось, что это

луна засияла на небосклоне. Какое-то время я любовался ею и чувствовал, что меня к ней тянет, словно жаждущего к прозрачному источнику; вскоре она скрылась во дворце через потайную дверь. Выйдя из сада, я направился на постоялый двор; я понимал, что не гожусь ей как мужчина... Кроме того, она — царская дочь, а я простой купец, разве я смогу достичь такой красавицы или ей подобной?

Когда мои товарищи собрались в дорогу, я собрался вместе с ними, и мы направились в здешние места, где и встретили тебя. Вот моя повесть и то, что со мною случилось и как все в конце получилось.

Услыхав рассказ юноши, Тадж аль-Мулук воспылал такой страстью к Ситт Дунье, что не мог найти себе места. Он вскочил на коня и, взяв юношу с собой, возвратился в город к своему отцу; там он поселил юношу в хорошем доме, обеспечил его пищей, питьем и одеяниями, а сам отправился к себе во дворец, вспоминая по дороге рассказ о Ситт Дунье. Слезы бежали по его щекам, ибо услышанные речи — замена лицезрения и встречи. В таком состоянии Тадж аль-Мулук оставался до тех пор, пока не встретился с отцом, который увидел, что лицо сына изменилось, по щекам его текут слезы и сам он очень похудел. И тогда царь спросил:

— О сын мой родной, скажи мне, что с тобой, почему на тебе лица нет и ты выглядишь таким изможденным?

Тадж аль-Мулук обо всем рассказал ему, отметив, что хотя и не видел Ситт Дунью, но полюбил ее всем сердцем.

— О сын мой,— произнес отец,— ее отец — царь, и земли его от нас далеко! Позабудь о ней, войди во дворец твоей матери...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 130-я

Когда же сто тридцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, отец говорил Тадж аль-Мулуку:

— О сын мой, ее отец — царь, и земли его от нас далеко. Позабудь о ней, войди во дворец твоей матери и увидишь там [illegible] лучезарных невольниц; выбирай любую. А если

хочешь, то женим тебя на какой-нибудь царской дочери, которую мы знаем.

— О отец,— ответил Тадж аль-Мулук,— никакой другой мне не надо. Я хочу обладать той, что вышила газель, иначе я уйду в пустыню и покончу с собой.

— Хорошо, потерпи, пока я не пошлю к ее отцу и не посватаю ее,— согласился царь.— Я исполню твое желание, и, может, Аллах будет к тебе благосклонен. Если же ее отец не даст согласия, тогда я соберу громадное войско и сокрушу его царство.

Затем он призвал к себе Азиза и молвил:

— О дитя мое, ты знаешь туда дорогу? Поедешь туда с моим вазиром.

— Слушаю и повинуюсь, о владыка владык! — ответил Азиз.

После этого царь позвал вазира и распорядился:

— Придумай план действия, отправляйся на Камфарные острова и сосватай царскую дочь за моего сына.

— Слушаю и повинуюсь,— сказал вазир.

А страсть Тадж аль-Мулука усилилась еще больше, и он снова не находил себе места, такой долгой казалась ему отсрочка. А когда над ними спустилась ночь, он стал сетовать, стонать, пролил потоки слез и такие стихи произнес:

Ночной опускается мрак, войска моих слез велики,
В душе разгорелась любовь, как тлеющие угольки.

Вы можете ночи спросить, они вам охотно расскажут,
Что мучает душу мою, помимо любовной тоски.

Окончив говорить, он лишился чувств и пришел в себя только утром. Тогда явился слуга и позвал его к отцу. Увидав бледное лицо сына, царь начал его просить, чтобы успокоился и потерпел немного, скоро царевна будет сосватана; затем он снарядил в дорогу вазира и Азиза, нагрузив их подарками.

Много дней и ночей ехали они, пока не прибыли к Камфарным островам, остановившись на берегу реки. Потом вазир послал гонца, чтобы сообщил царю об их прибытии. Прошел час, и придворные царя были уже возле них, и сопроводили их к царю. Гости поднесли ему подарки и пробыли во дворце три дня. На четвертый день вазир предстал перед царем и рассказал ему, с какой целью они прибыли. Царь не знал, что и ответить, ведь его дочь не желала выходить замуж. Опустив голову, он некоторое

время просидел в раздумьях, потом подозвал к себе евнуха и произнес:

— Отправляйся к твоей повелительнице Дунье, расскажи, с чем прибыл этот вазир.

Вскоре евнух вернулся и сообщил:

— О владыка владык! Когда Ситт Дунья обо всем узнала, то во гневе хотела размозжить мне голову палкой, но я убежал. Она крикнула мне вслед: «Если отец заставит меня выйти замуж, я погублю того, за кого выйду, а потом покончу с собой».

— Теперь вы осведомлены, что к чему,— молвил царь.— Поведайте об этом царю и передайте от меня привет. Моя дочь не любит мужчин и ни за кого не выйдет замуж...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 131-я

Когда же сто тридцать первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, повелитель Шахраман говорил вазиру и Азизу:

— Передайте от меня царю привет и поведайте ему, что моя дочь сторонится мужчин и ни за кого не выйдет замуж.

И они ушли, и возвратились к своему царю, и рассказали ему обо всем.

Тогда царь приказал военачальникам собирать войска и готовиться к войне, но вазир остановил его:

— О великий царь, не нужно этого делать, тот царь не виноват. Когда его дочь узнала о сватовстве, то заявила: «Если отец заставит меня выйти замуж, я погублю того, за кого выйду, а потом покончу с собой».

Услыхав слова вазира, царь испугался за жизнь Тадж аль-Мулука и молвил:

— Если я начну воевать с ее отцом, а она потом убьет себя и моего сына, то нет смысла все это затевать.

И царь поставил Тадж аль-Мулука в известность, и тот сказал:

— Отец мой, терпение мое иссякает! Я пойду в те земли и постараюсь сблизиться с Ситт Дуньей, если мне даже будет уготовлена смерть, но ничего плохого обещаю не делать.

— А какой у тебя есть план? — спросил царь, и Тадж аль-Мулук ответил, что переоденется купцом.

— Тогда, если другого выхода нет,— продолжал царь,— возьми себе в спутники вазира и Азиза.

Потом он дал сыну денег да еще товаров на сто тысяч динаров. Тадж аль-Мулук поблагодарил и отправился в дом Азиза, чтобы остаться там на ночь. Сердце царевича было пленено, сон и пища были не милы, в голову лезли разные мысли и страсть к любимой снедала тело. И он прибег к Творцу, чтоб тот послал ему встречу с нею, и он пролил потоки слез и произнес:

Погодим, может статься, сойдемся опять,
Я кляну мою страсть и хочу вам сказать:

«Я о вас вспоминаю в безмолвные ночи,
Вы украли мой сон, когда надобно спать».

Затем он зарыдал, и Азиз зарыдал вместе с ним, когда вспомнил дочь своего дяди, и так они прорыдали до самого утра. Потом, облекшись в дорожные одежды, царевич пошел во дворец к своей матери и рассказал ей обо всем. Она дала ему пятьдесят тысяч динаров и попрощалась с ним, пожелав ему удачи и счастливой встречи с любимой. После этого Тадж аль-Мулук пошел к своему отцу и попросил разрешения отправляться в дорогу, и отец благословил его и дал ему еще пятьдесят тысяч динаров. Тадж аль-Мулук приказал поставить за городом шатер, в котором он пробыл два дня, а затем уехал.

Царевич подружился с Азизом и не уставал повторять:

— О брат мой, мне тяжело будет расставаться с тобой.

— И мне также,— отвечал Азиз,— я готов умереть подле твоих ног, о брат мой, но сердце мое не покидают мысли о матери.

— Когда мы достигнем желаемого, все образуется само собой,— говорил Тадж аль-Мулук.

Они ехали и ехали, и вазир напоминал Тадж аль-Мулуку, что нужно быть стойким, а Азиз развлекал его сказками и побаснями, и пересказывал летописи и разные истории, и так шли они своим путем ночью и днем в течение двух полных месяцев. Дорога казалась Тадж аль-Мулуку очень долгой, а страсть разгоралась в нем все сильнее.

И вот в один прекрасный день солнце засияло над ними, и вдали что-то засверкало.

— Что это там сверкает? — спросил царевич юношу.

— О мой господин,— ответил Азиз,— это хрустальная крепость, а за ней — тот город, куда мы держим путь.

И Тадж аль-Мулук обрадовался, и они мчались во весь опор до тех пор, пока издалека не показался город, и печаль царевича исчезла. В обличии купцов они вошли в город (а царевич выглядел как знатный купец) и пришли на постоялый двор, где обычно останавливались купцы. Они развьючили верблюдов и отнесли вещи и товары в кладовые. Путешественники отдыхали на постоялом дворе четыре дня, затем вазир предложил снять просторный дом, и Тадж аль-Мулук последовал его совету. Поселившись в новом месте, вазир с Азизом начали придумывать для Тадж аль-Мулука план действий, а царевич нетерпеливо ходил из угла в угол, не зная, что предпринять. В конце концов вазир нашел нужный способ. Он сказал, обращаясь к царевичу и Азизу:

— Сидя здесь, мы ничего не высидим. Мы должны снять для тебя, о Тадж аль-Мулук, лавку на рынке, ты будешь сидеть в ней и торговать тканями, ибо они нужны и вельможе, и простолюдину. Азиза сделай своим приказчиком, пусть находится рядом с тобой и подает тебе отрезы тканей.

— О, это чудесный план! — воскликнул Тадж аль-Мулук.

Потом он облекся в дорогие купеческие одежды и пошел, а его слуги следовали за ним; одному слуге он дал тысячу динаров, чтобы снял лавку и устроил все, как надо. Вскоре они пришли на рынок.

И когда купцы увидели, как красив и прелестен Тадж аль-Мулук, они были поражены. Одни говорили:

— Воистину, ангел. Ридван отворил райские врата, а затворить забыл, и оттуда вышел этот прекрасный юноша.

Другие им вторили:

— Наверное, перед нами ангел небесный.

Подойдя к купцам, прибывшие спросили, где находится лавка старосты, и им показали, и они пришли туда, и приветствовали его, и староста вместе с другими купцами предложил им сесть, оказывая всяческие знаки внимания. Увидав, что юные Тадж аль-Мулук и Азиз находятся в обществе вазира, человека пожилого и почтенного, они говорили один одному:

— Вероятно, этот старик — отец этих двух юношей.

И вазир также увидел, что староста — человек, достойный уважения, степенный старец, в распоряжении которого есть много слуг и невольников, белых и черных.

Посадив гостей рядом с собой, староста спросил:

— Имеете ли вы какую-либо нужду, чтобы мы были счастливы помочь вам?

— Да,— ответил вазир.— Я уже согнут под бременем лет, и сопровождают меня эти два юноши. Путешествуем мы по разным землям. Когда приходим в какой-нибудь город, я остаюсь там на целый год, чтобы юноши могли освоиться в нем и узнать нравы его жителей. Выбор мой пал на ваш город, и я хочу снять у тебя хорошую, самую лучшую лавку, где юноши научились бы брать, отдавать, покупать, продавать.

Староста ответил, что с этим задержки не будет. При виде юношей он возрадовался и с первого взгляда проникся к ним любовью. Этот староста увлекался смертельно опасными глазками, однако не столько желал дочерей, сколько — сыновей, то есть склонен был к мужеложству.

«Превосходная дичь! Да воздастся тому, кто сотворил таких красавцев из ничтожной капли»,— подумал он и принялся обхаживать их, будто слуга. А затем выбрал для них лавку, стоявшую посреди рынка, самую лучшую лавку — большую, украшенную коврами, с полками из слоновой кости и черного дерева. Потом староста протянул ключи вазиру и, думая, что перед ним старый купец, сказал:

— Возьми их! Пусть благословенны будут твои дети, торгуя в этой лавке.

Вазир взял у него ключи. Затем он, Тадж аль-Мулук и Азиз пришли на постоялый двор и велели слугам перенести в лавку все товары и ткани...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 132-я

Когда же сто тридцать вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вазир взял у старосты ключи, затем он, Тадж аль-Мулук и Азиз пришли на постоялый двор и велели слугам перенести в лавку все товары и ткани, которых было очень много и которые стоили больших денег. Когда приказание было исполнено, они тоже пошли в лавку, сложили там свои вещи и легли спать. Утром вазир повел юношей в баню, где они хорошенько помылись, надушились

и облеклись в богатые одежды. А каждый из юношей был так прекрасен, что, находясь в бане раздетым, подтверждал сказанное поэтом.

А староста узнал, что они пошли в баню, и уже ожидал их возле выхода. И вдруг юноши появились, словно газели... Щеки их покрывал румянец, глаза почернели, а лица сияли, каждый из них был юн, и светились они, как пара ярких лун, были прекрасны, как две плодоносные ветки. Увидев их, староста вскочил на ноги и воскликнул:

— О дети мои, пусть же баня всегда идет вам на пользу!

— Пусть Аллах заботится о тебе, почтеннейший! — ласково ответил Тадж аль-Мулук.— Почему же ты не искупался вместе с нами?..

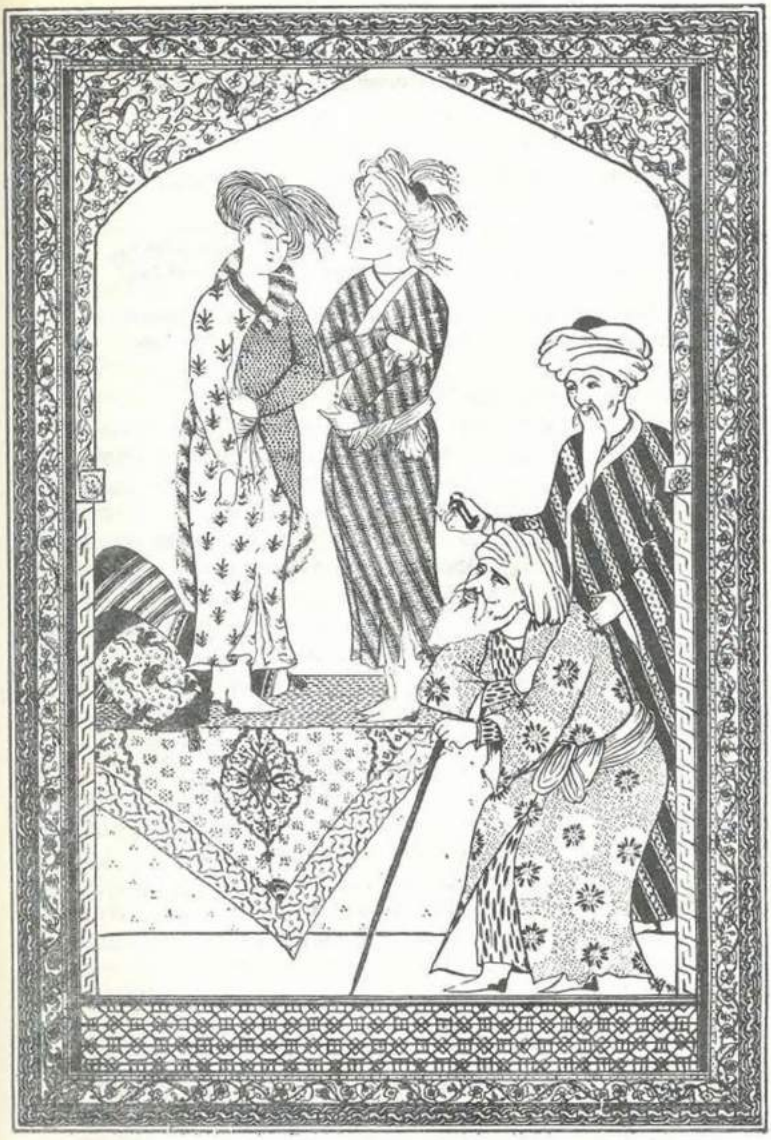
Потом юноши поцеловали старосте руку и пошли впереди него, чтобы сопроводить на рынок, высказав таким образом свое уважение. И когда староста увидел их подрагивающие бедра, в нем поднялась бодро великая страсть, и стал он пыхтеть и хрипеть и не мог больше терпеть... И тут юноши начали его уговаривать пойти с ними в баню во второй раз, и староста, не поверив своим ушам, поспешил за ними, и они зашли в баню, а вазир еще мылся там. Услыхав голоса, он вышел и встретил старосту посреди бани и пригласил помыться вместе с ним, но тот отказался, и тогда Тадж аль-Мулук взял старосту за одну руку, а Азиз — за вторую, и они сопроводили его в соседнюю комнату. И этот гадкий старикашка послушно пошел за ними, снедаемый безумной страстью, и Тадж аль-Мулук сказал, что сам вымоет его, а Азиз сказал, что будет обливать его водой.

Староста для приличия начал отказываться, но вазир обратился к нему с такими словами:

— Они дети твои, пусть вымоют тебя и выкупают.

— Да сбережет их для тебя Аллах! — воскликнул староста.— Клянусь Аллахом, вы принесли благодать и счастье в наш город, когда появились в нем!

И он услышал в ответ слова благодарности, и Тадж аль-Мулук начал мыть его, а Азиз поливать водой. И старосте казалось, что его душа попала в рай. Когда же они кончили его обхаживать, он благословил их именем Аллаха и сел рядом с вазиром, якобы побеседовать с ним, а сам все время не спускал глаз с юношей. Затем слуги подали им полотенца, и они вытерлись, оделись и вышли на улицу, и тогда вазир сказал старосте:



— О почтеннейший, воистину баня — благо жизни!

— Пусть Аллах обратит ее на пользу тебе и отпрыскам твоим и пусть хранит их от сглаза! — воскликнул староста. И он затянул напев и произнес, осмелев:

Как прекрасен огонь, и ожог его сладок для нас,
Оживляет он тело и дух исцеляет подчас.

Славу дому воздай, где цветком распускается радость,
Хоть пылающий жар ярко пышет под ним, не погас.

Кто сей дом посетит, полной чашей отведает счастье
И прольет полной мерой счастливые слезы из глаз.

Эти стихи всем очень понравились. Потом староста пригласил вазира, Тадж аль-Мулука и Азиза к себе в гости, но те вежливо отказались и пошли домой, чтобы отдохнуть после бани. Они поели, выпили и со спокойным сердцем и радостью в душе погрузились в сон. Утром они совершили омовение и помолились Аллаху. Когда взошло солнце и жизнь в городе забурлила, они отправились на рынок и открыли свою лавку. А слуги уже убрали ее по высшему разряду: они устлали пол шелковыми коврами и разложили на них подушки, поставили две скамеечки (а каждая стоила сто динаров) и накрыли их роскошным ковром с золотой каймой. На одну скамеечку сел Тадж аль-Мулук, Азиз сел на вторую, а вазир расположился в центре лавки, а слуги стояли перед ними. Жители города, прослышав о приезжих купцах, поспешили к ним в лавку, и в тот день было продано много разных товаров и тканей, весть о красоте Тадж аль-Мулука разнеслась по всему городу.

И торговали они несколько дней, и люди толпами спешили к лавке. Вазир предупредил Тадж аль-Мулука, чтобы он хранил свою тайну, и оставил его на попечение Азиза, а сам ушел домой — там он хотел в одиночестве обдумать план дальнейших действий. Разговаривая с Азизом, Тадж аль-Мулук все время повторял:

— Может быть, Ситт Дунья пришлет кого-нибудь?

Ни днем, ни ночью Тадж аль-Мулук не знал ни сна, ни покоя, и безумие такое овладело им, что усилилась его страсть и любовная напасть...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же сто тридцать третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Тадж аль-Мулук не знал ни сна, ни покоя, и безумие такое овладело им, что усилилась его страсть и любовная напасть.

И вдруг появилась какая-то старуха в сопровождении двух рабынь. Остановившись у лавки Тадж аль-Мулука и увидев его, она пришла в восторг от его красоты и обаяния.

— Слава тому источнику сил, кто тебя сотворил из ничтожной капли, дабы искусить смотрящих твоей красотой! — воскликнула старуха и добавила, внимательно вглядываясь в юношу: — Нет, это не человек, это ангел небесный.

Подойдя к Тадж аль-Мулуку, она поздоровалась с ним, а он в ответ на ее привет, последовав совету Азиза, поднялся и улыбнулся ей. После этого он усадил старуху рядом с собой и начал обмахивать ее опахалом, чтобы ей не было душно от жары. Отдохнув, старуха спросила:

— О дитя мое, о само совершенство, из наших ли ты земель?

— Аллах свидетель, достойнейшая из достойных,— ласково ответил Тадж аль-Мулук голосом ясным, нежным и прекрасным,— я никогда не был в этих краях и приехал сюда лишь для того, чтобы поторговать и развлечься.

— Почет тебе и уважение! Простор тебе и уют! — воскликнула старуха.— А какие есть у тебя ткани? Покажи что-нибудь покрасивее. Ведь красавцы, подобные тебе, привозят только самое красивое.

После этих слов сердце Тадж аль-Мулука затрепетало, но смысла сказанного он не понял. Когда же Азиз подмигнул ему, он произнес:

— У меня есть все, что душе твоей угодно, я привез ткани, которые к лицу только царям и царским дочерям. Скажи, для кого ты хочешь купить отрез, и я покажу тебе все образцы, которые подойдут этой особе.

— Я хочу купить отрез ткани для Ситт Дуньи, дочери царя Шахрамана.

Когда Тадж аль-Мулук услыхал имя своей возлюбленной, радость озарила его лицо и он велел Азизу:

— Принеси мне вон ту кипу тканей.

Когда Азиз принес кипу и развязал ее, Тадж аль-Мулук предложил старухе:

— Выбери то, что ей к лицу, у других купцов таких тканей не сыскать.

Выбрав ткани на тысячу динаров, старуха спросила:

— Сколько это стоит?

— Цены ничтожны, и я торговаться не стану. Слава Аллаху, что свел меня с тобой!

— Да поможет тебе Аллах! — воскликнула старуха.— Твое лицо ясное и слово прекрасное! На здоровье той, кто уснет в твоих объятьях, и обовьет твой стан, и насладится юностью, если твоя избранница так же, как ты, прекраснее всех и милей.

Тадж аль-Мулук от смеха упал навзничь, воскликнув:

— О исполнитель желаний различных через старух неприличных!

— О дитя мое, скажи свое имя,— молвила старуха.

— Меня зовут Тадж аль-Мулук,— ответил юноша.

— Такое имя больше подобает царям и их сыновьям, а на тебе — одежда купца,— заметила старуха.

— Его родители души в нем не чаяли и потому назвали таким именем,— сказал Азиз.

— Я верю тебе! — воскликнула старуха.— Пусть же Аллах бережет вас от дурного глаза, от зла врагов и козней завистников, даже если красота ваша лишит их покоя.

Затем старуха взяла ткани и пошла, ошеломленная ликом его румяным и стройным станом.

Явившись к Ситт Дунье, она молвила ей:

— О госпожа моя, я принесла тебе чудесную ткань. Посмотри на нее и потрогай.

Когда Ситт Дунья увидела ткань, она изумленно воскликнула:

— О няня, это прекрасная ткань. В нашем городе я ни у кого из купцов таких не видела.

— О госпожа,— ответила старуха,— продавец их еще прекрасней. Кажется, ангел Ридван отворил райские врата и зазевался, неспроста оттуда вышел прекрасный юноша. Я хочу, чтобы сегодня ночью ты приняла его у себя и он заснул бы на твоей груди. Он прибыл в наш город поторговать и повеселиться и искушает своей красотой всех, кто видит его.

После этих слов Ситт Дунья расхохоталась и сказала:

— Да посрамит тебя Аллах, мерзкая старуха! Ты несешь чепуху, ты выжила из ума. Подай мне ткань, я желаю ее хорошо рассмотреть.— Взяв отрез ткани в руки и посмотрев на него второй раз, она увидела, что он не большой, а

цена его высока, но ткань ей пришлась по душе, потому что подобной ей она еще никогда не видела.— Аллах свидетель, это чудесная ткань! — воскликнула она.

— О госпожа,— молвила старуха,— если бы ты лицезрела того, кто продал ее, ты бы убедилась, что он красивейший из людей.

— Ты интересовалась, нуждается ли он в чем-либо? — спросила царевна.— Пусть скажет, и мы исполним его просьбу.

В ответ старуха кивнула головой:

— Сохрани Аллах твою сообразительность! Клянусь Аллахом, он имеет потребность! А кто ее не имеет? Пусть всегда будет ясной твоя голова!

— Отправляйся к нему,— молвила Ситт Дунья,— передай от меня привет и скажи: «Ты осчастливил своим присутствием наш город, и мы исполним все, в чем ты нуждаешься».

И старуха возвратилась к Тадж аль-Мулуку, и сердце его весело затрепетало, и он поднялся ей навстречу и, взяв за руку, усадил подле себя. Присев и отдышавшись, старуха поведала ему о том, что сказала Ситт Дунья. И Тадж аль-Мулука охватило радостное возбуждение. «Моя потребность удовлетворена!» — подумал он и спросил старуху:

— Может, ты передашь ей от меня письмо?

— Слушаю и повинуюсь,— ответила она.

И тут царевич приказал Азизу:

— Эй! подай мне скорей чернильницу, бумагу и медный калам.

И когда Азиз принес ему все это, царевич собственной рукою написал такое:

Надежда моя, я пишу тебе, друг дорогой,
Затем, чтоб сказать, как страдаю в разлуке с тобой.

Здесь в первой строке ты прочтешь, что горит мое сердце,
Вторая — о страсти моей, о печали глухой.

Я в третьей пишу, что и жизнь иссякает, и стойкость,
В четвертой — о том, что любовь постоянно со мной.

А в пятой пишу: неужели тебя не увижу?
Когда ж наша встреча наступит? — пишу я в шестой.

Внизу он написал: «Это письмо пишет тот, кто печалью изможден и в темницу муки заточен, и не может он быть спасен, если близости с любимой не познает он. Ибо

разлука душу его терзает, а любовь пыткой сердце изнуряет».

Затем сложил письмо, запечатал его и отдал старухе, чтобы она отнесла его Ситт Дунье. А еще он дал ей тысячу динаров и сказал:

— О почтеннейшая, прими от меня в подарок эти деньги в знак уважения.

Она взяла динары, воздала хвалу Аллаху и отправилась к Ситт Дунье, которая спросила ее:

— О няня, в чем он нуждается, мы все исполним.

— О достойнейшая из достойных,— ответила старуха,— он передал тебе письмо, а что в нем написано, я не знаю.

Прочитав письмо и поняв его смысл, царевна воскликнула:

— До чего же я докатилась, если этот купец передает мне письма и просит, чтобы я встретилась с ним! — Она несколько раз ударила себя по лицу и продолжала: — Ничего себе, дожилась, что торговцы не дают мне покоя! Ох, ох! Аллахом клянусь, если бы я не боялась гнева Аллаха, то распяла бы торговца на дверях его лавки!

— А почему письмо так растревожило твое сердце и взволновало твой ум? — спросила старуха.— Этот купец жалуется, что его кто-то обидел, или же требует уплатить за ткань?

— Горе тебе! — воскликнула царевна.— Там только слова любви и страсти! Ты во всем виновата, иначе откуда бы этот наглец узнал обо мне?

— О достойнейшая из достойных, ты живешь в высоком дворце, и даже птице трудно долететь к тебе. Пусть никто не причинит тебе вреда, и да будет свободна от укоров и упреков твоя жизнь молодая. Что тебе до собачьего лая, ведь ты госпожа, дочь господина. Не брани меня за то, что я принесла тебе это послание, не зная, что в нем написано. Тебе, однако, лучше было бы ответить ему, пригрозив смертной карой. Запрети ему разглагольствовать — и он поймет, что с тобой шутки плохи.

— Я боюсь одного,— ответила Ситт Дунья,— если я напишу ему, то, наоборот, он еще больше начнет ко мне приставать.

— Когда он услышит угрозы, все ему станет понятно, и он пойдет на попятный.

— Подать мне чернильницу, бумагу и медный калам,—

гневно вскричала царевна и, когда ей все это принесли, собственною рукою написала такое:

О ты, говорящий, что ночи проводишь без сна,
Что горечь тебе и любовная мука дана.

Ты молишь луну, неразумный, о тайном свиданье.
Но разве кому-то из смертных уступит луна?

Послушай совет мой: подумай, к чему ты стремишься?
Будь скромен, иначе беду испытаешь сполна.

Поверь мне, тебя, о несчастный, на пальме повесят,
Когда твоя речь и повадка не будет скромна.

Затем она сложила письмо и вручила старухе с такими словами:

— Передай ему письмо и скажи: «Прекрати эти разговоры».

— Слушаю и повинуюсь,— молвила старуха.

Взяв письмо, она, пребывая в радостном настроении, возвратилась к себе домой и переночевала там, а утром пошла в лавку Тадж аль-Мулука и увидала, что тот весь в ожидании. Когда она приблизилась к нему, он поднялся ей навстречу и, взяв за руку, усадил подле себя. Достав письмо, старуха отдала его юноше и сказала:

— Прочитай внимательно! — И добавила: — Когда Ситт Дунья ознакомилась с твоим письмом, великий гнев охватил ее, но я начала успокаивать ее и шутить, в конце концов она рассмеялась и написала тебе ответ.

Тадж аль-Мулук поблагодарил ее и велел Азизу подарить ей тысячу динаров. Но когда он прочитал письмо и понял смысл, то из глаз его потекли слезы, и старухе стало жаль его, и она не могла видеть его слез и слышать причитаний.

— О дитя мое, почему ты плачешь? — спросила старуха.

— Она угрожает мне смертью, говорит, что распнет меня на дверях лавки, она запрещает мне посылать ей письма. Но в таком случае мне лучше умереть, чем жить. Я напишу ответное письмо, ты передашь ей, а там будь что будет.

— Пусть Аллах сбережет твою молодость! — воскликнула старуха.— Я рискую вместе с тобой, но исполню твое желание и буду способствовать тебе в достижении цели.

— За содействие мне ты будешь вознаграждена,— пообещал Тадж аль-Мулук.— Твои поступки будут мерилом моей благодарности. У тебя есть опыт в обращении

с людьми. Все трудности для тебя прах, а над всякой вещью властен Аллах.

Затем он взял листочек и написал на нем несколько строчек:

Погибель моя! Угрожает мне смертью она,
Но смерть — только отдых, она мне и так суждена.

Влюбленному лучше погибнуть, чем жить горемыкой,
Коль милой лишен и несчастий изведал сполна.

После этого испустил глубокий стон и так неутешно заплакал, что старуха заплакала вместе с ним. Потом она взяла у него листок и молвила:

— Успокой свою душу и освежи глаза. Клянусь, с моей помощью ты достигнешь желаемого...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 134-я

Когда же сто тридцать четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Тадж аль-Мулук заплакал, старуха молвила:

— Успокой свою душу и освежи глаза. Клянусь, с моей помощью ты достигнешь желаемого.

Затем она взяла письмо и отправилась к Ситт Дунье. Прочитав послание, царевна побледнела от гнева и сказала:

— Ведь я говорила тебе, что он и дальше будет ко мне приставать.

— А что значит для тебя этот пес! — воскликнула старуха.

И тогда Ситт Дунья приказала:

— Ступай и передай ему: «Если ты не перестанешь посылать мне письма, я отрублю тебе голову!»

— Напиши ему это в своем письме, дабы он еще больше испугался, а я вручу ему твое послание,— сказала старуха.

Взяв листок бумаги, царевна написала такие стихи:

К Большой Медведице стремишься ты, глупец,
В лицо тебе луна смеется молодая.

На что надеешься, когда стремишься к нам?
Счастливым хочешь быть, наш тонкий стан сжимая.

Затею эту брось, тебе грозит мой гнев,
И голова твоя покатится седая.

Затем она сложила письмо и отдала старухе, и старуха отправилась к Тадж аль-Мулуку. Когда юноша увидел ее, он вскочил на ноги и воскликнул:

— Да благословит тебя Аллах за то, что ты пришла!

— Вот ответ на твое письмо,— молвила старуха.

Прочитав послание, юноша зарыдал и воскликнул:

— Единственное, чего я теперь желаю, это чтобы кто-то лишил меня жизни. Воистину, смерть будет для меня избавлением от мук.

Он взял чернильницу, калам и бумагу и написал следующие строки:

Приди, желанная, не надо нам вражды,
Пойми, возлюбленный в пучине страсти сгинет.

Когда сурова ты, мне невозможно жить,
И мой влюбленный дух вот-вот меня покинет.

Сложив письмо, Тажд аль-Мулук отдал его старухе с такими словами:

— Не гневайся на меня за то, что гоняю тебя туда-сюда безо всякой пользы.— Велев Азизу одарить старуху тысячей динаров, он добавил: — О матушка, за этим письмом последует приговор — или полная близость, или раздор.

— О дитя мое,— ответила старуха,— я желаю для тебя лишь добра и хочу, чтобы она стала твоей, ибо ты глядящий месяц с небосвода, а она солнце в час восхода. Смысл моей жизни теперь заключается в том, чтобы соединить вас. Девяносто лет я прожила на земле коварством и обманом. Так неужели бы я не сумела свести двоих для запретного дела.

Внеся в его душу спокойствие, старуха попрощалась с ним и пошла к Ситт Дунье, спрятав письмо в волосах. Войдя к царевне, она села возле нее, почесала голову и произнесла:

— О госпожа, прошу тебя, поищи у меня в голове, я давно не была в бане.

И Ситт Дунья, закатав по локти рукава, распустила старухе волосы и начала искать у нее в голове, и тут из волос выпал листок бумаги. Тогда царевна спросила, что это такое.

— Видать, когда я была в лавке того купца, этот клочок бумаги запутался в моих волосах. Дай мне его, может, это счет за проданные товары, нужно отнести обратно.

Развернув листок и внимательно прочитав его, Ситт Дунья сказала:

— Эту уловку придумала ты. Не будь ты моей няней, я бы побила тебя. Аллаху было угодно, чтобы купец прибыл к нам, но все остальное твоих рук дело. Я не знаю, откуда появился этот купец, но он первый отважился искать со мной близости. Я боюсь, что об этом станет известно, а он, к тому же, не моей породы и недостоин меня.

— Никто не посмеет осуждать тебя из страха перед твоим гневом и из уважения к твоему отцу,— сказала старуха.— Ответь ему, тут нет ничего предосудительного.

— О няня,— воскликнула Ситт Дунья.— Как мог осмелиться этот отпрыск шайтана искать моей любви, зная, что я царская дочь? Мне трудно принять решение: если прикажу умертвить его — это будет несправедливо, если же оставлю в живых, он еще больше обнаглеет.

— Напиши ему последнее письмо, может быть, тогда он оставит тебя в покое,— посоветовала старуха.

Потребовав, чтобы ей принесли листок бумаги, калам и чернильницу, Ситт Дунья написала такие стихи:

Упреки слышишь ты, тебе и горя нет.
Мне долго ли еще в стихах писать запрет?

Встречая мой отпор, растут твои желанья,
Довольствуйся и тем, что я храню секрет.

Скрывай и ты любовь, открыть ее не вздумай.
А коль начнешь болтать, речей не жди в ответ.

Знай, скоро смерть тебя, жестокая, настигнет,
Исчезнешь под землей,— вот мой тебе завет.

Ты близких в горести покинул, неразумный,
Тебя оплакивать им до скончанья лет.

Затем она сложила письмо, отдала его старухе, и та отправилась с ним к Тадж аль-Мулуку. Когда юноша прочитал послание, ему стало ясно, что у царевны каменное сердце и что он не сможет овладеть ею. И он пошел к вазиру и велел ему хорошенько подумать, как действовать дальше, и вазир молвил:

— Теперь остается один выход: напиши ей письмо и предупреди, что гнев Алаха упадет на ее голову.

— О брат мой Азиз,— сказал Тадж аль-Мулук,— напиши ей вместо меня, может, у тебя лучше получится.

И Азиз взял листок и набросал несколько строк:

Ты знаешь, что воздух мне кажется пламенем ада,
Безжалостна милая, ей не знакома пощада.

Доколе я ласков с ней буду, доколе она
Терзать меня будет, бессильного бить до упада?

Закончив, Азиз отдал письмо Тадж аль-Мулуку, тот прочел его, и оно ему понравилось, и он передал письмо старухе, и она отправилась к Ситт Дунье и вручила ей послание. Прочитав его, царевна во гневе вскричала:

— Все это наваждение случилось благодаря тебе, подлая старуха! — Позвав рабынь и евнухов, она распорядилась: — Схватите эту подлую, мерзкую старуху и побейте ее сандалями!

И они били ее до тех пор, пока та не лишилась чувств, а когда она пришла в себя, царевна сказала:

— О коварная старуха, если бы не страх перед всемогущим Аллахом, я бы приказала забить тебя до смерти! Впрочем, дайте ей еще разок!

И старуху снова начали бить, пока она не обеспамятела, а потом царевна приказала тащить ее за ноги по земле и выбросить за ворота. Старуху схватили, перевернули вниз лицом, выволокли за ворота и бросили там. Через некоторое время она пришла в себя, поднялась и поковыляла к себе домой, то и дело отдыхая по дороге.

Пролежав в своем жилище до утра, она встала, и отправилась к Тадж аль-Мулуку, и рассказала о своих злоключениях, и царевич, жалея ее, молвил:

— Мне больно, почтеннейшая, слышать о том, что приключилось с тобой, но все в этом мире предопределено.

— Успокой свою душу и освежи глаза,— сказала старуха. — Клянусь, я приведу тебя к этой вертихвостке, которая приказала избить меня до полусмерти.

— Объясните мне, почему у нее ненависть к мужчинам? — попросил Тадж аль-Мулук.

— Потому что ей приснился сон, породивший эту ненависть,— ответила старуха.

— А что это за сон? — спросил Тадж аль-Мулук.

— Однажды ночью,— начала рассказывать старуха,— ей приснилось, что охотник расставил сети, разбросал вокруг них пшеницу, а сам затаился в кустах. К сетям слетелось множество птиц, и среди них царевна заметила двух голубей — самца и самку. Смотрит она на сети и видит, что ножка самца застряла в ячейке и он трепыхается, а все птицы разлетелись в разные стороны. Но тут к нему подлетела самка, покружилась над ним и опустилась рядом (охотник же не обратил на нее внимания). Потом она начала клевать ячейку, в которой застряла ножка самца,

и работала клювом до тех пор, пока не освободила голубя из ловушки, и они оба улетели. Вскоре подошел охотник, расправил сети и снова спрятался. Где-то через час прилетели птицы, и теперь в сетях заплуталась самка. Перепуганные птицы улетели, и вместе с ними улетел самец, бросив свою самку на произвол судьбы. Увидав пленную голубку, охотник схватил ее и зарезал. Царевна в испуге проснулась и воскликнула: «Все самцы подобны этому голубю: они не делают добра, и мужчины не делают добра женщинам».

Когда она замолчала, Тадж аль-Мулук произнес:

— О почтеннейшая, я хочу увидеть ее хоть на одно мгновение, даже если это мне грозит смертью! Придумай какую-нибудь уловку, помоги мне.

— Знай же,— молвила старуха,— что возле дворца у нее есть сад, она выходит туда из потайной двери и прогуливается один раз в месяц. Через десять дней наступит нужное время. Когда она будет собираться выходить, я приду и сообщу тебе, тогда ты проберешься в сад и встретишься с ней. Постарайся побыть в саду подольше, возможно, когда она увидит твою красоту, в ее сердце расцветет любовь. Ведь только любовь поможет вам соединиться.

— Я все сделаю, как ты сказала,— ответил Тадж аль-Мулук.

После этого царевич с Азизом повели старуху к себе домой и показали ей, как они устроились.

— О брат мой,— обратился Тадж аль-Мулук к Азизу,— теперь лавка мне без надобности. То, для чего она была предназначена, уже свершилось, и я дарю ее тебе со всем содержимым, ведь ты оставил родной дом и отправился со мной в чужие земли.

И Азиз с благодарностью принял подарок. Потом они явились к вазиру, сообщили ему о решении Тадж аль-Мулука и спросили, как следует поступить. Вазир посоветовал всем вместе посетить сад. Каждый из них одел свои лучшие одежды, и они двинулись в сторону сада, а за ними следовали три раба. Войдя в сад, они узрели деревьев немало и полноводное русло канала. Возле ворот сидел садовник, и они поздоровались с ним, и он также поздоровался, и тогда вазир дал ему сто динаров, говоря:

— Возьми эти деньги и купи нам чего-нибудь покушать.

Взяв деньги, садовник сказал:

— Гуляйте на здоровье, сад в вашем распоряжении. А я тем временем схожу и принесу вам еду.

И он отправился на рынок; тогда вазир, Тадж аль-Мулук и Азиз углубились в сад и стали ожидать садовника; он пришел через час, неся жареного ягненка, хлеб и сладости, и положил это перед ними, и они основательно подкрепились, потом вымыли руки и завели разговор.

— Чей это сад? — спросил вазир.— Он тебе принадлежит, или ты его нанимаешь?

— Сад не мой, им владеет Ситт Дунья, царская дочь,— ответил садовник.

— А сколько ты получаешь каждый месяц за свою работу? — спросил вазир, и садовник ответил, что ему платят один динар.

Вазир осмотрел сад, и взгляд его остановился на высоком дворце, довольно запущенном.

— О почтеннейший старец,— молвил вазир,— я хочу сделать доброе дело, после которого ты долго меня будешь вспоминать.

— А какое именно? — спросил садовник.

— Вот, возьми триста динаров,— сказал вазир.— Если Аллах всемогущий пожелает, мы совершим доброе дело в этом месте.

Потом они покинули сад, пришли домой и легли спать. Утром вазир нанял белильщика, рисовальщика и золотых дел мастера, снабдил их нужными инструментами, привел в сад и велел им побелить дворец и разукрасить его всяческими орнаментами. Затем он дал рисовальщику золота и лазури и сказал:

— Нарисуй посредине этой стены охотника, и якобы он расставил сети, в которые попались птицы и голубка, застрявшая клювом в ячейке.

Когда рисовальщик сделал все, как было сказано, вазир обратился к нему:

— А теперь изобрази на второй стене сети, в которых осталась застрявшая в ячейке голубка, и охотника, собирающегося ее зарезать, а вверху нарисуй большую хищную птицу, которая держит в когтях голубя.

Вскоре мастера окончили работу, получили причитающиеся им деньги и ушли; вазир и его спутники, попрощавшись с садовником, также покинули сад и пошли к себе домой. Во время беседы Тадж аль-Мулук сказал Азизу:

— О мой брат, я бы рад услышать какие-нибудь стихи, может быть, моя грудь расправится чуть-чуть, и покинут разные мысли, и сердце обретет покой.

Тогда Азиз сперва затянул напев, а потом произнес слова такие:

Все беды влюбленных, их горести, пени, судьба
Испытаны мною, но как моя стойкость слаба!

Ты хочешь испить моих слез? Тут на каждого хватит:
Моря разливанные, сказочных вин погреба.

Коль хочешь, взгляни, что с влюбленным любовь сотворила:
Исхлестано тело мое, словно тело раба.

Когда он окончил, Тадж аль-Мулук был удивлен его выразительным чтением и воскликнул:

— Ты почти развеял мою печаль!

— Древние умели покорять сердца слушающих,— сказал вазир.

— Если ты вспомнил нечто в таком роде, то прочти мне несколько из этих божественных стихов, дабы продлить наш разговор,— попросил Тадж аль-Мулук.

И вазир сперва запел, а потом произнес такие слова:

Я считал, что любовь твою можно купить
За красивую внешность, подарки и злато,

Но узрел, что сама ты бываешь щедра
И любезных своих одаряешь богато.

Понял я, что тебя на приманку не взять,
Спрятал нос под крыло, чтоб укрыться куда-то,

Я в жилище любви свил гнездо, и с тех пор
В том гнезде от рассвета сижу до заката.

Тем временем старуха отлеживалась в своем жилище. А [illegible] прогуляться [illegible] саду (в саду она бывала [illegible] со старухой). Приказав, чтобы ее позвали, она с ней помирилась, успокоила ее и молвила:

— Я хочу выйти в сад, чтоб тешить взгляд видом деревьев, цветов, плодов и вдохнуть их аромат, чтоб расширилась моя грудь.

— Слушаю и повинуюсь! — ответила старуха.— Но прежде мне нужно сходить домой и переодеться, а потом я возвращусь.

— Иди и возвращайся побыстрее,— согласилась Ситт Дунья.

И старуха, покинув дворец, направилась к Тадж аль-Мулуку и сказала ему:

— Надень на себя самые лучшие одежды и торопись в сад. Подойди к садовнику, поприветствуй его и спрячься среди деревьев.

Договорившись с царевичем, какой она ему подаст знак, старуха пошла к Ситт Дунье. Не мешкая, вазир и Азиз одели Тадж аль-Мулука в роскошные царские одежды стоимостью в пять тысяч динаров, подпоясали его позолоченным поясом, который был усеян драгоценными каменьями, а затем все вместе пошли в сад. Приблизившись к воротам, они встретили садовника. Увидев царевича, садовник встал, встретил его с уважением и оказал почет, и, распахнув створы ворот, пригласил войти. Но он не знал, что в этот день царская дочь должна выйти на прогулку.

Войдя в сад, Тадж аль-Мулук ждал царевну где-то около часа. Вдруг раздался шум, и не успел он сообразить, что к чему, как из потайной двери вышли евнухи и рабыни. Увидя их, садовник подбежал к Тадж аль-Мулуку, сообщил о появлении царевны и воскликнул:

— О господин, что делать? Царевна Ситт Дунья вышла на прогулку.

— Тебе ничего не грозит,— успокоил его Тадж аль-Мулук.— Я спрячусь в укромном месте.

Посоветовав ему спрятаться получше, садовник удалился. И когда Ситт Дунья, невольницы и старуха вышли в сад, последняя подумала: «Пока нас сопровождают евнухи, ничего из нашей затеи не выйдет!»

— О госпожа,— обратилась она к царевне.— Хочешь, я скажу тебе нечто такое, что придется тебе по душе?

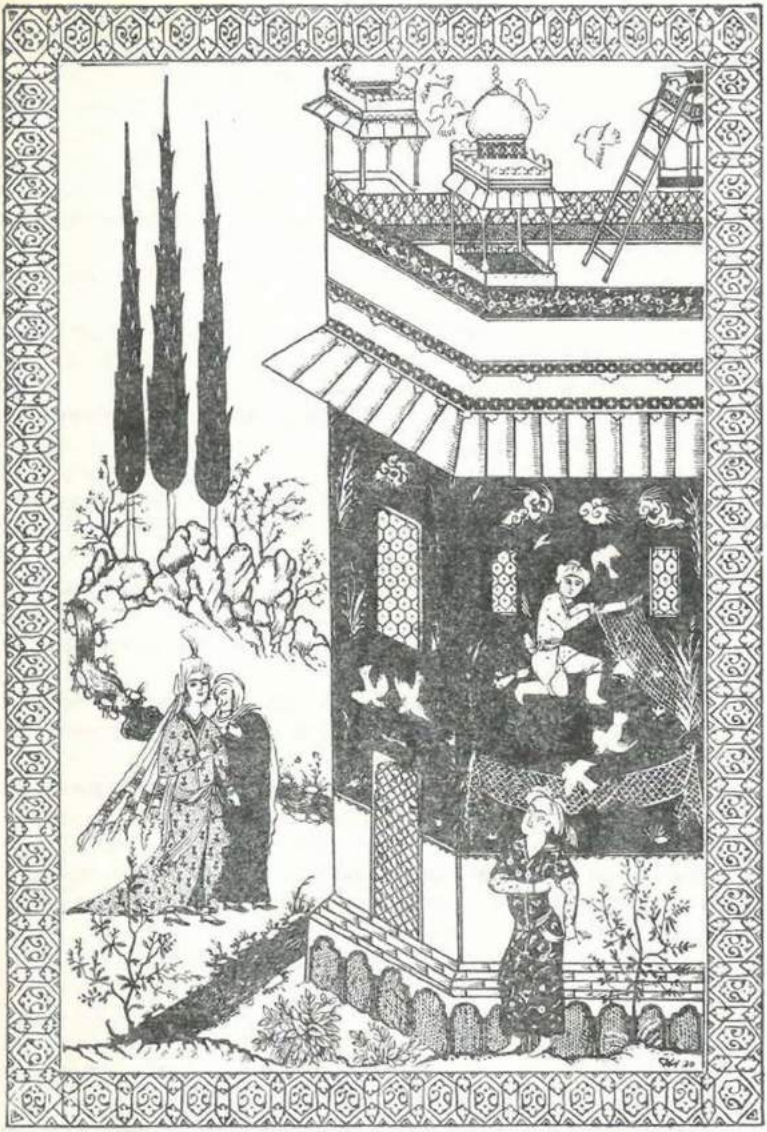
— Говори, я слушаю,— молвила Ситт Дунья.

— О достойнейшая из достойных,— продолжала старуха,— евнухи тебе сейчас ни к чему, и, пока они с нами, твоя грудь не расправится. Отошли их во дворец.

— Ты права,— сказала Ситт Дунья и отослала евнухов.

Затем она начала прогуливаться по саду, и Тадж аль-Мулук был поражен ее первозданной красотой, но царевна не замечала его. У Тадж аль-Мулука кружилась голова при виде такого прелестного создания. Тем временем старуха, разговаривая с ней, уводила ее в сторону дворца, который, по замыслу вазира, был разрисован. Когда царевна увидела на стенах дворца изображение птиц, охотника и голубей, она воскликнула:

— О Аллах, именно это мне приснилось! — Она стала внимательно всматриваться в дивные рисунки и произне-



сла: — О няня, я презирала мужчин, ненавидела их, но вот погляди: охотник убил самку, а самец хотел выручить ее из беды, однако стал жертвой хищника.

Старуха сделала вид, что ничего не знает, и отвлекала царевну разговорами, пока они не оказались возле того места, где прятался Тадж аль-Мулук. Тогда она подала ему знак, чтобы он приблизился к окнам дворца. И в эту минуту Ситт Дунья заметила юношу и увидела, какая дана ему красота и какой дан стройный стан.

— О няня! — воскликнула она.— Кто этот прекрасный юноша?

— Откуда мне знать,— ответила старуха,— но кажется мне, что это сын великого царя, ведь не зря он достиг пределов красоты, и так сияет его лик.

И Ситт Дунья прониклась к нему великой любовью, и чары, сковывающие ее, улетучились, и ум ее был ошеломлен его красотой, и показалась желанна прелесть его и стройность стана. Пока Ситт Дунья пребывала в оцепенении, старуха подала Тадж аль-Мулуку знак, чтобы он уходил домой. А его, как и царевну, обжег огонь страсти и любовной напасти. И он побрел, как лунатик, и, попрощавшись с садовником, направился домой. Хотя его сердце рвалось к любимой, но он подчинился приказу старухи.

Дома он рассказал вазиру и Азизу, что старуха подала ему знак уходить, но те посоветовали ему немного потерпеть и сказали:

— Старухе виднее, как нужно поступать, иначе она не подала бы тебе такого знака.

Вот что случилось с Тадж аль-Мулуком, вазиром и Азизом. Тем временем царскую дочь Ситт Дунью одолело безумие страсти, она у любви оказалась в пасти и сказала старухе:

— Я знаю, что только ты можешь свести меня с этим юношей.

— Аллах свидетель,— воскликнула старуха,— ты избегала мужчин! Как же, не пойму, тебя постигла беда от любви к нему? Но, Аллахом клянусь, он предназначен для тебя самой судьбой!

— О няня,— взмолилась Ситт Дунья,— помоги мне сойтись с ним, и я дам тебе тысячу динаров и облеку в одежды ценой в тысячу динаров, а если ты откажешься помочь мне, я умру от горя.

— Отправляйся во дворец, а я попробую свести вас,

душой своей пожертвую ради вашей любви,— ответила старуха.

Ситт Дунья удалилась во дворец, а старуха пошла к Тадж аль-Мулуку, и тот, увидев ее, в то же мгновенье встал, и оказал ей почет и уваженье, и усадил старуху подле себя.

— Уловка сработала,— молвила она и рассказала, в каком состоянии пребывает Ситт Дунья.

Царевич спросил у нее, когда состоится встреча, и старуха ответила, что завтра. Тогда Тадж аль-Мулук одарил ее тысячей динаров, подарил одежды ценой в тысячу динаров, и старуха, взяв все это, ушла.

Когда она явилась к Ситт Дунье, царевна спросила:

— О няня, какие вести ты принесла о моем любимом?

— Я узнала, где он проживает, и завтра мы будем у тебя,— ответила старуха.

Возрадовавшись, Ситт Дунья дала ей тысячу динаров и одежды ценой в тысячу динаров, и, взяв их, старуха ушла к себе домой и легла спать. Утром она отправилась к Тадж аль-Мулуку, облекла его в женские одежды и молвила:

— Следуй за мной, иди медленно, покачивая бедрами, и не обращай внимания на тех, кто будет с тобой заговаривать.

Выйдя из дома, они зашагали по дороге. Царевич, одетый в женские одежды, шел за старухой, которая давала ему разные наставления и подбадривала. Вскоре они оказались возле ворот, проникли в сад и приблизились ко дворцу. Старуха вошла первой, за ней — царевич, они двигались дальше и прошли через шесть дверей и проходов. Тогда старуха остановилась и сказала Тадж аль-Мулуку:

— Будь силен духом, и, когда я крикну тебе: «Проходи, девушка!» — ты уж поторопись, а как попадешь в проход, посмотри в левую сторону — там ты увидишь комнату, где много дверей. Отсчитай пять дверей и заходи в шестую: за ней находится предмет твоей страсти.

— А ты куда уходишь? — спросил царевич.

— Я никуда не ухожу,— ответила старуха,— но, возможно, немного задержусь, если меня остановит старший евнух и придется с ним побеседовать.

Они пошли дальше, старуха впереди, а царевич за ней, пока не приблизились к седьмой двери, где сидел старший евнух. Увидев их, он спросил старуху:

— Что это за рабыню ты с собой привела?

— Эта рабыня — искусная мастерица, Ситт Дунья прослышала о ней и хочет ее купить,— ответила старуха.

Но евнух сказал:

— Ни о какой рабыне я не слышал, и никто сюда не войдет, пока я его не обыщу, как повелел мне царь...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 135-я

Когда же сто тридцать пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, евнух сказал старухе:

— Ни о какой рабыне я не слышал, и никто сюда не войдет, пока я его не обыщу, как повелел мне царь.

— Я знаю, что Аллах не обделил тебя умом и порядочностью,— гневно воскликнула старуха,— но если ты изменился, я пожалуюсь царевне, что ты не пускал к ней ее рабыню.— Затем она крикнула Тадж аль-Мулуку: — Проходи, девушка!

И царевич проник в проход, а евнух молча пропустил его.

Отсчитав пять дверей, Тадж аль-Мулук вошел в шестую и увидел Ситт Дунью; она стояла посреди комнаты и ждала его. Узнав Тадж аль-Мулука, она прижала его к своей груди, а он прижал ее к своей. Через минуту зашла старуха и под каким-то предлогом отослала рабынь, чтобы они лишнего не болтали.

— Теперь ты будешь тут распорядительницей,— сказала Ситт Дунья старухе.

Потом она ушла вместе с Тадж аль-Мулуком в другую комнату, и они, не переставая, обнимались, прижимались друг к другу, ноги сплетая с ногами, и так пробыли всю ночь.

Утром Ситт Дунья, войдя в первую комнату, заперла за собой дверь и села там, как обычно. И рабыни пришли к ней, и она выслушала их просьбы, и побеседовала с ними, а затем велела:

— Оставьте меня теперь — я хочу развлечься в одиночестве.

И рабыни удалились. Тогда царевна возвратилась к Тадж аль-Мулуку, а вскоре пришла к ним старуха и принесла поесть, и они подкрепились и ласкались до самой зари, а старуха пошла к двери и заперла ее, как и в первый раз, и они не выходили оттуда на протяжении месяца.

Вот что случилось с Тадж аль-Мулуком и Ситт Дуньей. Поскольку царевич отсутствовал такое длительное время, вазир и Азиз решили, что он уже никогда не выйдет из дворца и, наверное, погиб.

— О господин мой, что ты предпримешь? — спросил Азиз.

— О дитя мое, даже не знаю, что сказать, скорее всего нужно возвратиться к его отцу и сообщить ему обо всем, иначе он разгневается на нас.

Быстро собравшись, они направились в сторону Зеленой Земли и страны Двух Столбов, где находилась столица Сулейман-шаха. Они шли днем и ночью, пока не предстали перед Сулейман-шахом и не поведали ему, что приключилось с его сыном: после того, как он вошел в замок царской дочери, они больше ничего о нем не слышали. И перед царем тогда предстал судный день, и на чело набежала тень, и он пожалел, что отпустил сына, и велел огласить по всему царству о начале войны, и войска стали лагерем в окрестностях города, и царь ожидал в своем шатре, пока не прибыли войска со всех концов страны. Подданные любили его за справедливость и щедрость, и он, возглавив войско, которое растянулось до самого горизонта, двинулся на поиски своего сына Тадж аль-Мулука.

Пока происходили эти события, прошло полгода, и Тадж аль-Мулука охватила столь великая страсть, смятение и любовная напасть, и он поведал Ситт Дунье затаенные мысли.

— Знай же, о светоч моего сердца и души,— молвил он,— чем дольше я остаюсь у тебя, тем сильнее моя страсть и любовная напасть, потому что я полностью не достиг того, чего желал.

— Чего же ты желаешь, о свет глаз моих и плод души моей? — спросила она.— Если ты хочешь не только обниматься, и прижиматься, и целовать, и ноги с ногами сплетать, делай что хочешь, ведь, Аллах свидетель, мы здесь одни.

— Не это мне нужно,— ответил Тадж аль-Мулук.— Я желаю поведать тебе, кто я есть на самом деле. Знай же, я не купец, а царский сын, и моего отца зовут великим царем Сулейман-шахом; он послал своего вазира к твоему отцу, чтобы посватать тебя за меня, но когда ты об этом узнала, то воспротивилась.

И он рассказал ей о своих злоключениях с начала до конца и напоследок добавил:

— Я решил возвратиться к моему отцу и попросить его, чтобы он послал доверенного человека к твоему отцу посватать тебя за меня, и тогда души наши умиротворятся.

Когда Ситт Дунья услышала такие слова, она очень обрадовалась, так как это было именно то, чего она желала, и они спокойно заснули. И по велению судьбы случилось в эту ночь то, что не случалось в предыдущие ночи,— их сморил глубокий сон, и они спали до тех пор, пока не взошло солнце.

Как раз в это время царь Шахраман уже восседал на своем престоле в окружении эмиров, и к нему приобщился староста ювелиров, держа в руках большую шкатулку. Раскрыв ее перед царем, он вынул небольшой ларец, который стоил сто тысяч динаров, потому что был наполнен жемчугом, яхонтами и смарагдами; такому богатству мог позавидовать любой царь. Когда Шахраман узрел ларец, он был восхищен и велел старшему евнуху:

— Эй, Кафур, возьми этот ларец и отнеси моей дочери.

Евнух взял ларец и удалился. Подойдя к комнате царевны, он увидел запертую дверь, а возле нее — спящую старуху.

— Ну и долго же вы спите! — воскликнул он.

Проснувшись от его голоса, старуха испугалась, потом пообещала принести ему ключ и убежала.

Евнух понял, что ей стало не по себе; он снял дверь с петель, вошел в комнату и увидел спящую Ситт Дунью в объятиях спящего Тадж аль-Мулука. Евнух не знал, как ему поступить, и в замешательстве хотел возвратиться к царю, но в эту минуту Ситт Дунья открыла глаза и увидела его. Лицо ее перекосилось, побледнело, и она воскликнула:

— О Кафур, сохрани в тайне то, что сохранил Аллах!

— Я ничего не могу скрывать от царя,— ответил евнух.

Затем он подпер дверь снаружи и пошел к царю, и царь спросил его:

— Вручил ли ты ларец твоей повелительнице?

— Возьми ларец, вот он! Скрывать от тебя я ничего не стану! Да будет тебе известно, что я увидел Ситт Дунью, спящую в объятиях прекрасного юноши.

И царь приказал привести обоих, и, когда они предстали перед ним, его охватила сильная ярость; он взял плеть и хотел ударить Тадж аль-Мулука, но Ситт Дунья упала перед ним на колени и молвила:

— Сперва меня убей, а потом — его!

Царь накричал на дочь и велел отвести ее обратно в комнату, а после этого обратился к Тадж аль-Мулуку:

— Да покарает тебя Аллах, откуда ты взялся и кто твой отец, и как ты посмел соблазнить мою дочь?

— Знай же, о великий царь,— ответил юноша,— если ты лишишь меня жизни, то умрешь сам, и жителей твоего царства постигнет та же участь. Да будет тебе известно, что я сын могучего царя Сулейман-шаха, и ты не успеешь опомниться, как его войска вторгнутся в твои владения.

После этих слов царь решил не убивать юношу, а бросить его в темницу, чтобы проверить, насколько правдива его угроза. Но вазир сказал ему:

— О непобедимый царь, я думаю, что этого негодяя нужно казнить как можно быстрее, ведь он обесчестил царскую дочь.

И тогда царь приказал палачу:

— Отруби голову этому лжецу!

Палач схватил Тадж аль-Мулука, связал веревками и поднял вверх руки, спрашивая у эмиров разрешения начинать казнь, потом он поднял руки во второй раз, желая оттянуть время.

— Сколько можно спрашивать? Чего медлишь? Если спросишь еще раз, то сам лишишься головы!

Тогда палач поднял руки так, что у него под мышками стали видны волосы, и хотел отрубить юноше голову...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 136-я

Когда же сто тридцать шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, палач поднял руки так, что у него под мышками стали видны волосы, и хотел отрубить юноше голову, но внезапно в городе послышались громкие крики, и торговцы начали закрывать свои лавки.

— Не спеши,— сказал тогда палачу царь и послал узнать, что случилось.

Вернувшись, посланец сообщил:

— Я видел войска, похожие на ревущее море, где бушуют волны на просторе,и от стука копыт дрожит земля, и я не знаю, что происходит.

У царя потемнело в глазах, он испугался, что лишится царства, и обратился к своему вазиру:

— Разве наши воины не преградили путь этим войскам?..

Он еще не успел договорить, как пришли его царедворцы и вместе с ними — посланцы царя, который приближался, и среди них был вазир. Он первый приветствовал Шахрамана, а тот поднялся перед ними на ноги и спросил, что привело их к нему. Вазир подошел к царю и сказал:

— Да будет тебе известно, что царь, который вторгся в твои земли, не похож на прежних царей, королей, богатырей. Этот царь справедливый и честный, весть о его благородных помыслах разносят путешественники по всему миру, это — Сулейман-шах, он правит в Зеленой Земле, Двух Столбах и Испаханских горах. А еще он любит справедливость и закон, честное решение и не любит притеснения. Он сообщает тебе, что сын его находится в твоем городе. Юноша этот — последняя радость его сердца и отрада его души, если он окажется невредим и ничего не приключится с ним — это и надо, а тебе да будет слава и награда. Если же в городе его нет или с ним случилась какая-нибудь беда — услышишь весть о горе и твоих земель разоре, город твой превратится в пустыню, где каркают вороны... Вот я его гонец, сообщил тебе его посланье. На этом конец.

Когда Шахраман услышал эти слова, его охватила еще большая тревога, что он потеряет свое царство. Позвав вельмож, вазиров, царедворцев и наместников, он сказал им:

— Горе вам, ступайте и найдите этого юношу!

Тем временем Тадж аль-Мулук, пребывая в руках палача, весь дрожал от страха, который только что испытал. И тут вазир, посмотрев по сторонам, увидел сына своего царя, стоящего на пороге смерти. И он бросился к царевичу, а за ним — другие посланцы; они подошли и в итоге развязали его узы и стали целовать его ноги. И Тадж аль-Мулук открыл глаза, и увидел вазира своего отца и своего друга Азиза, и так обрадовался, что лишился чувств. А царь Шахраман был растерян, ему было страшно осознавать, что войска пришли из-за юноши. И он подошел к Тадж аль-Мулуку, и поцеловал его в лоб, и на глазах его заблестели слезы.

— О дитя мое,— молвил Шахраман,— прости меня и не карай злодея за то, что он хотел совершить. Пожалей мои седины и не губи моего царства.

Тогда Тадж аль-Мулук поцеловал ему руку и сказал:

— С тобой ничего не случится, ты мне будешь вместо отца, но имей в виду, горе тебе, если Ситт Дунью постигнет беда.

— О господин,— ответил царь,— не переживай, ее ждет только радость.

И царь снова стал просить у юноши прощения и умолять его и вазира Сулейман-шаха не говорить царю того, что они видели, и посулил вазиру большое вознаграждение.

Затем Шахраман приказал вельможам отвести Тадж аль-Мулука в баню, одеть в лучшие свои одежды и привести к нему. И они исполнили приказание. Когда же царевич снова предстал перед царем, тот поднялся сам и велел подняться вельможам своего царства, и они все вместе высказали Тадж аль-Мулуку свое уважение к нему.

После этого Тадж аль-Мулук сел и поведал вазиру своего отца и Азизу о том, что с ним приключилось, и тогда вазир и Азиз сказали:

— А мы, устав ждать тебя, отправились к твоему отцу и сообщили ему, что ты проник во дворец царской дочери, но обратно не вышел, и мы не знали, что и думать. Тогда твой отец собрал войска, и мы вторглись в эти края, и наше появление спасло тебе жизнь, а мы обрели радость и покой.

И царевич произнес:

— Добро неискоренимо, оно всегда проходит через наши сердца и в начале и в конце!

Тем временем царь Шахраман вошел в комнату своей дочери Ситт Дуньи и увидел, что она стенает и плачет о своем возлюбленном. Наставив меч рукояткой на пол, а острие его приставив к сердцу, между грудьми, она, склонившись над мечом, приговаривала:

— Я покончу с собой, я не хочу жить после смерти моего любимого!

Увидев ее в таком состоянии, отец вскричал:

— О прекраснейшая из царских дочерей, остановись, пожалей отца своего и жителей города!.. Пусть Аллах охранит тебя от того, чтобы с отцом твоим не случилась беда.

Потом он рассказал ей о всех событиях и о том, что ее избранник, сын Сулейман-шаха, хочет на ней жениться.

— Сватовство и женитьба зависят от твоего желания,— молвил он, и Ситт Дунья с улыбкой ответила:

— Разве я не говорила тебе, что он царский сын?

Я обязательно попрошу его, чтобы распял тебя на доске стоимостью в два дирхема.

— О дочь моя, сжалься надо мной, тогда Аллах сжалится над тобой,— взмолил ее царь.

— Хорошо, а теперь живо ступай и приведи его сюда сию же минуту!

— Слушаю и повинуюсь,— ответил царь.

Придя к Тадж аль-Мулуку, он тихонько передал ему эти слова. И они отправились к ней, и в присутствии отца царевна раскрыла Тадж аль-Мулуку свои объятия, и прижалась к нему, и поцеловала, прошептав ему:

— Ты стал причиной моей тоски.

Обращаясь к отцу, она сказала:

— Посмотри на это прекрасное создание, не хватает слов, чтобы воспеть его красоту. Да к тому же он царский сын, человек благородный, которого следует охранять от гнусности.

И царь Шахраман вышел из комнаты, собственноручно закрыв дверь, и направился к вазиру Сулейман-шаха и остальным посланцам, и велел передать их царю, что его сын пребывает в благом и радостном настроении, наслаждаясь любовью с избранницей своего сердца. Услыхав это, посланцы пошли к царю передать ему добрую весть. Потом царь Шахраман велел принести угощение, подношение и припасы для войска Сулейман-шаха, а потом распорядился вывести сотню коней, сотню верблюдов, сотню наложниц, сотню черных рабов и рабынь и отправить их в подарок царю. После этого он, вельможи его царства и приближенные сели на коней, поскакали за город и прибыли к шатру Сулейман-шаха, и, увидя их, Сулейман-шах вышел навстречу и воскликнул:

— Велик Аллах, который осчастливил моего сына!

Затем Сулейман-шах обнял царя Шахрамана и посадил на престол возле себя, и они завели беседу. После этого им подали кушанья, и они ели, пока не насытились, потом отведали сладостей и плодов, свежих и сухих. А через час явился к ним Тадж аль-Мулук, одетый в роскошные одежды, и отец поднялся и поцеловал его, и поднялись все сидящие, и цари посадили юношу между собой и беседовали какое-то время. И Сулейман-шах обратился к царю Шахраману:

— Я хочу сделать брачную запись моего сына с твоей дочерью в присутствии свидетелей, чтобы об этом стало известно всем, как требует обычай.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил царь Шахраман.

Тогда он послал за судьей и свидетелями, и они пришли, и сделали запись о браке Тадж аль-Мулука и Ситт Дуньи, и раздали бакшиш и сахар, и зажгли благовония. Это был незабываемый, счастливый день, и радовались все вельможи и воины, и царь Шахраман начал готовить свою дочь к свадьбе.

— Этот юноша, Азиз, честный и благородный человек,— сказал Тадж аль-Мулук своему отцу,— он очень помогал мне и выручал меня, когда мы путешествовали. Он способствовал тому, что я достиг цели, и стойко переносил вместе со мной все испытания, уговаривая не терять присутствия духа, пока мое желание не будет удовлетворено. Он возле меня вот уже два года, давно не был дома, и я хочу нагрузить его товарами, и пусть со спокойным сердцем отправляется в свою страну, она недалеко отсюда.

— Ты принял достойное решение,— сказал царь.

И Азизу поднесли сто тюков самых дорогих тканей, и Тадж аль-Мулук дал ему большие деньги, оказав всяческие почести.

На прощанье он молвил Азизу:

— О брат мой и товарищ, прими от меня эти тюки как символ любви. И с миром отправляйся к себе домой!

И Азиз принял подарки, и поцеловал землю перед Тадж аль-Мулуком и его отцом, и попрощался с ними. И Тадж аль-Мулук сопровождал его три мили. Потом они снова попрощались, а царевич начал умолять Азиза вернуться к ним через какое-то время, и Азиз ответил:

— Клянусь Аллахом, о мой повелитель, если бы не моя матушка, я бы не уехал от тебя. Но я буду с трепетом ждать от тебя вестей.

— Пусть будет по-твоему,— молвил Тадж аль-Мулук и отправился к себе во дворец.

А Азиз отправился в путь, прибыл в свою страну и предстал перед своей матерью. Оказалось, что она поставила гробницу с телом сына посреди дома и бывала возле нее каждый день. Азиз увидел, что мать расплела косы и распустила волосы над гробницей, стеная и причитая. Когда Азиз подошел к ней и она увидела его, то от радости лишилась чувств. И Азиз освежил ей лицо водой, и она пришла в себя, и обняла его, и прижала к груди, и Азиз также обнял ее и поприветствовал, а она спросила, почему его так долго не было.

Тогда Азиз поведал ей о своих приключениях и сказал, что Тадж аль-Мулук одарил его деньгами и тюками тканей, и старушка очень этому обрадовалась. И Азиз остался с матерью в своем городе и проливал слезы из-за того, что дочь Далилы-Хитрицы сделала его скопцом.

Вот какая история приключилась с Азизом. Ну, а Тадж аль-Мулук сыграл свадьбу со своей любимой Ситт Дуньей и вошел в ее покой. Потом царь Шахраман начал готовить свою дочь для поездки в дом ее мужа. Нагрузив верблюдов снедью, подарками и диковинными вещами, молодые вместе с Сулейман-шахом и войсками отправились в дорогу. И царь Шахраман сопровождал их целых три дня, но Сулейман-шах попросил, чтобы он возвращался домой, и тот последовал его совету. Тадж аль-Мулук и все, что сопровождали его, ехали днем и ночью, пока не приблизились к своему городу. И весть об их прибытии распространилась с быстротой молнии, и улицы города украсили...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 137-я

Когда же сто тридцать седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Сулейман-шах подъехал к своему городу, то улицы города украсили в честь его прибытия. Потом царь вступил в город и сел на престол своего царства, и Тадж аль-Мулук всегда находился подле него. И он щедро раздавал милостыню и одаривал людей, а также выпустил на волю тех, кто пребывал в заточении. Потом царь сделал для него вторую свадьбу с песнями и развлечениями, которая длилась целый месяц, затем Тадж аль-Мулук, повидавшись с отцом и матерью, вошел в покои своей жены. И жизнь их была сладкой и счастливой.

ДИКОВИННЫЕ ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЯ ОМАРА ИБН АН-НУМАНА И ЕГО СЫНОВЕЙ ШАРР-КАНА И ДАУ АЛЬ-МАКАНА

(Окончание)

И сказал царь Дау аль-Макан своему вазиру Дандану:

— Аллах свидетель, люди, подобные тебе, развлекают опечаленное сердце царей, беседуя с ними.

Это было время, когда они осаждали город аль-Кустантынию. Минуло уже четыре года, их начала одолевать тоска по родным краям, и воинам надоело воевать днем и ночью без сна и отдыха.

И царь Дау аль-Макан послал за Бахрамом, Рустумом и Теркашем, и, когда они предстали перед ним, молвил:

— Вы знаете, что все эти годы мы воевали, но не достигли цели, а наши горести и заботы еще больше увеличились. Мы напали на город, чтобы отомстить за царя Омара ибн ан-Нумана, но погиб еще и мой брат Шарр-Кан, таким образом, одна печаль породила вторую печаль, а из одной беды выросла вторая беда. И повинна во всем старуха Зат ад-Давахи. Это она погубила царя в его же собственном царстве и похитила его жену Суфию, но она не удовлетворилась этими злодеяниями и зарезала моего брата. Я поклялся Аллахом, что отомщу ей. Что вы на это скажете? Подумайте хорошенько и дайте мне ответ.

Все склонили головы и сказали, что самый мудрый совет может дать вазир Дандан.

И тогда вазир Дандан, приблизившись к царю Дау аль-Макану, произнес:

— Знай же, о царь всех времен и народов, что оставаться здесь нам больше не стоит, нужно возвратиться домой, а через некоторое время снова начать поход против идолопоклонников.

— Прекрасная мысль,— сказал царь Дау аль-Макан.— Воины устали, они соскучились за своими семьями, и я также тоскую по своему сыну Кан-Макану и дочери моего брата Кудые-Факан. Она сейчас в Дамаске, но я ничего не знаю о ее судьбе.

Услыхав о решении царя возвращаться домой, воины возрадовались и призвали благословение на вазира Дандана. Затем царь Дау аль-Макан приказал глашатаю объявить, чтобы через три дня все были готовы к походу обратно. И воины начали собираться, и на четвертый день забили в литавры и подняли знамена, и вазир Дандан возглавил

передовые войска, а царь следовал в середине, и сопровождал его старший царедворец.

Войска двинулись в дорогу, шли днем и ночью, пока не приблизились к Багдаду, и люди, увидав их, очень обрадовались и перестали печалиться. Прибывшие встретились со своими родственниками, эмиры разошлись по своим жилищам, а царь поднялся во дворец и отправился к своему сыну Кан-Макану, которому исполнилось восемь лет, и он уже научился ездить верхом на коне. Отдохнув после похода, царь пошел в баню вместе со своим сыном Кан-Маканом и, помывшись, сел на царский престол, и вазир Дандан явился к нему, а эмиры и приближенные выстроились перед ним, смиренно склоня головы.

После этого царь Дау аль-Макан послал за своим приятелем истопником, который сделал ему на чужбине добро. Когда его привели, царь поднялся с престола в знак уважения перед этим человеком и посадил его возле себя. Потом царь поведал вазиру о том, какое добро сделал ему истопник, и вазир, а с ним и эмиры воздали ему хвалу. Нужно сказать, что истопник разжирел от обжорства и безделья, и шея его напоминала теперь шею слона, а живот — брюхо дельфина, и он отупел, потому что не выходил из дома, и не узнал царя.

Дау аль-Макан с улыбкой поприветствовал его и воскликнул:

— Ты что-то быстро забыл меня!

И тогда истопник пришел в себя, внимательно посмотрел на царя и, узнав его, сказал:

— О друг мой, кто сделал тебя царем?

Дау аль-Макан рассмеялся, а вазир подошел к истопнику, поведал ему обо всем и молвил:

— Он был тебе другом и братом, а теперь могущественный царь, который также сделает тебе добро. Послушай моего совета: когда он обратится к тебе со словами: «Чего ты хочешь?» — проси наибольшего, потому что для тебя он все сделает.

— Я боюсь,— сказал истопник,— что с моей просьбой он или не согласится, или не сможет ее исполнить.

— Проси у него, что твоей душе угодно, он тебе ни в чем не откажет,— ответил вазир.

— Клянусь Аллахом,— воскликнул истопник,— я попрошу у него то, что мне нужно! Каждую ночь это мне снится, и я не теряю надежды на милость Аллаха.

— Аллах свидетель,— молвил вазир,— если бы тебе

пришло в голову стать правителем Дамаска вместо его брата, он бы исполнил твое желание.

Истопник поднялся на ноги, а Дау аль-Макан жестом повелел ему сесть, но тот, продолжая стоять, воскликнул:

— Храни тебя Аллах! Минули те дни, когда я сидел возле тебя!

— Нет,— ответил царь,— эти дни не минули. Ты спас мне жизнь, и, клянусь Аллахом, я исполню все твои желания. Сперва проси у Аллаха, а потом — у меня.

— О господин, я боюсь,— сказал истопник.

— Смелее! — воскликнул царь.

— Я боюсь, что ты откажешь мне.

— Да неужели! — молвил царь.— Клянусь Аллахом, если бы ты попросил у меня половину царства, я бы с тобой поделился. Хватит болтать, говори, что тебе нужно.

— Я боюсь, что ты откажешь мне,— твердил свое истопник.

И тут царь, разгневавшись, воскликнул:

— Проси же, я слушаю тебя!

— Прошу у Аллаха, а потом у тебя,— молвил истопник,— чтобы ты издал указ, в котором назначил бы меня старшим над всеми истопниками Иерусалима.

Царь и все присутствующие захохотали и сказали:

— Пожелай чего-нибудь еще!

— О господин,— воскликнул истопник,— я же говорил тебе, что с моей просьбой ты или не согласишься, или не сможешь ее исполнить.

Тут вазир ткнул его кулаком в бок, потом еще раз, но истопник повторял:

— Я хочу... я хочу...

— Да проси уже, наконец,— сказал царь.

— Я хочу, чтобы ты назначил меня старшим над всеми мусорщиками Иерусалима или Дамаска,— молвил истопник.

И все присутствующие весело захохотали, а вазир начал отвешивать истопнику тумаки.

— Почему ты бьешь меня, ведь я ни в чем не виноват? — спросил истопник.— Ты же советовал мне пожелать наибольшего! Позвольте мне уехать в свою страну,— прибавил он.

И царю стало ясно, что истопник хитрый, и он обратился к нему:

— О друг мой, проси у меня чего-нибудь такого, что подобает просить у царя.

— О господин,— сказал тогда истопник.— Я прошу у Аллаха и потом у тебя, чтобы ты сделал меня наместником Дамаска вместо твоего брата.

— Аллах услышал тебя,— молвил царь, и истопник поцеловал пол у его ног.

После этого царь посадил его на почетном месте, пожаловал ему одежды наместника и написал соответствующий указ, потом поставил на нем печать и сказал вазиру Дандану:

— Будешь сопровождать истопника. А когда соберешься ехать назад, не забудь взять с собой дочь моего брата, Кудыю-Факан.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил вазир.

И они пошли с истопником готовиться к путешествию, а когда все было готово, царь вызвал их к себе, дал истопнику слуг и роскошные одежды и обратился к эмирам:

— Кто любит меня, пусть окажет этому человеку знак внимания, поднеся ему ценный подарок.

И эмиры одарили его, кто чем мог.

Потом царь назвал истопника аз-Зибликаном и еще прозвал его аль-Муджахидом. После этого вазир простился с царем и попросил разрешения выезжать. Царь обнял его и сказал, чтобы был справедлив с подданными, а еще велел готовиться к войне, которая намечалась через два года. Затем вазир и истопник покинули дворец.

И наместник аль-Муджахид, по прозвищу аз-Зибликан, двинулся в путь после того, как выслушал напутствие царя быть добрым и справедливым к своим подданным, а эмиры дали ему еще пять тысяч рабов и слуг. Старший царедворец, предводитель турков Бахрам, предводитель дейлемитов Рустум и предводитель арабов Теркаш поехали вместе с ними, сопровождая их три дня и прислуживая им, а потом возвратились в Багдад.

Наместник аз-Зибликан, вазир Дандан и войско, которое следовало за ними, ехали до тех пор, пока не приблизились к Дамаску, а туда уже, словно на крыльях птиц, достигла весть о том, что царь Дау аль-Макан назначил своим наместником в Дамаске аз-Зибликана по прозванию аль-Муджахид. К его приезду улицы города были уже украшены, и все жители вышли посмотреть на нового властелина. Войдя в Дамаск, наместник султана красочно прошествовал по улицам, поднялся в крепость и сел на престол, а вазир Дандан прислуживал ему, рассказывая о чинах эмиров и их должностях, и эмиры подходили к нему и смиренно целовали ру-

ки, воспевая ему хвалу. Наместник не обделил их своей милостью: он пожаловал им роскошные одежды и одарил разными подарками, затем он выдал воинам из казны деньги; суд он начал творить честный и праведный.

Вскоре аз-Зибликан стал готовить в дорогу Кудыю-Факан, дочь царского брата Шарр-Кана; он велел посадить ее в парчовые носилки, вазира Дандана он также снарядил в дорогу и хотел дать денег, однако вазир не взял их и произнес:

— Ты только что стал властелином, деньги тебе самому пригодятся; потом мы возьмем от тебя пожертвования для священной войны или других целей.

Перед началом путешествия наместник султана аль-Муджахид оседлал коня и поскакал к вазиру Дандану, чтобы попрощаться с ним. Потом прибыла в носилках, сопровождаемая десятью рабынями, Кудыя-Факан. Когда вазир двинулся в дорогу, наместник аль-Муджахид вернулся в город и распорядился заготавливать припасы на случай войны, ведь царь Дау аль-Макан может прислать за ними караван.

Вот что произошло с наместником аз-Зибликаном. Тем временем вазир Дандан и Кудыя-Факан неутомимо продвигались вперед и через месяц прибыли в городок ар-Рухба. Отдохнув там, они продолжили путешествие и подъехали к Багдаду. Затем вазир послал к царю гонца сообщить о своем приезде. И Дау аль-Макан оседлал коня и выехал встречать его, и вазир Дандан хотел соскочить с коня перед царем, но царь не позволил ему сделать это. Подскакав к вазиру, он поинтересовался, как обстоят дела у аз-Зибликана аль-Муджахида, и вазир сказал, что у того все в порядке, а потом сообщил о прибытии Кудыи-Факан, племянницы царя. Обрадовавшись, Дау аль-Макан воскликнул:

— Отдохни после тяжелого путешествия три дня, затем приходи ко мне.

— С превеликой охотой,— ответил вазир.

Потом он пошел к себе домой, царь же возвратился во дворец и встретился с дочерью своего брата Кудыей-Факан, которой было восемь лет. Когда он увидел ее, то обрадовался, но одновременно и взгрустнул, вспомнив о своем брате, ее отце, затем он велел пошить ей платье, и подарил много украшений и драгоценностей, и распорядился поселить ее вместе со своим сыном Кан-Маканом.

И стали они подрастать, ставая одними из самых умных и храбрых людей царства. Было между ними такое различие: Кудыя-Факан росла сообразительной, умной и последовательной в своих действиях, а Кан-Макан рос щедрым и добрым, однако о последствиях сделанного не любил думать. Им исполнилось по десять лет, и Кудыя-Факан, освоив верховую езду, начала выезжать с сыном своего дяди в поле, и они устраивали там скачки, обучаясь владеть мечом и копьем. В таких играх и забавах им исполнилось по двенадцать лет.

Тем временем царь основательно подготовился к войне, вызвал к себе вазира Дандана и сказал ему:

— Знай же, что я хочу уведомить тебя об одном деле, которое я задумал. Приготовься дать мне ответ... Я желаю видеть моего сына Кан-Макана султаном и потешить его величием свое сердце при жизни. Я готов сражаться и умереть ради этой цели. А ты как считаешь?

Тогда вазир Дандан поцеловал землю у ног Дау аль-Макана и ответил:

— О великий и могучий царь, тебе пришла в голову прекрасная мысль, но для этого еще не настало время; во-первых, твой сын еще мальчик, и, во-вторых, кто сделает своего сына царем при жизни, тому недолго останется жить. Это и есть мой ответ.

— Знай же, о вазир,— молвил Дау аль-Макан,— я решил поручить моего сына заботам старшего царедворца, который взял себе в жены мою сестру и теперь заменил мне брата.

— Поступай, как считаешь нужным,— ответил вазир,— твое приказание для нас закон.

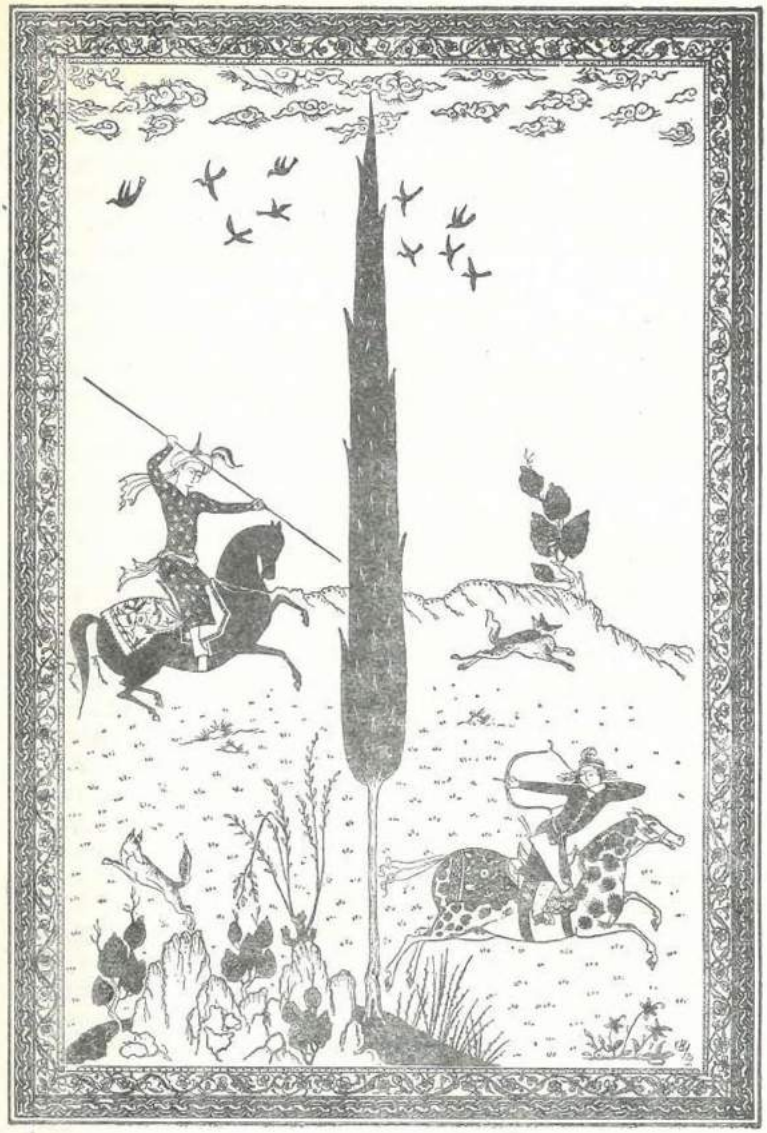
Царь послал за старшим царедворцем и за вельможами, а когда они явились, сказал им:

— Вам известно, что у меня есть сын Кан-Макан. Я поставил его над вами царем, и выйдет из него непобедимый воин, с которым никто не сможет сравниться в искусстве владения копьем и мечом. Его опекуном я назначаю старшего царедворца, который приходится ему дядей.

— О царь всех времен и народов,— воскликнул царедворец,— я лишь росток, который взошел твоей милостью.

— Знай же, о царедворец,— сказал Дау аль-Макан,— что сын мой Кан-Макан и моя племянница Кудыя-Факан — двоюродные брат и сестра, и быть им мужем и женой.

Призвав присутствующих в свидетели, он отправил сво-



ему сыну несметные сокровища, а потом пошел к своей сестре Нузхат аз-Заман и поставил ее в известность о своем решении. И она воскликнула:

— Это мои дети, пусть же охранит тебя Аллах от всяческих бед и продлит дни твоей жизни!

— О сестра,— молвил царь,— сейчас я спокоен за моего сына, ибо поступил так, как подобает поступать отцу, и желание моего сердца удовлетворено, но ты должна заботиться о моем сыне и ухаживать за его матерью.

И он распорядился, чтобы придворные во главе с Нузхат аз-Заман днем и ночью заботились о его сыне, о дочери его брата и о его жене, потому что почти испил чашу жизни и чувствовал приближение смерти. Он уже не вставал с постели, а царедворец тем временем творил суд над рабами и правил городами.

Так минул год. Позвав как-то Кан-Макана и вазира Дандана, царь сказал:

— О сын мой, этот вазир — отец тебе после меня. Знай же, что я скоро отправлюсь из обители жизни скоротекущей в обитель вечную. Я взял от жизни все, что хотел, но сердце мое не покидает печаль, от которой Аллах поможет мне избавиться с помощью твоих рук.

— О отец, какая же печаль тревожит тебя? — спросил Кан-Макан.

— Сын мой, мне тяжело от того, что я умру, так и не отомстив старухе Зат ад-Давахи за твоего деда, Омара ибн ан-Нумана, и твоего дядю, царя Шарр-Кана. И если Аллах будет на твоей стороне, забудь обо всем, пока не отомстишь неверным. Однако берегись коварства старухи и слушайся во всем вазира Дандана, ибо он один из мудрейших людей нашего царства.

И сын царя запомнил его слова, и на глазах Дау аль-Макана заблестели слезы, и самочувствие его ухудшилось. Царством же и далее правил старший царедворец, его зять, человек преклонного возраста. И творил он суд, отдавая приказы и устанавливая запреты, и властвовал целый год, а Дау аль-Макан угасал от болезни, и мучения его длились четыре года. И царедворец продолжал властвовать, и подданные любили его, а вельможи уважали, и повсюду воздавались молитвы ему во здравие.

Это то, что касается Дау аль-Макана и его царедворца. А у царевича Кан-Макана только и было забот, что ездить верхом, метать копье и стрелять из лука, да и дочь его дяди, Кудыя-Факан, занималась тем самым. Она сопровождала

его с утра до ночи, а потом возвращалась к своей матери, он же возвращался к своей и видел, что она сидит у изголовья отца и проливает слезы. И он ухаживал за отцом всю ночь, а утром, как обычно, встречался с дочерью своего дяди, и они выезжали в поле. А Дау аль-Макан продолжал страдать. И он положил голову на подушку, и глаза его постепенно сомкнулись, и его сморил сон, и ему приснилось, что кто-то обращается к нему: «Возрадуйся будущим деяниям твоего сына: его оружием станет справедливость, и рабы покорны будут ему». После этого чудесного пророчества царь проснулся с радостью в сердце. Но прошло несколько дней, и над ним склонилась смерть, и жители Багдада с прискорбием узнали о его кончине, и все от мала до велика оплакивали его.

Но время стерло его имя из памяти людей, и Кан-Макан оказался в трудном положении: жители Багдада не признали его и заставили жить вместе с семьей в каком-то неприглядном жилище.

Испытав горечь унижения, мать Кан-Макана воскликнула:

— В надежде на милость Аллаха я отправлюсь к старшему царедворцу!

И она пришла к царедворцу, который после смерти Дау аль-Макана стал царем, и увидела его сидящим на ковре. Приблизившись к его жене Нузхат аз-Заман, она безутешно зарыдала и молвила:

— Истинно говорят: нет у мертвого друга! И пусть Аллах никогда не обрекает вас на нужду, и да не перестанете вы творить суд праведный над вельможей и простолюдином. Ты же сама видела и знаешь, в каком могуществе мы когда-то жили, какую имели славу, почет, уважение и богатство, а теперь судьба и время обманули нас, словно коварные враги. Я пришла к тебе с мольбой оказать нам милость, ведь и я в свое время была великодушной. Тебе же известно: когда мужчина умирает, его жены и дочери подвергаются всяческим притеснениям.

Когда Нузхат аз-Заман услышала эти слова, она вспомнила своего брата Дау аль-Макана, а также его сына Кан-Макана и ласково сказала:

— Аллах свидетель, я теперь богата, а ты прозябаешь в бедности, и, клянусь Аллахом, мы не проведывали тебя лишь потому, что боялись унизить тебя своими подношениями. Но все наше богатство досталось нам от тебя и твоего мужа, поэтому наш дом — твой дом. Ты будешь

иметь то, что имеем мы, и ты достойна того, чего достойны мы.

После этого она поднесла ей роскошные одежды и отвела во дворце покои, которые находились рядом с ее покоями. И престарелая жена Дау аль-Макана поселилась там со своим сыном Кан-Маканом, и у них началась приятная жизнь. Нузхат аз-Заман облекла юношу в царские одежды и назначила рабынь, дабы они прислуживали ему и его матери. А через некоторое время она поведала своему мужу о жене ее брата Дау аль-Макана, и он, прослезившись, воскликнул:

— Поистине, если захочешь узнать, какой будет жизнь после твоей смерти, посмотри, какова она после смерти другого! Помоги ей в беде, окажи почет и уважение...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 138-я

Когда же сто тридцать восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Нузхат аз-Заман рассказала своему мужу о жене ее брата, тот воскликнул:

— Помоги ей в беде, окажи почет и уважение, преврати ее бедность в богатство!

Вот что было с Нузхат аз-Заман, ее мужем и матерью Кан-Макана. А теперь речь пойдет о Кан-Макане и дочери его дяди, Кудые-Факан. Они повзрослели и стали — будто две плодоносящие ветви или две сияющие луны, и исполнилось им по пятнадцать лет. Кудыя-Факан превратилась в настоящую красавицу — ростом высока, с прекрасным лицом, тонкой талией, упругими бедрами, а уста ее были слаще нектара. И Аллах всемогущий собрал в ней воедино все прелести: ветви завидовали изяществу ее стана, розы увядали, не в силах устоять перед цветом ее щек, а ее слюна своей чистотой и сладостью могла заменить самое лучшее вино.

Кан-Макан также был совершенен в своей красоте, и его черные глаза горели храбростью, и сникали перед ним суровые сердца.

Однажды произошло вот что: во время какого-то праздника Кудыя-Факан отправилась в гости к своим родствен-

никам-вельможам. Идя в окружении рабынь, она блистала сказочной красотой, и уста ее были свежи и нежны, словно ромашки. Встретив девушку, Кан-Макан начал ходить вокруг нее, не спуская с нее глаз (а она была подобна сияющей луне), и заговорил языком поэзии.

Но Кудыя-Факан, услыхав стихи, с гордым видом начала его упрекать, а затем сказала:

— Ты сочинил эти стихи, чтобы осрамить меня перед твоими родственниками. Клянусь Аллахом, если ты и далее будешь продолжать в таком духе, я пожалуюсь старшему царедворцу, владыке Хорасана и Багдада. Он человек справедливый и предаст тебя позору и унижению.

Кан-Макан ничего не ответил и, разгневанный, возвратился домой, а Кудыя-Факан пришла к матери и пожаловалась на своего двоюродного брата.

— О дочь моя,— молвила мать,— разве он не сирота и разве он способен причинить тебе зло? Да и что плохое сказал он о тебе? Чем опорочил? Не говори об этом никому, ведь если слухи дойдут до царя, то он, чего доброго, жестоко его покарает...

Тем временем в Багдаде пошел поговор о любви Кан-Макана к Кудые-Факан, особенно об этом болтали женщины, а Кан-Макан сник и не мог дальше скрывать своих чувств. Он не таился от людей в своих страданиях от разлуки с любимой, но боялся гнева Кудыи-Факан. И он произносил о ней стихи.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

[illegible] 139-я

Когда же сто тридцать [illegible] стала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда старший царедворец сел на престол, он принял имя Сасан и начал справедливо править царством. И вот в один прекрасный день дошли до него стихи Кан-Макана, и ему стало грустно, и он, войдя к своей жене Нузхат аз-Заман, молвил ей:

— Правду говорят, что подносить огонь к траве — дело опасное, и мужчины не должны доверяться женщинам, пока живут на этой бренной земле. Сын твоего брата, Кан-Макан, уже возмужал, но нужно запретить, чтобы он входил к той,

которая носит на ногах браслеты, и также следует запретить твоей дочери встречаться с мужчинами, ее необходимо оберегать.

— Ты прав, о мудрый царь,— сказала Нузхат аз-Заман.

На следующий день Кан-Макан, как всегда, явился к своей тетке Нузхат аз-Заман и приветствовал ее, а она, ответив на приветствие, молвила:

— О дитя мое, я вынуждена сказать тебе нечто такое, что не хотела бы говорить, но этого требуют обстоятельства... Царь Сасан, твой покровитель и отец Кудыи-Факан, услыхав твои стихи о ней, приказал, чтобы ты больше не встречался с твоей двоюродной сестрой. И если вдруг, о дитя мое, тебе что-нибудь от нас понадобится, мы будем разговаривать через эти двери. Не входи к нам больше в дом и не смотри на Кудыю-Факан.

После этого предупреждения Кан-Макан молча поднялся и вышел на улицу. Он отправился к своей матери и передал ей слова тетки, и мать сказала:

— Это случилось потому, что ты много болтаешь языком. Ты же знаешь, что все только и говорят о твоей любви к Кудые-Факан. Как ты мог, живя за их счет, влюбиться в их дочь?

— А кому жениться на ней, если не мне, ведь она дочь моего дяди и я имею на нее больше прав, чем кто-либо другой?— возразил Кан-Макан.

— Замолчи! — воскликнула мать.— Иначе слух об этом достигнет ушей царя Сасана. И тогда ты и ее лишишься, и себя погубишь. Сегодня вечером нам не прислали еды, и в дальнейшем мы обречены на голодную смерть. Если бы мы жили в другом городе, мы давно бы уже умерли от истощения или от позора, что стали нищими.

И после этих слов печаль Кан-Макана усилилась, и он начал стонать и сетовать на жизнь, а затем сказал:

— Я больше не могу находиться возле тетки и этих людей. Поэтому я решил поселиться где-то на окраине города.

Он и его мать покинули свое жилище и поселились по соседству с нищими, и каждый день мать Кан-Макана отправлялась во дворец царя Сасана, где ей давали еду, которой она и питалась.

Как-то Кудыя-Факан, оставшись наедине с матерью Кан-Макана, поинтересовалась:

— О тетя, как там поживает твой сын?

— Дитя мое,— ответила старая женщина,— глаза его

полны слез, а сердце его страдает от печали, и он попался в сети любви, расставленные тобой.

Заплакав, Кудыя-Факан воскликнула:

— Аллах свидетель, я обошлась с ним так не из-за его слов и не из-за неприязни к нему. Поступок мой объясняется тем, что я боялась навлечь на него зло со стороны врагов. И тоскую я о нем во сто раз больше, чем он обо мне, и невозможно передать словами мои страдания. Если бы он поменьше болтал языком и был осмотрительнее, мой отец не обошелся бы с ним так строго и не лишил бы его своих милостей. Но жизнь — штука изменчивая, и самое главное во всяком деле — это терпение. Может произойти так, что тот, кто разлучил нас, со временем дарует нам встречу.

И мать Кан-Макана поблагодарила ее, призвав на нее милость Аллаха, а потом ушла и рассказала обо всем своему сыну. И тот еще сильнее начал жаждать встречи с любимой, и в его исстрадавшуюся душу проникла надежда.

— Клянусь Аллахом,— воскликнул он,— никакую другую, кроме нее, я не хочу!

Проходили дни и ночи, и Кан-Макан жил, словно на раскаленных сковородках, пока не исполнилось ему семнадцать лет и красота его расцвела на полную силу. Как-то ночью, бодрствуя, он подумал: «Находиться здесь и не видеть своей любимой я больше не могу, это смерти подобно! Бедность — единственный мой порок! Аллах свидетель, я покину эту страну и буду скитаться по пустыням! Ибо жизнь в этом городе — страшная мука для меня, и нет у меня здесь ни друга, ни близкого человека, которому я бы смог излить свою душу. Я хочу утешить свое сердце и еду на чужбину, а там смерть избавит меня от унижений и страданий».

Приняв такое решение, Кан-Макан пешком отправился в дальнюю дорогу. На нем была рубашка с короткими рукавами, на голове — старая ермолка, а из пищи он взял лишь черствую лепешку трехдневной давности. И вышел он из дома глубокой ночью и пришел к багдадским воротам аль-Азадж и начал ждать, а когда их открыли, первым вошел в них и отправился куда глаза глядят, чтобы день и ночь скитаться по пустыням.

Когда же настало утро, мать начала искать его, но нигде не могла найти, и мир стал для нее тесен, и ничто уже не доставляло радости. Она прождала сына один день, потом второй, затем третий, и так десять дней, но не услы-

шала о нем вести, и почувствовала в груди тяжесть, и начала громко причитать, а потом воскликнула:

— О дитя мое, печаль о тебе убивает меня. Мне пришлось многое пережить, и поэтому я удалилась от мирской суеты. Но после того, как ты покинул меня, я больше не могу ни есть, ни спать. Мой удел теперь — одни лишь слезы! О дитя мое, в каких странах теперь искать тебя, в каком городе нашел ты себе приют?

С этой минуты она перестала есть и пить и с утра до вечера плакала при людях так горько, что даже рабы стали ронять слезы. И люди, сетуя на превратности судьбы, начали говорить: «Куда же ты смотрела, о жена Дау аль-Макана? Интересно бы узнать, почему Кан-Макан покинул свою родную страну, ведь его отец давал голодным пищу и призывал к справедливости?»

И мать Кан-Макана зарыдала и застонала еще громче, и весть об этом дошла до царя Сасана...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 140-я

Когда же сто сороковая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, старшие эмиры сообщили царю Сасану о том, что произошло с Кан-Маканом.

— Как стало нам известно,— сказали они,— сын царя Дау[illegible] поте[illegible] Омара ибн ан-Нумана поки[illegible] ро[illegible] я [illegible] чужбину.

Когда [illegible] Сасан у[illegible] весть, он очень разгневался [illegible] эмиров велел [illegible] одного из них, и вельмо[illegible] в ст[illegible] склонились пе[illegible] царем, и никто больше не осмеливался заговорить. Потом Сасан вспомнил, что Дау аль-Макан, осыпав его милостями, оставил ему на попечение своего сына, и стало ему жаль Кан-Макана, и он произнес:

— Следует начать поиски по всем странам, нужно обязательно найти его.

Он позвал Теркаша, приказал собрать сто всадников и двинуться на поиски Кан-Макана. Теркаш отправился в путь и отсутствовал десять дней, а вернувшись, сообщил:

— Я не узнал о нем никакой вести, не напал на его след и поэтому ничем не могу тебя порадовать.

И царю Сасану стало стыдно, что он так плохо отнесся к Кан-Макану. А мать юноши и дальше не знала покоя, и иссякло у нее терпение, и так минуло двадцать дней.

Тем временем Кан-Макан, оказавшись за пределами города, растерялся и не знал, в какую сторону идти. Он брел по пустыне три дня, не встречая ни пешего, ни всадника, и сон покинул его, и в голове были мысли только о родной стране, о своей любимой и о своей матери. Он брел до тех пор, пока не вышел из пустыни, и едой ему служили разные растения, а питьем — вода из ручьев, а когда жара усиливалась, он отдыхал под деревьями каждый полдень. И он перешел с одной дороги на другую, и не сворачивал с нее три дня, и на четвертый день приблизился к долинам, поросшим свежей травой и большими деревьями, и склоны долин поражали своей красотой, ибо земля утоляла свою жажду из чаши облаков под раскатами грома и под воркование голубей.

Вспомнив о Багдаде, городе своего отца, Кан-Макан заплакал, затем вытер слезы и подкрепился растениями, помылся и совершил обязательные молитвы, которые ему не удалось совершить во время скитаний, и провел в этой местности целый день, отдыхая перед дальней дорогой. Когда же пришла ночь, он устроился на ночлег и проспал до полуночи, а проснувшись, услыхал, как кто-то говорит стихи. После этих стихов Кан-Макан опечалился с новой силой, и из глаз его брызнули слезы и в сердце заполыхал огонь. Он хотел рассмотреть, кто это говорит, но во мраке ночи никого не увидел, и страх охватил его. Он поднялся, и ушел с того места, и спустился в долину, и пошел по берегу реки, и снова услыхал, как кто-то, глубоко вздыхая, снова произносит стихи.

Услыхав знакомый голос и снова никого не увидев, Кан-Макан понял, что говоривший такой же влюбленный, как и он сам, и пребывает в разлуке с любимой. «Этот человек имеет со мной много общего, он будет мне другом на чужбине»,— подумал он. И, откашлявшись, громко крикнул:

— О путник во мраке ночи! Подойди ко мне и поведай свою историю: возможно, я помогу тебе в твоих испытаниях!

И говоривший крикнул в ответ:

— О ты, кто отзывается на призыв моей души, кто ты среди сильных мира сего — человек или джинн? Не меш-

кай с ответом, если смерть пугает тебя, ибо я странствую вот уже двадцать дней, но еще не видел ни одного человека и не слышал голоса, кроме своего!

И тогда Кан-Макан подумал: «Наверное, история, происшедшая с этим странником, подобна моей: я также иду двадцать дней, но не встретил ни одной живой души и не слыхал ничьего голоса. Я не отвечу ему, пока не наступит день».

— О взывающий ко мне,— крикнул говоривший,— если ты джинн, то ступай своей дорогой, а если человек, тогда жди, когда взойдет утренняя заря и рассеется мрак ночи.

И говоривший остался на своем месте, а Кан-Макан — на своем, и они не переставали произносить стихи, обращаясь друг к другу, и безутешно рыдали до тех пор, пока не наступило утро. И тогда Кан-Макан увидел, что его собеседник — молодой бедуин из пустыни, одетый в поношенную одежду и опоясанный заржавевшим в ножнах мечом. Весь вид этого юноши говорил о влюбленности.

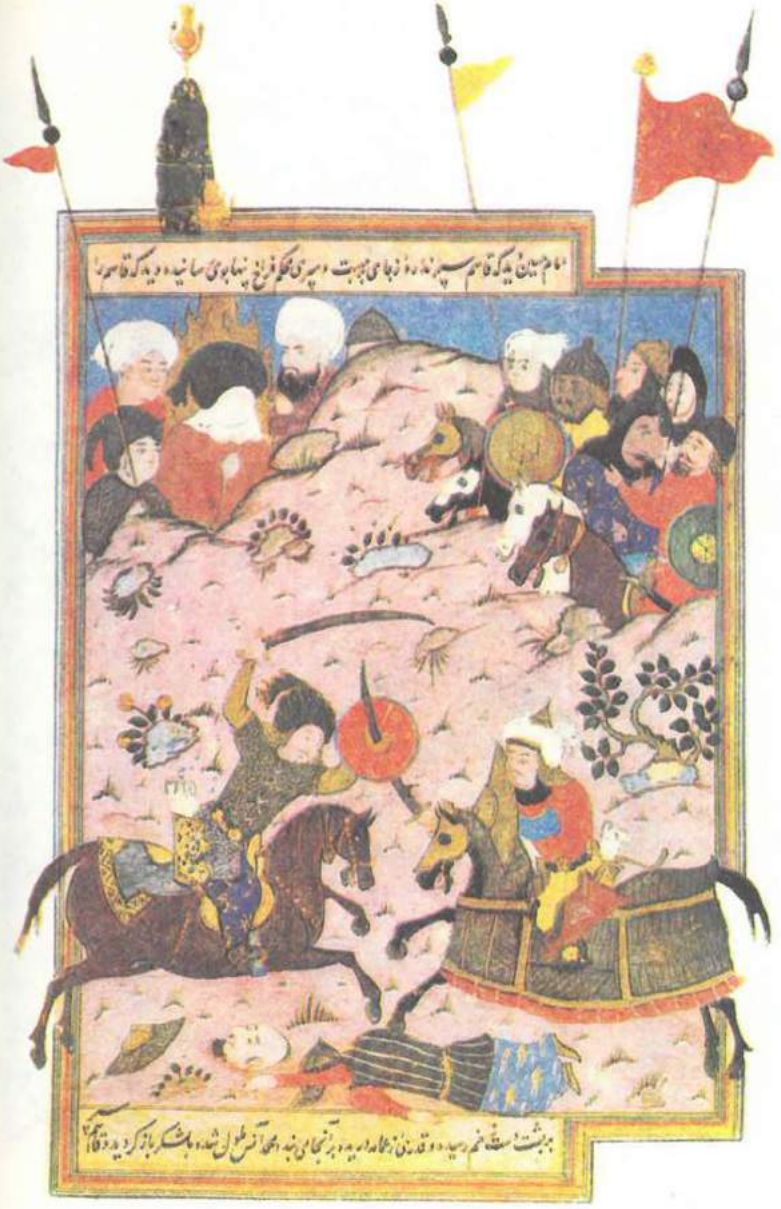
Кан-Макан, подойдя к молодому скитальцу, поздоровался с ним, и тот, ответив на приветствие, пожелал ему долгих лет жизни. Но когда он увидел, во что одет Кан-Макан, он подумал, что имеет дело с нищим, и молвил:

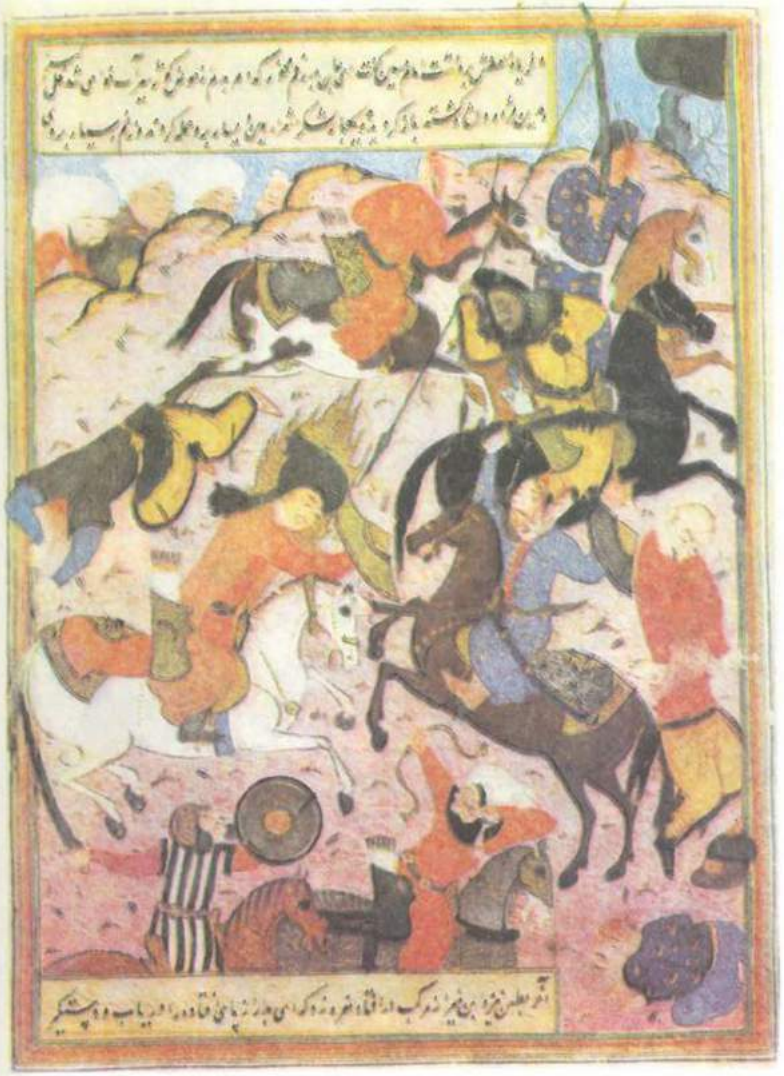
— О храбрец, к какому племени ты принадлежишь и от кого из арабов ведешь свой род? Расскажи, что с тобой приключилось и почему ты не боишься один странствовать ночью? Я услышал от тебя слова, которые может произнести только витязь и большой смельчак, но теперь ты всецело в моих руках. Однако я сохраню тебе жизнь, пожалею тебя, и ты станешь моим товарищем и будешь прислуживать мне.

Услыхав, как он грубо обращается к нему, хотя раньше проявил умение сочинять стихи, Кан-Макан понял, что бедуин презирает его, и, набравшись смелости, сказал ему отчетливо и ласково:

— О вождь арабов, оставь мою жизнь в покое и поведай мне, почему ты странствуешь ночью по пустыне и произносишь стихи? Ты сказал, что я буду прислуживать тебе, так кто же ты такой и какая причина такого отношения ко мне?

— Да будет тебе известно,— молвил бедуин,— что звать меня Саббах ибн Раммах ибн Химмам, я из племени арабов Сирии. Есть у меня двоюродная сестра по имени Неджма,— тот, кому повезло увидеть ее, был счастлив. После смерти моего отца меня воспитывал дядя, отец Неджмы, а когда я и дочь моего дяди выросли, нас разъединили, потому что я





получил в наследство мало денег. Тогда я пошел к вождям племен и пожаловался на своего дядю, и они взяли его в оборот. После этого ему стало стыдно, и он согласился выдать за меня свою дочь, но с одним условием: я должен был прийти к нему с таким выкупом — пятьдесят лошадей, пятьдесят верблюдов, навьюченных мешками с пшеницей, пятьдесят верблюдов, навьюченных мешками с ячменем, десять рабов и десять рабынь. Такой калым был для меня непосильным. Теперь я направляюсь из Сирии в Ирак и на протяжении двадцати дней не встретил никого, кроме тебя. Я решил подойти к Багдаду, подождать, пока из городских ворот выйдет караван богатых купцов, проследовать за ним и ограбить его — я убью купцов, их слуг и рабов, затем угоню верблюдов, груженных товарами!.. А ты какого рода-племени будешь?

— Твоя история похожа на ту, что приключилась со мной,— ответил Кан-Макан,— но у меня дела обстоят сложнее, потому что моя двоюродная сестра — царская дочь и у ее родных запросы больше, чем в случае с тобой.

— Ты, наверное, свихнулся от любви! — воскликнул Саббах.— Разве может дочь твоего дяди быть царевной, если у тебя вид простого нищего, а не потомка царей?

— О вождь арабов,— сказал Кан-Макан,— не удивляйся моим словам! Что прошло, то миновало. Так знай же, что я Кан-Макан, сын царя Дау аль-Макана, внук царя Омара ибн ан-Нумана, властелина Багдада и земли Хорасана. Время жестоко поступило со мной, мой отец умер, и царем стал Сасан, и я тайно покинул Багдад. Вот уже двадцать дней я скитаюсь, но никого не встретил, кроме тебя. История, приключившаяся с тобой, подобна моей истории, и твои горести подобны моим горестям.

Услыхав такие слова, Саббах воскликнул:

— Какое счастье! Судьба улыбнулась мне, ты — моя главная добыча, и мне больше ничего не нужно, ведь ты — потомок царей, хоть и похож на нищего. Твои родственники начнут искать тебя, а когда найдут, то дадут огромный выкуп. Ну, пошевеливайся! Иди, храбрец, впереди меня!

— Опомнись, вождь арабов,— молвил Кан-Макан,— мои родные не дадут тебе выкупа — ни золота, ни серебра, ни медного дирхема. Я бедный человек, все свое ношу с собой. Выбрось из головы глупые мысли и стань моим товарищем. Мы будем скитаться по земле иракской и разным странам, быть может, раздобудем выкуп и насладимся любовью наших двоюродных сестер.

Но бедуин Саббах еще больше разгневался и высокомерно воскликнул:

— Горе тебе! Как смеешь ты возражать?! О мерзкий пес! Поворачивайся ко мне спиной и ступай впереди меня, а не то пожалеешь!

Но Кан-Макан с улыбкой произнес:

— Как я могу повернуться к тебе спиной? Разве чужды тебе справедливость, разве ты не боишься презрения бедуинов, если сделаешь меня своим пленником и погонишь по пустыне униженным и оскорбленным, не испытав меня и не узнав, кто я — витязь или трус.

Засмеявшись, Саббах воскликнул:

— О чудо из чудес! С виду ты юноша, но по речам — старик, потому что лишь храбрец может произнести подобные слова. О какой справедливости ты говоришь?

— Если ты хочешь, чтобы я стал твоим пленником и слугой,— ответил Кан-Макан,— оставь свое оружие, сбрось одежду и поборись со мной. А победитель будет вправе требовать от соперника всего, чего пожелает, и может сделать его своим товарищем.

— Мне кажется,— сказал со смехом Саббах,— что твоя болтливость приближает твою смерть.

Он отбросил меч в сторону, подобрал полы одежды и приблизился к Кан-Макану, и они начали клонить друг друга к земле, и бедуин почувствовал, что Кан-Макан превосходит его по силе. Он бросил взгляд на его ноги и увидал, что они твердо стоят на земле, словно два минарета или две горы, и понял, что скоро будет повержен, и в голову ему пришла мысль: «О, если бы в руках моих был меч!»

Затем Кан-Макан изловчился и схватил Саббаха так, что тому показалось, будто кишки рвутся у него в животе, и он завопил:

— Отпусти меня, о храбрец!

Но Кан-Макан молча поднял его в воздух и направился с ним к реке, собираясь бросить его в воду.

И бедуин вскричал:

— О храбрец, что ты собираешься делать?

— Я собираюсь бросить тебя в эту реку: она впадает в реку Тигр, и ты тоже окажешься там, а Тигр принесет тебя в канал Исы, а канал Исы доставит тебя к реке Евфрат, и ты попадешь в свою страну, и родные, увидя тебя, убедятся в твоей смелости, честности и любви.

— О непобедимый витязь! — воскликнул Саббах.— Не поступай так, как поступают плохие люди. Ради всего свято-

го, ради дочери твоего дяди, красавицы из красавиц, не позорь меня!

И Кан-Макан опустил его на землю. Обретя свободу, бедуин взял свой меч и щит, а потом сел и начал размышлять, как усыпить бдительность Кан-Макана и напасть на него.

Поняв замысел своего противника по его глазам, Кан-Макан громко сказал:

— Я знаю, какое коварство родилось в твоей душе, когда ты взял щит и меч. В рукопашной схватке у тебя руки коротки, ты неуклюж, и если бы ты, оседлав коня, напал на меня с мечом, то я давно бы уже был покойником. Я дам тебе меч, а себе возьму щит, дабы не осталось в твоем сердце обиды. Тогда или ты убьешь меня, или я убью тебя.

— Бери его, вон он! — крикнул бедуин, бросил ему щит и, выхватив из ножен меч, прыгнул на Кан-Макана, который, прикрывшись щитом, принял бой.

Саббах бил по щиту мечом, приговаривая:

— Еще один удар, и тебе конец!

Но все его усилия были тщетными, Кан-Макан уходил от ударов, а сам не нападал, потому что был безоружен, и Саббах до тех пор размахивал мечом, пока не выдохся.

Увидев обессиленного противника, Кан-Макан бросился на него, крепко схватил, поверг на землю и связал перевязью ножен. Таща его за ноги, он направился к реке, и тогда Саббах вскричал:

— Что ты собираешься делать со мной, о непобедимый витязь, о храбрец из храбрецов на поле брани?

— Я же говорил тебе,— ответил Кан-Макан,— что хочу бросить тебя в реку, дабы она принесла тебя к твоим родным и близким и ты не опоздал на свадьбу твоей двоюродной сестры.

И Саббах со стонами и слезами воскликнул:

— Не поступай так, о могучий витязь! Отпусти меня, и я стану одним из твоих слуг!

Пожалев его, Кан-Макан молвил:

— Поклянись, что ты будешь мне верным товарищем и разделишь со мной все невзгоды пути.

— Да будет так! — сказал Саббах, и Кан-Макан отпустил его.

Поднявшись на ноги, Саббах хотел поцеловать Кан-Макану руку, но тот не позволил ему сделать это. Потом бедуин вынул из своего мешка три ячменные лепешки и положил их перед Кан-Маканом. Бывшие соперники сели на

берегу реки, поели вместе, а затем совершили омовение, помолившись, и сидели, разговаривая о несправедливом отношении к ним со стороны их родственников и о превратностях судьбы.

— Куда ты пойдешь теперь? — спросил Кан-Макан.

— Я говорил тебе, что иду в Багдад, в твой родной город,— ответил Саббах,— и не покину его, пока с помощью Аллаха не достану всего, что мне нужно для выкупа.

— Ступай по этой дороге, а я останусь здесь,— сказал Кан-Макан.

Попрощавшись с ним, бедуин пошел по багдадской дороге, а Кан-Макан подумал: «О Боже, как мне возвращаться домой нищим! Клянусь Аллахом, назад я не вернусь, но с помощью Аллаха мне еще улыбнется удача!»

Он подошел к реке, совершил омовение, помолился, и, упав на колени, прикоснулся лбом к земле, и обратился к Аллаху с такими словами:

— О Бог мой, ты, посылающий на землю живительные капли дождя и дающий пищу даже червям, живущим между камнями, о Бог мой, я молю тебя, обозначь мою судьбу, не обдели меня своей милостью и могуществом!

Окончив молитву приветствием, Кан-Макан продолжал сидеть на одном месте, не зная, куда идти дальше.

Глядя по сторонам, он вдруг увидел, что к нему верхом на коне подъезжает всадник, который сидит в седле, согнув спину и опустив повода. Когда всадник приблизился, Кан-Макан увидел, что он тяжело ранен и еле дышит, и слезы текут по его щекам, как из продырявленных бурдюков.

— О вождь арабов,— обратился он к Кан-Макану,— сделай меня, пока я жив, своим другом, ибо я единственный в своем роде, и дай мне испить немного водицы, хотя я и знаю, что раненому нельзя утолять жажду, когда он истекает кровью и теряет последние силы. Если я выживу, я помогу тебе в твоем горе и нищете, а если умру, ты будешь утешен тем, что руководствовался чувством сострадания.

А под всадником был чистокровный скакун редкой красоты, с ногами, словно мраморные колонны, и Кан-Макана, когда он увидел всадника и его коня, охватило волнение, и он подумал: «Такого коня, как этот, трудно найти в наше время!» Затем он помог всаднику сойти на землю, оказал ему всяческие знаки внимания и позволил глотнуть немного воды; дав ему немного передохнуть, он спросил:

— Кто это с тобой так поступил?

— Не буду ничего от тебя скрывать,— ответил всад-

ник.— Я — конокрад и разбойник, промышляю днем и ночью, а зовут меня Хассан, и я — гроза всех кобылиц и жеребцов. Как-то я услышал, что у царя румов Афридуна есть этот конь по кличке аль-Катуль и по прозвищу Меджнун, и поехал в аль-Кустантынию, чтобы похитить этого скакуна. Когда я бродил возле дворца, из ворот вышла старуха по имени Зат ад-Давахи, которую румы очень почитали и исполняли все ее приказы, и не было ей равных в обманах и коварстве. Десять рабов сопровождали ее и вели за ней этого коня. Старуха направлялась в Багдад и Хорасан, чтобы встретиться с царем Сасаном и попросить у него не начинать войны, дабы воцарился мир и спокойствие.

Я двинулся за ними и все время шел следом, но никак не мог подобраться к коню, потому что рабы неустанно стерегли его. Наконец они прибыли в эти края, и я с испугом подумал, что если они достигнут Багдада, то добычи мне не видать. Тогда я начал изыскивать разные способы, как украсть коня, но вдруг облако пыли застлало небо, и вскоре на дороге показалось пятьдесят всадников. Это были разбойники, грабившие купеческие караваны. И возглавлял их сорвиголова по имени Кахрдаш, и был он подобен разъяренному льву, который разгоняет храбрецов, словно мотыльков...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 141-я

Когда же сто сорок первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, раненый всадник говорил Кан-Макану:

— И Кахрдаш, предводитель разбойников, напал на старуху и сопровождающих ее рабов, и воздух огласился криками, и не прошло и минуты, как старуха и десять рабов были связаны. Взяв коня и пленников, разбойники поехали своей дорогой, смеясь и ликуя. А я подумал: «Все пошло прахом, цели я не достиг!»

Однако я последовал за ними, дабы знать, что будет дальше. Вскоре плененная старуха заплакала и сказала предводителю Кахрдашу:

— О непобедимый витязь и могучий лев, для чего тебе старуха и рабы? Ты ведь забрал коня, что еще тебе нужно?

И она обманула его сладкими речами и пообещала, что откупится от него конями и овцами, и Кахрдаш отпустил старуху и рабов, а сам уехал, я же следовал за разбойниками, не упуская их из виду. Улучив минуту, я увел коня, сел на него верхом и хлестнул плетью. Но разбойники увидели меня, и окружили со всех сторон, и принялись стрелять в меня из луков и метать копья, но я пришпорил коня, и он, разбросав в разные стороны разбойников, ускакал прочь, словно пущенная стрела или падающая звезда.

Я весь изранен, вот уже три дня я не слезаю с коня, не сплю и ничего не ем. Силы мои на исходе, и мир стал тесен для меня, а ты проявил ко мне великодушие. Я вижу на тебе следы былого благополучия, хотя ты и похож на нищего. Кто ты, откуда держишь путь и куда идешь?

И юноша ответил ему:

— Звать меня Кан-Макан, я сын царя Дау аль-Макана, сына царя Омара ибн ан-Нумана. После смерти отца меня воспитывали, как сироту, а царем над вельможами и бедняками стал человек, унизивший меня.

И Кан-Макан рассказал конокраду свою историю, и тот, пожалев его, воскликнул:

— Аллах свидетель, ты человек благородный и знатный! Ты еще свершишь великие деяния и станешь одним из храбрейших людей своего времени! Если можешь, сядь на коня сзади, посади меня спереди и отвези меня в мою страну, тогда тебе будет почет и награда не только в этой жизни, но и в жизни вечной. Душа трепыхается в моем теле, и если я умру, то конем по праву должен владеть ты, а не кто иной.

— Клянусь Аллахом,— молвил Кан-Макан,— если бы я мог нести тебя на плечах и отдать тебе часть моей жизни, мне бы не потребовалось коня, потому что мой долг помогать попавшему в беду и оказывать ему милость. Ведь тот, кто творит добро во имя Аллаха всемогущего, будет охранен от семидесяти бед. Собирайся в путь и положись на милость Всевышнего.

И он, уповая на Аллаха, хотел посадить его на коня, но раненый молвил:

— Погоди немного! — Он закрыл глаза, вознес руки к небу и воскликнул:

— Истинно говорю, нет Бога, кроме Аллаха, и Мухам-

мад — посланник Аллаха!.. Творец всего сущего, отпусти мой великий грех, ибо не отпустит греха великого никто, кроме Творца великого!

Веки его сомкнулись, и он, страшно закричав, расстался с жизнью земной. И Кан-Макан вырыл могилу и похоронил его, затем подошел к коню, поцеловал его, погладил по голове и радостно воскликнул:

— Ни у кого нет такого коня, даже у царя Сасана.

Вот что случилось с Кан-Маканом. Тем временем царь Сасан получил сведения, что вазир Дандан перестал ему повиноваться и вместе с ним половина войска,— все они поклялись, что не признают никакого владыку, кроме Кан-Макана. Взяв со своих войск обеты и клятвы, вазир повел их на острова Индии, повел к берегам, повел в страну черных, и дорогой присоединялись к ним другие войска, которым не было ни начала, ни конца. Вазир решил силой взять Багдад, и завоевать эти страны, и убить непослушных рабов, и дал клятву, что не вложит меча войны в ножны, пока не посадит Кан-Макана на царский престол.

Услыхав об этом, царь Сасан погрузился в море размышлений, и ему стало ясно, что и простые люди и вельможи, все царство восстало против него, и тяжесть забот лишила его покоя. Он открыл сокровищницу и одарил деньгами вельмож своего царства. И он страстно желал, чтобы Кан-Макан предстал перед ним, и тогда он добился бы его расположения своей лаской и щедростью и назначил бы его эмиром над войсками, которые еще не начали бунтовать, дабы погасить искры огня, зажженного вазиром Данданом.

Когда купцы принесли Кан-Макану такие вести, он оседлал коня и вернулся в Багдад. А царь Сасан в растерянности сидел на престоле, и ему сообщили о прибытии Кан-Макана. Тем временем все вельможи, воины и жители Багдада вышли встречать Кан-Макана и сопровождали его до дворца, воздавая хвалу. А рабыни вместе с евнухами поспешили к его матери, дабы сообщить ей радостную весть, и она явилась к сыну и поцеловала его между глаз, и он молвил:

— О матушка, позволь мне пойти к моему дяде, царю Сасану, который одарил меня подарками и осыпал милостями.

Увидев коня, вельможи и все придворные были поражены его красотой и говорили:

— Ни у одного смертного не было подобного скакуна!

А Кан-Макан предстал перед царем, поприветствовал его, поцеловал ему руки и ноги и преподнес коня в подарок. Тогда царь сказал ему:

— Милости просим! О Кан-Макан, мой дом — твой дом! Аллах свидетель, мне стало тесно в этом мире из-за твоего отсутствия! Слава Аллаху за то, что он уберег тебя от гибели!

И Кан-Макан помолился за царя Аллаху. Затем царь посмотрел на коня Катуля и вспомнил, что видел его в таком-то году, когда вместе с отцом Кан-Макана, Дау аль-Маканом, осаждал город поклонников креста и когда был убит Шарр-Кан.

— Если бы твой отец был жив, он не поскупился бы отдать за этого скакуна тысячу коней, но теперь судьба нам улыбнулась, конь в наших руках,— сказал царь Сасан,— мы принимаем подарок и дарим его тебе. Среди всех людей тебе в первую очередь подобает владеть этим конем, потому что ты витязь из витязей.

После этого царь Сасан приказал дать Кан-Макану одежды, предназначенные для почетных гостей, и подарил табун коней, а потом отвел ему самую просторную комнату во дворце, и Кан-Макан начал жить в славе и радости. Еще царь, одарив его большими деньгами, оказывал ему всяческие знаки внимания, потому что боялся вазира Дандана.

И Кан-Макан был рад, что кончились его мытарства и нищета. Он пошел к своей матери и спросил ее:

— О матушка, как дела у дочери моего дяди?

— О сын мой,— ответила мать,— думая о тебе, я забыла обо всем, даже о твоей возлюбленной, потому что именно она была виновной в том, что ты бросил меня и ушел скитаться.

И Кан-Макан сказал ей:

— О матушка, сходи к ней и обратись с просьбой, может, она подарит мне один-единственный взгляд и развеет мою печаль.

Но мать ответила:

— Все это приведет к тому, что ты попадешь под женский каблук, не делай того, что ведет к беде! Я не пойду к ней и не обращусь с такими словами.

Кан-Макан опечалился, затем он поведал матери рассказ конокрада о том, что старуха Зат ад-Давахи находится в их владениях и хочет войти в Багдад.

— Это она убила моего дядю и деда,— молвил он,—

и я должен отомстить за них, чтобы снять с себя позор.

Потом он отправился к мерзкой, распутной, жадной и хитрой старухе, которую звали Садана, и рассказал ей о своей любви к дочери его дяди, Кудые-Факан, и попросил, чтобы старуха сходила к девушке и уговорила ее встретиться с ним.

— Слушаю и повинуюсь,— ответила старуха и пошла к Кудые-Факан во дворец и уговорила ее, разбудив в ней чувство сострадания к нему.

После этого она вернулась к Кан-Макану и сказала:

— Кудыя-Факан передает тебе привет и сообщает, что в полночь навестит тебя...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 142-я

Когда же сто сорок вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, старуха сказала Кан-Макану:

— Кудыя-Факан передает тебе привет и сообщает, что в полночь навестит тебя.

Кан-Макан обрадовался и начал с нетерпением ждать прихода дочери своего дяди. Ровно в полночь она пришла к нему, одетая в черное шелковое платье, и, разбудив его, воскликнула:

— Что же это получается? Ты клянешься мне в любви, а сам преспокойно вкушаешь сладость сна!

— О сердца моего отрада,— молвил Кан-Макан,— я заснул потому, что надеялся увидеть тебя во сне как можно быстрее.

Бросившись друг другу в объятия, они стали жаловаться, какие им пришлось пережить мучения разлуки, и разговаривали до тех пор, пока не взошла утренняя заря, залив своим румянцем края неба.

Кудыя-Факан попрощалась с ним и удалилась к себе во дворец. Там она открыла некоторым рабыням свою тайну, и одна из них пошла к царю Сасану и рассказала ему обо всем, и тот вошел в покои дочери и вынул из ножен меч, намереваясь отрубить ей голову. Но ее мать, Нузхат аз-Заман, преградила ему путь и сказала:

— Аллахом молю тебя, не делай ей плохого! Если ты поступишь с ней плохо, люди узнают об этом, и позор упадет на твою голову, о величайший из царей нашего времени. Знай же, что Кан-Макан законный сын своего отца, он наш воспитанник. Он честен и смел, поступки его благородны. Сдержи свой гнев, не торопись! Придворным твоим и жителям Багдада известно, что вазир Дандан собрал войска со всех земель и привел их сюда, чтобы посадить на престол Кан-Макана.

— Аллах свидетель,— ответил царь,— я предам Кан-Макана смерти, дабы не ходил он по этой земле и не пребывал под этим небом! Я обласкал его своими милостями только потому, что искал расположения у моего народа и у вельмож, дабы они не стали на его сторону, и ты скоро убедишься в этом.

Затем он ушел от нее, погруженный в мысли о делах своего царства.

Вот что произошло с царем Сасаном. А сейчас речь пойдет о Кан-Макане. На следующий день он явился к своей матери и сказал ей:

— О мать моя, я решил стать разбойником, я буду разбойничать на дорогах, я буду угонять коней, овец и рабов, а когда разбогатею и мое положение улучшится, я предложу руку и сердце моей двоюродной сестре Кудые-Факан и попрошу разрешения у моего дяди, царя Сасана, жениться на ней.

— О сын мой,— сказала мать,— чужих богатств не так легко достичь, как ты себе представляешь: чтобы ими овладеть, тебе нужно будет разить людей мечом и пронзать копьем, но люди эти опасны, они варвары, они пожирают зверей и опустошают земли, они приручают львов и охотятся на барсов!

И тогда Кан-Макан воскликнул:

— Никогда в жизни я не откажусь от цели, к которой стремлюсь!

И он послал старуху к Кудые-Факан, дабы она сообщила ей, что он уезжает за ее выкупом, затем молвил:

— Спроси, что она думает об этом?

— Слушаю и повинуюсь,— ответила старуха. Она пошла к Кудые-Факан, вернулась обратно и сказала: — В полночь она явится к тебе.

И Кан-Макан не сомкнул глаз до полуночи, и он пребывал в волнении и не заметил, как его любимая подошла к нему со словами:

— Моя душа не дает тебе заснуть!

Тогда он, вскочив перед ней, воскликнул:

— О желанная моя, своей душой я охраню тебя от всяческих зол.

И сообщил ей Кан-Макан о своем решении, и Кудыя-Факан заплакала, а он молвил:

— Не нужно плакать, о сестра! Я буду умолять того, кто обрек нас на расставание, чтобы он соединил нас и оказал нам помощь.

После этого Кан-Макан собрался в дорогу: он попрощался со своей матерью, вышел из дворца, прихватив с собой меч, тюрбан и наличник, сел на коня Катуля и пересек город, ориентируясь на луну.

Возле багдадских ворот он встретил своего товарища Саббаха ибн Раммаха, который выходил из города. Увидев Кан-Макана, он поздоровался с ним и побежал рядом с его стременем, и Кан-Макан также поздоровался с ним, а Саббах обратился к нему с такими словами:

— О брат мой, где ты раздобыл этого коня, меч и одежду? У меня же, кроме меча и щита, ничего нет.

— На каждую дичь найдется охотник,— ответил Кан-Макан.— Через час после того, как мы с тобой расстались, мне улыбнулась удача. Не желаешь ли сопровождать меня по этой равнине, руководствуясь чистыми намерениями?

— Клянусь Аллахом, ты будешь теперь моим господином! — воскликнул Саббах и побежал перед его конем с мечом в руках и мешком за плечами.

Они продвигались по равнине четыре дня, питаясь газелями, на которых охотились, и утоляя жажду из ручьев, а на пятый день приблизились к большому холму, окруженному лугами. И было много там верблюдов, коров, овец и коней, детеныши их весело резвились возле загона. Увидев такую благодать, Кан-Макан возрадовался, и грудь его исполнилась решимостью, и он вознамерился угнать всех животных.

— Давай угоним этот скот, отобьем его у хозяев. Будь моим соратником, помоги мне, и ты получишь свою часть добычи,— сказал он Саббаху. Но тот воскликнул:

— О мой господин, у этих животных много хозяев, и среди них наверняка найдутся смельчаки, конные и пешие, которые дадут нам отпор, нам грозит великая опасность, о господин мой! Мы погибнем, а наши двоюродные сестры останутся одинокими.

И Кан-Макан захохотал: он понял, что Саббах — трус. Издав боевой клич, он спустился с холма и устремился на стадо верблюдиц, и похож он был на одержимого верблюда, и погнал он всех верблюдов, коров, овец, коней. И тут подступили к нему рабы; блистая мечами и угрожая копьями, они пытались его убить. И возглавлял их всадник — закаленный в боях турок, мастер убивать копьем и мечом. Наступая на Кан-Макана, он крикнул ему:

— Аллах свидетель, если бы ты знал, кому принадлежит этот скот, ты бы так не поступал! А принадлежит он отряду румов, нет которым равных на море, и полку черкезов, а их сто витязей, и все они суровые смельчаки и не повинуются ни одному султану. У них украли коня, и они дали клятву найти его любой ценой.

Услыхав такую речь, Кан-Макан вскричал:

— О негодяи! Подо мной конь, которого вы ищете, давайте же, отбейте его у меня, померяйтесь со мной силами! Бросайтесь всем скопом, но берегитесь!

Затем Кан-Макан пришпорил Катуля, крикнул что есть мочи и набросился на них, словно демон. Ударив первого всадника копьем, он вырвал ему почку и сбросил с коня, потом устремился на второго, на третьего, на четвертого и убил их, и рабы в страхе задрожали, а он крикнул им:

— О дети потаскух, гоните скот и коней, или ваша кровь окрасит острие моего копья!

И они, собрав животных, погнали их вперед, и тогда с радостными криками спустился к Кан-Макану Саббах, но вдруг небо потемнело от пыли, и показались из нее сто всадников, похожих на свирепых львов. Объятый страхом, Саббах убежал из долины, забрался на вершину холма и начал наблюдать за боем, приговаривая:

— Какой из меня витязь! И смех и грех!

Тем временем сто всадников окружили Кан-Макана со всех сторон, а один, приблизившись к нему, спросил:

— Куда ты угоняешь этот скот?

— Это мое дело, ты же его лишишься,— ответил Кан-Макан.— Сразись со мной, если хочешь, но помни, что перед тобой могучий лев и благородный витязь с мечом, разящим наповал.

И действительно, всадник увидел, что Кан-Макан похож на бесстрашного льва, но лицо его подобно луне, которая восходит в четырнадцатую ночь, и доблесть озаряет его глаза. А всадник этот по имени Кахрдаш был предводителем черкесов. И он увидел, что геройский вид незнакомца со-

четается с редкой красотой его лица и изяществом тела и что похож он на Фатин, возлюбленную Кахрдаша. Была она красавицей из красавиц, которую Аллах одарил благородными качествами и разными утонченными свойствами, и люди восхищались ее совершенством.

А воины того племени страшились ее гнева, и храбрецы тех земель боялись и чтили ее. И она поклялась, что выйдет замуж лишь за того, кто победит ее в бою. Кахрдаш также сватался к ней, но она молвила своему отцу:

— Мною овладеет лишь тот, кто осилит меня на месте сражения.

И Кахрдаш, опасаясь позора, отказался от поединка, но один из друзей посоветовал ему:

— Ты красив и прелестен, не бойся сразиться с нею, и если она одолеет тебя, не отчаивайся, ты все равно выйдешь победителем. Ведь она будет покорена твоей красотой и бросится убегать, чтобы ты завладел ею. Тебе же известно, что женщина постоянно хочет мужчину.

Но Кахрдаш отказывался от боя до тех пор, пока не встретил Кан-Макана. И ему показалось, что Кан-Макан — его любимая Фатин, поэтому он испугался (а нужно сказать, что Фатин также была в него влюблена). Приблизившись к Кан-Макану, он воскликнул:

— О Фатин, побойся Аллаха! Ты явилась сюда, дабы показать мне свою доблесть, слезай же с коня, я хочу тебе кое-что сказать! Ведь этот скот не мой, я угнал его, а еще я обманул друга, я грабил на дорогах витязей и храбрецов, но поступал я так ради тебя, ради твоей неземной красоты. Умоляю, выйди за меня замуж, и царские дочери будут прислуживать тебе, и ты станешь могучей царицей.

После этих слов Кан-Макана охватил великий гнев, и он закричал:

— О пес чужеземный, горе тебе, забудь Фатин, ты заблуждаешься, приняв меня за нее, выходи на смертный бой!

И он начал гарцевать на коне, размахивая мечом, и Кахрдаш понял, что перед ним не любимая Фатин, а неустрашимый воин, когда увидел на его щеках нежный пушок, подобный мирте, выросшей между красных роз. И он испугался и сказал тем, кого он возглавлял:

— Стыдитесь, о воины! Пусть кто-нибудь один бросится на него с мечом и копьем! Знайте, что нападать на одного всем скопом — это позор, даже если противник могучий витязь.

И тогда один воин устремился на Кан-Макана, и подобен был он льву, и сидел он на вороном коне с белыми ногами и отметиной на лбу, величиной с дирхем. Противники сошлись в страшном поединке, нанося один одному сокрушительные удары, и тут Кан-Макан, изловчившись, сбил с него тюрбан, поразив в самую голову, и воин склонился с коня, будто верблюд, который вот-вот упадет.

Потом выступил против Кан-Макана второй воин, затем третий, четвертый, пятый, но все они пали под ударами Кан-Макана. После этого на него устремились остальные, и началось такое твориться, что трудно описать словами, но не прошло и часа, как все они были пронзены копьем Кан-Макана.

Увидев это, Кахрдаш испугался смерти и понял, что Кан-Макан силен и тверд духом, что он — храбрец из храбрецов, и сказал ему:

— Я подарил тебе твою кровь и кровь моих воинов! Возьми себе часть скота и отправляйся своей дорогой. Я помиловал тебя, ибо ты тверд духом и заслужил право жить.

— Великодушия тебе не занимать,— воскликнул Кан-Макан,— но лучше опомнись! Спасай свою душу! Добычу я заберу целиком, а ты не мешкай и уходи отсюда, будь благоразумен.

Тут Кахрдаша ослепил гнев, им овладело нечто такое, приводящее к гибели.

— Берегись! — крикнул он.— Если бы ты знал, кто я, ты бы сгоряча не произнес этих слов. Да будет тебе известно, что я беспощадный лев, и зовут меня Кахрдаш. Я грабил могучих царей и купеческие караваны. А того коня, на котором ты сидишь, я давно разыскиваю. Расскажи мне, как и где ты им завладел?

— Знай же,— ответил Кан-Макан,— что конь этот предназначался моему дяде, царю Сасану, и вела его старуха, сопровождаемая десятью рабами. А ты напал на них и забрал коня себе. Я же должен отомстить ей за моего деда, царя Омара ибн ан-Нумана, и за моего дядю, царя Шарр-Кана.

— Горе тебе, а кто твои отец и мать? — спросил Кахрдаш, и тот ответил:

— Да будет тебе известно, что я — Кан-Макан, сын царя Дау аль-Макана, сына царя Омара ибн ан-Нумана.

И Кахрдаш воскликнул:

— Тогда нечего удивляться, что в тебе соединены

доблесть и красота! Ступай своей дорогой и не бойся: ведь отец твой был добр и справедлив к нам.

Но Кан-Макан сказал:

— Клянусь Аллахом, о презренный, я не буду тебя уважать, пока не одержу победу над тобой в смертельной схватке!

И Кахрдаш разгневался, и оба они с криками устремились друг на друга, и кони их, навострив уши, подняли хвосты, и они сражались до тех пор, пока в глазах их потемнело. Но они сцепились, словно бодливые бараны, и вот Кахрдаш направил удар копьем, но Кан-Макан увернулся, а затем нанес свой удар бедуину в грудь, пронзив его копьем насквозь.

Собрав коней и скот, Как-Макан повелел рабам:

— Ну, гоните живее!

И тогда Саббах спустился с холма, подошел к Кан-Макану и сказал:

— О непобедимый витязь, ты настоящий герой! Я молился за тебя Аллаху, и он услышал мою молитву.

Затем Саббах отрезал Кахрдашу голову, а Кан-Макан, засмеявшись, сказал ему:

— О ничтожный, горе тебе, ведь я думал, что ты храбрец в бою!

И Саббах ответил:

— Не забудь поделиться с твоим рабом своей добычей: может, мне тогда удастся жениться на Неджме.

— Свою долю ты получишь, не сомневайся,— молвил Кан-Макан,— но не спускай глаз с рабов и добычи.

И Кан-Макан отправился в путь. Он ехал днем и ночью, пока не приблизился к Багдаду. И воины узнали его, и дивились его добыче, а голова Кахрдаша была у Саббаха на копье. И купцы радостно говорили:

— Аллах избавил людей от этого страшного разбойника.

А жители Багдада принялись расспрашивать Кан-Макана, что с ним приключилось, и он поведал им обо всем, и все воины и храбрецы начали уважать его и бояться.

Затем Кан-Макан, пригнав коней и скот ко дворцу, воткнул возле ворот копье, на котором торчала голова Кахрдаша, и начал одарять людей конями и верблюдами. И жители Багдада полюбили его всем сердцем. Потом он отдал Саббаху часть добычи и поселил его в просторном доме, а затем пошел к своей матери и рассказал ей о своих приключениях.

Узнав о прибытии Кан-Макана, царь созвал приближенных и молвил им:

— Знайте же, что я решил поделиться с вами вот чем. Может случиться так, что Кан-Макан станет причиной изгнания нас из этих земель, ведь это он убил Кахрдаша, которому подчинялись отряды курдов и турок. Кроме того, вазир Дандан, несмотря на все милости и благодеяния, которые я ему оказывал, повел себя, как настоящий предатель. Мне стало известно, что он собрал в разных странах войска, дабы с их помощью посадить Кан-Макана на престол, потому что его отец и дед были царями. Без сомнений, он убьет меня.

И приближенные сказали:

— О великий царь, Кан-Макан тебе не соперник, и если бы мы не знали, что ты воспитал его, никто бы из нас даже не посмотрел в его сторону. Знай же, что мы преданы тебе и убьем нечестивца, если ты пожелаешь, или удалим куда-нибудь.

Услыхав такие слова, царь воскликнул:

— Его надо убить, но вы должны поклясться мне в своей готовности сделать это.

И приближенные поклялись, что убьют Кан-Макана, и тогда вазир Дандан не сможет осуществить своих намерений.

После этого царь удалился в свои покои, а приближенные отправились к воинам, которые были еще им послушны, но они отказались садиться на коней, выжидая, что произойдет дальше, ибо большая часть войска была на стороне вазира Дандана.

Узнав об этом, Кудыя-Факан очень опечалилась. Она велела позвать старуху, которая обычно приносила ей вести от сына ее дяди, и приказала ей пойти к Кан-Макану и рассказать ему обо всем. Когда старуха пришла к нему и поставила его в известность, он молвил:

— Передай от меня привет двоюродной сестре и скажи ей: «Вся земля во власти Аллаха великого, и он наделяет ею каждого из своих рабов по своему усмотрению».

Старуха возвратилась к Кудые-Факан, передала ей слова Кан-Макана и сообщила ей, что он продолжает оставаться в городе.

Тем временем царь Сасан поджидал, когда он выедет из Багдада, чтобы подослать к нему убийцу. И вот однажды Кан-Макан отправился на охоту в сопровождении Саббаха, который был с ним неразлучный. На равнине Кан-Макан

поймал десять газелей, и среди них была газель с черными глазами, поворачивающая голову направо и налево, и Кан-Макан отпустил ее.

— Зачем ты сделал это? — спросил Саббах.

Тогда Кан-Макан, засмеявшись, отпустил остальных газелей и молвил:

— Благородному охотнику подобает отпускать газелей, у которых есть детеныши, а эта наверняка их имеет, потому что оглядывалась по сторонам. Остальных я отпустил из уважения к ней.

— Отпусти же и меня к моим родным.

Но Кан-Макан, снова засмеявшись, ударил его тупым концом копья под сердце, и Саббах упал на землю, извиваясь, как змея.

Вот так они забавлялись, как вдруг поднялась туча пыли, и из нее показались на конях могучие воины. А произошло вот что. Царю Сасану донесли, что Кан-Макан отправился на охоту, и он послал Джами, эмира дейлемитов, во главе двадцати всадников, чтобы они убили Кан-Макана за соответствующее вознаграждение. Подскакав к Кан-Макану, они устремились на него, но тот принял бой и уничтожил их всех. А царь Сасан, оседлав коня, поехал на место схватки и увидел, что воины мертвы. Тогда, удивленный, он возвратился назад, но жители города схватили его и связали веревками.

А Кан-Макан и Саббах, покинув то место, ехали по равнине, пока не прибыли в Багдад. Проезжая мимо одного дома, они увидели возле дверей какого-то юношу. Кан-Макан приветствовал его, и юноша ответил на приветствие, а потом вошел в дом и вернулся с двумя чашками: в одной было молоко, а в другой — похлебка. Поставив чашки перед Кан-Маканом, он сказал:

— Сделай нам милость, вкуси нашей пищи.

Но Кан-Макан отказался. Тогда юноша спросил:

— О человек, почему ты не хочешь есть?

— Я дал обет,— ответил Кан-Макан.

— А почему ты его дал? — спросил юноша.

— Да будет тебе известно,— сказал Кан-Макан,— что царь Сасан несправедливо лишил меня царства, хотя раньше на престоле сидели мой отец и дед. После смерти отца Сасан завладел царством, не придав мне особого значения, потому что я был тогда еще юн годами. Вот почему я поклялся, что не стану есть чужой пищи, пока не отомщу обидчику и душа моя не исцелится.

— Возрадуйся,— молвил юноша,— Аллах освободил тебя от обета. Знай же, что царя Сасана схватили, и теперь он пребывает в заточении. Я думаю, что он вскоре простится с жизнью.

— А где он заточен? — спросил Кан-Макан.

— Вон в том высоком доме с куполами,— ответил юноша.

Кан-Макан поднялся, зашел в тот дом и увидел царя Сасана, который лежал, ожидая смерти, а люди подходили к нему и били его по лицу. А затем он возвратился обратно, поел немного и просидел там до тех пор, пока не настала ночь и не заснул гостеприимный юноша.

После этого Кан-Макан снова пошел в тот дом, пробрался к царю Сасану и положил ему руку на голову, а Сасан громко спросил:

— Кто ты?

И Кан-Макан ответил ему:

— Я Кан-Макан, которого ты пытался убить, но Аллах обратил твой злой умысел на тебя самого. Неужели тебе мало было моего царства и царства моего отца, что ты замышлял убить меня?

Тогда царь Сасан начал лживо клясться, что он не думал его убивать, что Кан-Макан заблуждается, и Кан-Макан, простив его, сказал:

— Иди за мной.

— Я так ослаб, что не могу сделать и шага,— ответил Сасан.

— Ну что же,— сказал Кан-Макан,— возьмем тогда пару коней и отправимся на них в пустыню.

Оседлав коней, они двинулись в путь и ехали целую ночь, а утром совершили молитву и снова поехали дальше, пока не достигли какого-то сада. Они побеседовали немного, и Кан-Макан спросил Сасана:

— Таишь ли ты на меня зло?

— Нет, Аллах свидетель,— ответил Сасан.

И они решили возвратиться в Багдад. А бедуин Саббах, сопровождавший их, сказал:

— Я вас опережу, чтобы принести людям радостную весть.

И он поскакал впереди них, оповещая дорогой женщин и мужчин, и люди выходили им навстречу с бубнами и флейтами, приветствуя их, и подъехала к ним Кудыя-Факан, подобная луне, сияющей во мраке ночи. И Кан-Макан встретил ее, и души их устремились друг к другу, и тело

истосковалось по телу, и имя Кан-Макана не сходило у людей с языка, и могучие воины, называя его первым витязем среди витязей, говорили:

— Никто, кроме Кан-Макана, не может царствовать над нами, и пусть он снова обретет власть своего отца и своего деда!

Что касается Сасана, то когда он пошел к Нузхат аз-Заман, она сказала ему:

— Я слышала, что люди только и говорят о Кан-Макане, наделяя его качествами, присущими разве что святому.

— Слышать — одно, а видеть — другое,— ответил Сасан.— Я был с ним, но не заметил в нем никакого совершенства. Люди преувеличивают, подражая друг другу, когда воздают ему хвалу и клянутся в любви к нему. Аллах вложил в уста людей слова восхищения, и сердца жителей Багдада склонились к нему. А этот предатель, подлый вазир Дандан, собрал для него войска со всех стран, но вряд ли они захотят находиться под властью правителя-сироты, заявившего о своих правах на престол.

— Что же ты задумал? — спросила его Нузхат аз-Заман.

— Я убью его, и тогда планы вазира Дандана не осуществлятся. Он признает мою власть и будет служить мне, как прежде.

— Плохо обманывать даже чужих людей, так как же можно поступать так с близкими? — молвила Нузхат аз-Заман.— Не делай глупости, а выдай лучше за него замуж твою дочь Кудыю-Факан.

Сасан во гневе вскочил на ноги и воскликнул:

— Если бы я смог избежать позора и бесчестия, то снес бы тебе голову мечом, и дыхание бы твое остыло!

— Я не думала, что ты разгневаешься, это же была просто шутка,— примирительно сказала Нузхат аз-Заман и поцеловала ему голову и руки. Потом добавила: — Ты правильно мыслишь, и скоро мы вместе придумаем хитрость, чтобы избавиться от него.

После этих слов Сасан подобрел и молвил:

— Подумай лучше сама, облегчи мои заботы. Врата хитрости стали для меня тесны.

— Не волнуйся, скоро я придумаю, как погубить его душу,— сказала она.— И поможет нам в этом наша рабыня Бакун, мерзкая старуха, которая знает много коварных способов. Когда-то она нянчила и Кан-Макана, и Кудыю-Факан, а Кан-Макан так к ней привязался, что даже спал у ее ног.

И царь Сасан воскликнул:

— Ты приняла правильное решение!

Затем он позвал рабыню Бакун, поведал ей обо всем и приказал убить Кан-Макана, посулив за это большие деньги.

— О владыка мой, слушаю и повинуюсь,— сказала старуха,— но ты должен дать мне отравленный кинжал, лишь тогда я смогу исполнить твою волю.

— Пусть удача не покидает тебя! — воскликнул Сасан и принес ей кинжал.

А эта рабыня знала очень много прекрасных стихов, интересных рассказов и диковинных историй. Взяв кинжал, она удалилась, вынашивая по дороге коварный замысел.

Тем временем Кан-Макан, сидя у себя дома, вспоминал Кудыю-Факан, и сердце его пылало от любви. Представ перед ним, рабыня Бакун молвила:

— Дни разлуки миновали, пришла пора радости и единения.

Тогда Кан-Макан спросил ее:

— Как там поживает Кудыя-Факан?

— Знай же, свет очей моих,— ответила старуха,— что она сгорает от любви к тебе.

Поднявшись, Кан-Макан подарил ей свою одежду и пообещал всяческих благ, а старуха молвила:

— Сегодня ночью я посижу с тобой и развлеку тебя разными интересными историями.

— Прекрасно,— обрадовался Кан-Макан.— Поведай мне о чем-нибудь таком, что утешило бы мое сердце и развеяло бы мою скорбь.

— С превеликим удовольствием,— ответила Бакун.

Она села возле него (а кинжал был спрятан у нее под одеждой) и сказала:

— Послушай о том, что принесло усладу моим ушам.

РАССКАЗ О ЛЮБИТЕЛЕ ГАШИША

Один человек дни и ночи проводил в обществе красавиц, разбазаривая на них деньги, пока не промотал все свое имущество и не остался без гроша. И начал он шататься по рынкам, чтобы выпросить у продавцов какой-нибудь пищи. Но случилось так, что он наступил на гвоздь, проколол себе палец, и из него потекла кровь. Вытерев кровь и перевязав палец, человек поднялся на ноги, испуская жалобные крики.

Затем он вошел в баню, разделся, сел возле водоема и начал поливать себе голову водой...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 143-я

Когда же сто сорок третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, человек сел возле водоема и начал поливать себе голову водой, пока не почувствовал усталости. Тогда он приблизился к холодному бассейну, увидел, что в нем никого нет, вынул кусок гашиша и проглотил его.

Гашиш задурманил ему голову, человек повалился на пол, и ему показалось, что какой-то большой начальник растирает ему ноги, а сзади стоят два раба — один держит в руках чашку, другой — банные принадлежности. И человек подумал: «Похоже, эти люди меня с кем-то перепутали, или же они мои земляки — любители гашиша».

Он с наслаждением вытянул ноги и услышал, как банщик обращается к нему:

— О господин мой, скоро начнется твоя смена, вставай.

Засмеявшись, человек подумал: «О гашиш, воля Аллаха — закон!»

Без лишних слов он поднялся, банщик обвязал ему пояс черным шелковым платком, взял его за руку и повел за собой, а рабы шли сзади, неся банные принадлежности и его вещи. Наконец они привели его в отдельную комнату и окурили ее благовониями.

И человек увидел, что в комнате полным-полно всяких плодов и цветов, и ему поднесли разрезанный арбуз, и посадили на скамеечку из черного дерева, и банщик принялся его мыть, а рабы — поливать водой. Растерев его как следует, они сказали:

— О владыка наш, господин, здоровья тебе и процветания!

Затем они удалились, прикрыв за собой дверь. После такого видения человек поднялся, снял с пояса платок и начал так хохотать, что едва не лишился рассудка, а затем сказал про себя: «Почему они обращаются ко мне, будто я вазир, называя своим владыкой и господином? Наверняка, они что-то напутали, а потом придут и скажут: «Это голодранец!» — да еще надают мне тумаков».

После этого ему привиделось, что в комнату вошли евнух и маленький раб, который нес какой-то узел. Развязав узел, раб вынул из него три шелковые салфетки; одной он накрыл человеку голову, вторую положил на плечи, а третью обвязал вокруг пояса. Затем евнух подал ему деревянные башмаки, человек начал их одевать, и, пока делал это, другие рабы и евнухи поддерживали его, а он продолжал смеяться. Потом он вышел, и оказался под портиком, и увидел там такую роскошь, которая подходила разве что царям, и к нему подбежали слуги, и посадили его на подушки, и растирали ему ноги до тех пор, пока сон не сморил его.

А во сне он увидел, что его обнимает девушка, и он поцеловал ее, и посадил у себя между бедер, как мужчина садит женщину, и сжал ее в своих объятиях, и подмял под себя...

И вдруг человек слышит чей-то голос:

— Эй, голодранец, просыпайся, уже полдень!

Открыв глаза, он увидел, что лежит возле холодного бассейна, а вокруг стоят люди и потешаются над ним, еще он увидел, что салфетка на его поясе развязалась и из-под нее торчит то, чем гордятся мужчины. И тогда человек понял, что видел всего лишь сон, навеянный гашишем. Ему стало неловко. Взглянув на того, кто прервал его сон, он сказал:

— Неужели ты не мог подождать, пока я сделаю свое дело?

— Постыдись, любитель гашиша, ты спишь, а твой прибор у всех на виду! — кричали люди.

И они принялись отвешивать ему тумаки, пока шея у него не покраснела. Но нет худа без добра — хотя он испытывал голод, но вкусил счастье во сне.

Услыхав эту историю, Кан-Макан чуть не умер от смеха и сказал рабыне Бакун:

— О няня, более удивительной истории, чем эта, я не слышал. А знаешь ли ты какие-нибудь еще?

— Да,— ответила рабыня Бакун.

И она принялась рассказывать Кан-Макану всякие небылицы и смешные истории, пока он не заснул, и рабыня сидела подле него большую часть ночи.

Наконец она сказала себе: «Нужно не упустить момент!» Встав на ноги, она выхватила кинжал и хотела вонзить его в грудь спящего Кан-Макана, но тут вошла его мать. Перепуганная старуха, трясясь, словно в лихорадке, пошла ей навстречу.

Когда мать Кан-Макана узрела ее, то была очень удив-

лена, затем она села у сына в изголовье и разбудила его, и он не знал, что она спасла ему жизнь своим появлением. А пришла его мать вот почему. Кудыя-Факан слышала, как сговаривались ее родители, и сказала матери Кан-Макана: «О тетушка, отправляйся немедленно к своему сыну, пока не погубила его распутная старуха Бакун». Потом она рассказала матери Кан-Макана обо всем, что произошло, и та в недоумении пошла к сыну, явившись в тот миг, когда рабыня Бакун собиралась его зарезать.

Открыв глаза, Кан-Макан обратился к своей матери:

— Как хорошо, о матушка, что ты пришла, и моя няня Бакун также здесь.— Обернувшись к старухе, он спросил: — Молю тебя и заклинаю, знаешь ли ты историю интереснее тех, которые ты мне рассказала?

— То, что я тебе рассказала раньше,— ответила рабыня,— не пойдет ни в какое сравнение с тем, что я тебе собираюсь рассказать. Но не сейчас, а позже, в другое время.

И старуха, не веря в свое спасение, поднялась, чтобы уходить, однако ее коварный ум подсказывал, что мать Кан-Макана знает о заговоре против сына.

— Ступай с миром,— молвил ей Кан-Макан.

И она вышла из комнаты.

После этого мать Кан-Макана сказала:

— О сын мой, в эту благословенную ночь Аллах спас тебя от коварства подлой старухи.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Кан-Макан.

И она поведала ему обо всем. Тогда Кан-Макан воскликнул:

— О мать моя, ведь если человек остался жив, то нет и убийцы. Не нужно испытывать судьбу, давай лучше уедем отсюда, и Аллах поможет нам.

Утром Кан-Макан вышел из города, чтобы встретиться с вазиром Данданом. А в это время царь Сасан повздорил со своей женой Нузхат аз-Заман, и она тоже вышла из города. Вскоре Кан-Макан, вазир Дандан и Нузхат аз-Заман встретились, и их окружили вельможи царя Сасана, которые были на их стороне. Они начали строить разные планы и наконец сошлись на том, что нужно идти походом против царя румов, дабы отомстить ему.

Они собрали войска и двинулись в путь, но после многих мытарств и сражений попали в плен к царю румов Румзану.

В одно прекрасное утро царь Румзан велел привести к нему Кан-Макана, вазира Дандана и их приближенных.

Когда те предстали перед ним, он посадил их подле себя и приказал принести столы. Пленники поели, утолили жажду и немного успокоились, так как были уверены, что их ведут на казнь. Перед этим они говорили друг другу: «Он велел привести нас, чтобы умертвить».

Когда они пришли в себя, царь обратился к ним:

— Мне приснился сон, и я рассказал его монахам, и они молвили: «Никто, кроме вазира Дандана, тебе его не растолкует».

— О царь всех времен и народов, хороший это сон или плохой? — спросил вазир Дандан.

И царь ответил:

— Мне приснилось, что я сижу в яме, похожей на черный колодец, и меня предают пыткам, и я хочу освободиться, но когда поднимаюсь, то падаю и уже не могу вылезти из той ямы. А затем я вдруг замечаю на дне ямы золотой пояс и поднимаю его, но вижу, что это два пояса, и я обвязываю ими свой стан, и внезапно два пояса снова сливаются в один. Вот что я видел, о вазир, в своих сладких грезах.

— Да будет тебе известно, о великий царь,— сказал вазир Дандан,— что сон твой указывает на следующее: у тебя есть брат, или племянник, или двоюродный брат, или еще кто-нибудь близкий тебе по плоти и крови, но обязательно он должен быть из вельмож.

После этих слов царь посмотрел на Кан-Макана, Нузхат аз-Заман, Кудыю-Факан, вазира Дандана и всех остальных пленников и подумал: «Нужно отрубить им головы, тогда сердца их воинов не вынесут гибели предводителей, начнется паника, а я вернусь в мою страну, дабы удерживать власть в своих руках». Приняв твердое решение, он позвал палача и велел ему сейчас же отрубить Кан-Макану голову, но вдруг пришла нянька царя и обратилась к нему с вопросом:

— О царь над царями, что ты хочешь сделать?

— Я хочу казнить этих пленников и кинуть головы перед их воинами,— ответил царь,— а затем соберу своих людей, и мы все вместе бросимся на неприятеля: одних мы уничтожим, а других обратим в бегство. А после этой последней битвы я вернусь в мою страну и буду поддерживать там порядок.

Тогда нянька сказала на языке франков:

— Неужели тебе доставит удовольствие убить сына твоего брата, твою сестру и дочь твоей сестры?

После этих слов царь в ярости закричал:

— О презренная, разве тебе неведомо, что мать мою убили, а отца отравили. Ты же сама дала мне жемчужину и сказала: «Это жемчужина твоего отца». Почему ты скрыла от меня правду?

— Все, что я тебе рассказала, не подлежит сомнению,— ответила нянька,— но только дело мое диковинно и наша история с тобой удивительна.

Меня звать Марджана, а имя твоей матери — Абриза, она была настоящей красавицей и храброй воительницей, о ее смелости ходят легенды. Отец же твой, царь Омар ибн ан-Нуман, был властителем Багдада и Хорасана — это можно утверждать без сомнений, не бросая камней в неизвестное. Он отправил своего сына Шарр-Кана и этого вазира Дандана в один из походов, и Шарр-Кан ехал впереди, возглавляя войско. Случилось так, что один из воинов отбился от остальных и попал во дворец твоей матери, царевны Абризы. А мы с ней как раз уединились, чтобы побороться, и он застал нас за этим занятием и предложил твоей матери померяться силами с ним, но она одолела его, благодаря своей красоте и доблести. После этого он пробыл во дворце пять дней, и твоя мать принимала его, как гостя. Однако ее отец узнал об этом от матери, старухи Шавахи, по прозвищу Зат ад-Давахи.

А брат твой Шарр-Кан настоял, чтобы твоя мать приняла ислам. Он тайно повез ее в Багдад, и ее сопровождала я, Рейхана и двадцать рабынь, и все мы приняли ислам, подчинившись воле Шарр-Кана. Когда же мы предстали перед царем Омаром ибн ан-Нуманом и он увидал твою мать, царевну Абризу, в его сердце вспыхнуло пламя любви, и как-то ночью он вошел к ней, и они провели время до утра, и она зачала тебя.

У твоей матери было три жемчужины — их она подарила твоему отцу, а он дал одну жемчужину своей дочери Нузхат аз-Заман, вторую — твоему брату Дау аль-Макану и третью — твоему брату Шарр-Кану. Но царевна Абриза попросила, чтобы Шарр-Кан отдал жемчужину ей,— она хотела сохранить ее для тебя.

Когда подошло время рожать, твоя мать начала с тоской вспоминать о своей семье и раскрыла мне свою тайну. Затем она призвала к себе черного раба Гадбана, тайно сообщила ему, в чем дело, соблазнила деньгами, чтобы он сопровождал нас в пути. И раб согласился, и мы выехали за город, и двигались в направлении наших земель до тех пор, пока в одном пустынном месте, на границе нашей

страны, у твоей матери не начались схватки. И тут в голове раба возникли постыдные мысли, и его одолела похоть; приблизившись к твоей матери, он начал склонять ее на мерзость. Но она в испуге закричала страшным криком и от сильного потрясения родила тебя.

Но вдруг со стороны наших земель поднялась туча пыли, застилая небо. И раб, боясь возмездия и во гневе, ударил твою мать мечом, убив на месте, а потом сел на коня и ускакал.

Вскоре пыль развеялась и показался твой дед Хардуб, царь румов. Увидев твою мать и свою дочь убитой и распростертой на земле, он не знал, куда деваться от горя. Потом он спросил меня, почему ее убили и почему она тайно покинула свою страну, и тогда я поведала ему обо всем. Именно в этом кроется причина того, что обитатели земли румов и обитатели земли Багдадской враждуют между собой. Затем мы забрали твою мать и похоронили, а тебя взяла к себе я, воспитывала тебя и повесила тебе на шею ладанку, которая была у царевны Абризы. А когда ты вырос и возмужал, я не решилась рассказать тебе об этих событиях, потому что, если бы я сделала это, между нашим царством и царством Багдадским наверняка бы начались войны. Твой дед предупредил меня, чтобы я держала это в тайне от тебя, а твоего деда Хардуба, царя румов, я не смела ослушаться.

Вот почему я скрывала от тебя, что царь Омар ибн ан-Нуман — твой отец. И только сейчас я сочла возможным открыть тебе эту тайну. А теперь поступай, как подсказывает тебе сердце.

Пленные слышали все, что говорила нянька царя, рабыня Марджана, и Нузхат аз-Заман воскликнула:

— Царь Румзан — мой брат, сын моего отца Омара ибн ан-Нумана, а его мать — царевна Абриза, дочь Хардуба, царя румов, да и рабыня Марджана мне хорошо знакома.

Услыхав это, царь Румзан затрясся от ярости, не зная, как вести себя дальше. И тогда он подозвал к себе Нузхат аз-Заман, и в тот же миг кровь потянулась к родной крови, и он велел Нузхат аз-Заман рассказать ему ее историю. И она подробно все рассказала, и слова ее подтверждали то, о чем поведала нянька Марджана, и царь теперь уверился, что он на самом деле выходец из Ирака, а его отцом был царь Омар ибн ан-Нуман. Поднявшись, он развязал веревки, опутывавшие его сестру Нузхат аз-Заман, и она поцеловала его руки, и на его глазах заблестели

слезы. Когда она заплакала, заплакал и он, охваченный приливом нежности к сестре.

Потом царь забрал у палача меч, и пленные решили, что им пришел конец. Но он собственноручно освободил их от уз.

А рабыня Марджана, посмотрев на Кан-Макана, увидела у него на шее третью ладанку и издала вопль, потрясший своды дворца, и сказала царю:

— О владыка мой, я еще больше убеждаюсь в своей правоте, потому что ладанка на шее этого юноши подобна той, которую я повесила тебе на шею. Значит, этот пленник — сын твоего брата.

Затем старая рабыня попросила Кан-Макана:

— О властелин, покажи мне эту вещицу.

Сняв с шеи ладанку, Кан-Макан протянул ее няньке царя Румзана. Взяв ее, она попросила дать ей еще и третью ладанку, и Нузхат аз-Заман исполнила ее просьбу. Тогда рабыня передала обе ладанки царю Румзану, и тот смог прийти к несомненному убеждению, что он — дядя Кан-Макана, а отец его — царь Омар ибн ан-Нуман.

И в ту же минуту царь подошел к вазиру Дандану и обнял его, потом обнял царя Кан-Макана. И началось всеобщее ликование, и разлетелись благие вести.

А иракские и сирийские воины, услыхав радостные крики румов, оседлали своих коней, и царь аз-Зибликан тоже оседлал, бормоча себе под нос:

— Нужно посмотреть, почему это радуются франки и румы.

Во главе войск царь аз-Зибликан приблизился к позициям противника и дал приказ войскам выстроиться и приготовиться к бою. А царь Румзан, увидев приближение неприятеля, спросил о причине этого, и ему объяснили, в чем дело, и тогда он приказал дочери его брата Шарр-Кана, Кудые-Факан, немедленно отправиться к иракским и сирийским войскам и известить их о том, что заключено мирное соглашение и стало известно, что царь Румзан приходится родным дядей царю Кан-Макану.

Отбросив плохие мысли и прогнав печаль, Кудыя-Факан поехала сама, и никто ее не сопровождал. Она прибыла к царю аз-Зибликану, приветствовала его и сообщила о мирном соглашении и о том, что царь Румзан оказался ее дядей и дядей царя Кан-Макана.

Обрадовавшись, царь аз-Зибликан сел на коня, а сановники и вельможи последовали его примеру, и Кудыя-Факан

поехала впереди и привела всех к шатру царя Румзана, и они вошли туда. А в это время царь, вазир Дандан и царь Кан-Макан советовались, как поступить с царем аз-Зибликаном, и сошлись на том, что сделают его наместником в Дамаске, а сами уйдут в земли иракские.

И они велели аз-Зибликану собираться в дорогу, и вскоре он отправился в Дамаск во главе своих войск, и его какое-то время провожали, дабы проститься с ним, как требует обычай, а потом вернулись обратно.

После этого был кинут клич, чтобы оба войска собрались вместе и были готовы к выступлению в страны Ирака, а цари сказали друг другу:

— Сердца наши обретут покой и гнев наш исчезнет только тогда, когда мы смоем с себя позор, отомстив старухе Шавахи, по прозвищу Зат ад-Давахи.

И они двинулись в путь и шли до тех пор, пока не оказались на своих землях. Услыхав об их прибытии, старший царедворец Сасан вышел им навстречу и поцеловал руку царю Румзану, и тот одарил его почетным одеянием.

А затем царь Румзан взошел на престол и посадил рядом с собой сына своего брата, царя Кан-Макана, и Кан-Макан обратился к своему дяде, царю Румзану, с такими словами:

— О почтенный дядя, этим царством достоин управлять только ты один.

Но царь Румзан ответил так:

— Клянусь Аллахом, я ни за что не стану соперничать с тобой из-за власти!

И тогда вазир Дандан посоветовал им, чтобы властвовали они поровну: один день правит царь Кан-Макан, а второй день — царь Румзан. На том и порешили.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 144-я

Когда же сто сорок четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в преданиях, о счастливый наш царь, милостивый государь, цари договорились, что властвовать они будут поровну: один день правит царь Кан-Макан, а второй день — царь Румзан. После этого они устроили празднества, и радости их не было предела. И правили они

так страной некоторое время. Что же касается царя Кан-Макана, то ночи он проводил со своей двоюродной сестрой Кудыей-Факан.

Оба царя радовались, что все идет хорошо, как вдруг явился к ним один купец, взывая о помощи.

— О цари всех времен и народов,— кричал он,— как могло случиться так, что в стране неверных я оставался цел и невредим, а в вашей стране меня ограбили, хотя все считают эту страну справедливой и безопасной для торговли?

Тогда царь Румзан спросил, что с ним произошло, и купец ответил:

— Я знатный купец, я уже долгое время не бывал в родных местах. На протяжении двадцати лет я торгую по разным странам. У меня есть благодарственное письмо из Дамаска, врученное мне покойным царем Шарр-Каном по случаю того, что я подарил ему рабыню. Когда же я оказался в ваших землях, везя сто мешков разных диковинных товаров из Индии и намеревался продать их в священном Багдаде, городе безопасном и справедливом, на меня напали арабы-кочевники, и поубивали моих людей, и разграбили мой караван. Вот что произошло со мной.

Купец заплакал, стал жаловаться и восклицать:

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха великого!

И тогда царь Румзан пожалел его, и царь Кан-Макан также посочувствовал ему, и они пообещали, что накажут разбойников по заслугам.

Немедля они двинулись их искать во главе сотни могучих воинов, каждый из которых стоил тысячи мужей (а купец ехал впереди, показывая им дорогу), и ехали они весь день и всю ночь, пока не наступило утро. Когда же они приблизились к долине, где протекали глубокие реки и росли раскидистые деревья, то увидели, что разбойники разбрелись по долине, поделив между собой мешки купца. Не долго думая, сто всадников устремились на них, взяв в плотное кольцо, и не прошло часа, как все разбойники оказались в плену, а было их около трехсот человек, в основном бедуинский сброд. Все награбленное у них отобрали, а их самих, крепко связав веревками, доставили в Багдад.

Войдя вместе на один престол, цари приказали привести разбойников, затем спросили их, кто они такие и кто их предводитель, и бедуины ответили:

— У нас есть три предводителя, которые собрали нас вместе со всех земель.

— Покажите нам их,— сказали цари, и бедуины указали.

Тогда цари велели схватить предводителей, а остальных разбойников отпустить. Отобранные у них товары были возвращены купцу.

Осмотрев свое имущество, купец увидел, что четвертая часть его безвозвратно утеряна, но ему пообещали возместить убытки.

После этого купец показал два письма: одно было написано почерком Шарр-Кана, а второе — почерком Нузхат аз-Заман (этот купец купил Нузхат аз-Заман у бедуина и подарил Шарр-Кану, когда она была еще невинна, и между ней и братом случилось то, что случилось). Прочитав оба письма, царь Кан-Макан удостоверился, что одно было написано почерком его дяди Шарр-Кана, и выслушал историю о том, что случилось с его теткой Нузхат аз-Заман. Он пошел к ней со вторым письмом, рассказал все, что узнал от купца, и она подтвердила сказанное и узнала свой почерк. Потом Нузхат аз-Заман, напоив и накормив купца, возложила заботы о нем на своего брата, царя Румзана, и на своего племянника, царя Кан-Макана, который велел дать ему денег, а также рабов и слуг. Со своей стороны, Нузхат аз-Заман прислала ему сто тысяч дирхемов и десять мешков с разными товарами. Затем она встретилась с ним, приветствовала его и сообщила ему, что она дочь царя Омара ибн ан-Нумана и что царь Румзан — ее родной брат, а царь Кан-Макан — сын ее брата.

И купец, сияя от радости, поцеловал ей руки, поблагодарил и воскликнул:

— Аллах свидетель, за добрые дела ты будешь вознаграждена!

Погостив у Нузхат аз-Заман три дня, купец простился с ней и уехал в Сирию.

После этого цари приказали, чтобы к ним привели предводителей разбойников, и спросили их, кто они такие. Один из этих негодяев сделал шаг вперед и молвил:

— Да будет вам известно, что я принадлежу к племени бедуинов и живу тем, что подстерегаю на дорогах детей и невинных девушек, а потом продаю их купцам. Промышлял я так довольно долго, но сатана попутал меня, и я сошелся с этими двумя несчастными. Вместе с ними я собрал шайку из бедуинского сброда и городских подонков, и мы начали грабить купеческие караваны.

— Поведай нам о самом удивительном, происшедшем

с тобой, когда ты похищал детей и девушек,— велели ему, и он сказал:

— О цари всех времен и народов, более удивительной истории, чем эта, со мной не приключалось. Двадцать два года назад в один чудесный день я украл одну из первых красавиц Иерусалима, но это была служанка, одетая в рваные одежды. Когда она выходила из хана, я хитростью похитил ее и положил на верблюда, намереваясь отвезти ее в пустыню к своим родственникам, чтобы ухаживала за верблюдами и собирала в долине навоз. Она начала рыдать, тогда я подошел к ней и жестоко ее избил, после этого повез в Дамаск. Там она приглянулась одному купцу, который был восхищен ее красноречием, и он захотел купить ее, и упрашивал меня, все время набавляя цену, и наконец я продал ее за сто тысяч дирхемов.

Потом до меня дошли вести, что купец нарядил ее в дорогие одежды и подарил правителю Дамаска... Вот эта самая удивительная история, о могучие цари, которая случилась со мной, и, жизнью клянусь, та девушка стоила гораздо больше!

Царям понравился рассказ бедуина, а у Нузхат аз-Заман потемнело в глазах, и она закричала, обращаясь к своему брату Румзану:

— Я уверена, что именно этот бедуин похитил меня тогда в Иерусалиме!

Потом Нузхат аз-Заман рассказала всем, какие злоключения она вынесла на чужбине, когда была его пленницей,— о том, как он избивал ее, морил голодом, унижал,— и добавила:

— Теперь я имею полное право убить его.

Она обнажила меч и подошла к бедуину, но тот воскликнул:

— О цари всех времен и народов, запретите ей убивать меня до тех пор, пока я не расскажу вам, какая диковинная история случилась со мной.

— О тетушка,— молвил тогда ее племянник Кан-Макан,— разреши ему рассказать эту историю, а потом поступай, как сочтешь нужным.

И Нузхат аз-Заман разрешила, и цари молвили:

— Мы слушаем тебя.

— О могучие владыки,— спросил бедуин,— если вы услышите из моих уст диковинную историю, вы простите меня?

— Да,— ответили цари.

РАССКАЗ БЕДУИНА ХАММАДА

И бедуин начал свое повествование о тех чудесных событиях, которые выпали на его долю:

— Знайте же, что как-то ночью, не так давно, мной овладела бессонница, и я никак не мог дождаться утра. Когда же взошло солнце, я встал с постели, опоясался мечом, оседлал коня, привязал к бедру копье и отправился на охоту. По дороге я встретил несколько всадников, которые поинтересовались, куда я держу путь, и, когда я им ответил, выразили желание поохотиться вместе со мной. И мы поехали вперед, как вдруг появился страус и, распустив крылья, побежал перед нами, а мы погнались за ним и преследовали его до полудня, пока он не завел нас в пустыню, где не было ни травинки, ни деревца и слышалось лишь змеиное шипение, вой джиннов и крики гулей. И тут страус куда-то исчез — то ли в небо улетел, то ли провалился сквозь землю.

Мы повернули коней и хотели ехать назад, но потом подумали, что возвращаться во время такой жары будет тяжело и неразумно. А жара становилась все сильнее, нас мучила жажда, и кони наши остановились, и мы почувствовали, что скоро умрем. Не знаю, сколько мы так стояли, но вдруг увидели вдали большой луг, на котором резвились газели и стоял шатер, а возле него был привязан конь, и на солнце сверкали зубцы копья, воткнутого тупым концом в землю.

Воспрянув духом, мы повернули коней и поскакали к этому шатру, лугу и воде, и я был впереди всех, и вскоре мы прибыли в то место, остановились у ручья, напились сами и напоили коней. После этого я беспечно направился ко входу в шатер и увидел юношу с нежным лицом, и подобен он был месяцу, и рядом стояла девушка, стройная и красивая, словно ивовая ветвь, и при первом взгляде на нее мое сердце попало в сети любви.

Я приветствовал юношу, и он ответил мне тем же. Тогда я обратился к нему с вопросом:

— О брат арабов, поведай мне, кто ты такой и кем приходится тебе эта девушка, стоящая подле тебя?

Юноша опустил голову, но через минуту поднял ее и спросил в свою очередь:

— Сперва расскажи мне, кто ты и что за люди тебя сопровождают?

И я ответил ему:

— Звать меня Хаммад ибн аль-Фазари аль-Фариси, я могучий витязь. Арабы считают, что я стою пятисот всадников. Решив поохотиться, я со своими товарищами оказался в этих местах, и мы очень захотели пить, и я подошел к твоему шатру, чтобы попросить глоток воды.

Тогда юноша повернулся к девушке и велел ей:

— Принеси этому человеку воды и что-нибудь поесть.

Девушка встала, и золотые браслеты зазвенели у нее на ногах, и она пошла, то и дело наступая на свои длинные, до самой земли, волосы. Отсутствовала она недолго и вскоре пришла, держа в правой руке серебряный кувшин с холодной водой, а в левой — чашку, наполненную финиками и мясом. Но я не мог взять у девушки ни еды, ни питья из-за любви, которая овладела мной, и произнес такое двустишие:

Мне кажется, хна у нее на ногтях,
Как ворон, чернеющий в белых снегах.

Ты солнце с луною в лице ее видишь,
Но солнце исчезло, луна в облаках.

А затем, поев и напившись, я обратился к юноше:

— О предводитель арабов, теперь ты знаешь, кто я и что привело меня сюда, а сейчас я хочу, чтобы ты рассказал мне, кто ты.

— Могу сказать лишь то, что эта девушка моя сестра.

— Отдай мне ее в жены добровольно,— молвил я,— не то возьму ее силой, а тебя убью.

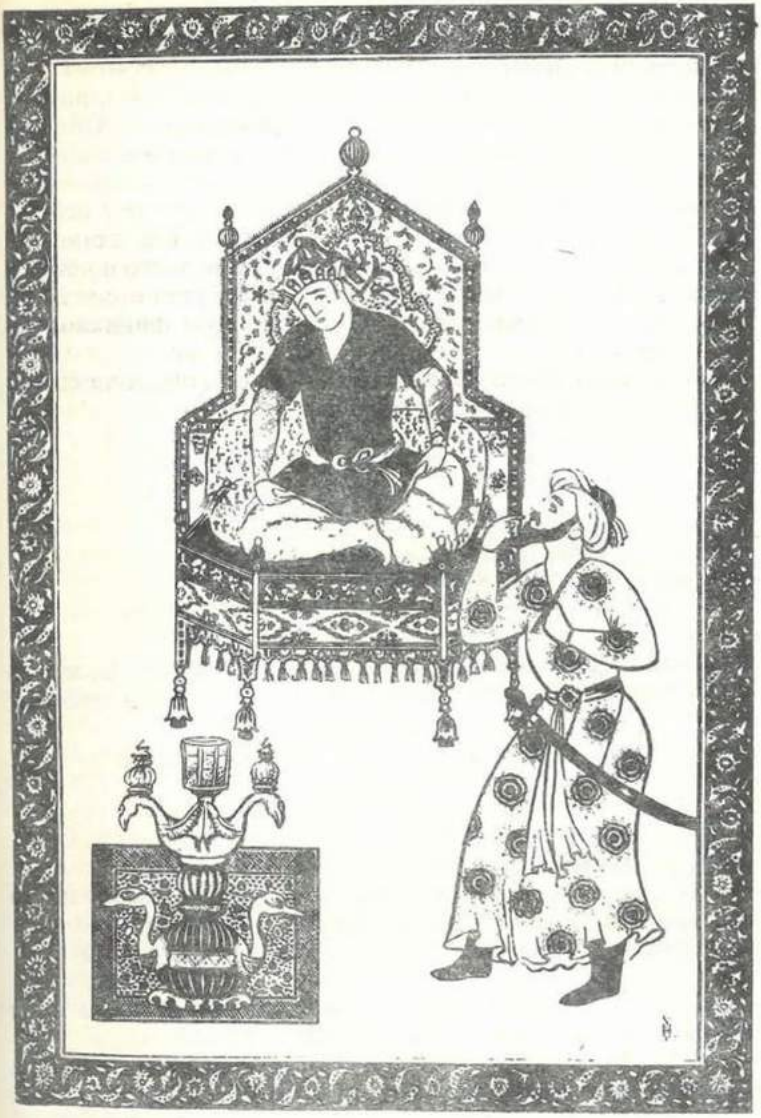
Юноша снова опустил голову, потом взглянул на меня и произнес:

— Я верю, что ты могучий витязь и лев пустыни, но если вы вероломно наброситесь на меня, и убьете, и силой возьмете мою сестру, это опозорит вас на всю жизнь. Но если вы благородные витязи, которым не страшен честный бой, позвольте мне одеть доспехи войны, опоясаться мечом и вооружиться копьем,— тогда я оседлаю коня, и мы встретимся на поле битвы, и если я справлюсь с вами, то не оставлю в живых ни одного из вас, а если вы меня одолеете, то убьете меня, и эта девушка, моя сестра, станет вашей добычей.

Выслушав его, я сказал:

— Это справедливое предложение, мы согласны!

Любовь к девушке все больше затмевала мой разум. Я сел на коня, возвратился к своим спутникам и описал им, как прекрасна девушка и как красив ее брат, поведал им о его благородстве и рассказал, что он намерен сражаться с



тысячей всадников, дабы защитить честь своей сестры. Потом я сообщил им о богатствах, которые находились в шатре, и молвил:

— Знайте, что этот юноша — доблестный воин, потому он и не боится один оставаться в этой местности. Обещаю вам: тот, кто убьет этого витязя, может взять себе его сестру.

— Мы согласны,— ответили они.

После этого мои спутники облачились в боевые доспехи, сели на коней и поскакали к юноше. Оказалось, что он также готов к бою и сидит на коне. А сестра его стоит возле него, уцепившись за стремя, и, орошая свое покрывало слезами, кричит:

— О горе мне, о горе! — и дрожит от страха за своего брата, и произносит такие стихи:

Ты сестрицу, чья воля слаба, охраняешь,
За тебя она молится Господу, брат.

Не давай одолеть мою душу недугам,
Чтобы взяли в полон меня, как супостат.

Я Аллахом клянусь, мне не жить в этом граде,
Где тебя со мной нет, будь он трижды богат.

Когда она окончила, брат горько заплакал, повернул голову коня к сестре и ответил на ее стихи такими стихами:

Коль тебе я не стану защитой, сестрица,
Лучше сгину, чтоб коршун мне выклевал глаз.

Стану биться в бою до последнего вздоха.
А потом пусть преданье напишут о нас.

А потом молвил:

— О сестра моя, послушай, что я тебе скажу и что завещаю. Если мне суждено умереть, не позволяй никому овладеть тобой!

Тогда она ударила себя по лицу и воскликнула:

— Упаси Аллах, о брат мой, чтобы я увидела тебя мертвым и позволила врагам овладеть мной!

Затем юноша, протянув руку, приподнял с ее лица покрывало, и мы увидели ее прекрасный лик, подобный солнцу, выглянувшему из-за облаков, и юноша поцеловал ее между глаз, и простился с ней, а потом посмотрел в нашу сторону и воскликнул:

— О витязи, гости вы или те, кто жаждет сражения? Если гости, то примите наше угощение, а если пришли за

сияющей луной, то пусть сразится со мной каждый по очереди на этом поле брани!

Тогда выступил вперед могучий витязь, и юноша спросил его:

— Как твое имя и имя твоего отца? Аллах свидетель, я не убью того, кого звать так же, как меня, и чьего отца звать так же, как моего! Если ты такой, я отдам тебе свою сестру без боя.

— Мое имя Биляль,— молвил витязь.

И они устремились друг на друга, и юноша нанес витязю удар копьем в грудь с такой силой, что зубцы копья вышли у того из спины. Затем вперед выступил еще один воин.

Не дав противнику опомниться, юноша поверг его наземь, утопив в его же собственной крови. А потом крикнул:

— Есть ли среди вас смельчак?

И на него устремился третий боец.

Юноша нанес такой удар копьем, что пронзил врага насквозь. Затем юноша воскликнул:

— Есть ли среди вас еще смельчак?

И перед ним предстал четвертый боец, и юноша спросил, как его звать, и боец ответил:

— Звать меня Хиляль.

И они устремились друг на друга, и обменялись двумя ударами, но юноша оказался искуснее и первым убил противника.

И каждого, кто выступал против него, юноша убивал. Увидав, что все мои спутники мертвы, я подумал: «Если я сражусь с ним, то он меня обезглавит, а если убегу, то опозорю свое имя среди арабов».

Пока я размышлял, юноша понесся на меня, сбил с седла, и я, оглушенный, свалился на землю, и он хотел отрубить мне голову, но я уцепился за полу его одежды, и конь его потащил меня по полю, и юноша пленил меня, словно воробья.

Увидав, чем все окончилось, девушка возгордилась своим братом, она подошла к нему и поцеловала его между глаз, тогда он обратился к ней с такими словами:

— Бери пленника и устрой его, как подобает, теперь он в нашей власти.

Девушка схватила меня за ворот кольчуги и повела, как ведут нашкодивших собак. Затем она помогла брату снять кольчугу, облекла его в одежды, принесла ему скамеечку из слоновой кости, и он сел на нее.

— Да хранит Аллах твою честь и да убережет тебя от превратностей судьбы,— сказала она брату.

Я осознал, в каком положении нахожусь, и ощутил ничтожность своей души. Взглянув на красавицу-девушку, я подумал: «Вот в чем причина происшедшего!»— и еще раз поразился ее совершенству и произнес следующие стихи:

Оставь, мой друг, упрек, оставь укор,
Все это для меня ничтожный вздор.

Я с первой встречи в девушку влюбился,
Меня влечет ее прекрасный взор.

Но брат ее несносный соглядатай,
Он смел, могуч, и меч его остер.

Вскоре девушка принесла брату поесть, и он пригласил меня разделить с ним трапезу, и я обрадовался и понял, что опасность мне не грозит.

Когда он насытился, девушка поставила перед ним кувшин с вином, и он пил, пока слегка не захмелел и лицо его не покраснело. Обернувшись ко мне, он спросил:

— Горе тебе, о Хаммад, знаешь ли ты, кто я?

— Клянусь Аллахом, я еще больше теряюсь в догадках,— ответил я.

И он молвил:

— О Хаммад, имя мое Абадд ибн Тамим ибн Салаба. Воистину, Аллах сохранил тебе душу и сберег тебя для будущей свадьбы.

И он выпил за мою жизнь кубок вина, потом второй, третий, четвертый, и я пил с ним наравне, и он заставил меня поклясться, что я не обману его. И я поклялся ему в этом тысячу пятьсот раз и заверил, что стану его помощником.

Тогда он велел сестре, чтобы она принесла мне десять шелковых одеяний, и она принесла; видите, одно из них сейчас на мне. Потом он приказал ей привести самую лучшую верблюдицу, и она привела ее, нагруженную ценными товарами и продуктами, и еще он приказал ей привести коня рыжей масти, и она привела его. Затем юноша преподнес все это мне в подарок, и я гостил у них три дня, вкушая разные яства, и все, что он мне подарил, хранится у меня до сего времени.

А через три дня он обратился ко мне:

— О Хаммад, брат мой, я хочу вздремнуть, чтобы душа моя отдохнула, и свою жизнь я доверяю тебе. Правда,

могут появиться всадники из племени Бену-Салаба, но ты не пугайся их — у меня с ними личные счеты.

После этого он положил себе под голову меч, заменявший ему подушку, и заснул, и тут Иблис нашептал мне убить его, и я подхватился на ноги, вынул у него из-под головы меч и одним ударом отсек ему голову. Увидав тело мертвого брата, девушка дико закричала, бросилась к нему, обняла его и, разорвав на себе одежды, воскликнула:

— Будь проклят твой род, зачем ты обманул моего брата и убил его? Он щедро одарил тебя и хотел отправить домой, а еще он хотел в начале месяца выдать меня за тебя замуж.

После этих слов она выхватила из ножен меч, поставила его рукояткой на землю, а острие приложила себе к груди и надавила на него так сильно, что пронзила себя насквозь и мертвая упала на землю.

Ее смерть очень меня огорчила, и я раскаялся в своих поступках, но раскаяние ничего уже не могло изменить. Поплакав и облегчив душу, я зашел в шатер, забрал все ценные вещи, которые легко можно было унести, и покинул то место. Я так спешил и такой страх владел мной, что не подумал о своих мертвых спутниках и не похоронил ни девушку, ни ее брата.

Когда бедуин окончил свой рассказ, в глазах Нузхат аз-Заман снова потемнело...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 145-я

Когда же сто сорок пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда бедуин окончил свой рассказ, в глазах Нузхат аз-Заман снова потемнело. Поднявшись, она выхватила меч, бросилась на бедуина Хаммада и вонзила его ему под лопатку, так что острие вышло из шеи.

— Почему ты поспешила убить его? — спросили цари.

— Слава Аллаху, что он продлил мою жизнь настолько, что я свершила месть собственноручно! — ответила она и приказала рабам бросить тело разбойника собакам.

После этого она повернулась к двум оставшимся предводителям и спросила одного из них, черного раба:

— А как твое имя? Говори только правду.

— Мое имя Гадбан,— ответил тот и рассказал, при каких обстоятельствах он убил царевну Абризу, дочь Хардуба, царя румов. И не успел он окончить, как царь Румзан отсек ему голову мечом и воскликнул:

— Слава Аллаху, давшему мне жизнь, наконец я наказал убийцу моей матери.

И он всем поведал о том, что рассказала его нянька Марджана о рабе Гадбане.

Затем присутствующие обратились к третьему предводителю разбойников, погонщику верблюдов, с такими словами:

— Теперь ты расскажи нам свою историю, но говори только чистую правду.

И погонщик верблюдов рассказал о том, как жители Иерусалима заплатили ему, чтобы он отвез заболевшего Дау аль-Макана в больницу Дамаска, а он оставил его на куче навоза возле топки бани и удрал, прихватив с собой деньги.

Не успел он окончить, как царь Кан-Макан обнажил меч, отсек ему голову и воскликнул:

— Пусть славится Аллах, который продлил годы моей жизни, чтобы я отомстил этому негодяю за то, как он поступил с моим отцом! Эту историю рассказал мне когда-то мой отец, царь Дау аль-Макан.

После этого царь Кан-Макан молвил царю Румзану:

— Еще остается воздать должное старухе Шавахи, по прозвищу Зат ад-Давахи — это она виновата во всех наших бедах и злоключениях. Как же нам отомстить негоднице и снять с себя позор?

Тогда царь Румзан, дядя царя Кан-Макана, сказал:

— Она сама явится, не заставит себя долго ждать.

И, не откладывая, он написал письмо своей прабабке, старухе Шавахи, по прозвищу Зат ад-Давахи, в котором сообщал, что покорил Дамаск, Мосул и Ирак, разгромил войска мусульман и взял в плен их царей.

«Я настаиваю,— писал он,— чтобы ты немедленно явилась ко мне вместе с царевной Суфией, дочерью царя Афридуна, властителя аль-Кустантынии и, если хочешь, с кем-нибудь из вельмож-христиан, но войско с собой не бери, ибо эти страны полностью нам покорились, и опасности с их стороны больше нет».

Получив письмо, прочитав его и узнав почерк Румзана, старуха возрадовалась, тотчас же взяла себе сопровождающих и двинулась в дорогу. Они ехали до тех пор, пока не

оказались у ворот Багдада. И вскоре посланец сообщил о их прибытии.

Тогда царь Румзан молвил:

— Чтобы охранить себя от ее хитростей и коварства, мы должны одеться в одежды франков и предстать перед старухой в таком виде.

— Слушаем и повинуемся,— ответили все и облачились во франкские одежды.

Увидев это, Кудыя-Факан воскликнула:

— Клянусь Аллахом, если бы я не знала, кто вы на самом деле, то приняла бы вас за франков.

Затем царь Румзан возглавил всех, и они, сопровождаемые тысячей воинов, пошли встречать старуху, и когда ее глаза встретились с глазами Румзана, он спешился, а старуха, также спешившись, узнала его и обняла за шею. И Румзан так стиснул руками ее ребра, что едва не сломал их, и старуха удивленно спросила:

— Что такое, дитя мое?

Но в этот миг к ним подошли царь Кан-Макан и вазир Дандан, а воины закричали на слуг и рабов, которые были со старухой, согнали их всех вместе и повели в Багдад.

После этого Румзан велел украсить город, и его украшали три дня, и потом провели по улицам старуху Шавахи, по прозвищу Зат ад-Давахи. На голове у нее торчал красный лиственный колпак, обмазанный ослиным навозом, а впереди нее шагал глашатай и громко извещал:

— Такое ждет каждого, кто посягнет на царей, их детей и внуков.

Затем старуху распяли на воротах Багдада, и когда ее рабы и слуги это увидели, все они приняли ислам.

И Кан-Макан, его дяди Румзан, Нузхат аз-Заман и вазир Дандан приказали писцам занести эту удивительную историю своей жизни в книги, дабы о ней читали их потомки и проводили отведенное им время в радости и счастье, пока не явилась к ним Разрушительница наслаждений.

Вот и конец повести о превратностях судьбы, которые постигли царя Омара ибн ан-Нумана, его сыновей Шарр-Кана и Дау аль-Макана и сына его сына Кан-Макана, и дочь его Нузхат аз-Заман и ее дочь Кудыю-Факан.

ДОПОЛНЕНИЕ НОЧИ СТО СОРОК ПЯТОЙ

САМАЯ БОЛЬШАЯ ШУТКА

В одном полудиком царстве, не имевшем даже собственного названия, плодились и множились шакалы. Шакалы эти отличались высокомерием и неслыханной наглостью. Все, что попадалось им на глаза, они считали своим. Местных же зверей, более благородных, шакалы ни во что не ставили. Главным смыслом их существования была сытая жизнь за счет других. А когда наплодилось их столько, что не вмещали дебри, они разбрелись по всему миру. И там, где ступала шакалья нога, начали внедряться и шакальи обычаи.

Однажды увидел бродячего шакала владелец соседнего царства Тигр по прозвищу Алан и с удивлением спросил его:

— Как ты здесь очутился, о аль-Хусейн?

— Аллах да хранит тебя здоровым и неуязвимым,— лукавил Шакал, пятясь назад и недоумевая, как скрыть истинную цель своего бродяжничества. Такая робость не осталась незамеченной властелином здешнего царства. Поэтому довольно решительно спросил он:

— А что ты собираешься делать среди здешних трудолюбивых и смелых зверей? По-видимому, что-то очень важное?

— Да ничего особенного,— переступая с ноги на ногу, ответил Шакал.— Хочу пошить себе шубу.

— Забавное, да и полезное дело. А не можешь ли ты и мне состряпать что-то вроде теплой шубы?

— О чем речь, милый дружочек! Да конечно, сошью,— льстил Шакал.— Твое желание превыше всего на свете, даже моих собственных глаз и головы.

— Тогда по рукам! Между прочим, что причитается с меня, какое сырье я должен предоставить тебе?

— Эт, сущие пустяки. Принеси разве что двадцать баранов!

— Согласен! Задержки за мной не будет! — обрадовался Тигр и помчался в лес, не откладывая важного дела на потом.

Тем временем, удовлетворенный состоявшимся разговором, Шакал аль-Хусейн отправился в собственную пещеру, вход в которую был очень узким. Не успел Шакал поудобнее

улечься в логове, а Тигр уже тут как тут: приволок, сколько было сил, громадного и жирного барана и бросил его у самого входа аль-Хусейнового жилища. И сразу со всей мощи кинулся в лес, дабы наловить нужное количество круторогих. Так продолжалось двадцать дней. Тигр ног не чувствовал в поисках добычи, а Шакал то и дело сопел от переедания, переворачивался с боку на бок, размышляя при этом, какими бы хитростями вывернуться из передряги.

Через некоторое время Тигр спрашивает Шакала:

— Ну, почтеннейший господин портной, готова ли моя шуба?

— Как и обещал,— лицемерил Шакал,— только не хватает еще материала на рукава.

— И сколько же баранов нужно, чтобы сшить рукава? — поинтересовался Тигр.

Что-то бормоча себе под нос, словно бы соображая, Шакал протяжно процедил:

— Около де-ся-ти...

— Задержки не будет,— обрадовался Тигр и принялся за работу. И по-прежнему изо дня в день свежая баранья туша дожидалась аппетита полусонного портного около пещеры Шакала.

Тигр дождался десятого дня и спрашивает Шакала:

— Ну как, милостивый государь, готова моя шуба?

Захлебываясь от смеха, Шакал сказал обманутому зверю:

— Да неужто ты на самом деле поверил, что я шью для тебя шубу? Я просто-напросто поиздевался над тобой.

— О аль-Хусейн, не шути так со мной! — зарычал Тигр.

Чувствуя себя победителем и в полной безопасности, Шакал торжественно произнес:

— Это была только маленькая шутка. Большая, милый дружище, еще впереди.

Услышав такую дерзость, Тигр не на шутку рассердился и наговорил Шакалу много язвительных слов, угрожая при этом расправиться с обманщиком самым что ни на есть жестоким образом. Заглянув в отверстие пещеры, Тигр увидел Шакала, который облизывал жирный живот, и в ярости начал угрожать ему:

— Попадись ты мне в лапы, я тебя разорву на куски. Даже следа от тебя не оставлю, а кости выброшу воронам на завтрак!

Разъяренный Тигр пытался влезть в пещеру, но сумел

просунуть только лапу. Этого было, конечно, недостаточно, чтобы отомстить обманщику. Немного поразмыслив, Тигр решил спрятаться и подождать, пока вылезет наглец-Шакал. Ярость его была настолько сильной, что просидел он там, еле дыша, почти восемь дней. Шакал тем временем с большим аппетитом доедал баранину, принесенную старательным Тигром. А у Тигра от доносившегося из пещеры запаха кружилась голова и все крепче становилось желание расправиться с наглецом. Но, как говорится, голод — не тетка. Не выдержал Тигр подобного издевательства над собой, направился к тропинке, которая вела в лес.

Тем временем Шакал, узнав, что Тигра поблизости нет, выскочил из пещеры и помчал быстрее ветра, куда глаза глядели. Но, как на зло, наткнулся на Тигра. Ведь на ловца и зверь бежит. Разъяренный Тигр решил во что бы то ни стало догнать нахала и стереть его с лица земли. Шакал рванул что было сил обратно к пещере. Он почти вскочил в спасительное убежище, но тут голодный Тигр, собрав последние усилия, оторвал обманщику хвост.

Так и остался Шакал без хвоста, а изможденный голодом Тигр вынужден был податься на поиски пищи, которая ему прямо-таки мерещилась. Тем временем хитрый Шакал, убедившись, что опасность миновала, мигом выбрался из пещеры и побежал к своим сородичам. Увидев аль-Хусейна без хвоста, шакалы подняли громогласный смех, надрывая животы.

— О ты, чудовище бесхвостое,— спрашивали сквозь хохот побратимы,— где тебя так угораздило? Кому понадобился твой хвост? Неужели на вино променял?

— О вы, несчастные! Разве понять вам, что это вознаграждение мне от самого неба! На протяжении трех месяцев жил я среди сочного и ароматного винограда, наслаждаясь им. Неужели не видите, как я там поправился. А поскольку хвост от жира сделался очень тяжелым, то, естественно, отпал. Поэтому я преобразился и сделался необычайно красивым.

Удивились соплеменники Шакала: и вправду он похорошел. А некоторые из них нашли, что он не только похорошел, но сделался прямо-таки красавцем. Здесь-то им и пришло на ум прибегнуть к подобному превращению, попросив у Шакала в этом деле помощи:

— Пособи и нам попасть на виноградник хотя бы на одну ночь. Очень хочется испробовать этих сладостей.

Как говорится, сердце — не камень. Согласился Шакал оказать соплеменникам необычную помощь. Ведь не чужие же!

— Пусть будет по-вашему,— согласился аль-Хусейн.— Поведу я вас на виноградник.

Украдкой направились побратимы вслед за бесхвостым Шакалом в неизвестном направлении. Дойдя до виноградника, аль-Хусейн посоветовал своим сородичам:

— Для того, чтобы рвать эти божественные плоды, нужно разрешение сверху. Сперва я должен сорвать сам и увидеть реакцию неба.

— Мы, конечно, не возражаем тебе, любезнейший наш наставник. Тебе виднее, как поступать.

— Кроме того,— продолжал Шакал,— у меня нет оснований доверять вам. Для того, чтобы вы не навредили, я вынужден привязать вас хвостами к виноградному лозняку.

— Конечно же, если и в этом есть необходимость, то мы вовсе не возражаем,— согласились побратимы.

После этого Шакал принялся привязывать самцов хвостами к виноградным прутьям, а самок — к гранатовым деревьям. Закончив эту необычную процедуру, Шакал вылез на возвышенность и во всю глотку начал горланить:

— Эй, тупорылая стража, пока вы дремлете, на плантации не останется ни одной грозди винограда. Воры и злодеи уничтожат все с корнями.

— Тише, дружище! — успокаивали Шакала недоумевающие побратимы.— Что это ты надумал? Ведь услышит стража!

Но аль-Хусейн, как ни в чем не бывало, улыбался и приговаривал:

— Это так я пою! Это так я пою!

— Сначала принеси обещанный виноград,— требовали побратимы,— а уж после пой себе на здоровье, сколько угодно! Ведь опасность накличешь.

— Разве не видите,— обманывал Шакал,— я отбираю только спелые, отборные плоды!

И при этом продолжал драть глотку:

— Стража! Стража! Спеши-ка! Виноградник наводнен ворами и злодеями!

На эти вопли не замедлил явиться сторож, вооруженный винтовкой и длинной жердью. Увидав необычную картину, сторож поднял такой гвалт, что привязанные к деревьям и кустам шакалы в испуге, силясь освободиться, пообрывали

хвосты и бежали в ночную тьму, куда кто мог. Осталась только одна обессиленная самка, привязанная к гранатовому стволу. Она-то и вынуждена была отвечать за всех.

Тем временем освобожденные шакалы, отбежав в безопасное место, начали укорять изменника:

— Разве так поступают близкие родственники? Ты не только осрамил свой род, но предал его, спасая собственную шкуру. Этого тебе никто не простит.

Но, удовлетворенный собственной затеей, аль-Хусейн продолжал подтрунивать над изуродованными зверями:

— Ну и как, чудовища бесхвостые, намного похорошели? Красота требует жертв.

При этом он, не спуская глаз с обманутых соплеменников, попятился в безопасное место. Пятясь, он набрел на петуха, которого целиком, неощипанного, проглотил в один миг. Продолжая необычное шествие, он повстречал израненную газель. Наевшись досыта, аль-Хусейн опомниться не успел, как оказался в колодце. Колодец был довольно глубоким, так что вылезти из него не было никакой возможности. Только теперь он стал сожалеть, что не шел нормально, а пятился. Но не сидеть же сложа руки. Нужно искать выход. И как раз в это время к колодцу подошли странствующие женщины, чтобы напиться целебной водицы. Увидев их, Шакал прибегнул к хитростям: притворился наседкой и начал квохтать. Удивленные женщины спросили его:

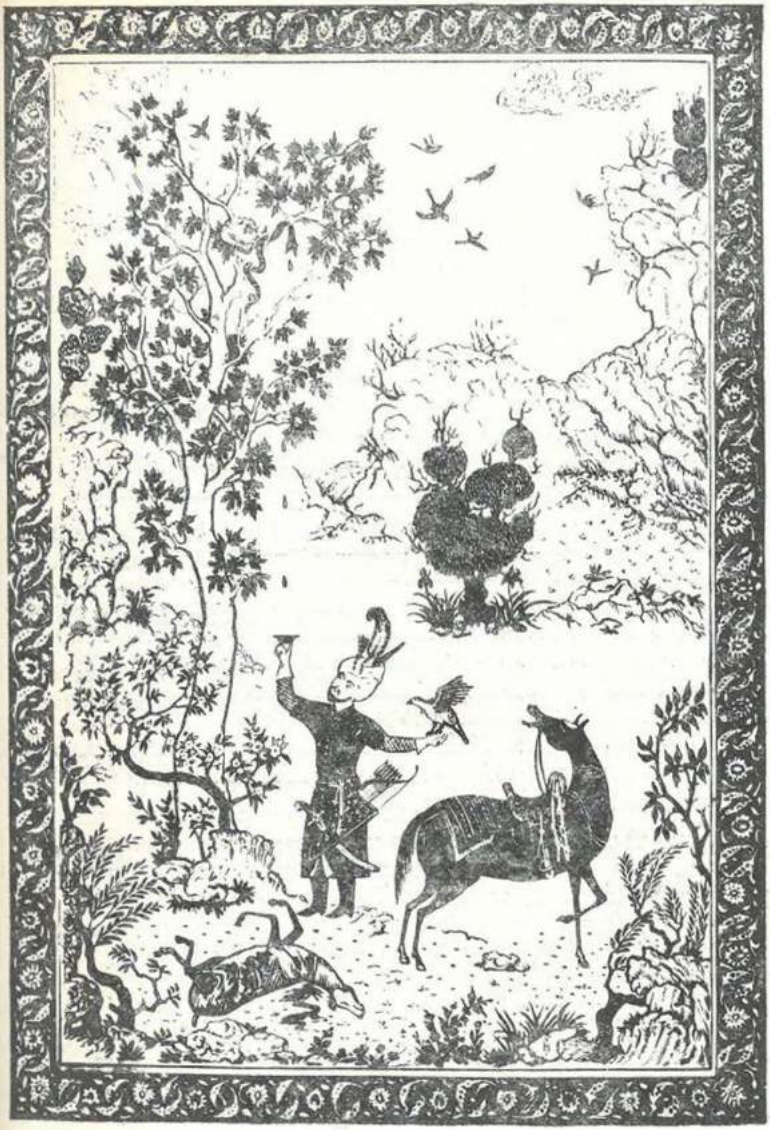
— Что же ты делаешь здесь, о аль-Хусейн?

— Разве не видите? — соврал им злодей.— Присматриваю за наседкой, пока не выведет цыплят.

— Да неужто для нас стараешься? — удивились женщины.

— Только для вас,— продолжал хитрить Шакал.— Чтобы я не терял напрасно времени, принесите каждая по наседке и по двадцать отборных яичек. Не все ли равно — одну стеречь или многих.

Обрадовались обманутые женщины и поспешили сносить аль-Хусейну наседок и по двадцать штук яиц. Этого как раз и ожидал проходимец, рассчитывая на доверчивость и неопытность сельских женщин. Наевшись досыта, он и не собирался выбираться из колодца. Во-первых, здесь он был в абсолютной безопасности, а во-вторых, имел вкусную пищу. А через двадцать дней, съев все до крошки, он начал пищать подобно цыплятам. Услышав это, женщины начали спрашивать:



— Ну как там, аль-Хусейн, вывелись наши цыплята?

— Конечно же, как и следовало ожидать,— уверенно отвечал Шакал.— А сейчас принесите две корзины и опустите на веревке в колодец.

Женщины поступили так, как советовал аль-Хусейн,— опустили корзины в колодец. Не медля ни минуты, сторож наседок умостился задом в одну из корзинок, а другой накрыл свою голову. После чего сказал:

— Тяните осторожно, чтобы не повредить цыплят!

Когда корзины очутились наверху, Шакал выскочил, как ошпаренный, и, усевшись в отдалении, залился смехом. Только сейчас осознали женщины свою ошибку, но на всякий случай спросили его:

— И зачем понадобилось тебе издеваться над нами, о аль-Хусейн?

— Это была всего лишь маленькая шутка. Большая еще предстоит,— самоуверенно ответил Шакал, уходя от своих спасительниц без малейшего чувства благодарности. В отдалении приметил он пастуха, пасшего стадо. Колдовским жестом он приспал его бдительность и уселся на спину рыжей упитанной коровы. Убедившись в безопасности, злодей начал грызть спину беззащитного животного. Наевшись досыта, он оставил ее еле живой. А вечером, когда стадо очутилось в деревне, хозяйка израненной коровы спросила пастуха:

— Кто осмелился так изуродовать мою кормилицу?

— Конечно же, аль-Хусейн,— ответил пастух.

— А почему ты не отогнал его? — спросила хозяйка.— Ведь это твоя прямая обязанность.

— Каким же образом мог я сделать это? — спросил, разводя руками, пастух.

— Что значит, каким? Нужно было избить его,— наставляла нерешительного пастуха обиженная хозяйка.

— К сожалению, злодей так ловко выворачивался, что не было возможности что-либо предпринять.

Прошло десять дней. За это время бесстыжий Шакал изуродовал почти все стадо — десять коров.

«Что же делать? — ломали голову пастух и все хозяева.— Ведь так он уничтожит всех коров!»

Пораскинув умом, пастух решил поймать злодея и хорошенько его проучить.

— Вот что предлагаю я сделать,— советовал пастух,— нужно привязать каждой корове вязанку просмоленной

соломы к спине. Такое седло будет надежной ловушкой.

Как решили, так и сделали. На следующий день, когда Шакал насытился коровьим мясом и хотел слезть на землю, не тут-то было: кожей живота он крепко-накрепко прилип к просмоленной вязанке. А вечером, когда пастух пригнал стадо в село, одна из хозяек, приносивших Шакалу наседок и яички, узнала его. Торжествуя над злодеем, она спросила:

— Ну, чья шутка оказалась ловчее? Кто победил?

— Конечно, ты. Теперь делай со мной, что хочешь: привяжи к столбу, бей, стреляй, режь, только не сади в курятник. Там я не выдержу издевательства курицы с гребешком-холкой, курицы оловянной масти, курицы рисовой масти.

Но разъяренная женщина, как и всякая другая, сделала как раз наоборот: закрыла Шакала в курятник курам на добычу.

— Пускай они тебя заклюют! — торжествовала хозяйка.

Неохотно войдя в курятник, Шакал залился крокодильими слезами, упрашивая женщину:

— Умоляю тебя, не делай этого! Сажай в печку, изморим бери, только не заключай в курятник!

Но хозяйка, как говорится, была принципиальной и от своего решения не собиралась отступать. Шакал должен принять самые страшные мучения непременно в курятнике.

Очутившись в курятнике, аль-Хусейн начал хозяйничать: съедал курицу за курицей, не давая себе отдыха до самого утра. Не спала и хозяйка, поощряя своих кокотушек:

— Бей его, пестренькая, молоти, хохлушечка! Так ему, так!

Чуя куриные вопли, хозяйка радовалась, приговаривая:

— Другого наказания ты не заслужил, мошенник проклятый! Это тебе наука за то, что изуродовал моих коров!

Шакал занимался своим делом и лишь изредка притворялся, что плачет:

— Умоляю тебя, хозяюшка, освободи от страшного наказания. Я никогда впредь не буду грызть спины коровам. Глубоко раскаиваюсь в своих прежних грехах, только выпусти, чтобы эти пакостные куры не прикончили меня!

Но женщина имела твердый и решительный характер.

— Не отпущу ни за какое вознаграждение, пускай они прикончат тебя.

До утра Шакал справился со всеми курами. Когда солнышко поднялось довольно высоко, хозяйка, лениво потягиваясь, пошла в курятник, чтобы выпустить кур и выбросить мертвого аль-Хусейна. Подойдя поближе, она не услышала обычного кудахтанья и подумала, что куры отдыхают после тяжелой ночи. Но не успела она отпереть дверь, как ловкий Шакал оказался во дворе. Вырывая волосы на голове, женщина проклинала не столько аль-Хусейна, сколько свою безрассудность:

— Как же я могла поверить тебе, всемирно известному проходимцу! Да ведь опять обманул ты меня, как последнюю невежду! Отдай мне кур!

Довольный Шакал, поглаживая полное пузо, торжествовал:

— Дорогая моя хозяюшка, это была всего лишь маленькая шутка. Большая — еще впереди.

Как говорится, осталась хозяйка при своих интересах. А Шакал, набедокурив по самую завязку, отправился на поиски новых приключений. Шел он, шел и наконец набрел на плотника, распиливающего колоду. Даже не поздоровавшись, аль-Хусейн расселся невдалеке, делая вид, что любуется ловкостью мастера. Но только тот ушел на обед, Шакал вскочил на бревно и начал вытаскивать зубами забитые клинки. Но как раз в это время его хвост, успевший отрасти на отборной пище, случайно попал в отверстие между бревнами. Пытаясь вытащить его, Шакал поскользнулся, вследствие чего его задняя лапа тоже угодила в тиски. В таком положении пришлось Шакалу многое обмозговать. А поскольку мастеру после обеда пришлось заняться другим делом, некому было освободить злодея из ловушки. На следующий день плотник, как ни в чем не бывало, подошел к бревнам и удивился:

— Как же тебя угораздило, о аль-Хусейн?! Да ведь это сам Господь наказал тебя! Пришло время расплаты.

При этом хозяин, потирая руки, схватил попавшуюся на глаза палку и принялся потчевать ею прославленного во всей округе обманщика. Как тот ни умолял его, чего только ни обещал, мастер продолжал изливать накипевшую злость, приговаривая при каждом ударе:

— Это тебе за наседок, это тебе за кур, это тебе за яички! А это за то, что пытался испортить мне дорогостоящий инструмент! Из моих рук живым тебе не выбраться!

Услышав такие угрозы, Шакал притворился мертвым, не

подавая малейших признаков жизни. Обессиленный столь необычным занятием, плотник подошел поближе к проказнику, чтобы убедиться, действительно ли тот мертв. Так оно ему и показалось: злодей откинул копыта. Теперь можно было преспокойно оттянуть отвратительную тушу подальше от дома. Только он это сделал, как Шакал поднял истерический смех, дразня его во всю глотку:

— Доверчивым дураком ты был, а опозоренным подохнешь! Это была всего лишь маленькая шутка. Большая — еще впереди!

— Да что же мы за люди! — горевал плотник.— Неужели общими усилиями не в состоянии уничтожить захожего бродягу, вознамерившегося пустить нас по свету божьему с сумой?

Победив путем обмана в очередной раз, Шакал побрел к горной речке, чтобы напиться из целебного источника и утолить боль. Водица действительно оказала благодатное влияние на изможденное после побоев тело, и Шакал, усевшись на солнышке, вздремнул. Но тут, будто из-под земли, перед сонными глазами Шакала появились взбудораженные лошади, везущие нагруженные керамическими изделиями повозки то ли на торг, то ли с торга. Увидев аль-Хусейна, мулла, сопровождавший караван, не на шутку испугался: ему показалось, что перед ним сам Люцифер. Спасаясь от нечистой силы, он прыгал с камня на камень, пока не очутился на дне речки. Жуткое зрелище вынудило очнуться остальных сопровождающих и прибегнуть к решительным мерам. Вооружившись, кто чем мог, они накинулись на Шакала и избили его до смерти. Потом вскинули его на спину верблюда и продолжили свой путь. Ехали они, ехали, когда слышат: на противоположном берегу речки воют шакалы. Услышал родные голоса и аль-Хусейн, притворившийся опять мертвым. Это подбодрило его, и он и себе завыл. Такой поворот событий не на шутку напугал караванщиков:

— Неужто происходят чудеса?! Аль-Хусейн, по-видимому, не совсем земное чудовище, если воскрес из мертвых!

Но более смелые и трезвые караванщики, дабы избавиться от лишних хлопот, решили окончательно прикончить его. Били изо всех сил, пока не осталось на нем места живого. Уверившись окончательно, что Шакал покинул мир мирской, они отволокли его на скопище, а сами двинулись дальше. Но не тут-то было: аль-Хусейн поднял такой

вой, что все звери сбежались, как на пожар. Передразнивая караванщиков, он предлагал им поцеловать самые непристойные места и без того отвратительного своего тела. Поиздевавшись над ними таким образом, наглец сообщил:

— Это была всего лишь маленькая шутка. Большая — еще впереди!

Поверив, что выкрутится из любых передряг, Шакал обмозговал предстоящую большую шутку. Решая эту важную задачу, он очутился перед небольшой кибиткой, двери которой открылись от одного прикосновения. Хозяева спали крепко. Убедившись в полной безопасности, аль-Хусейн пролез вовнутрь и притаился. Когда спящие погрузились во второй сон, злодей вышел во двор с благим намерением — обобрать курятник. Но не успел он разодрать первую попавшуюся курицу, как двор наполнился куриным переполохом, от которого проснулись хозяева. Вооружившись железной кочергой, владелец курятника с такой силой ударял непрошеного гостя, что кровь брызгала, как из фонтана. Тут сбежались и соседи, обманутые раньше. Не замедлил явиться и Тигр. На сей раз решение было однозначным: разорвать проходимца на части, дабы другим неповадно было. Женщины, вытащившие Шакала из колодца, приговаривали:

— Повадился кувшин за водой ходить, тут ему и голову сложить!

А обманутый Тигр, ярость которого утихла лишь теперь, высказал то, о чем так долго мечтал Шакал:

— Вот и самая большая шутка!

ОСЛИНАЯ ГОЛОВА И СТАРУХА-СВАХА

Жила-была бедная старуха. Однажды пошла она в гости навестить знакомых. Побыла там день, а вечером вернулась домой, стала отпирать дверь, но тщетно — заело в замке. Тогда принялась она толкать, дергать дверь, пока не отворила. Вошла в дом и увидела Ослиную голову.

— Разори Аллах дом твой,— говорит старуха,— откуда ты здесь появилась? Пошла прочь! — И она толкнула ногой Ослиную голову.

Отвечает ей Ослиная голова:

— Ну-ка замолчи и закрой дверь.

— Ой, да что это делается! — завопила старуха.

— Пожалуйста, закрой дверь и замолчи,— молвила Ослиная голова.

Наконец закрыла старуха дверь на замок. Тогда Ослиная голова прошла внутрь дома и говорит:

— Вот что я хочу от тебя: посватай мне дочь султана.

Посмотрела старуха на Ослиную голову в полном недоумении и говорит:

— Разнеси Аллах дом твой. Как стану я сватать дочь султана, если ты сам — Ослиная голова?!

Отвечает голова на это:

— Это не твоя забота, ты только скажи султану, что у тебя есть красавец-сын.

— Пусть накажет тебя Аллах,— ответила старуха,— как это я скажу ему «красавец-сын», а вдруг он захочет увидеть тебя?

— Не твое это дело,— сказала Ослиная голова.

— Хорошо,— согласилась наконец старуха и отправилась во дворец к султану.

Едва она хотела войти во дворец, как на нее набросилась стража. Стала старуха кричать:

— Что вам от меня нужно, я хочу войти!

До того она орала и кричала, что стража отступила. Вошла она к султану и сказала ему:

— Повелитель, есть юноша очень красивый, который хочет посватать твою дочь.

— Кто он такой? — спросил султан.

— Он сын мой,— ответила старуха.

— Хорошо,— молвил султан,— но посмотри на этот шкаф. У меня есть еще шесть таких же шкафов. Если твой сын наполнит мне их золотом, то я отдам свою дочь за него.

— Хорошо,— ответила старуха и ушла. А по дороге домой стала приговаривать: «Разрази тебя Аллах, Ослиная голова!»

Вот пришла старуха домой, а Ослиная голова и спрашивает:

— Ну, как дела?

Рассказала старуха все, как было, а потом говорит:

— Вот ключи от шкафов — у тебя сроку три дня.

— Зачем так много,— отвечает голова,— довольно будет и трех часов.

Пошла Ослиная голова из дому, пробыла где-то три-четыре часа, затем вернулась и сказала старухе:

— Шкафы наполнены.

Удивилась старуха:

— Как это наполнены?

Пошла старуха опять к султану, разговаривая сама с собой, как полоумная. Пришла она во дворец и говорит:

— Вот твои ключи — шкафы уже набиты золотом.

Отворил султан шкафы, а там золота полным-полно. Молвил:

— Ладно, приведите судью и сами приходите.

Ушла старуха сообщить Ослиной голове новость.

Но не успела и обернуться, как Ослиная голова встряхнулась и превратилась в прекрасного юношу. Спросила старуха:

— Ты Ослиная голова?

— Да,— ответила Ослиная голова, превратившаяся в юношу.

Нашли они судью, явились во дворец, и там судья обвенчал Ослиную голову с дочерью султана. И стали они жить-поживать в отдалении от города.

Однажды другой могущественный султан пошел войной на султана — отца царевны, и тот не в силах был ему противостоять. В это время царевна как раз гостила у отца и вернулась домой опечаленная.

— Что случилось? — спросил у нее муж.

Она все рассказала ему.

Говорит ей Ослиная голова:

— Не бойся, я их всех побью, только обещай сделать одну вещь.

— Какую? — спрашивает жена.

— Только пойду я сражаться, станут женщины тебе говорить: «О, вот если бы это был твой муж!» Остерегайся отвечать им: «Это он!» Если же так скажешь, я исчезну навсегда!

— Хорошо,— ответила жена.

А тем временем пришло время сражения. Подошло войско могущественного султана, чтобы воевать с царем — тестем Ослиной головы. Надел Ослиная голова военные доспехи и ринулся в бой.

Стал он врагов побивать, стали женщины царевне говорить:

— Вот если бы это был твой супруг!

Отвечает же царевна:

— Что же мне делать?

На следующий день снова начали женщины говорить

то же, что и накануне. И на третий день опять. Потом, когда бросилось неприятельское войско наутек, сказали ей женщины:

— О, если бы это был твой муж!

— Это он и есть! — ответила она им.

Лишь только потом поняла царевна, что натворила,— взглянула, а мужа и след простыл.

Опечалилась она, построила баню и послала глашатая объявить: «Дочь султана выстроила баню, и всякий, кто расскажет ей сказку, будет в ней мыться даром, а чья сказка понравится ей больше всего — тому она отдаст баню».

Стал народ приходить, рассказывать царевне сказки и мыться бесплатно.

Узнали об этом и две девушки-горянки. Решили они спуститься в долину и помыться за так. Прошли полпути, сели у обочины и стали советоваться, что же рассказать царевне. Разговаривая таким образом, увидели они невдалеке накрытый столик, а на нем тарелки, полные всевозможных яств, а вокруг — шелковые подушки и одна большая подушка — посредине. Дальше смотрят — прилетела стая птиц и спустилась к бассейну, что искрился под солнцем рядом со столом. Спустились птицы к бассейну, превратились в красивых юношей и сели за стол. После этого прилетела еще одна большая птица, тоже спустилась у бассейна и превратилась в юношу-красавца. Сел он за стол, поел, а закончив трапезу, вынул из кармана яблоко, разрезал его на три части и сказал:

— Эта часть мне, эта — моей двоюродной сестре, а вот эта — той, что сожгла мое сердце.— Бросил он эти части наземь, и птицы улетели.

Сказали девушки друг другу: «Это самая лучшая из сказок». И пошли дальше.

Пришли они к бане и рассказали царевне все, что видели. Велела им царевна:

— Отведите меня туда.

Взяли девушки ее с собой и отправились обратно.

Пока царевна сидела и терпеливо ждала, птицы прилетели вновь, и большая прилетела вместе с ними. Сказала все то же, что и в первый раз, и только собралась улетать, как царевна схватила ее. Посмотрела птица на царевну и говорит:

— Что ты пришла со мной сделать?

Отвечает царевна:

— Хочу пойти вместе с тобой.

— Ладно,— ответила птица, посадила царевну себе на спину и полетела.

Прилетели в далекую страну. А здесь у птицы была сестра, которая очень любила брата. Принесла птица царевну к сестре и говорит ей:

— Смотри, это моя жена, и ты должна любить ее, как меня.

— Хорошо,— ответила сестра.

Царевна осталась у нее, а птица-юноша отправился туда, где у него должна была состояться свадьба. До свадьбы оставалось четыре дня.

Когда пришло время свадьбы, собрала сестра царевну в дорогу и дала ей маленькую шкатулочку со словами:

— Смотри, это шкатулка, а в ней покрывало. Берегись ее открывать.

Пошла царевна, а по дороге и говорит себе: «Как это в такой маленькой шкатулке помещается целое покрывало?» Приоткрыла она шкатулку, и оттуда сразу стали вылетать покрывала, да так много, что покрыли всю землю окрест. Стала собирать их царевна, а немного погодя ее догнала сестра Ослиной головы и сказала:

— Что я тебе говорила, почему ты открыла шкатулку?

— Я забыла,— начала оправдываться царевна.

Собрала сестра все покрывала, уложила их в шкатулку и сказала:

— Ступай, только помни: теперь родственники жениха и невесты станут тебя упрашивать — встань попляши. Но ты им скажешь — я не стану плясать, пока бабушка не даст мне свое платье и ожерелье. В них заключена магическая сила: кто их наденет, тот получит власть над всеми джиннами.

— Хорошо,— молвила царевна и пошла дальше.

Когда она была на свадьбе, ей сказали:

— Встань попляши!

Царевна им ответила так, как ее научила сестра. Тогда у нее спросили:

— Как же она отдаст тебе это платье?

Но дочь повелительницы джиннов поддержала ее:

— Да ничего не случится!

Отдала ей повелительница платье и ожерелье. А юноша как только увидел, что платье и ожерелье у его жены, опять превратился в птицу, поднял на крыльях жену и сестру и полетел.

Бросились джинны в погоню. Тогда он зажег спичку и бросил ее на сухой лес. Стали джинны заговаривать, чтобы потушить лесной пожар. Тогда плюнул он на землю, и потекла большая река. Сказали джинны друг другу: «Пейте, пейте». И пили воду до тех пор, пока не лопнули.

А юноша прибыл в страну царевны и стал жить там счастливо с нею и со своей сестрой.

КОММЕНТАРИИ

С. 7.— *Невольницы забили в бубны...*— Рождение ребенка, в особенности мальчика, считается у мусульман радостным событием и ознаменовывается множеством обрядов, иногда носящих суеверный характер. Тотчас после появления ребенка на свет его заворачивают в пеленку и говорят в ухо «азан» — слова, которые произносит служитель мечети — муэдзин,— призывая правоверных на молитву. После этого мать впервые кормит ребенка, а затем его пеленают и кладут в колыбель. На седьмой день после рождения происходит крещение, по случаю которого устраивается пир. Имя ребенку дают по приметам или же выбирают одно из имен, в состав которого входят слова «Аллах» или «дин» — вера (например, «Абд-Аллах» — «раб Аллаха», «Фадл ад-Дин» — «достойный веры»). Крещение также сопровождается обрядами: так, например, для того, чтобы приучить ребенка к шуму, над его ухом стучат пестиком об ступку, после чего младенца кладут в решето и несколько раз встряхивают — по мусульманскому поверью, это полезно для желудка.

С. 17.— *...ты, как бедуинский колпак, валишься от первого толчка...*— Египетская поговорка. «Бедуинскими колпаками» называют слабосильных и изнеженных юношей.

С. 27.— *...он принялся молотить их, точно молотилка...*— Арабы не молотят цепами. Они рассыпают колосья на открытом воздухе и перемолачивают их с помощью различных приспособлений. В Египте — это орудие в виде стула с железными полозьями, которое протаскивают по колосьям быки.

С. 28.—*...с острым индийским мечом...*— Индийские мечи ценились у арабов еще в домусульманскую эпоху. Позже определение «индийский меч» стало синонимом меча превосходного качества, независимо от того, где он изготовлен. Железо для таких мечей импортировалось в Индию из Восточной Африки.

С. 31.— *...в земли франков и румов!* — Франками арабы называли всех обитателей Европы, кроме византийцев (румов) и турок.

С. 47.— *...караван с носилками...*— Вместе с караваном паломников в Мекку посылаются богато разукрашенные носилки, имеющие форму ящика с пирамидальной верхушкой, покрытого вышитой черной парчой. В носилках лежит свиток Корана или части его. Обычай этот возник в середине XIII в., когда Египтом правила знаменитая турецкая невольница Шеджерет ад-Дурр («Ветка жемчуга») — единственная женщина, занимавшая престол Египта (правила с 1250 по 1257 г.). Приняв однажды участие в паломничестве, она совершила его в великолепном паланкине, который везли на спине верблюда. В последующие годы ее жизни этот паланкин посылали в паломничество уже пустым, исключительно ради

торжественности. После смерти Шеджерет ад-Дурр правители Египта продолжали соблюдать этот обычай. Их примеру следовали и другие мусульманские владыки, отправляя с караваном пустой паланкин, как символ государственной власти. Однако предполагают, что этот обычай является отражением очень древней традиции, когда каждое из племен, совершающих паломничество, брало с собой определенное святилище.

...а затем посетили могилу Пророка...— Могила Пророка Мухаммада находится в городе Медине, куда Мухаммад переселился из Мекки в 622 г. н. э. Место погребения Пророка привлекает огромное множество паломников.

С. 50.— *...отвез его в баню.*— Посещение бани — одно из любимых удовольствий мусульман. Плата за баню была невысокая, поэтому баня была доступна всем. Туда ходят не только для того, чтобы помыться, но и для ритуальных омовений, которые полагается совершать перед каждой молитвой.

В мусульманских странах бани имели не только гигиеническое, но и общественное значение, являясь единственным местом, где могли без помех встречаться и проводить время женщины. В дни, когда баня занята женщинами, перед входом вешали занавеску в знак того, что мужчинам доступ закрыт.

С. 50—51.— *...и купил листьев лотоса и бобовой муки.*— Бобовая мука служит мылом, а листья лотоса употребляются в качестве мочалки.

С. 55.— *О горожанка...*— Выражение извечного презрения и отвращения бедуинов к оседлым народам.

С. 58.— *...отвешу тебе ее цену.*— Ввиду неодинакового размера монет, а также в связи с уменьшением их веса при отрезании краев во время торговых сделок, при расчетах пользовались весами, особенно когда речь шла о больших суммах.

...к тому же знает арабский язык.— Невольницы обычно доставлялись в Египет из других стран (дороже всего ценились черкешенки), и знающих арабский язык среди них было немного.

С. 59.— *...не считая налогов и доли султана.*— Непомерные налоги, являющиеся единственной статьей дохода в государственном бюджете Египта при мамлюках, были одной из причин того финансового краха, который особенно резко обозначился к концу XV в. и вызвал крушение владычества мамлюкских султанов.

С. 71.— *...он не хотел сказать — «люди огня».*— Подобно тому, как благочестивые христиане не любят слов «черт» или «проклятие», арабы избегают упоминать об огне, т. к. с огнем связано представление об адских муках.

С. 77.— *...человек из «носителей доказательства»...*— Вероятно, Нузхат аз-Заман имела в виду одного из так называемых Товарищей, по-арабски Сахаба. К Товарищам сначала причисляли только ближайшее окружение Пророка, позже это понятие распространилось на всех, кто мельком, пусть даже в детстве, видел Пророка. Последним из них, считают, был Амир ибн Василь аль-Кинани, который умер вскоре после 100 г. хиджры, т. е. около 720 г. н. э. Сахаба занимали значительное место в мусульманской истории и теологии, от них исходит собрание традиций, касающихся Пророка, т. е. Сунна. В день Страшного Суда Аллах укажет на Сахаба грешникам в доказательство того, что последним было с кого брать пример праведной жизни.

С. 78.— *Принимайтесь за устройство свадьбы...*— Обряды, связанные со свадьбой, в общих чертах сводятся к следующему. Наиболее подходящими днями для бракосочетания считаются пятница (праздничный день) и понедельник. За несколько дней до свадьбы жених соби-

рает друзей и устраивает нечто вроде «мальчишника». Собственное свадебное угощение предлагается дважды: накануне свадьбы и в свадебный вечер. На свадьбу сзывают всех родных и знакомых; не принять приглашение считалось непозволительным, но гостю разрешается воздержаться от еды. Приглашенные обычно за два дня до свадьбы присылают жениху подарки и съестные припасы. Накануне дня, когда невеста должна быть отведена к жениху, она, в сопровождении своих родственниц, отправляется в баню. Невесту из зажиточного класса несут в шелковом паланкине четверо мужчин. На голове невесты надето нечто вроде венца, к которому прикреплено покрывало, полностью закрывающее девушку. После омовения в бане устраивается небольшой пир, который возобновляют по возвращении невесты домой. На следующий день невесту торжественно отводят к жениху. Прибыв в дом жениха, который еще не видел лица своей невесты, гости принимаются за еду. Жених тем временем отправляется в баню и вечером идет со своими друзьями в мечеть. На обратном пути перед женихом несут зажженные свечи и цветы. Придя домой, жених оставляет своих друзей внизу и отправляется к невесте, которая ждет его, закрытая покрывалом. С невестой сидят две ее родственницы. Чтобы склонить их уйти, жених дает им немного денег, после чего вручает невесте «плату за снятие покрывала» и, приподняв его, имеет возможность впервые посмотреть на свою будущую жену. В тех случаях, когда жених полностью разочарован внешностью своей жены, он имеет право тотчас же с ней развестись, но обычно развод осуществляется через неделю.

С. 91.— *...струи Каусара...*— Каусар — поток, вода которого слаще меда, холодней снега, нежней сливок.

С. 99.— *...жена, которую можно бросить, а потом снова взять обратно...*— По закону ислама, с женой можно трижды развестись и трижды принять ее обратно. Только после трех раз развод является окончательным.

С. 108.— *Днем станешь поститься...*— В соответствии с исламом, пост обязателен только днем, от рассвета, т. е. от момента, когда можно отличить черную нитку от белой, до захода солнца. Месяц поста называется Рамадан. Пост обязателен для всех, кроме стариков, детей, больных, находящихся в дороге и на военной службе, а также беременных и кормящих женщин. Кроме обязательного поста, есть и добровольный пост. Мусульманский пост обязывает верующих воздерживаться от принятия еды и питья и вообще от всего, что приносит наслаждение. Однако пост запрещен во время главных религиозных праздников, а добровольный пост не рекомендуется также, за исключением Рамадана, в пятницу, субботу и воскресенье.

С. 109.— *...людям невидимого мира...*— Речь идет о набожных мистиках, которые, в соответствии с суфитскими верованиями, достигли высокой степени мистического посвящения, благодаря чему воздействуют на судьбы мира и человечества. Им также приписывалась способность сотворения чудес. Количество этих святых было, вероятно, постоянно. Место умерших занимали новые. Они делились по степеням в соответствии с иерархией посвящения и достигнутого уровня святости. Способности их, однако, были скрыты от других людей. Отсюда и название.

С. 110.— *...и пройдет время очищения девушек...*— Срок, в течение которого вдова или разведенная женщина не имеет права снова выйти замуж. Невольница, переходя к новому хозяину, может вступить с ним в близкие отношения не раньше истечения этого срока, т. е. четырех месяцев.

С. 113.— *...кроме того, кто поклоняется кресту и поясу.*— По многократно возобновлявшимся предписаниям мусульманских правителей,

иноверцы в землях ислама должны были носить в качестве отличительного знака широкий пояс. Эта неотъемлемая часть одежды, так же как и крест, была символом христианства. По внешнему виду и цвету пояса христиан можно было отличить от приверженцев других религий.

Дау аль-Макан выдал воинам деньги...— История неожиданного восшествия Дау аль-Макана на престол чрезвычайно характерна для эпохи владычества мамлюков в Египте. Дворцовые перевороты совершались быстро и неожиданно, причем султаном, как правило, объявляли покорного юношу, находившегося всецело во власти той придворной партии, которая его в данный момент поддерживала. Первой заботой нового султана было раздать своим телохранителям имеющиеся в казне деньги, чтобы хотя бы на короткое время обеспечить себе верность войск. Поводом для свержения султана часто служила задержка в выплате жалованья.

С. 122.— *Аллах велик!* — По-арабски «Аллах акбар!». Боевой призыв мусульман.

С. 123.— *...возносили хвалу кресту, и священникам, и Вербному воскресенью.*— Символы, которые знал каждый мусульманин, живя в тесном контакте с христианами, в народных верованиях приобретали значение предметов идолопоклонничества, таких ненавистных правоверному мусульманину.

Глава о Корове.— Так называется вторая глава Корана.

...Мессии, сына Мариам, заговорившего в колыбели! — В Коране рассказывается, как ангелы оповестили Марию о том, что Бог пошлет ей от себя Слово, «имя которому аль-Масих (Мессия) Иса, сын Мариам», и что дитя заговорит в колыбели.

С. 124.— *...и укрыт от дурного глаза...*— Для того, чтобы уберечь своих детей от влияния «дурного глаза», арабы принимают целый ряд предосторожностей. Так, например, выводя детей на улицу, мать старается придать им как можно более неприглядный вид — одевает в рваное платье, пачкает им лицо и т. п. Наиболее опасливые родители вообще не выпускают детей на улицу и держат их взаперти.

С. 131.— *Однако вам не следует возить товары в страну неверных.*— Войны, в принципе, не прерывали торговых контактов между мусульманскими и христианскими странами. Издаваемые иногда ограничения касались некоторых товаров, которые сегодня мы назвали бы стратегическими. Так, например, запрещалось вывозить оружие, железо, лес, который можно было использовать при постройке военного флота, и т. п. Такие запреты издавала обычно христианская сторона. Но купцы никогда полностью не придерживались запретов на вывоз этих товаров.

С. 135.— *отправила... письмо на крыльях птицы...*— Речь идет о почтовом голубе. Пересылка известий при помощи почтовых голубей была известна давно, еще со времен Аббасидов. При мамлюках голубиная почта была частью официальной султанской почтовой службы, а на больших почтовых станциях, кроме конюшни для перекладных, были еще и голубятни.

С. 145.— *Сегодня ночью...*— У мусульман новый день наступает в момент заката солнца в предыдущие сутки. Пятница, например, начинается в четверг вечером и продолжается до захода солнца в пятницу.

С. 146.— *...но умереть в войне за веру похвально.*— Смерть на поле брани считается у мусульман самой почетной, и «хадисы» (Предания о словах и делах Пророка) подробно описывают те награды, которые ждут мучеников в раю. Пожертвовавший своей жизнью боец избавляется от допроса, учиняемого простым смертным еще в могиле двумя анге-

лами — Мункаром и Накиром; не проходит он и через мусульманское чистилище, а прямо оказывается в раю. Раны мученика, полученные в бою, будут в день Страшного Суда блестеть, как алая кровь, и благоухать, как мускус.

С. 148.— *...коврик кашмирской работы.*— Кашмир — страна на северо-западе Индии, до настоящего времени известна художественным ткачеством.

С. 148.— *Ты в безопасности...*— Правило неприкосновенности послов, теоретически признанное обеими сторонами, на практике не всегда выполнялось. В хрониках можно найти много примеров того, как послов бросали в тюрьмы и даже убивали.

С. 158.— *...совершив... чтение Корана...*— Художественное чтение Корана относилось к траурным обрядам.

С. 170.— *...из окна с медной решеткой.*— Вероятно, речь идет о редко встречающемся виде оконных решеток, сделанных из металла. Обычно решетку, заслоняющую интерьер от любопытных прохожих (при этом можно было видеть, что происходит на улице), изготавливали из кружков, выточенных из дерева. Называлась такая решетка «машрабия».

С. 174.— *Детям Узры...*— Узриты — люди из племени Бену-Узра — отличались особой верностью и чистотой в любви. От названия племени произошло и имя «Азра», увековеченное Гейне и Рубинштейном.

С. 193.— *...ворота... отделаны полосами меди.*— Крылья ворот пышных домов, таких, как дворцы, мечети, медресе и т. д., часто оковывали железом, украшенным резным орнаментом. Как правило, для этого использовали не чистую медь, а бронзу или латунь.

С. 198.— *поклясться мечом, Священным Писанием и разводом.*— Клятвы играли большую роль в жизни арабов еще до возникновения ислама, поэтому появилось много связанных с клятвами рекомендаций, обычаев, собрано много пересказов, свидетельствующих о словах и поведении Пророка в тех или иных случаях. Клятва мечом не имеет определенного значения; она означала либо то же, что и наша клятва чести, либо известная в более поздние времена клятва в магическом круге, в центре которого — для придания клятве особенно важного значения — вбивали меч. Присягаясь на Коране, обычно говорили: «За правду слов Аллаха, записанных в этой книге». Эта клятва имела особенное значение, ее никто не отваживался нарушить. Очень популярна присяга на развод. Произносили такие слова: «Налагаю на себя развод».

С. 211.— *...из ничтожной капли...*— Из капли мужского семени.

С. 239.— *...и раздали бакшиш и сахар...*— Бакшиш — награда, подарок. «Дать бакшиш» соответствует «дать на чай».

С. 240.— *...выпустил на волю тех, кто пребывал в заточении.*— В средние века амнистия была торжественным, радостным событием.

С. 252.— *...я имею на нее больше прав, чем кто-либо другой...*— Право первенства жениться на двоюродной сестре зародилось в старо-арабской патриархальной родовой системе.

С. 257.— *...от кого из арабов ведешь свой род?* — Коренные арабы, бедуины, до сих пор придают большое значение происхождению, а знание генеалогии, уходящей в далекое прошлое, является одним из основ бедуинского образования. Рассказчик откровенно насмехается над этой чертой их характера.

С. 288.— *...за сто тысяч дирхемов.*— В подлиннике, вероятно, описка: как помнит читатель, Нузхат аз-Заман была продана купцу за сто тысяч динаров.

С. 290.— *...хна у нее на ногтях, как ворон, чернеющий в белых снегах.*— Сравнение подчеркивает белизну девичьих рук.

С. 296.— *...старуху распяли на воротах Багдада...*— В конце XV в. на воротах Каира при большом стечении народа была распята некая злокозненная женщина, которая обманом завлекала к себе людей и оббирала их.

ГЛОСАРИЙ

Аба (абая) — разновидность длинного плаща, сшитого из прямоугольного куска ткани с разрезом спереди и прорезями для рук. Типичная верхняя одежда бедуинов.

Аббад ибн Тамим ибн Салаба.— Первая часть фамилии переводится как «усердно служащий Аллаху», следующие составные — названия известных арабских племен.

Абд-Аллах ибн Мухаммад ас-Суккари.— Не встречается в известных источниках. Вероятно, принадлежал к сторонникам шафитского рита (школы).

Абд-Аллах ибн Шеддад — из племени Кинана, принадлежал к первому поколению знатоков религиозных традиций и законов в раннем исламе. Погиб в одном из сражений в 701 г.

Абд аль-Азиз ибн Мерван.— Долгое время был губернатором Северной Африки, окончательное завоевание которой произошло во время его правления. Пребывал в Египте, где умер в 704 г.

Абд аль-Малик ибн Мерван — халиф из династии Омейядов, правящей в 685—705 гг.

Абу-Бекр Правдивый — первый халиф (632—634). Торговец сукном, один из первых последователей Пророка Мухаммада в Мекке, оказавший последнему значительную материальную поддержку при переселении из Мекки в Медину, а также в первое время пребывания Мухаммада на новом месте. Впоследствии Абу-Бекр породнился с Пророком, выдав за него свою десятилетнюю дочь Аишу. Будучи смертельно больным, Пророк Мухаммад поручил ему прочитать молитву о сохранении души. Пророк умер, не оставив наследника, и эта молитва была решающей при выборе халифом Абу-Бекра.

Абу-Ханифа — основатель религиозного толка ханифитов.

Аз-Зибликан — придуманное султаном имя. Оно должно было напоминать прошлое наследника. В нем звучат определенные юмористические ноты. Образовано от арабского имени существительного «зибль», что означает «навоз», являвшийся основным топливом в банях.

Азиз — по-арабски «дорогой, любимый». Довольно часто встречающееся имя — как мужское (Азиз), так и женское (Азиза).

Алий ибн аль-Хасан ас-Суллами — ученик Суфьяна ас-Саури.

Алий (Али ибн Абу-Талиб) — двоюродный брат и зять Пророка Мухаммада, четвертый халиф (656—661). Изречения и наставления Али тщательно собирались, часть их была издана.

Аль-Валид I — из династии Омейядов (705—715). Он не был сыном Мервана, как можно заключить из текста, а был его внуком и сыном аль-Малика.

Аль-Гадбан — «гневный».

Аль-Катуль — «убийца».

Аль-Хасан — «красивый». Вероятно, речь идет о внуке Пророка, старшем сыне его дочери Фатимы и Али. После смерти отца он был провозглашен халифом, однако через несколько месяцев отказался в пользу Муавии за 5 миллионов дирхемов. С его именем связано много легенд, особенно популярных в среде шиитов, считавших его святым. В действи-

тельности же он не очень интересовался делами религии и государства, а свое большое состояние спустил на развлечения.

Ардешир — персидский властелин, основатель династии Сасанидов (правил с 224-го по 241 г.). Упоминание о нем, как о третьем персидском короле, не соответствует действительности.

Ар-Рухба — местность по дороге из Ракки в Багдад, на правом берегу Евфрата.

Балх — известный город в северо-восточном Иране (в настоящее время — территория Афганистана), главный центр Тохаристана и торговый центр на шелковом пути. В древности был известен под названием Бактра. Уничтожен татарами в XIII в., восстановлен не был.

Бахрам — староперсидское имя; так звали нескольких властителей из династии Сасанидов. Означает планету Марс.

Биляль — имя первого муэдзина в мусульманской общине. Это был абиссинский раб, который объявил себя сторонником Пророка Мухаммада и последовал за ним из Мекки в Медину.

Брачный договор.— Было правилом, что от имени женщины, особенно если она была девицей и первый раз выходила замуж, брачный договор подписывал представительный мужчина. Обычно это был отец или законный опекун. Если таковых не оказывалось, свободная женщина (вдова или разведенная), не желая сама подписывать договор, что считалось плохим тоном, могла уполномочить любого мужчину выступить от ее имени.

Давидова кольчуга.— Изготовлению железных кольчуг научил Давида, библейского царя, сам Аллах. Отсюда и пошло определение «давидова кольчуга», употребляемое фигурально, в значении: кольчуга исключительно хорошей работы.

Даник (данак) — монета, равная стоимости шестой части дирхема.

Джами — «собирающий, собиратель».

Драхма — здесь: единица веса, равная весу монеты, имеющей то же название; неполные 3 г.

Зейд ибн Аслам — вольноотпущенник халифа Омара, был одним из первых коллекционеров традиций, связанных с Пророком и известными личностями из его окружения.

Захр-шах — Захр — «цветок». Шах — иранский королевский титул.

Зеленая Земля и Две Колонны — сказочные названия, которые нельзя идентифицировать.

Зеленый город — название вымышленное.

Ибрагим ибн Адхам — аскет и мудрец с таким именем жил в VIII в. Он не был современником Бишра аль-Хафи. Умер раньше его на 60 лет.

Имам Абу-Ханифа — от этого имени происходит название одного из четырех главных, ортодоксальных теолого-юридических ритов, так называемого ханифитского рита.

Испахан — город и провинция в Центральной Персии.

Кадий — судья, ведающий религиозными делами. «Кадием кадиев» назывался в восточных мусульманских землях главный судья столичного города.

Кайсария — город в средней Анатолии, теперь — Кайсери.

Кан-Макан (Кана-ма-кана) — означает: «что произошло, то произошло».

Кахрдаш — суровый, непреклонный человек.

Кесарь — арабы называли так византийских императоров.

Кудыя-Факан — означает: «было суждено и произошло».

Лукман — староарабский легендарный мудрец и философ, автор басен и поговорок, известен еще из домусульманских легенд, упоминается о нем также в Коране, где одна из сур названа его именем.

Малик ибн Динар — теолог и аскет из школы Малика ибн Инаса в Басре.

Маслама ибн Динар — вероятно, в тексте ошибка и в действительности речь идет о Салиме ибн Динаре, известном аскете и юристе, который умер в VIII в. Эту версию подтверждает одно из следующих предложений, где он представлен как Абу-Назим. Полное имя этого деятеля звучит так: Абу-Назим Салома ибн Динар аль-Арадж аль-Мадани.

Маріам — Мария, мать Иисуса.

Маслама ибн Абд аль-Мелик — двоюродный брат (со стороны отца) калифа Омара II. Прославился как военный предводитель в войнах с Византией в Малой Азии и в битвах с опасными бунтовщиками во времена халифа Йезида II.

Муайкиб ан-Дауси — один из Товарищей Пророка и его последователей еще во времена существования Мекки. При наследниках Пророка Абу-Бекре и Омаре был начальником казны. Умер при халифе Али.

Музахим — вольноотпущенник, принадлежал к ближайшему окружению халифа Омара II. По-арабски значит «соперник».

Муса — арабская форма библейского имени Мойжеш. Считается одним из главных пророков ислама.

Неджма — по-арабски «звезда».

Омар II ибн Абд аль-Азиз — халиф из династии Омейядов, правил с 717-го по 720 г. Был очень набожным.

Омар ибн Убейда — известный теолог и моралист VIII в.

Омар ибн аль-Хаттаб — один из самых близких Товарищей и соратников Пророка, второй его наследник (халиф). Его признают создателем страны арабов.

Оход — гора близ Мекки. Здесь произошло в 625 г. сражение между приверженцами Пророка Мухаммада и мекканцами, закончившееся победой последних.

Паланкин — легкая платформа на подмостках из дерева, выстланная матрацом и подушками, покрытая накидкой из толстой ткани. Вся конструкция помещалась на горб верблюда. Такие устройства были известны в Арабии еще до появления ислама. Использовали также большие паланкины, которые несли два животных. Чаще в паланкинах путешествовали женщины; мужчины предпочитали ехать верхом.

Ридван — имя ангела, охраняющего врата рая. В произведении Тадж аль-Мулук так же красив, как те райские юноши, которые служат правоверным в будущей жизни.

Румзан — происходит от арабского названия Византийского королевства Рум. Некоторые комментаторы усматривают в этом имени искаженное имя Джаифаран, которое арабы дали королю Иерусалима Годфриду де Буилону. Однако это мнение кажется неубедительным.

Рустум — староперсидское имя. Носило его множество иранских сановников.

Саббах ибн Раммах ибн Химмам.— Переводится: «красивый, сын копейника, сын щедрого». Автор снова подшучивает над тщеславными арабами.

Саид ибн Джубейр — чернокожий уроженец Куфы, теолог и знаток традиций, жил и творил во времена Омейядов.

Сасан — имя предка персидского короля, от которого происходит название династии Сасанидов.

Синд — так называли арабы расположенную на западе провинцию Индии на нижнем Инде. Это была первая провинция, завоеванная арабами еще в 712—713 гг.

Слоновые клыки — еще в древности их массово вывозили из африкан-

ских стран и продавали на Ближнем Востоке. Резьба по слоновой кости по праву может считаться гордостью художественного ремесла мусульман. Покрытые барельефом предметы из слоновой кости (шкатулки для драгоценностей, посуда и тому подобные мелкие изделия в основном из Испании, Сицилии и Египта) принадлежат к наиболее ценным изделиям арабского искусства.

Сулейман-шах — брат аль-Валида I, правил в 715—717 гг.

Сура — разделы, на которые делится Коран. Их в Коране 114; они различны по размеру — от двух строк до нескольких десятков страниц.

Тадж аль-Мулук — означает: «венец царей».

Тамасиль — по-арабски «воображение, изваяние».

Теркаш — по-персидски «колчан».

Фатима — сестра отца Омара ибн Абд аль-Азиза. Ее брат был мужем внучки второго халифа Омара ибн аль-Хаттаба.

Фатин — «соблазнительница».

Фудала ибн Убейд — Товарищ Пророка. Как воин принимал участие в больших арабских завоеваниях. В конце жизни был судьей в Дамаске. Умер в 673 г.

Халид — имя, принадлежащее многим известным личностям в первых веках ислама. Означает «вечный».

Халид ибн Сафван — из племени Тамим. Был известной личностью в более поздний, омейядский период. Вероятно, принадлежал к советникам халифа Хишама.

Хаммад ибн аль-Фазари аль-Фариси — вымышленная личность. Хаммад — имя, встречающееся довольно часто, так же называлась североафриканская династия в XI в. Означает «хвастун».

Хасан — староарабское имя, редко употребляемое в позднее время. Так звали родоначальника Хасанидов, правящего в восточной Сирии до возникновения мусульманства.

Хиляль — молодой месяц, полумесяц.

Хинд — арабское название Индии.

Хишам ибн Бишр (Хишам, сын Бишра) — вольноотпущенник халифа Хишама Омейяды.

Хишам ибн аль-Малик — десятый халиф из рода Омейядов. Правил в 723—744 гг.

Хорасан — область в Восточной Персии.

Храм Святости — здесь: Кааба.

Шакик аль-Бальхи — известный аскет раннего периода Аббасидов.

Шахраман — по-персидски «властелин».

Шуайб — как сказано в Коране, был одним из пророков. Имя его в библейских рассказах не встречается. В более позднее время некоторые исследователи идентифицировали его с библейским Ятро, тестем Мойжеша, что, однако, не имеет достаточных оснований.

Юсуф — библейский Иосиф; считался эталоном мужской красоты.

Юсуф ибн Омар — при халифе Хишаме был губернатором Ирака. В 774 г. арестован и казнен по приказу халифа Эзида III.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки волшебных ночей
для взрослых и детей

ДИКОВИННЫЕ ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЦАРЯ ОМАРА ИБН АН-НУМАНА И ЕГО СЫНОВЕЙ
ШАРР-КАНА И ДАУ АЛЬ-МАКАНА 6
ТАДЖ АЛЬ-МУЛУК 159
ЛЮБЯЩИЙ И ЛЮБИМЫЙ 165
ТАДЖ АЛЬ-МУЛУК
(продолжение) 205
ДИКОВИННЫЕ ЧУДЕСА
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЯ ОМАРА
ИБН АН-НУМАНА И ЕГО СЫНОВЕЙ
ШАРР-КАНА И ДАУ АЛЬ-МАКАНА
(окончание) 241
РАССКАЗ О ЛЮБИТЕЛЕ ГАШИША 277

Дополнение
ночи сто сорок пятой

САМАЯ БОЛЬШАЯ ШУТКА 298
ОСЛИНАЯ ГОЛОВА И СТАРУХА-СВАХА 309
КОММЕНТАРИИ 314